

Григорий Климов

Имя мое Легион

Содержание

<u>Предисловие. Когда нарушаются табу</u>	2
<u>Глава 1. КРАСНЫЙ ПАПА</u>	9
<u>Глава 2. ГОМО СОВЬЕТИКУС</u>	24
<u>Глава 3. ДОМ ЧУДЕС</u>	34
<u>Глава 4. “ПРОФСОЮЗ СВЯТЫХ И ГРЕШНИКОВ”</u>	46
<u>Глава 5. ДЫМ БЕЗ ОГНЯ</u>	56
<u>Глава 6. САД ЗЕМНЫХ УТЕХ</u>	66
<u>Глава 7. КОГДА ЦВЕТЕТ ЧЕРТОПОЛОХ</u>	80
<u>Глава 8. СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА</u>	90
<u>Глава 9. ХОЛОДНЫЙ ОГОНЬ</u>	100
<u>Глава 10. ИСКУШЕНИЕ СВЯТОГО ВАРФОЛОМЕЯ</u>	110
<u>Глава 11. КОГДА ВОСХОДИТ ЛУНА</u>	119
<u>Глава 12. ЛЮБИМЕЦ БОГОВ</u>	129
<u>Глава 13. ОПЕРАЦИЯ “ЧЕРНЫЙ КРЕСТ”</u>	143
<u>Глава 14. ПО ТУ СТОРОНУ ДОБРА И ЗЛА</u>	152
<u>Глава 15. БЕЛЛАДОННА</u>	162
<u>Глава 16. ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ</u>	178
<u>Глава 17. ЧИСТИЛИЩЕ</u>	195
<u>Глава 18. ЗА ГРЕХИ ОТЦОВ</u>	207
<u>Глава 19. КОГДА ПРОСЫПАЮТСЯ МЕРТВЫЕ</u>	219
<u>Глава 20. ВТОРАЯ ЖИЗНЬ</u>	233
<u>Глава 21. ОБЕЗЬЯНА ГОСПОДА БОГА</u>	246
<u>Послесловие. Чертова карусель</u>	261

Киев-1998

(с) Copyright Григорий Петрович Климов 1955-1974

Электронный вариант книги может содержать опечатки
OCRed by M.Шиганов Spelchecked by Andrey Mezit

Предисловие к роману Г.П.Климова “Имя мое Легион” издательство “Славия”, Нью-Йорк 1975 г.

*И если излечешь из ничтожного,
то будешь как Мои уста*

Иерем 15:19

Когда нарушаются табу

Введение профессора современной советской литературы Стратфордского университета д-ра С.П. Новикова

Обычно в начале романа дается какая-нибудь тайна, которая под конец раскрывается. А я раскрою тайну “Легиона” с самого начала. Но не беспокойтесь: когда вы окончите читать эту книгу, перед вами будет еще столько тайн, что голова закружится. А некоторых будет еще и поташнивать.

С одной стороны, “Имя мое Легион” – это совершенно самостоятельная книга. С другой стороны, это своего рода продолжение “Князя мира сего”. Так же, как скажем “Приключения Тома Сойера” и “Приключения Геккельбери Финна”. Поэтому для тех, кто не читал “Князя”, полезно будет напомнить некоторые принципиальные вещи. А другим это будет полезно повторить.

Итак, что это за “Легион”, о котором пишет Климов? Испокон веков – это своего рода табу, вещь немножко запретная. В Евангелии по этому поводу говорится так: “легион имя мне, потому что нас много” (Марк 5:9). Это одна из библейских формул того, что называется дьяволом.

Но Климов нарушает табу. Он расшифровывает и модернизирует эту формулу дьявола при помощи марксистского диалектического материализма. И вот, с точки зрения диамата, библейский дьявол, имя которому – легион, он же князь мира сего, князь тьмы, ангел смерти, враг рода человеческого, он же лжец и Отец лжи, первоисточник всех споров и раздоров, начиная от самой простой драчки между мужем и женой, и вплоть до всемирных войн и революций – этот многоликий дьявол есть не что иное, как сложный социальный процесс, который в медицине называется вырождением, или дегенерацией. Только и всего. Очень просто.

Процесс этот состоит, в основном, из трех частей, или, как сифилис, трех стадий. Между вырождением и сифилисом есть еще несколько параллелей: например, и то и другое передается по наследству, препятствует деторождению и т. д. Но вырождение гораздо хуже сифилиса. Поэтому в случае таких легионеров, как Ленин и Гитлер, их вину биографы начинают сваливать вину на невинный сифилис. А разве эти два легионера не были князьями мира сего?

Первая стадия вырождения – это половые извращения, где природа, или если хотите Господь Бог как бы дает данному легионеру предостережение – прекратить размножение данного рода. Но если легионер не слушается Господа Бога и продолжает сеять плевелы, то во второй стадии, в дополнение к половым извращениям, добавляются душевные болезни. В принципе вырождение – это медленная смерть, растягивающаяся на несколько поколений. Потому это и называют – ангел смерти, враг рода человеческого. Просто, как дважды два – четыре.

В третьей стадии вырождения, условно, появляются и всякие физические деформации организма: фимоз или незалупа, что устраняют обрезанием; косоглазие, хромоножки и сухоручки, заячья губа, волчья пасть, лошадиная стопа, большие родимые пятна, которые когда-то называли “печатью дьявола”, врожденный горб и так далее. К этой категории частенько относят и рыжих. Потому и говорят, что Бог – шельму метит. Например, Ленин был рыжий – и его жена Крупская была тоже рыжая – и единственная возлюбленная Ленина – Инесса Арманд – тоже рыжая. У Сталина мать рыжая – и дочка Светлана тоже рыжая. А теперь в западной печати пишут, что и очередной мессия – Солженицын – тоже рыжий. И его сынишка Степан – тоже рыжий.

Каково же количество этого легиона? Наилучшим справочником в этой области является статистика американского доктора Кинси, которая в свое время произвела впечатление атомной бомбы. В этом апокалипсисе д-ра Кинси говорится, что 37% населения США более или менее знакомы с гомосексуальностью, что является как бы корнями этого древа зла. Если округлить население США до 200 миллионов, то получается довольно внушительный легион в 74 миллиона легионеров.

Из этих 37% кинсианцев только 4% являются честными, открытыми и полными гомосексуалистами. А остальные 33% занимаются этим же самым потихонечку, частично или по совместительству: 5 лет, 3 года, 1 год один раз или даже мечтали об этом во сне, но вплоть до оргазма. Это своего рода кандидаты, попутчики и сочувствующие той партии, имя которой легион.

Дальнейшей статистикой занимаются всякие хитрые органы, вроде 13-го отдела КГБ и Научно-Исследовательского института НИИ-13. Одним из трюков дьявола является то, что общество отмирает или вырождается не снизу, а сверху. Поэтому как вы там не крутите не вертите, а дьявол, князь мира сего, всегда наверху. Иначе в обществе не будет движения, смены, прогресса. Поэтому на верхах общества, среди интеллигенции этих прогрессистов-кинсианцев будет уже не 37%, а 50%.

А среди таких интеллигентных людей, как писатели, поэты и прочие шелкоперы и бумагомаратели, эти 50% прогрессируют еще больше – 75%. Потому-то профессор Кьеркегор, отец философии экзистенциализма, то есть декаденции в литературе, печально констатирует, что со времен изобретения печатного прессы дьявол поселился в печатной краске. А Кьеркегор – горбун, гомосексуалист и довольно честный еврей из выкрестов – знал все это довольно хорошо, на собственном опыте.

Теперь вторая стадия – душевные болезни. Американская статистика говорит, что с клинической точки зрения 18,5% населения США, то есть 37 миллионов человек, являются более или менее психически больными и нуждаются в лечении. И так, из 37% доктора Кинси 18,5%, то есть ровно половина, то есть каждый второй легионер, помимо всего прочего, являются еще и психически больными.

Американская статистика жалуется, что больше половины всех больничныхоек в США занято психически больными. В 1963 году в сумасшедших домах в США сидело 505.000 человек. А в 1972 году – под нажимом прогрессивных судей, которые яростно борются за “гражданские права” сумасшедших – это число упало вдвое, до 276.000 человек. И это из общего числа в 37 миллионов психопатов. А остальные психи бегают по улицам – портят жизнь другим людям. Потому-то по американской статистике преступность в США в 7 (семь!) раз больше чем в Европе.

На бумаге все эти цифры выглядят довольно просто. Но в жизни все это выглядит довольно сложней. Прогрессивный легион д-ра Кинси, 37% – 50% – 75%, относится не только к США, но, более или менее, и ко всем странам Запада, в том числе и к тем людям, которые вас окружают, к вашим сотрудникам, друзьям к и знакомым, женихам и невестам. Но никто из этих легионеров в этом никогда не признает-

ся. А вы, если вы нормальный человек, вы имеете глаза – и ничего этого не видите, вы имеете уши – и ничего этого не слышите.

Допустим, вы интеллигентный человек и хотите жениться. Конечно на интеллигентной барышне из хорошей семьи. Но тут хорошо знать, что 50% ваших потенциальных невест – кинсианки. Теоретически это означает, что им лучше было бы не выходить замуж и не иметь детей. Но кому охота оставаться в старых девах? Чтобы люди потом пальцами показывали? И практически получается совсем другое. Практически это основная причина несчастных браков, мучительных разводов и дефективных детей, где вы до самой смерти не разберетесь, отчего это и почему. И ни в каком суде ничего вы не докажете.

Приведу конкретный пример. Я знал одного молодого человека Дмитрия Х-ва, который женился на очень милой барышне из хорошей семьи Марине. Но как только Марина забеременела, буквально на следующий день она почему-то бросила мужа, казалось бы, безо всяких причин. Потом Марина поселилась с матерью, нянчила ребенка, получала от доктора крупные алименты, и поплеывала в потолок. А доктор Дима переживал это очень тяжело: он искренне любил свою жену и ребенка, а та его видеть не хотела – и не подпускала к ребенку. Так продолжалось несколько лет. По американским законам ничего вы здесь не поделаете. В конце концов, после попойки, возвращаясь домой по пустой автостраде, Дима разогнал свою машину на 100 миль – и врезался в бетонный мост. Он был убит на месте. Но до этого он жаловался знакомым, что часто думает о самоубийстве.

В чем же дело? Хотя Дима и был доктором медицины, но он не знал, что женился на кинсианке, на ведьме. Да, да, вы не ослышались – это и есть те самые ведьмы, которых в средние века иногда поджаривали на кострах. Ведьма Марина, убийца Димы, теперь вполне уважаемая дама в обществе. Мужчины ей противны, но оставаться в старых девах ей не хотелось. Вот она и пошла на трюк, которым частенько пользуются ведьмы. И таких фокусов много. И фокусниц тоже много – легион.

Но, представляете себе, как эти ведьмы и ведьмаки зашипят, когда вы начнете выдавать их тайны? Все они начнут уверять, что все это вовсе не так. Потому-то в Библии и говорится, что дьявол – это лжец и Отец лжи.

Основная задача романа “Имя мое легион” помочь людям разобраться в этих темных делах, чтобы они не ходили по жизни вслепую. Это дьявол в личном аспекте. Теперь посмотрим на этого дьявола в общественном аспекте.

“Легион” – это эпопея о психологической войне. Давно уже окончилась 2-я мировая война. Все время с опаской поговаривают о 3-ей Мировой войне, которая будет второй атомной. Но мало кто знает, что все это время, вот уже 30 лет, между западом и востоком идет ожесточенная Мировая война – холодная или психологическая война, которая имеет свои тайные штабы, свои тайные законы, и которую специалисты называют псих-войной или войной психов.

Разве не странно, сто советская сторона вдруг ввела в на вооружение такое необычное оружие, как “дурдома”, то есть психбольницы СПб, или психушки? Западная пресса утверждает, что КГБ сажает в дурдома диссидентов-демократов, свободолюбов и добролюбов, которые борются за свободу и права человека в СССР. Но философ Кьеркегор говорит, что дьявол, лжец и Отец лжи поселился в печатной краске. И кто же здесь прав: КГБ или княгиня пресса, подруга князя мира сего, который есть лжец и Отец лжи?

Сегодня в прессе вой на весь мир о Солженицыне и Сахарове, Якире и Альмальрикe. Вчера это были Есенин-Вольпин, Синявский и Даниель. Жорес и Рой Медведевы, Иосиф Бродский и Чалидзе. Позавчера – Пастернак, Тарсис, Павел

Литвинов (внук того – Литвинова). Теперь на Западе появилась даже новая святая – Светлана Сталина-Аллилуева?

Но все это только этапы того, что называется псих-войной. И в самом деле, очень много всяких странностей, неясностей, загадок. А разгадки этих загадок вы найдете в “Легионе”.

Надо сказать, что Климов очень хорошо подкован, чтобы писать о псих-войне. В свое время, в 1950 году, Климов работал в так называемом Гарвардском проекте в Мюнхене, где, судя по всему, вырабатывались принципиальные планы и подбирались соответствующие кадры для этой псих-войны. А ведь Гарвардский университет – это лучший мозговой трест Америки.

В серьезнейшем немецком журнале “Дер Монат” писали, что Гарвардский проект, которым руководил профессор Натан Лейтес, базировался на комплексе латентной гомосексуальности Ленина. Этот журнал являлся официальным органом Американской Военной Администрации в Германии. И писал это никто иной, как главный редактор этого журнала Мельвин Ласки, довольно знающий еврей, и один из близких компаньонов Климова. Источник, так сказать, официальный. Позже, об этом также упоминалось и в “Новом Русском Слове” (от 23.IX.1958).

Рецепт профессора Натана Лейтеса очень прост. С точки зрения доктора Фрейда, латентная или подавленная гомосексуальность – это психологический корень большинства психических болезней. Это и есть те самые 33% доктора Кинси. Практически это означает, что, с благословения профессора Натана Лейтеса, вся американская психологическая война – это война психов. Видите, как все это просто?

Недавно в Чикаго происходил конгресс психоаналитиков-фрейдистов, где присутствовала даже дочь самого Фрейда. Основной темой этого конгресса было: “Гомосексуальность и агрессия”. Боже, скажут, что за чушь?

Дело в том, что с точки зрения фрейдистов, гомосексуальность тесно связана с садизмом и мазохизмом, которые, в свою очередь порождают комплексы разрушения и саморазрушения, комплексы убийства и самоубийства. А все это, вместе взятое, является первопричиной любой агрессивности и агрессии, начиная от самой простой драчки между мужем и женой, и кончая всемирными войнами и революциями, где садистам хочется помучить других, а мазохистам хочется самим помучиться.

Но ведь псих-война это тоже война. И без гомосексуальности тут просто не обойдешься. Вот потому-то Гарвардский мудрец Натан Лейтес и базировал всю американскую псих-войну на “комплекс латентной педерастии товарища Ленина”. Потому-то и говорят, что товарищ Ленин умер, но дело его живет.

А советские мудрецы из Научно-исследовательского института НИИ-13 и 13-го отдела КГБ, прекрасно зная все эти фрейдистские фигеле-мигеле и гарвардские шахер-махеры, сажают теперь этих новых “ленинцев” в дурдома, где их ставят раком, и накачивают в задницу сульфазин и аминазин.

Западные же легионеры, которых в прессе 75%, прекрасно знают, что в дурдома сажают их собратьев – и воют об этом до самых небес.

Если вы присмотритесь к советским “диссидентам”, как к группе, вы сразу заметите, что там действительно много общего с Лениным и его профессиональными революционерами, с товарищем Троцким и его перманентными революционерами, со всеми теми ленинцами, которых Сталин перестрелял во время великой чистки, называя их бешеными собаками. Ведь большинство этих **новых** революционеров – это дети и потомки **старых** революционеров, родственники врагов народа или РВН.

Откровенно говоря, с точки зрения социологии, все это то же самое кодро, которое делало революцию в 1917 году. Хотя западная пресса и уверяет нас, что “дис-

сиденты” – это идеалисты и гуманисты, свободолюбывы и добролюбывы, борющиеся за права и свободу человека в СССР. И это же повторяет как попугай, значительная часть нашей эмигрантской прессы. Так что ж : на колу висело мочало – начинай сначала?

Говоря о советских диссидентах, хорошо напомнить старую философскую истину, что революция пожирает своих детей, как свинья поросят. Ну вот эти поросята теперь и кричат: Светлана Сталина-Аллилуева, Павел Литвинов, Якир, Тарсис, Жорес и Рой Медведевы и так далее. Эти поросята кричат о гуманизме. Лучше б они покричали что делали их отцы. Ведь все это – за грехи отцов.

Сразу же после Гарвардского проекта на фронте психологической войны появился целый комбинат всяких хитрых лавочек, где все воробушки на крышах Мюнхена чирикали, что за всем этим стоят хитрые органы, то есть американская разведка Си-Ай-Эй. В Мюнхене посвилось радио “Освобождение”, которым заправлял некий Американский комитет в Нью-Йорке, который знающие люди называли Комитетом освобождения России от большевиков при помощи Троцкистов и меньшевиков.

Затем появился Мюнхенский отдел “Голоса Америки”, который некоторые скептики назвали “Голосом Атлантиды”, очень культурной страны, погибшей за какие-то богомерзкие грехи. В этой цепи было и радио “Свободная Европа”. подбросили денег для поддержания штанов, солидаристам из НТС.

Но криптографы из 13-го отдела КГБ переворачивают это НТС – и получается наоборот – СТН. А если добавить три “а” то получается СаТаНа. Вот вам и СТН – Союз Трудового Народа. Вот вам и СТН-исты. потому философы и говорят – что дьявол – это пятая колонна всех веков и народов. Ничто не ново под луной.

После работы в Гарвардском проекте Климов был председателем Центрально-го Объединения Послевоенных Эмигрантов из СССР (ЦОПЭ) в Мюнхене. По сути дела, он был начальником одного из спецпроектов этой псих-войны. Таким образом Климов знает эту псих-войну не только в теории, но и на практике. Однако некоторые аспекты этой псих-войны были настолько засекречены, что о них тогда не знал даже сам председатель ЦОПЭ. Это можно понять только оглядываясь назад.

С точки зрения гарвардских мудрецов, у Климова был один существенный минус – “комплекс Ленина” у него не было. Новейших эмигрантов, как Климов, тогда было мало, и “ленинцев” среди них найти было трудно. Но именно благодаря этому, узнав всю подоплеку, Климов пишет о псих-войне столь откровенно.

Итак, в своей псих-войне, по совету гарвардских мудрецов, американцы взяли на вооружение дьявола. Но, как только вы займетесь этим дьяволом, вы сейчас же наталкиваетесь рядом на еще одно табу – на антихриста. И приходится нарушать еще одно табу.

Например, на Западе считается, что советская власть плохая, что она от дьявола. Но все знают, что главной движущей силой советской революции были евреи. Однако говорить этого нельзя. Это табу!

Знаменитый философ-чертоискатель Бердяев называл это союзом сатаны и антихриста. То есть, попросту говоря, где дело касается дьявола, там кишмя кишит евреями. Некоторые называют Бердяева лучшим русским философом 20-го века, и евреи очень любят Бердяева, который был даже женат на еврейке. Так что я объясняю все это так сказать на высшем философском уровне 20-го века.

Помимо Натана Лейтеса, в Гарвардском проекте кишмя кишело левыми еврейчиками, хромавшими на левую ногу и с длинными марксистскими бородами, отцы, которых были ближайшими сотрудниками Ленина. В принципе эта группа, весь этот гарвардский кагал, как в зеркале походил на тех советских диссидентов, новых ленинцев, среди которых кишмя кишит евреями, и которых в СССР сажают в дурдома.

Все это полностью соответствует первому закону марксистской диалектики – о единстве и борьбе противоположностей.

Гарвардские мудрецы изобрели комплекс латентной полупедерастии полуеврея Ленина, корень психических болезней – и стали запускать этот рвотный корень, через радио и печать, в СССР. В результате там в первую очередь записывали евреи, люди в смешанных браках с евреями и продукты этих браков – полуевреи и так далее. А 13-й отдел КГБ преспокойно сажает этих новых ленинцев в спецпсихбольницы СПб, психушки и дурдома.

Но кто в этом виноват? Союз сатаны и антихриста, который обещает царство князя мира сего, где царят комплексы власти – и импотенции, садизма – и мазохизма, разрушения – и саморазрушения. Поэтому философы и говорят, что дьявол частично расплачивается со своими слугами не золотом, а разбитыми черепками.

Вместе с Климовым в Гарвардском проекте работал также Жорж Фишер, очень симпатичный молодой еврей. Его отец, старый заслуженный троцкист, Луи Фишер одновременно состряпал, как редактор, книжку под интригующим названием “13, которые сбежали”. Это 13 историй 13-ти делишек, которые обрабатывали в Гарвардском проекте.

Но почему такое странное название – 13, чертова дюжина? Ведь это старый символ сатаны и сатанистов, то есть, попросту говоря, вырожденцев, дегенератов, секс-первертс, легионеров доктора Кинси, половина из которых психически больные. Ведь это те самые ведьмы и ведьмаки, которых в доброе старое время жгли на кострах под душеспасающие псалмы Инквизиции. Это ведь те самые враги народа, которых ведьмак Сталин во время великой чистки стрелял в подвалах НКВД или гнал в Сибирь, называя их бешеными собаками. Это те самые, которых ведьмак Гитлер гнал в газовые камеры и концлагеря.

Почему же троцкист Луи Фишер вдруг употребляет эту старую символику? Это что – случайность? Или это какая-то специальная троцкистская сигнализация?

Эту сигнализацию, видимо хорошо знает 13-й отдел КГБ. Нобелевского диссидента Солженицына выслали из СССР 13-го (тринадцатого) февраля 1974 года. Очутившись в Западной Германии, Солженицын в тот же день, 13-го февраля поскокал к своему нобелевскому напарнику Генриху Беллю, покровителю анархистов и нигилистов, который живет не где-нибудь, а в доме... номер 13. См. Западногерманский журнал “Шпигель”, 8, 1974, стр.66 и 78. Но что это такое – случайность – или тайная сигнализация легионеров?

Кстати, диссидента Солженицына по-русски издает парижское издательство ИМКА, которое является духовным детищем четроискателя Бердяева. И эта ИМКА усердно продолжает дело Бердяева, который проповедовал союз сатаны и антихриста. Судя по данным, опубликованным в серьезной западной прессе, отец Александра Исаевича Солженицына был евреем-выкрестом, из Исаака стал Исаем, и покончил самоубийством, когда Солженицын был еще на третьем месяце в утробе своей матери.

Кроме того, судя по всем данным, первая жена Солженицына полуеврейка, а вторая – полная еврейка. Все это немножко напоминает философию Бердяева о союзе сатаны и антихриста. Вот потому-то Бердяевская ИМКА и взялась за Солженицына. Видите, как абстрактная философия переплетается с реальной жизнью.

“Легион” Климова, эпопея псих-войны, тоже полностью соответствует философии чертоискателя Бердяева о союзе сатаны и антихриста. А поскольку Бердяева называют лучшим русским философом 20-го века, то и “Легион” идет так сказать на высшем философском уровне нашего грешного века.

Бердяев уверяет, что в России наступило “новое средневековье”. А уж раз средневековье, то без инквизиции тут никак не обойтись. Вот Климов и описывает эту новую советскую инквизицию – 13-й отдел КГБ.

Поскольку в “Легионе” нарушаются табу насчет сатаны и антихриста, и даже попахивает инквизицией, то весь этот легион подожмет хвост и ошестинится, как черт от ладана. Такая комическая история уже была с предыдущей книгой Климова “Князь мира сего”, то же самое будет и с “Легионом”.

Поэтому давайте подержаем этого дьявола за хвост. Если какая-нибудь газета или журнал рекламирует и продает книги, а “Легиона” и других книг Климова там почему-то нет, то можете быть уверены, что там засели легионеры. Да не просто легионеры (среди которых бывают и праведники), а легионеры с нечистой совестью (то есть нечисть). Ведь в прессе их 75%. и эти легионеры будут вести себя в отношении “Легиона”, как те хитрые индусские обезьянки, которые ничего не видят, ничего не слышат и ничего не говорят.

То же самое будет и с книготорговцами. Если этот дядя или тетя торгует всем, чем угодно, а “Легиона” и других книг Климова там почему-то нет, значит это легионер с хвостиком, тогда спрашивайте этого хвостатика насчет “Легиона” и посмотрите как он будет карежиться и что он будет врать.

Но не так страшен черт, как его малюют. Несмотря на все сопротивления легионеров в прессе и книготорговцев, читатели проголосовали иначе – и “Князь мира сего” был моментально распродан. А глас народа – это глас Божий! Кроме того, тираж “Князя” был в три раза больше, чем обычные тиражи издательства “Россия”.

Некоторые умные люди говорят, что Запад болен “римской болезнью”. Во времена распада Римской империи, во время цирковых представлений бывало, что римский император приглашал в свою ложу вассальных варварских князей. На арене для развлечения толпы убивали тысячи и тысячи людей, специально дрессированные ослы и другие животные насильовали до смерти женщин, христиан жгли на кострах и бросали на растерзание диким зверям. Римляне бесновались и визжали от восторга.

Но случалось, что одетый в звериные шкуры варварский князь, посмотрев на все это возмущенно вставал, плевал под ноги римскому императору и уходил... Под звериными шкурами в груди варвара билось сердце здорового человека, где не было “римской болезни”.

Потом эти варварские князья пришли в Рим как победители.

Вот таким-то варварским князем вошел в нашу литературу Климов со своим “Князем мира сего”. Потому и говорят, что после “Князя мира сего”, Климов стал князем нашей зарубежной литературы.

А о книге “Имя мое Легион” я повторю слова пророка Еремея: “И если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста” (Иереи. 15:19).

*Д-р С.П. Новиков
Профессор современной
советской литературы
Стратфордского университета*

Глава 1. Красный папа

Россия сама спасется и весь мир спасет.

Ф.М. Достоевский

Дежурный сержант милиции лениво откинулся на стуле и спросил:

– Это ваши документы, гражданин?

– Да, эти документы меня украл слепой нищий, который вовсе не слепой. Это черт знает что!

Не волнуйтесь, гражданин. Когда надо, у нас даже слепые видят.

– Да, но потом этот слепой, как заяц, побежал к милиционеру! А милиционер, вместо того чтобы арестовать вора, арестовал меня! Я только что вернулся из-за границы. И что это у вас за порядки в социалистическом отечестве?!

Разглядывая документы на имя Бориса Александровича Руднева, дежурный сержант убедился, что обладатель их является инструктором агитпропа, то есть Управления агитации и пропаганды ЦК партии, что он член Союза советских писателей и что партвзносы долгое время платились в Берлине и Нью-Йорке. Значит, проверенный и доверенный партиец. И с такими лучше быть осторожнее.

– Извините за беспокойство, товарищ Руднев, – переменял тон сержант. – Получилось маленькое недоразумение. Просто вы одеты во все заграничное, и вас приняли за иностранца. Ну и решили вежливенько, без шума проверить ваши документы.

– Но почему меня арестовали?!

– А это мы сейчас выясним, – сказал дежурный и развернул последнюю страницу паспорта, предназначенную для специальных пометок органов власти.

Там стоял красный литерный шифр ОУ/13-001. Увидев этот шифр, сержант смущенно кашлянул и полез в стол за секретной инструкцией.

Литерный шифр означал специальные категории граждан, требующие особого внимания властей. Внимание это могло быть положительным – красный штамп, или отрицательным – синий штамп. Литер ОУ означал “особый учет”, что было равносильно охранной грамоте. Человек на особом учете не мог быть арестован без согласия того органа, который поставил его в эту категорию.

Но больше всего сержанта смутила следующая цифра шифра – 13. Эта цифра означала отдел КГБ, где данное лицо было зарегистрировано. Дело в том, что официально в КГБ числилось 12 отделов, одним из которых была и милиция. Последний, 12-й отдел занимался всякой чепухой: пожарная охрана, общество спасения на водах, запись актов гражданского состояния (загс) и тому подобное.

Правда, иногда по пьяному делу шептали еще и о 13-м отделе КГБ, который настолько засекречен, что о нем официально не должны знать даже сами работники КГБ. Некоторые люди в пьяном виде божились, что этот таинственный 13-й отдел управляет сзади всеми остальными отделами КГБ, что вся внутренняя охрана 13-го отдела состоит из глухонемых и что оттуда никто не выходит живьем. И еще шептали о специальных агентах 13-го отдела, которые маскируются под слепых и нищих.

И вот теперь, впервые за всю свою долгую службу в милиции, сержант сам столкнулся с загадочным 13-м отделом КГБ. Следующая цифра шифра – 001 – означала порядковый номер регистрации по данной категории. Итак, перед ним сидел человек №1 на особом учете 13-го отдела КГБ. А два нуля впереди означали “особо секретно”. Дежурный почувствовал, как его лоб покрывается испариной.

– Товарищ Руднев, – сказал сержант жалобно, – вас задержали потому, что вы на особом учете. Но теперь, согласно инструкции, я немедленно должен доложить о вас в... Ну, в это самое...

– Куда?

Сержант ерзал на стуле и боялся произнести вслух имя 13-го отдела КГБ.

– Ну... Туда, кто дал вам этот литер...

– А без этого нельзя?

– Товарищ Руднев, государство большое, а я человек, маленький. Поймите, у меня жена, дети...

Борис Руднев снял трубку телефона и набрал номер коммутатора КГБ:

– Соедините меня с маршалом Рудневым... Адъютант? Это говорит Борис Руднев. Соедините меня, пожалуйста, с Максимом Александровичем.

Сержант знал фамилии всех маршалов СССР, но этот маршал в официальных списках не числился. Да еще маршал госбезопасности! До этого единственным маршалом госбезопасности был Берия. Но его уже расстреляли.

“Видно, недаром шепчут, что 13-й отдел – это сверхКГБ”, – подумал дежурный и поджал ноги под стул.

На другом конце провода Борис услышал знакомый голос:

– Да, слушаю...

– Максим? Это Борис. Здравствуй...

– Здравсьте, здравсьте. Ты когда приехал в Москву?

– Да уже недели две.

– А почему же ты до сих пор ко мне не зашел?

– Да так, предлога не было.

– Ну а теперь у тебя какой предлог?

– С тобой хочет поговорить один симпатичный милиционер.

– Ага, я тебе нужен только тогда, когда ты попадешь в какую-нибудь грязную историю?

– Это ты сам виноват. Ведь это ты поставил мне в паспорте какую-то идиотскую блямбу.

– Что?

– Да, и ты распустил по всей Москве слепых нищих, которые лезят людям по карманам. В общем, король нищих, передаю трубку милиционеру...

Дежурный вскочил, вытянулся по стойке “смирно” и закричал в телефон так, как на параде на Красной площади:

– Докладывает сержант милиции Ковальчук! Что прикажете, товарищ маршал?

– Там у вас, кажется, мой блудный братец нашелся, – услышал он голос в трубке. – В чем там дело?

– Просто проверка документов, товарищ маршал. Со гласно приказу номер...

- Мгу, хорошо. Так возьмите-ка вы этого субъекта под арест.
- Есть, под арест, товарищ маршал!
- И привезите его ко мне. Сдайте под расписку дежурному коменданту.
- Есть, сдать коменданту, товарищ маршал!

Сержант осторожно положил трубку на место и укоризненно покачал головой:

- Что же это такое, товарищ Руднев?
- Это у нас с детства такая игра, – сказал Борис. – Просто он хочет доказать, что он старший брат. А я уже не маленький.

В Главном управлении КГБ маршал госбезопасности СССР Максим Руднев допрашивал своего младшего брата: – Ну как тебе жилось в Нью-Йорке?

– Там совершенно невероятное воровство. И все наши советские служащие были уверены, что это Эф-би-ай специально посылает воров, чтобы делать у нас обыски. Теперь я приехал домой, и – здравствуйте! – та же самая история.

– Ничто не ново под луной, – усмехнулся начальник 13-го отдела КГБ. – А какие у тебя планы на будущее?

– Видишь ли, после войны я написал книгу “Душа Востока”. В награду за это меня заставили заниматься дурацкой работой в области пропаганды. А теперь я хочу устроить маленький перерыв и написать вторую книгу.

- О чем?
- О гомо советикус. Максим слегка поморщился:
- О ко-о-ом? О гомо...

– Да вот за границей много пишут о гомо советикус – о советских людях нового типа, которые появились после революции. И у нас об этом тоже пишут. Но вопрос этот немножко спорный. Вот я и хочу написать роман на эту тему – об идеальных советских людях нового типа. Есть они, эти гомо советикус, или нет?

– Ах ты вот о каких гомо, – с некоторым облегчением в голосе сказал маршал госбезопасности. – На этот вопрос я могу тебе сразу ответить: и да – и нет. Все это старые типы на новый лад. Если хочешь серьезно заняться человеческими типами, то сначала ознакомься с идеями Платона, категориями Канта и прототипами Юнга.

Откинувшись в кресле, маршал внимательно рассматривал своего младшего брата. Он привык думать о нем как об озорном мальчишке, который с ним всегда спорил и которого он называл Фомой Неверным. А теперь перед ним сидел взрослый мужчина, здоровый, темнокожий, широкоплечий, с упрямым подбородком и наплевательскими огоньками в темных глазах.

Глядя на Бориса, Максим вспомнил их родительский дом, старый орех у балкона... Тот далекий весенний вечер, когда сладко пахло черемухой, и когда он впервые встретил Ольгу. Тихий ангел... А косвенной причиной этому был Борис. Потом короткое семейное счастье, гордость отцовства – и трагическая гибель любимой красавицы жены. Тихий ангел, который испортил всю его жизнь.

Потом лунная снежная ночь, когда он передавал Борису закутанного в одеяло ребенка. Тот вечер у черного пустого окна, когда он хотел пустить себе пулю в лоб и когда Борис забрал у него из рук маленький браунинг Коровина. Тот самый браунинг, от которого погибла его красавица жена. А потом умер и ребенок, и он остался один.

Маршал тяжело вздохнул, вспоминая те лихорадочные годы, когда он, чтобы найти тайну гибели любимой жены, ушел в средневековую чертовщину и сатановедение, когда он кропотливым трудом познавал тайны добра и зла, ума и безумия,

жизни и смерти. Те тайны, которые называют Богом и дьяволом и которые сделали его тем, кем он был теперь. И ведь только один Борис знал то, что иногда и теперь беспокойло сердце маршала, как старая рана.

Хотя после смерти Сталина многое в Москве переменялось, но в доме под золотым петушком, где жил Максим, все было по-старому.

На письменном столе Максима лежала книжка в заграничном переплете. Хотя книжка эта была довольно современная, изданная в Америке в 1956 году, но тема ее была та же самая – “Роль дьявола: очерк сатанизма в современном обществе” известного швейцарского философа Дени де Ружмона.

Видимо, Максим по-прежнему собирал во всем мире свежую техническую литературу по своей специальности. Как раз то самое, чего инструктор агитпропа терпеть не мог, и что вызывало у него вечные споры с Максимом. Когда-то Максим сам болтал, что он красный кардинал и тайный советник Сталина. Потом до Бориса дошли слухи, которые шепотом передавали на московских верхах, что меняются в Москве вожди и вождыня, министры и маршалы, но не меняется в Москве только один человек – тайный советник советских вождей, который сидит за красным тронном, как красный папа. По секрету шептали, что в Риме, мол, сидит папа римский, где-то притаился антипапа, а в Москве сидит красный папа.

Работая за границей, Борис сам убедился, что и у вождей западного мира тоже существуют какие-то тайные советники. Меняются президенты и премьер-министры, но тайный советник остается. И всегда это почему-то еврей. И никто не знает, что он там нашептывает на ухо вождям великих держав, которые решают судьбы мира.

Будучи инструктором агитпропа, Борис должен был доказывать, что ни Бога, ни дьявола нет, а есть только Маркс и Ленин. А Максим люто ненавидел Маркса и Ленина и во время Великой Чистки поголовно уничтожал всю ленинскую гвардию, а всех настоящих марксистов загнал в концлагерь. И на письменном столе у красного папы опять свеженькая книга по сатановедению.

Потому Борис тщательно скрывал, что его брат – маршал госбезопасности СССР, и даже избегал встречаться с Максимом. А Максим чувствовал это и, оставшись один на всем белом свете, в глубине души немножко обижался на эту холодность единственного родного ему человека.

Инструктор агитпропа взял с письменного стола книгу “Роль дьявола” с таким видом, словно это детские сказки. Потом он по привычке стал просматривать подчеркнутые рукой Максима места.

С самого начала философ Дени де Ружмон предупреждал, что сказать правду о дьяволе довольно трудно, что правда о дьяволе – это такая грязная вещь, что одна капля ее мутит жизнь так же, как капля воды мутит стакан абсента. Но от этого можно опьянеть.

На следующей странице цитата из знаменитого французского поэта Бодлера: “Самая хитрая уловка сатаны – это убедить нас, что он не существует”.

И дальше: “Первый трюк дьявола – это его инкогнито... Бог говорит: “Я то, что есть”. Дьявол же, завидуя Богу и всегда стараясь подражать ему, хотя бы и наоборот, говорит нам: “Мое имя Никто”... Но это Никто остается быть Нечто. Он знает больше, чем мы, о мистериях мира и тайнах душ, которыми он злоупотребляет”.

– Что это за чушь? – спросил Борис.

– Это формулы дьявола, – спокойно ответил красный папа. – В математике или физике есть формулы интегралов и дифференциалов, которые для посторонних людей совершенно непонятны. Вот так и здесь.

Борис перелистнул страницу. Там стояла такая формула: “Завидую Богу, дьявол пытается убедить нас, что он тоже: может творить”. А на полях бисерным почерком Максима примечание: “Смотри поэтов-декадентов и модернистическую живопись. Явный мозговой разжиж”.

Красным карандашом аккуратно подчеркнуто: “Только после нескольких поколений грешников в истории или грехов в одной жизни, зло, наконец, начинает обнаруживать внутреннее содержание – хотя и кажущееся, но активное противоестество становится естеством. И именно по этому поводу Бодлер пишет: “От рождения мужчины и женщина знают, что наслаждение нужно искать во зле...”

И бухгалтерским почерком Максима примечание: “Конечно, это относится только к таким же декадентам, как сам Бодлер”.

Дальше в книге, изданной в Америке в век автомобилей и самолетов, следовали совершенно серьезные рассуждения о том, что дьявол, чтобы стать реальностью, должен проникнуть в человека и что дьявол, как говорится в Священном писании, есть лжец и отец лжи.

“Дьявол есть легион, – стояло в справочнике по сатановедению. – Это означает, прежде всего, то, что, оставаясь одним, он может принимать столько различных форм, сколько людей в мире... Дьявол опасен не тогда, когда он показывается и пугает нас, а только тогда, когда мы неспособны увидеть его... Изю всех существ, которые когда-либо существовали, никто, как дьявол, лучше всех знает, как завоевать друзей и влиять на людей”.

И опять странная оговорка: “Беда в том, что в силу своей природы дьявол никогда не будет показан ясно и честно...”

– Почему же это? – спросил Борис.

– А можешь ты сейчас выйти на улицу и сказать, что Маркс и Энгельс от дьявола?

– М-м-м... Трудновато.

– А они были зарегистрированными сатанистами. И даже членские взносы платили. – Красный папа криво усмехнулся. – Потому они и дружили.

“Дьявол – это существо парадоксальное в своей сущности, – продолжал читать инструктор агитпропа. – Можете быть уверенным, что он существует, но он существует в каждом существе, которое таковым не является, которое уходит в ничто, которое тайно стремится к разрушению сущности – сущности других и самого себя. Его способность не быть определенно тем или этим дает ему бесконечную свободу деятельности, бесконечные инкогнито и алиби...”

В своих доводах Дени де Ружмон ссылался на многие авторитеты. Цитаты из мрачного Эдгара По, отца криминального жанра в литературе, и бунтарствующего педераста Рембо, который воспевал Парижскую коммуны и уверял, что он находится в аду. Рассуждения еврейского меланхолика Кафки, что борьба с дьяволом – это все равно что борьба с женщиной, которая кончается в постели. Высказывания Ницше, творца философии волюнтаризма, отца белокурой бестии и сверхчеловека, который рекомендовал подталкивать падающего и который умер в сумасшедшем доме. Толкования изобретателей философии экзистенциализма – горбуна Кьеркегора и Хайдеггера, где последний туманно утверждал, что ничто ничтожит, и где под этим Ничто опять-таки подразумевался товарищ дьявол. Там же сентенция Андре Жида, нобелевского лауреата и честного педераста, который уверял, что нет книги, которая была бы написана без помощи дьявола.

Линия преемственности шла от символистов к экзистенциалистам. Желая проверить официальное определение экзистенциализма, Борис заглянул в советский

“Философский словарь”. Охотясь за нечистой силой, красный папа побывал уже и в этом словаре: в скобках стояли примечания доктора философии и профессора социологии Максима Руднева: “Экзистенциализм – улагодническое философское течение... Создал эту реакционную философию датский мракобес Кьеркегор (из евреев-выкрестов)... Отвращение к жизни, страх смерти, отчаяние – основные темы его произведений... Сартр (косой), Камю и их сподвижники... проповедуют интеллектуальный и моральный нигилизм... Они напоминают ораву модных писателей предреволюционного периода в России, которые... восхваляли предательство и под видом “культы личности” воспевали половой разврат”.

Большинство людей знают об экзистенциализме только то, что его последователи немножко похожи на придурков, которые не моются, не стригутся и не бреются, избегают работы и предпочитают танцы, напоминающие припадок эпилепсии. Но чтобы разругать веселых экзистенциалистов, советский “Философский словарь”, изданный в Москве в 1952 году, вдруг почему-то залез на большую белую лошадь и не стеснялся в самых резких выражениях. Красным карандашом Максима жирно подчеркнуто место, где говорилось, что экзистенциалисты восхваляли и оправдывали предательство и воспитывали изменников и предателей национальных и классовых интересов.

Странно, но в справочнике по сатановедению де Ружмона, который вряд ли брал в руки советский “Философский словарь”, тоже имелась специальная глава, где дьявол классифицировался как пятая колонна всех веков и народе в. И опять это место было подчеркнуто Максимом.

Вспомнив что-то, инструктор агитпропа взял с полки “Rituale Romanum”, которую он просматривал когда-то, нашел литургию, которую читают, чтобы изгнать дьявола из одержимых, и стал водить пальцем по строчкам: “Сатана... враг рода человеческого, друг смерти, вор жизни, потрясатель правосудия, источник зла, корень пороков, совратитель людей, предатель **народов...**” Да, и здесь то же самое – предатель народов! А потом еще начало раздоров и поставщик горестей.

Странно, очень странно. Древняя католическая “Rituale Romanum” говорила то же самое, что и современный европейский философ. И к этому присоединялся даже официальный советский “Философский словарь”! Какая-то странная закономерность! Но что это такое?

– Максим, поскольку за твоей спиной шепчут, что ты красный папа... В общем, ваше пресвященство, почему это дьявол – предатель народов?

Красный папа молча достал из шкафа и положил на стол серую папку, на обложке которой стоял штемпель 13-го отдела и два имени: Бергесс и Маклин.

Борис хорошо знал эти имена. Когда он был за границей, на первых страницах всех газет гремела сенсация: два крупных английских дипломата, Бергесс и Маклин, имевшие дело с атомными секретами, оказались советскими шпионами и при чрезвычайно таинственных обстоятельствах сбежали в СССР. Крупнейшее предательство в истории Форин Оффиса! Дело было настолько серьезное, что исчезнувших дипломатов разыскивали 15000 детективов. В наказание потом реорганизовали всю британскую контрразведку.

Никто не мог понять, что заставило этих людей, которые имели все, вдруг стать предателями своей страны. Правда, потом в заграничной прессе писали, что оба этих атомных дипломата были педерастами и натягивали друг дружку. Но у западных дипломатов это столь же малый грех, как у балетных мальчиков. И вот теперь разгадка этой таинственной истории в руках маршала КГБ, который приручил себе дьявола и заставляет его заниматься шпионажем в пользу советской власти!

Инструктору агитпропа опять стало немного не по себе в этом доме злого добра, где в вечерних окнах тихо поблескивали старые витражи с ликами святых. Так, словно между печальными лицами святых в окно заглянула рожа загадочного черта, подбивающего людей на всякие пакости.

Сплошной абсурд с точки зрения агитпропа. И вместе с тем результаты налицо. Неужели где-то во тьме средневековья этот чернокнижник Максим действительно нашел колдовскую формулу, как вызывать дьявола? А потом для отвода глаз ссылается на всякие философские формулы. Хотя он и доктор философии, и профессор какой-то высшей социологии, но весь дом у него набит книгами по сатановедению.

На всякий случай Борис решил досмотреть новый справочник по сатановедению Дени де Ружмона. Дальше следовало про дьявола и любовь: “Доля дьявола в “любви” – это просто все то, что не есть любовь... Потому что дьявол не умеет любить и не любит тех, кто любит... Вы почувствуете его присутствие, в его недвижной силе, за взглядом существа, не способного любить. И там, где **любовь** фальсифицируется, вы узнаете его по его плодам”.

Затем про дьявола и страсть: “Мучительные противоречия, порожденные бесконечным желанием, упирающимся в границы возможного, могут быть разрешены только бегством в ничто... Здесь встречаются все экстремы, порождают друг друга или, как вспышка, превращаются из одной в другую: кипучая энергия и протрация, жертвенность и жажда обладания, ненависть и нежность, радость и печаль, мудрость и безумие, жизнь и смерть”.

Красный карандаш дрожал, как будто дрожала рука маршала, когда он подчеркивал эти строки. Та самая рука, которая не дрожала во время Великой Чистки, когда по плану 13-го отдела расстреливали и гнали в Сибирь миллионы людей. А тайный советник Сталина уверял, что это ломают хребет сатане и антихристу, что это ликвидируют не людей, а ведьм и ведьмаков, чертей и чертовок, оборотней и леших – членов, кандидатов, попутчиков и сочувствующих той партии, имя которой легион.

Не дрожала рука Максима и во время войны, когда для спасения родины красный кардинал Сталина подписал с дьяволом договор о дружбе и ненападении. Тогда про генерала-дьявола ходили темные легенды, что много раз он искал смерти в бою, но его не берет ни пуля, ни огонь, ни вода, что, подписав договор с дьяволом, он не может умереть, пока не истечет срок договора... И вот теперь эта рука дрожала.

Борис продолжал читать про дьявола и страсть: “Все, что было сказано здесь о страсти, достаточно, чтобы показать чрезвычайные возможности, которые страсть открывает для дела дьявола. Крайняя неустойчивость положений и суждений, которые мгновенно меняют свою полярность, в сочетании с крайней напряженностью иногда одновременных ощущений бесконечного бытия и небытия создает в каждом охваченном такой страстью существе иллюзию мистического полета, уносящего его по ту сторону добра и зла”.

Инструктор агитпропа листал дальше: “Истинные муки страсти, в сущности, невыразимы и могут быть выражены только мистическими парадоксами: гложащая радость, замораживающий огонь, любимые пытки, жестокое обожание – все и ничто”.

Затем следовали взаимоотношения между дьяволом и женщиной. По этому поводу святой Куприян говорит, что женщина – это инструмент, которым дьявол пользуется, чтобы овладеть нашими душами. А более энергичный богослов Тертуллиан прямо классифицирует женщину как врата ада.

Последний круг этого ада описывался так: “Преисподняя, рожденная из недомыслия и мрачных мук гордости, ад страсти, которая не имеет иной цели, кроме несчастья, которое она породит благодаря своей логике безумия и софизма, что ничто рождает лишь ничто”.

Крик наболевшей души, в котором слышалось предостережение. И вместе с тем красный карандаш Максима подчеркивал эти мрачные и загадочные строки так внимательно, словно соглашаясь со всем этим.

Борису невольно вспомнилась жена Максима, красавица Ольга, которую он когда-то привел в их родительский дом. Полуангел и полумарсианка, которая вечно мерзла и, грея свою рыбью кровь, вечно куталась в свою белую шаль, которая танцевала, как деревянная, и целовалась, не разжимая губы. Ведь это она, бледный ангел, завела Максима по ту сторону ума и безумия, по ту сторону добра и зла. И по сей день Максим молчит, что скрывалось за ее трагической смертью. Но с тех пор красный папа относится к женщинам точно так же, как святой Куприян.

Правда, с того времени утекло уже много воды в Москве-реке. Теперь красный папа сидел в кресле худой и высохший, как мощи. И выглядит так, словно он не стареет. Соломенные волосы не поседел, а как-то выцвели и порыжели. Под белесыми ресницами зеленоватые, как у ящерицы, и усталые глаза. На плечах тяжелые золотые погоны маршала госбезопасности СССР. А на груди зеленого кителя вместо всех самых высших орденов СССР болтается только одна простенькая медаль “За спасение утопающих”.

Борис бросил справочник по сатановедению на стол. Путаные формулы Дени де Ружмона немножко раздражали инструктора агитпропа, который привык считать все, относящееся к религии, пустой абстракцией. Опять, как когда-то в детстве, он почувствовал себя Фомой Неверным.

– Эх, какие заманчивые страсти у товарища дьявола, – скептически заметил Фома Неверный. – Прямо попробовать хочется.

– Не советую, – сухо сказал красный папа. – Хотя, если ты хочешь писать книгу о гомо совьетикус, то тебе нужно знать эти вещи. Без этого ты эту книгу не напишешь.

Маршал внимательно наблюдал за младшим братом, словно пытаясь оценить, насколько простой смертный может проникнуть в смысл того, что написано так ясно, черным по белому, но что так трудно понять не посвященному в эту тайнопись.

– Но что же это такое? – спросил младший.

– Ничто, – ответил старший.

Фома Неверный посмотрел на брата. Но взгляд красного папы был пуст, словно он видит перед собой это большое Ничто, которое рождает маленькое ничто, которое ничтожит и которое обитает где-то по ту сторону добра и зла.

В связи с похолоданием холодной войны американцы расширили свою антисоветскую или, вернее, антирусскую пропаганду – “Голос Америки”, радио “Свободная Европа” и радио “Освобождение”. Тогда в Москве тоже решили усилить заграничную пропаганду и, как полагается, поручили это дело агитпропу.

Поскольку вопрос касался психологической войны, то решили, что под это дело нужно подвести солидную научную базу. Поэтому разработку этого проекта дали Научно-исследовательскому институту – НИИ-13, который также называли Институтом высшей социологии. Хотя задание казалось чрезвычайно простым, но с самого начала этот проект почему-то строго засекретили, а за спиной НИИ-13 почему-то маячил КГБ.

На верхах агитпропа поговаривали, что ключом ко всей этой секретности является какой-то таинственный “комплекс Ленина”, который делает из людей настоящих революционеров. Да еще по секрету передавали, что на всех документах, относящихся к этому спецпроекту, стоит загадочный штампель “Чертополох”.

Одновременно злые языки утверждали, что с исторической точки зрения спец-проект “Чертополох” представляет собой мусорную кучу, где перемешали всякий человеческий мусор. Потому, чтобы разобраться в этом деле, посмотрим сначала на генеалогию обычной мусорной кучи.

В старых московских подворьях помимо дома на улицу обычно имеется еще и флигелек. Между уличным домом и флигельком растет несколько деревьев, а под ними – всякая травка. В конце двора гостеприимно хлопает открытыми дверями некое дощатое сооружение – памятник древнего зодчества, о котором очень неприятно вспоминать в зимнее время. Зимой там свищет такой ветер, что сразу становится понятным, откуда произошло народное выражение: ходить до ветру.

Рядом с этими, как теперь говорят, коммунальными услугами ставят большой мусорный ящик. Обычно он сколочен из старых досок, обычно оторванных от соседского забора, поскольку в советской Москве заборы – это только вредный пережиток частной собственности.

Зато мусорный ящик – это типичный представитель обобщественного имущества. Он наполняется, заполняется и переполняется. Поскольку мусор годами не вывозят, то его начинают сыпать рядом. Со временем вокруг мусорного ящика образуется своего рода естественная возвышенность, или, как говорится в географии, плато. Затем соответственно законам природы на этом плато появляется растительность.

Здесь можно встретить все, даже тянущиеся к свету побеги финиковой пальмы, проросшие из брошенной кем-то финиковой косточки. Если внимательный глаз заметит редкого чужестранца, то ветку Палестины пересадят в цветочный горшок и поставят в комнате, чтобы понаблюдать, что из этого получится.

На мусорной куче, или, как говорят теперь культурные люди, на такой материальной базе, лучше всего чувствует себя чертополох. Корни у него крепкие, листья колючие, а цветочки розовенькие. Занимается он преимущественно тем, что портит жизнь своим ближним. Если кто-нибудь захочет дать чертополоху какое-нибудь более культурное название и полезет в словарь, то его ожидает разочарование. Там сказано только одно: чертополох – сорная трава, сорняк. И нет ему другого имени.

Рядом с чертополохом мирно уживается только нахальный, без роду без племени, бурьян. Даже после дождя он выглядит грязным и неумытым. Цветов на нем никогда не видно, и, каким образом он размножается, неизвестно. Хотя роста он огромного, но толку от него мало, и даже коровы воротят от него морду. Разве что запыхавшаяся собака второпях поднимет на него ножку.

Тут же приютилась подруга бурьяна и чертополоха – бестолковая лебеда с вечными вялыми листьями. Как бесплодная старая дева, большую часть времени она погружена в самосозерцание. Правда, некоторые опытные люди утверждают, что во время голода из лебеды можно варить суп.

В самом дальнем углу, куда редко попадает солнце, можно найти и паслен. Говоря культурным языком, паслен – это белладонна. А если загнуть еще культурнее, по-итальянски, то это будет прекрасная дама. Говоря языком ботаники, это бешеная вишня, красавка, сонная одурь. Та самая, о которой спрашивают: “Ты что, белены объелся?!”

И странная вещь, белладонны во дворе не найдешь нигде, кроме как на мусорной куче. Люди постарше говорят детям:

– Не троньте эту дрянь – плакать будете!

Вообще же на мусорном плато растет все, что угодно: и скромная гусиная трава, и высоченный подсолнух-индивидуалист, и застенчивая полуинтеллигентка-повилика, живущая как паразит, и даже безобидные ромашки. Но все они чувствуют

себя здесь немножко неуверенно, просто ветром занесло. Качают они головками под теплым Божьим солнышком и не знают, что творится кругом.

В качестве представителей фауны флору мусорной кучи обычно дополняют крысы. Жирные и наглые, они чувствуют себя здесь хозяевами. До тех пор, пока не появится царь природы – человек.

Бывает, пойдет до ветру подвыпивший партиец сталинского типа. Увидит он через открытые двери крыс, вспомнит, что он представитель советской власти, вытащит наган и, не сходя с трона, давай палить по бедным крысам. Потом на мусорной куче опять воцаряется мировая гармония.

Конечно, в эпоху социалистического реализма не время заниматься созерцанием мусорных куч. Потому вернемся лучше к нашему спецпроекту “Чертополох”.

Первым делом решили открыть новую радиостанцию. Специалисты из НИИ-13 и 13-го отдела КГБ прекрасно знали, что некоторым людям всегда не хватает свободы. Но свобода эта не простая, а специальная, о которой известный философ-чертоискатель Бердяев говорит, что там, как в змеином гнезде, переплетаются доброе зло и злое добро. Конечно, не все понимают это философское б9, но специалисты из НИИ-13 это прекрасно понимали.

Потому-то эта двуликая свобода обычно высиживается в тех тайных обществах, которые сами себя называют гуманистами, а другие называют их сатанистами. Потому, как тайный символ для тех, кому всегда не хватает свободы, новую радиостанцию назвали радио “Свобода”. По сравнению с другими советскими учреждениями радио “Свобода” было чрезвычайно либеральным заведением. Здесь, как на Ноевом ковчеге, более или менее мирно уживались седовласые остатки нигилистов и анархистов, бывшие царские князья-либералы и философы-богоискатели типа Бердяева, бывшие правоверные марксисты и всякие еретики-уклонисты, дореволюционные писатели-декаденты и послереволюционные поэты-футуристы.

Правда, если присмотреться внимательно, всех их объединяло одно: необычайная любовь к свободе. Из-за этого у бывших князей-либералов в свое время были всякие мелкие неприятности с царской охранкой, а у философов-богоискателей получались всякие осложнения со Святейшим Синодом, где их подозревали, что это не богоискатели, а чертоискатели. Зато позже, во время Великой Чистки, с ними уже не церемонились. Всех их вместе с бывшими марксистами и футуристами безжалостно люпцевали телемеханики НКВД и приговаривали:

– За что боролись, – на то и напоролись... Мы вас научим свободу любить!

Теперь же, распространяя идею свободы по радио, авторы спецпроекта “Чертополох” хорошо знали, кого взять на эту работу. Но некоторые темные люди, глядя на Ноев ковчег “Свободы”, качали головами и бормотали:

– Эх, каждой твари по паре...

Идеологический отдел радио “Свобода” состоял из заслуженных деятелей революции. Но вместо того чтобы найти современных идеологов марксизма-ленинизма, авторы спецпроекта “Чертополох” почему-то и здесь предпочитали бывших заключенных, сидевших за всякую политическую ересь. В стенах “Свободы” осуществили полный внутривнутрипартийный либерализм: здесь перемешали представителей всех революционных учений и течений – престарелых народовольцев с эсерами, катетов с эсдеками, вплоть до троцкистов и национал-шовинистов.

Это были жалкие остатки ленинской гвардии, чудом уцелевшие во время Великой Чистки. Их долго маринвали в концлагерях и специзоляторах, а потом повыпужали на свободу во время послесталинской оттепели. Теперь эти специалисты в области свободы занимались экспортом свободы по радио.

Начальником американского отдела “Свободы” – в качестве финиковой пальмы на мусорной куче – посадили настоящего американца по имени Адам Абрамович Баламут. Когда-то его называли Маламут, что по-еврейски означает учитель. Но потом для удобства произношения его переименовали в Баламута. Правда, видом своим Адам Абрамович напоминал не ветку Палестины, а снежную бабу: с огромным животом, с круглым, как блин, лицом и носом-луковицей. Зато по содержанию это был идеальнейший добряк и добрейший идеалист. Но в превосходной степени все положительные качества превращаются в отрицательные, и, таким образом, доброты и идеализм сыграли ему злую шутку.

Во время американской депрессии 30-х годов, когда на улицах Нью-Йорка безработные стояли в очередях за бесплатным супом, Адам Абрамович в поисках идеалов начитался красной пропаганды и вместе со своей женой Эвелиной уехал в СССР. А там в это время как раз взялись за сплошную коллективизацию. Глядя, как на советских улицах люди умирают с голода, Адам Абрамович вспоминал, как на американских улицах раздают бесплатный суп, и, глотая голодные слюны, чтобы самому не умереть с голода, передавал в Америку радиопропаганду о райской жизни в СССР.

Чтобы облегчить произношение, его жену Эвелину переименовали в Еву. Так советский рай обзавелся Адамом и Евой.

Настоящая пропаганда всегда сочетается из любви и ненависти. Поскольку падший ангел Адам Абрамович был все-таки слишком хорошим, то в качестве архангела к нему приставили соответствующего политсоветника по имени Давид Чумкин, который своим видом напоминал чумную крысу. Это было зловредное маленькое и кривобокое существо с желтовато-желчным лицом и горбатым носом. Если говорят, что глаза – зеркало души, то глаза Давида Чумкина были такими же мутными, как его бедная душа.

По своему социальному происхождению политсоветник Чумкин был потомственным революционером. В царское время его отец был бундистом и бомбистом и за это несколько раз зимовал в Сибири. После Октябрьской революции, хотя Чумкин-старший был близким соратником Ленина, большевики арестовали его за перманентную оппозицию. Сначала его хотели расстрелять, но потом вспомнили о его былых заслугах и в 1922 году вместе с группой собратьев выслали его за границу.

Чумкин-старший особенно гордился тем, что сам великий Ленин упоминал о нем в своих сочинениях. Действительно, в одной из полемических статей о социал-демократии Ленин обзвал его социал-идиотом (социал-идиотом Ленин обзывал также редактора “Соцвестника” Р. Абрамовича. Изд.).

Обосновавшись в Америке, Чумкин-старший и здесь занялся революционной работой. На этот раз вместе с сыном, который пошел по стопам своего отца. Но как ни бесновались они в Америке, их упорно не арестовывали, не ссылали и даже не били. Тогда им стало скучно, и, воспользовавшись старыми связями отца, они вернулись в Советский Союз.

Пока Чумкин-младший жил в Америке, он называл себя выходцем из России. А, вернувшись в СССР, он стал утверждать, что он выходец из Америки.

– Да кто же вы такой? – спрашивали его.

– Я безродный космополит! – огрызнулся он.

Подошла Великая Чистка, и сталинская метла подмела обоих перманентных революционеров. На этот раз – как американских шпионов. Остальных членов семейства оставили в покое. По той простой причине, что они своевременно попрятались в сумасшедшие дома, что тогда было довольно обычным явлением.

В сибирском концлагере, работая на каменоломне, Чумкин-старший рассказывал своему сыну о царской ссылке с таким сожалением, как о потерянном рае:

– Эх, бывало, сидим мы с товарищем Лениным, чаек попиваем, книжечки читаем, брошюрки пописываем. А стражники иначе не обращались, как “ваше благородие”.

В это время подходил советский охранник с дрином в руке и орал:

– Эй, контрики, опять шепчетесь? А социализм за вас кто будет строить?! – И дрином по спине шах-шарах. Однажды отец с сыном поругались из-за куска хлеба. – Ты настоящий большевик! – кричал отец.

– Нет, это ты настоящий меньшевик! – кричал сын. – Так тебе и надо, что тебя посадили!

– Нет, это так тебе и надо, что тебя посадили! – вопил отец.

Вскоре, после того как они раскололись на большевиков и меньшевиков, обоих раскольников помыли, переодели и отправили в Москву. Прямо с каменоломни Чумкина-большевика назначили на должность политсоветника радио “Свобода”. А Чумкина-меньшевика приткнули там же в качестве внештатного консультанта. Видно, у авторов спецпроекта “Чертополох” были длинные руки.

Поскольку радио “Свобода” в принципе базировалось на таинственном “комплексе Ленина”, который делает из людей настоящих революционеров, то административный скелет радиостанции тоже подобрали из тех остатков ленинской гвардии, которых после Великой Чистки лечили трудом в концлагерях.

Политсоветник Чумкин знакомился со своими новыми коллегами:

– Скажите, а мы не встречались с вами на каменоломне в Печоре?

– Нет, я работал на кирпичном заводе в Магадане, – отвечал бывший ленинский гвардеец. – Дослужился до каменщика 3-го разряда. А вам что дали?

– На прощание мне дали справку каменщика 5-го разряда, – хмуро ответил политсоветник.

Остальные работники радиостанции подразделялись на две категории – технических и творческих. Технические работники подыскивали подходящие пропагандные материалы, которые потом переводились на иностранные языки. Основная трудность этой работы заключалась в том, чтобы привести политическую линию агитпропа в соответствие с кривыми идеями политсоветника Чумкина. В поисках революционного новаторства идеи Чумкина извивались, как брахистохрона. Есть такая путаная кривая, по которой катаются шарики. Но в голове Чумкина шарики катались так, что у других начиналась головная боль. Потому у бедных технических работников был довольно бледный вид. Как у той гусиной травки, которую случайным ветерком занесло на мусорную кучу. Их так и называли – бледные личности.

Зато творческий персонал состоял из исключительно ярких личностей. Самыми яркими были большой писатель Остап Оглоедов и маленький поэт Серафим Аллилуев, которые работали в отделе скриптов.

Дверь из кабинета политсоветника Чумкина выходила в отдел скриптов, где за письменными столами сидели и потели несколько негров. Поскольку писание скриптов считалось черной работой, то скриптописцев называли литературными неграми. А поскольку из отдела скриптов постоянно раздавались брань и крики Чумкина вперемешку с визгом и воплями литературных негров, иногда кончавшимися горькими слезами, то комнату эту называли детской комнатой.

Справа от двери Чумкина сидел большой писатель Остап Оглоедов, а слева – маленький поэт Серафим Аллилуев. Остап Оглоедов называл себя человеком свободных профессий и радиокомментатором и по совместительству служил козлом отпущения у политсоветника Чумкина. А Серафим Аллилуев был тем, что футуристы называли облаком в штанах, и зарабатывал свой хлеб тем, что писал политические частушки.

Природа щедро одарила Остапа Оглоедова. Это был представительный мужчина саженого роста с лицом отставного боксера и мохнатыми разбойничьими бровями, с длинными руками гориллы и львиной гривой волос грязно-рыжеватого цвета. А в груди Остапа жила душа канарейки. И эту нежную душу с детских лет терзала жажда литературного творчества.

Сначала он пытался писать баллады. Героями этих баллад всегда были честные жулики, пострадавшие за свое благородство.

– Незамеченные герои нашей эпохи, – комментировал Остап.

Потом он перешел на прозу. Писал он так: описание природы – полстранички у Тургенева, характеристика героев – страничку у Толстого, психологический момент – страничку у Достоевского. Серафим Аллилуев качал головой:

– Остап Остапович, а вы знаете, что такое плагиат?

– Прошу без хамских намеков, – отвечал Остап. – Кабы у меня было столько дурных денег, как у Тургенева, да столько блатного времени, как у Толстого, так я тоже сам писал бы.

Письменный стол Остапа напоминал штаб мировой революции, окруженный высокими баррикадами из произведений классиков марксизма-ленинизма. Посередине валялись кипы газет и журналов вперемешку с обгрызенными карандашами и корками хлеба. Со стороны получалось впечатление, что здесь сидит страшно деловой человек. Для смены декораций Остап иногда ворошил эту пыльную кучу артистическим жестом и тяжело вздыхал, словно он чертовски устал.

– Остап Остапович, а вы знаете, что такое халтурщик? – спрашивал Серафим.

– Я все знаю, – отвечал Остап. – Я в таких университетах побывал, что тебе и не снилось. Кстати, это не халтура, а туфта. Эх, ты, поэт, даже русского языка не знаешь.

После получения Остап аккуратно засовывал деньги в задний карман и ласково похлопывал себя по задку. Деньги он называл ласкательным именем “тити-мити”. Начальству он постоянно жаловался на меркантильные затруднения, которые мешают расцвету его творческого потенциала, и просил прибавки. При этом он поддерживал штаны и говорил:

– Смотрите! Даже шкеры спадают...

И еще Остап жаловался, что от сотрудничества с политсоветником Чумкиным у него появилась язва желудка. Вместо лекарств Остап всегда держал на письменном столе большую бутылку с молоком. Как только Чумкин появлялся в дверях, Остап поспешно хватал свою бутылку и пил молоко прямо из горлышка.

– Оглоедов, что это вы там сосете? – спросил политсоветник.

– Это чтобы успокоить мою язву, – объяснял Остап. – Собственно говоря, я должен был бы попросить у вас специальную прибавку на молоко. Как на вредном производстве.

– Молокососы! – буркнул Чумкин. – Устроили мне здесь детскую комнату.

– Прошу не выражаться, – обиделся Серафим Аллилуев, – Я вам не мальчик.

– А кто же вы такой – девочка?

– Я и не мальчик, и не девочка.

– Знаем мы вас, поэтов, – желчно прошипел Чумкин. – Все вы недоделанные.

Когда за политсоветником закрылась дверь, Остап вздохнул:

– У него даже родная мать отравилась, когда он родился. А с женой они живут так: он на третьем этаже, а она на четвертом.

Если Давид Чумкин служил на радио “Свобода” в качестве чертополоха, а Остап Оглоедов в качестве бурьяна, то зато Серафим Аллиллуев был настоящей ромашкой. Его бабушка, дочь раввина, сбежала из дома с беспутным монахом-расстригой, чем заслужила себе всеобщее проклятие родни, долго еще посыпавшей голову пеплом. Отец Серафима был журналистом, атеистом, морфинистом и другом футуриста Маяковского.

Потом Маяковский покончил самоубийством, отец бесследно исчез во время Великой Чистки, а Серафим попал в беспризорники. Там он научился божественной жизни, перепробовал все виды наркотиков, затем заинтересовался спиритизмом.

– А ты духов видел? – спрашивали его.

– Конечно, – отвечал Серафим. Когда маршета нанюхаешься, все увидишь.

Надо признать, что большой писатель Остап Оглоедов был большой только ростом. Зато маленький поэт Серафим Аллиллуев, хотя ростом и маленький, но поэтом он был настоящим. Черноволосый и черноглазый, с торчащим вперед острым носиком, он молился на поэзию Бориса Пастернака и считал себя его последователем.

– Пастернак и петрушка, – комментировал Остап Оглоедов.

Лучше всего Серафим писал свои стихи тогда, когда ему хуже всего жилось, когда он бегал по улицам, оборванный, голодный и холодный, или когда он проигрывался в пух и прах в карты, чем он потом долго хвастался. Он любил побеседовать в стихах с пустым местом или с разрушенным домом, или с засохшим деревом, или с возлюбленной, которой не было. Если он описывал мост, то обязательно поломанный, или винтовку, которая не стреляет, или восторгался женщинами, которые его не любят. Но больше всего он любил унылый осенний дождичек, бегущий за ним вприпрыжку по тротуарам, и косые отсветы в грязи и лужах.

– Типичный декадентский скулеж, – комментировал Остап. – Декадентики-импотентики. Мазохистики. Потому они и скулят.

Безупречные по форме, стихи Серафима были действительно немножко несозвучны эпохе социалистического реализма и их не печатали. Потому-то он в конце концов и приземлился в качестве литературного негра в отделе скриптов. Здесь Серафим отогрелся, отъелся и даже слегка разжирел. Но, как это ни странно, от сытой жизни источник его творческого вдохновения вдруг иссяк.

Серафим был женат на поэтессе Офелии Амальрик, довольно толстой женщиной с тоненьким детским голоском, с легким характером и тяжелой, как у солдата, походкой. К тому же она была значительно старше Серафима.

– Типичный беспризорник, – комментировал Остап. – Маму шукает. А у Фрейда это называется матерный комплекс. От этого и произошла русская матерщина. Кстати, Амальрик – это фамилия еврейская.

– И откуда вы, Остап Остапович, все это знаете? – удивлялись литературные негры.

– Эх, я такие университеты прошел, тяжело вздыхал Остап. – Похлеще, чем “Мои университеты” Горького.

Серафим и Офелия жили довольно дружно и счастливо растили дочку Люлю, которая уже с детских лет тоже тяготела к музам. Связывала их всех поэзия. Но потом эта же поэзия выкинула им фокус.

Обычно мужья бросают своих старых жен. Но в семье Серафима все было наоборот. На старости лет Офелия со всей страстностью своей поэтической природы влюбилась в какого-то старика и решила бросить своего молодого мужа. Однако развод без причин не дают. Тогда Серафим, как настоящий джентльмен, взял вину на себя и заявил, что он изменял своей жене.

– Знаем мы этих джентльменов, – комментировал Остап. – Брехня на брехне едет и брехней погоняет.

Хотя бабушка Серафима была дочкой раввина, дедушка монахом-расстригой, а отец атеистом, зато сам Серафим после морфинизма и спиритизма вдруг ударился в христианство. Да так усердно, что вскоре стал настоящим неохристианином. Он не только любил своего ближнего. Больше всего он любил тех, кого другие недолюбливали, и всегда выступал на защиту тех, кого другие называли сволочами.

– Знаем мы эти фокусы, – комментировал Остап, – Непротивление злу насиле- ем. Толстовство. Вот за это самое Толстого и отлучили от церкви и поют ему анафему.

Сидит Остап, трет свой живот и жалуется:

– Ох, опять моя язва разыгралась. Делал я вчера доклад о том, как писать романы. Все довольны и даже аплодируют. А Офелия Амальрик вдруг встает и нахально спрашивает: “А почему же вы сами ни одного романа не написали?” Такой провокационный вопрос. Вот же стерва! У нее в голове перекосяк – параллакс.

– Прошу не трогать мою бывшую жену! – запротестовал неохристианин Серафим Аллилугев, – Просто она лингвистка и не переносит халтуры.

– Знаем, какие вы лингвисты, махнул лапой Остап. – Ты лучше скажи: когда нужно держать язык за зубами и когда зубы за языком?

Когда-то знаменитый маг и волшебник Апулей в своем “Золотом осле” писал: “Я сообщил вам тайны, которые вы хотя и слышали, но значения которых вы не поймете”.

Вот так же обстояло дело и с радио “Свобода”. Принципиальной задачей этого радио была перестройка общества путем революции на Западе. Поэтому вполне естественно, что для этой перестройки специалисты 13-го отдела КГБ взяли себе на помощь того самого архитектора, которого в эзотерических тайных обществах с большим уважением называют Великим Архитектором Вселенной, и кого в Библии называют князем мира сего и князем тьмы, имя которому легион, и который есть лжец и отец лжи. Как раз то, что и нужно для пропаганды. Но кто это поймет?

Так или иначе, потому некоторые люди, глядя на Ноев ковчег “Свободы”, качали головами и говорили!

– Эх, каждой твари по паре...

Глава 2. Гомо советикус

Половина мира не знает, как живет другая половина.

Рабле. Гагрантюа

Бывает, посадят в СССР каких-нибудь видных еретиков, а с Запада сразу несутся протесты либеральной интеллигенции – с 13 подписями. И вся международная пресса вопит: “13 крупнейших интеллектуалов протестуют!” Но в 13-м отделе КГБ прекрасно знали, что этим символическим “13” легионеры подают друг другу сигналы: “Наших бьют. Выручайте!”

Поэтому в хитром доме агитпропа решили, что творческую конференцию радио “Свобода” лучше назначить на 13 января. Поскольку все это пойдет в эфир, пусть западные легионеры, которым всегда не хватает свободы, подумают, что это конференция их собраться.

В обеденный перерыв участники конференции разбрелись по залам и коридорам, чтобы обменяться новостями со старыми знакомыми или завязать новые знакомства. На официальном языке это называется встречами в кулуарах, что больше всего интересует большинство участников большинства конференций.

В вестибюле перед залом заседаний, прислонившись к стене, беседовали большой писатель Остап Оглоедов и маленький поэт Серафим Аллилуев. Остап кивнул на высокого пожилого человека, прохаживавшегося по вестибюлю развалистой походкой старого кавалериста:

– Знаешь, что это за жук? Это сам начальник хитрого дома.

– Да он и сам не дурак, – сказал Серафим. – Ему уже под шестьдесят, а он недавно женился на молоденькой – ей лет двадцать пять. Настоящий сверхмужчина!

– Знаем мы этих сверхмужчин... – начал было Остап, но прикусил язык. – Хм, большая шишка. Как бы это с ним познакомиться? Слушай, а кто это его охмуряет? – И Остап покосился на человека в сером заграничном костюме, который прогуливался рядом с начальником агитпропа.

– Это Борис Руднев, – сказал Серафим. – Тот, что написал “Душу Востока”.

– О-о, так это ж мой старый корешок! – обрадовано воскликнул Остап. – Тогда я перекатал из его книги одну главу – и загнал как рассказ. Это один из моих лучших рассказов. А ты его откуда знаешь?

– Да так, старое знакомство. Потом он работал в Берлине. А сейчас вернулся из Америки. Остап хлопнул себя по лбу:

– Гениальная идея! А теперь учись, как нужно жить, – И Остап сорвался с места.

Начальник агитпропа слегка вздрогнул, когда к ним подлетел огромный всклокоченный детина и с распростертыми объятиями завопил:

– Бо-о-оря! Здорово-ово! Сколько лет, сколько зим?!

– Простите, – сказал Борис Руднев. – В чем дело?

– Что, Боря, не узнаешь?! – Рыжеволосый детина схватил руку Бориса и принялся трясти ее изо всех сил. – Я тебя тоже почти не узнал.

– Извините, что-то не припомню...

– Бывает, бывает. Помнишь, последний раз мы встречались в Берлине. А как твоя жена поживает?

– Я еще не женат.

– Я думал, ты за это время женился. – Детина фамиллярно похлопал Бориса по спине, – Пора, брат, пора.

После оживленного обмена воспоминаниями детина вытащил из кармана истрепанную рукопись киносценария и принялся уговаривать начальника агитпропа взять этот сценарий для пропаганды.

– Ведь это находка для агитпропа. Вот послушайте! – И Остап принялся торопливо читать свое произведение.

Сценарий описывал жуликов, воришек, домушников и медвежатников, которые, сидя в лагере и распевая блатные песни, весело строят социализм. По мнению автора, они олицетворяют наиболее прогрессивный и революционный элемент, но случайно их творческая энергия пошла не туда, куда надо, и по ошибке они очутились за колючей проволокой.

Подвывая и трясая своей рыжей гривой, Остап так пропагандировал свое произведение, что даже сам начальник агитпропа растерялся и только качал головой.

Судя по безукоризненному профессиональному жаргону, творческий опыт уркаганов был автору хорошо знаком. Он искренне сочувствовал честным жуликам, непонятым и обиженным неблагодарными современниками. В качестве иллюстрации трудового подъема автор тут же сплясал лагерную чечетку, аккомпанируя себе на губах и звучно хлопая себя по ляжкам.

Пока Остап плясал вокруг начальника агитпропа, Борис подошел к Серафиму Аллилуеву:

– Слушай, что это за сын Остапа Бендера?

– Его действительно зовут Остап Остапович. Но он уверяет, что он подкидыш. Будто его цыгане подбросили.

Они спустились вниз, в столовую, и заказали пива. – Ну, какое твое впечатление об Америке? – спросил Серафим.

– Видишь ли, в Германию я попал сразу после капитуляции с большими предубеждениями – и полюбил Германию. А в Америку я приехал с большими ожиданиями: ведь это то, что мы хотим догнать и перегнать. Но... общее впечатление у меня отрицательное.

– Почему же?

– Дело в том, что Советский Союз и Америка – это две экстремы. А золотая середина – это старушка Европа. Приятная старушка.

– А что ты думаешь теперь делать?

– Хотел бы написать еще одну книгу. Мимо бежал Остап Оглоедов. Услышав последнюю фразу, он присоединился к разговору.

– Давай, Боря, вместе писать, – предложил Остап. – У меня богатый опыт по части этого... творческого сотрудничества.

– Да, он сотрудничает с Толстым, Достоевским и Тургеневым, – подтвердил Серафим. – Передирает у них целыми страницами. А о чем ты хочешь писать?

– Да вот за границей много спорят о советских людях нового типа, – сказал инструктор агитпропа. – Вот я и думал написать о таких гомо советикус.

– Чудесно! – воскликнул Остап. – Мы с Борей такое накачаем, что другим и не приснится. Про советских гомо! Я их целыми стадами видел – за полярным кругом. Они там, как олени, пасутся.

За соседними столами участники конференции спорили о разногласиях между соцреализмом и модернизмом и стучали пивными кружками.

– Ну а какие у тебя личные планы? – спросил Серафим.

– Ясно какие, – сказал всезнайка Остап. – Человек все время жил за границей. Про русскую любовь знает только из книжек. Его нужно познакомиться с хорошей русской девушкой. Ну, предположим... с нашей монной Ниной.

– Человек предполагает, а Бог располагает, – смиренно вздохнул неохристианин Серафим. – Скажи лучше, какое у тебя первое впечатление от встречи с родиней?

– Из Варшавы я ехал поездом. Только переехал границу в Бресте, первое, что вижу, – прямо на снегу сидит инвалид. Без ног. Протягивает фуражку и просит: “Подайте кусочек хлеба Христа ради!” А в Америке просят только на водку – и без Христа.

– Гениальная идея! – хлопнул себя по лбу Остап и сорвался с места.

– Куда это он поскакал? – удивился Борис.

– Пока ты кончишь это пиво, он уже накачает трогательный скрипт об инвалидах Отечественной войны. Он будет бравым полковником в орденах. А инвалид будет его однополчанином, которому он отдаст все свои деньги, которых у него никогда нет.

– Неужели этот сын Остапа Бендера был полковником?

– Да... Радиополковник. Он пишет скрипты от имени какого-то мифического полковника.

– Я рассчитывал попасть в Москву к Новому году, – продолжал инструктор агитпропа. – Но поезд опоздал, и пришлось встречать Новый год на заплыванном вокзале.

– Нехорошая примета, – покачал головой неохристианин. – Как Новый год встретишь – так и весь год будет. Все будет шиворот-навыворот. Я это на себе проверил.

– Не каркай под руку, как ворона. У меня есть один родственник, который начал с вот таких примет, а потом стал уверять, что и черти тоже существуют.

– Конечно существуют, – согласился Серафим. – Было бы болото, а черти всегда найдутся.

После обеденного перерыва начались прения по докладом. Большинство работников радио “Свобода” уселись подальше от президиума и, подремывая с открытыми глазами, принялись мирно переваривать содержимое своих желудков. Некоторые пошли на галерку, где можно спать с закрытыми глазами. А активисты записались выступать в прениях. Самым активным был Остап Оглоедов.

Выйдя на трибуну, Остап, как полагается работникам умственного труда, слегка ссутулился под тяжестью своих мыслей. Потом он гордо потрянул своей львиной гривой. Стригся он раз в год, что придавало ему творческий вид и сводило с ума некоторых женщин. Подобно библейскому герою, у которого вся сила была в волосах, он повел лапой по своей рыжей шевелюре, как по источнику вдохновений, и затем приступил к делу.

Говоря со сцены, Остап был подлинным артистом. Он играл лицом, голосом, жестами, чем угодно. Он говорил горлом, носом и, как чревовещатель, желудком. Объектом своего выступления он избрал модернистический формализм в искусстве и попутно рассказал несколько сальных анекдотов. Это разогнало скуку в аудитории, и Остапу дружно аплодировали.

Покончив с выступлением, Остап вышел отдохнуть в коридор и наткнулся на Бориса Руднева.

– Знаешь последний анекдот? – сказал Остап. – Звери в зоопарке собрались и тоже обсуждают формалистические уклоны в искусстве. В общем, постановили сделать выговор следующим товарищам: воробьям – как безродным космополитам, жирафам – за технический конструктивизм, а павианам – за голый формализм. Здорово?

– Забавно, – согласился Борис.

Рядом с ними за маленьким столиком сидела миловидная девушка в накинутах на плечи меховой шубке. Она регистрировала участников конференции и давала справки. В таких случаях на это место обычно садят цветочек, который покрасивее.

– Это наша монна Нина, – подмигнул Остап. – Нравится? “Если она накинута шубку, наверно, фигура плохая, – автоматически подумал Борис. – Или еще что-нибудь не на месте”.

Словно угадав его мысли, девушка встала, прошла в зал заседаний и через минуту вернулась. Фигура у нее была прекрасная, и все остальное было не только на месте, но и в приятном изобилии.

– Сейчас мы это оформим, – шепнул Остап. – Нина, познакомьтесь – это Борис Руднев.

Вопреки всем правилам вежливости монна Нина продолжала сидеть, не поднимая глаз от бумаг. Но Остап не сдавался:

– Нина, это тот самый Руднев, который написал “Душу Востока”.

Монна Нина молчала, словно она глухонемая, и делала вид, что она очень занята своими бумагами. На ее лице играла тихая мечтательная улыбка. Как у “Монны Лизы”, эта улыбка принадлежала всем вместе и никому в отдельности.

Тогда Остап решил зайти с другого конца. Он отвел Бориса в сторону и шепнул:

– Смотри, вон стоит Нинин папа. Пошли, я вас познакомлю.

– А кто он такой?

– Да так, Гоняло Мученик.

– А что это такое?

– Да так, бегает и зарабатывает где что подвернется. Знаешь, волка ноги кормят. Знакомит людей со своей дочкой, а потом занимает у них под эту дочку деньги – без отдачи. Так что ты ему ничего не давай.

У Гонялы Мученика был тонкий породистый нос с горбинкой, аккуратно зачесанный пробор и подстриженные седые усики. Худощавый, с сонными глазами и усталыми движениями, он походил на обнищавшего аристократа и производил приятное впечатление. И фамилия у него тоже была довольно приятная – Миллер. При рукопожатии его вялая ладонь сворачивалась с трубочку. Глаза у него открывались только наполовину.

Закончив свою миссию, Остап помчался дальше. С трудом преодолевая свою флегму, папа Миллер спросил:

– Борис Алексаныч, а что вы делаете сегодня вечером? Заходите-ка к нам поужинать. В семейной обстановке.

Вспомнив, что сегодня тринадцатое число, дурная примета, инструктор агитпропа попытался перехитрить судьбу:

– А как насчет завтра?

– Завтра я не могу, – сонно ответила судьба.

Видя, что судьбу не перехитришь, Борис согласился. Гоняло Мученик интимно взял его за пуговицу пиджака, как хорошего друга семьи, и заботливо разъяснил, как к ним проехать.

Монна Нина сидела за своим столиком и не обращала на нового друга семьи ни малейшего внимания.

“Хорошо воспитанная девушка, – подумал Борис, – Не бросается на шею каждому встречному-поперечному”.

Жили Миллеры далеко – в Сокольниках. Когда Борис выходил из станции метро, где-то рядом бухнул выстрел.

Под деревьями собралась кучка любопытных. На белом снегу неподвижно лежало что-то серое.

– Что случилось?

– Мальчишка вырвал у женщину сумочку и бросился бежать.

– Кто же это его?

– Какой-то военный. Они не то, что милиция – сразу стреляют.

– Куда он ему попал?

– Точно попал. Наповал.

Пожилая женщина, у которой мальчишка вырвал сумочку, тихо причитала:

– И зачем ты это сделал, сыночек... Попросил бы, я б тебе так дала... И сумка-то, подумать, пустая... Боже ж ты мой...

Военный смущенно оправдывался:

– Да я ведь и не целился. Стрелял просто так...

– Значит, такая ему судьба, – сказал кто-то из темноты.

Остановившись под уличным фонарем, Борис вынул из кармана бумажку и прочел адрес – переулок Энтузиастов, №22. Название хорошее, а номер плохой – при игре в очко это означает перебор. И сегодня тринадцатое число. Не хватает еще, чтобы дорогу перебежала черная кошка.

На калитке висела предостерегающая надпись: “Осторожно! Злые собаки!” Но папа Миллер заранее предупредил, что надпись не соответствует действительности. За заборчиком, полузакрытый деревьями, виднелся небольшой двухэтажный дом, в темноте напоминавший сказочный теремок с башенками.

Борис подумал, что неплохо было бы, если б двери терема открыла сама красная девица. Но на пороге стоял папа. С тем же сонным видом Гоняло Мученик провел гостя в комнату, которая, судя по обстановке, днем служила гостиной, а ночью – спальней. Посередине стол, покрытый пестрой скатертью. Вдоль стенок самодельные диваны, закамуфлированные всяким тряпьем. На полу старый изорванный ковер и продавленное плюшевое кресло в углу. Судя по всему, жили Миллеры небогато.

За столом сидела и раскладывала пасьянс полная круглолицая особа, напоминающая собой тамбурмажора. Тяжело вздохнув, мажорная мама подняла свой взор от карт и уставилась на гостя выпуклыми ястребиными глазами. Потом она протянула ему руку с таким видом, словно она царица и ожидает верноподданнического поцелуя.

Звали маму Милица Ивановна. Но большинство людей путало это редкое имя с более знакомым словом “милиция”. Потому маму частенько называли Милиция Ивановна, и тут даже ее муж путался. Папу Миллера звали Акакием Петровичем, но мама называла его попросту Кики.

Больше в комнате никого не было. Милиция Ивановна кивнула на закрытую дверь в соседнюю комнату и объяснила:

– Нина занимается там своими делами. Потом Милиция Ивановна сложила карты и коротко скомандовала:

– Кики, накрывай на стол!

Папа покорно расставлял тарелки и таскал из кухни кастрюли, а мама только командовала. Кастрюли были побитые и закопченные, тарелки потрескавшиеся, ножи зазубренные, вилки кривые. Прямо как в цыганском таборе.

Когда с кастрюль сняли крышки, из-за закрытой двери появилась Нина. На ней была скромная белая блузка и черная юбка. Не говоря ни слова, она уселась за стол, как в пансионе, и принялась за еду.

– Ты хоть поздоровайся! – напомнила мама.

– Мгм-у, – с полным ртом кивнула монна Нина, не глядя на гостя.

На ужин было какое-то комбинированное кушанье, по-видимому, остатки за последние три дня, сваленные в одну кастрюлю.

“Комбикорм”, – невольно подумал Борис. Так в колхозах называют всякие отбросы, которыми кормят скотину.

Картошка из кастрюли была холодная и полусырая, а капуста пригорела ко дну. Акакий Петрович уныло шевелил челюстями и что-то бормотал. Борис обсасывал сырую картошку и думал, что же ему с ней делать: выплюнуть на тарелку неудобно, а в горло она не лезет. Но согласно “ноблес оближ” картошку он проглотил, а хозяйке сделал комплимент. Нина быстро проглотила две порции, даже поскребла тарелку и, повеселев, откинулась на диване.

Когда во времена царя Ивана Грозного выбирали невесту, то сначала устраивали смотрины и пировали. При этом опытные свахи смотрели за невестой: если ест много и быстро, значит, хорошая невеста, здоровая. В доброе старое время Нину можно было бы сосватать за царя.

Пока папа возился с посудой для чая, мама развлекала гостя:

– Борис Алексаньч, как это вы стали писателем? Вас этому в университете учили?

– Нет, в госпитале. Во время войны.

– Вас из пушки ранило?

– Нет, просто свалился с грузовика.

– И потом вы лежали в госпитале и писали?

– Нет, рассказывал. В госпитале скучно, ну вот все и рассказывают по очереди что-нибудь интересное. Правда, большинство рассказывали, как они по тюрьмам сидели.

– И вы тоже сидели? – в первый раз раскрыла рот монна Нина, явно желая сказать гостю какую-нибудь колкость.

– Нет, я попал в госпиталь с фронта.

– Но ведь вы же вывалились из грузовика?

– При бомбежке. Половина вывалилась мертвыми.

– А-а...

– В общем, решил я рассказать “Песнь о Нибелунгах”. В таких случаях, как ворают артисты, нужно найти духовный контакт с аудиторией. Потому рассказывал я так: “А под тем деревом, величиной с Кремлевскую башню, чудовище такое сидит, по паспорту змием называется. Сидит, а изо рта у него туды-суды пламя полыхает, как “катюша” стреляет. Хвостом кругом лупит, как бронепоезд из всех орудий”. Рядом умирающие лежали. Так даже они пооживали и слушают.

– Попробуйте печенью, – предложила хозяйка дома. Гость попробовал и вспомнил те фронтовые сухари, которые нужно было разбивать прикладом.

– В госпитале все раненые, как правило, разговаривают друг с другом на “ты”, – продолжал Борис. – А как начал я сказки рассказывать, со мной вдруг на “вы” перешли. А политруку тыкают: “Эй, ты...”

Нина посматривала то на отца, то на мать и откровенно позевывала.

– Там был один лейтенант-зенитчик. Все знали, что он умирает. И он знал. Однажды ночью посылает сестру и просит меня прийти. Приковылял я на костылях, а он, как ребенок, просит: “Расскажи что-нибудь...” А от Него уже смертью пахнет.

– Разве смерть пахнет? – спросила Нина.

– Да, иногда. У него была газовая гангрена.

– Что же вы ему рассказали?

– Надо человеку смерть облегчить. Сказал, что храбрые солдаты не умирают, а попадают на небо. Фантазировал как мог про царство небесное. Так он и умер у меня на глазах. Но со счастливой улыбкой.

– Я видела, как одна моя подруга рожала, – задумчиво сказала Нина. – А вот как люди умирают – этого я еще не видела.

– Нина, как тебе не стыдно, – сонно проскрипел Кики.

– Потом политрук хотел сделать мне за это выговор, так солдаты его чуть костылями не убили, – вспоминал Борис. – Так я узнал силу человеческого слова. Иногда оно сильнее смерти. Потом я стал писать во фронтовых газетах. Так из инженера-механика я стал инженером человеческих душ.

Ознакомившись с биографией гостя, Милиция Ивановна решила показать и себя и села за пианино. После двух фальшивых аккордов она заявила, что пианино расстроенное, и взялась за гитару. Пока мама брэнчала на гитаре, папа убирал со стола.

Поджав ноги, Нина сидела на диване, как скромный и благовоспитанный ребенок. Округлое миловидное лицо с большими, как у матери, глазами. Только щеки, пожалуй, чуточку слишком полные, а губы слишком тонкие. Густые каштановые волосы и выпуклый упрямый лоб. Хрупкие и хорошо развитая грудь, тонкая талия и тяжелые будра здоровой самки. Хорошая фигура и полные, как у спортсменки, икры ног. В дополнение ко всему этому детски наивное выражение лица и на редкость чистая и нежная кожа. Подлинное воплощение расцветающего девичества.

“Комбинация довольно соблазнительная”, – подумал Борис, разглядывая девушку.

– Нина, покажи-ка твои рисунки, предложила Милиция Ивановна.

С легкой неохотой девушка встала и вытащила из-за буфета большую папку. Иллюстрации карандашом и тушью к каким-то детским грезам: дремучий лес, потерявшаяся в нем одинокая принцесса, воздушный замок на высокой горе, над которой висят черные облака. Затем следовали изображения голых девиц. Девушки изгибались так и этак и выставляли ножку.

- Это Нина с подруг рисовала, – пояснила мама. Вполне естественно, что Борис задержался на голых подружках.

– Сразу видно, чем вы интересуетесь, – презрительно фыркнула принцесса. – Голыми женщинами.

Покончив с домашним хозяйством, Гоняло Мученик мирно дремал в продавленном плюшевом кресле. Чай был выпит, разговор исчерпан, музыкальное и художественное оформление домашнего ужина окончено. Не следует злоупотреблять гостеприимством, а особенно в первый раз.

Гость поднялся, надеясь, что принцесса проводит его до двери. Но не тут-то было. Под строгим взглядом супруги Кики проснулся и уныло поплелся провожать гостя.

На дворе потрескивал январский морозец. Переулочек Энтузиастов дремал в глубоком снегу. Протопанная вдоль домов дорожка бодро поскрипывала под ногами. Подняв воротник пальто, Борис шагал и подводил итог.

Семья довольно приятная. Папа, конечно, тряпка, а парадом командует мама. С такой тещей будет трудно. Типичный матриархат.

При этом Борису вспомнилось дело о семи печатях, когда красный кардинал Максим Руднев охотился за амазонками, начиная от богини Дианы и кончая женщинами-чекистками. Там было что-то и про матриархат. По мнению 13-го отдела, если в какой семье матриархат, то это тоже плохая примета, и таких чудачек нужно брать на заметку. Какая чепуха!

Хотя в семье Миллеров и явный матриархат, но дочка у них очень соблазнительная. Хотя она и немножечко дичится, но это вполне естественно. Сразу видно, что она девушка серьезная и знает себе цену.

Из-за обрывков туч выглянула молодая луна. Качали голыми ветвями деревья. В лунном свете по снегу ползли расплывчатые тени.

Если советский гражданин хочет получить в Москве временный ночлег, то для этого есть несколько возможностей. Лучше всего переночевать у родственников или знакомых.

В гостиницы лучше не соваться. Все номера в гостиницах забронированы для иностранных туристов или для ялдашей, что по-татарски означает “товарищ”. Как во времена татарского нашествия, Москва оккупирована теперь международными ялдашами – азиатскими, африканскими и прочими товарищами, борющимися за мир и дружбу между народами.

А для советского гражданина есть Дом колхозника. Тот, что на Коровьем валу.

Хотя Москва и столица трудящихся всего мира, и хлопот у нее полон рот, но она не забывает и собственных колхозников. Даже невзирая на то, что колхозники – народ темный и приезжают в столицу вовсе не за тем, чтобы помолиться красно-рыжим мощам Ленина, что лежат на Красной площади, а просто чтобы поторговать под

стенами Кремля луком и картошкой, да к тому же по спекулятивным ценам. В соответствии с общим ростом культуры они бойко покрикивают:

– Эй, граждане-товарищи, кому витаминов? Налетай! В Доме колхозника, который пишется с большой буквы, усталого путника приятно поражает дух советского гуманизма. Это не тот дух, который исходит от колхозников, обожравшихся собственной картошкой с луком. Нет, речь идет о другом. Чтобы колхозники не забывали о коллективизации, спят здесь коллективно – по тридцать человек в комнате. Встречают здесь, как в родной семье: если все кровати заняты, то тебя укладывают на полу.

На стене плакат: “Товарищи, будьте бдительны!” А внизу приписка карандашом: “Берегите карманы!” Одеяд и простынь обычно нет. Одеядом служит собственное пальто, а пижамой – пиджак. Укладываясь спать, гражданин видит, что соседи-колхозники предусмотрительно закалывают английскими булавками карманы пиджаков, где у них хранятся деньги, вырученные от продажи витаминов в форме лука и картошки. Если у новичка английской булавки нет, то он запускает руку в карман и спит, держась за бумажник и стараясь не разжимать кулак.

Если советский гражданин хочет получить в Москве постоянную квартиру, то для этого тоже есть несколько возможностей.

О квартире в новых домах мечтать не стоит. Разумнее всего пойти по старой улице, среди старых домов и поискать там старую старушку. Такую, у которой в комнате есть лишний угол. В таком углу, за ситцевой занавеской, можно получить постоянную квартиру.

Если кого такая квартира не удовлетворяет, то есть и другие возможности. Можно получить и целую комнату. Но на этой комнате нужно жениться, то есть на невесте с комнатой. И нужно соблюдать осторожность. Обычно если комната новая, то невеста старая. А если невеста новая, то комната старая. Кроме того, в Москве гораздо больше женихов без комнат, чем невест с комнатами.

Исходя из всех этих соображений, Борис просто позвонил Максиму. Тот вызвал адъютанта и распорядился: – Перепишите на него мою конспиративную квартиру, что в Энином переулке.

- Есть, квартиру, товарищ маршал!
- Заодно перепишите ему и мой белый ЗИЛ.
- Есть, ЗИЛ, товарищ маршал! – щелкнул каблуками адъютант.
- Только не будь такой свиньей, – сказал в трубку Максим. – И не забывай, что ты мой единственный брат.

Борис погрузил свои пожитки в новую машину и поехал на новую квартиру. Справа на ветровом стекле машины был наклеен какой-то значок, оставшийся от того времени, когда этой машиной пользовался Максим, любивший баловаться всякими шифрованными символами.

Это была звезда вроде советской, но не красная, а черная с золотым ободком. Посередине вместо серпа и молота скрещенные красные топоры, как у пожарников или как у средневековой инквизиции. А внизу, между лучами звезды, бронзовый щиток с числом 13, что одни считают счастливой приметой, а другие – несчастливой.

Уладив дела с квартирой, Борис сразу же взялся за работу над своей новой книгой. Труднее всего начать. Это поиски в темноте, рождение героев, оформление идеи. Пишешь до тех пор, пока не оседлаешь идею, пока герои не оживут и станут лучше живых людей или хуже их.

Итак, основная идея – это гомо советикус – идеальные советские люди нового типа. Рекомендуется приближать творчество к жизни. Почему бы не начать так: герой романа человек не очень плохой, но и не очень хороший. Допустим, он долгое время работал за границей и отстал от жизни на родине. Потом он возвращается домой и находит здесь людей совершенно нового типа – гомо советикус. В самом лучшем смысле этого слова.

Хорошо иметь перед глазами прообразы героев – типажи. Прежде всего, требуется героиня, идеальная девушка нового типа. Герой немножко разбаловался за границей, а героиня вернет его на путь праведников. Ориентировочно героиню можно назвать Ниной.

Потом, как соль и перец, всякие эмоциональные приправы: любовь, дружба и прочее на фоне строительства нового мира. Где-то всунуть пару личных конфликтов. Конфликты, конечно, идеологические, без драки.

Неохристианина Серафима Аллилуева можно употребить в качестве вороны, которая все время каркает. А Остапа Оглоедова, сына Остапа Бендера, – в качестве рыжего у барьера, чтобы публика не скучала.

Конечно, все это в дружеской форме. Потом еще благодарить будут, что попали в пантеон литературных героев. Когда будут дедушками, с гордостью покажут своим внучатам: “Смотрите, это вот про меня написано!”

Когда книжка выйдет из печати, автор устроит для всех героев грандиозную попойку. Или, может быть, свадьбу! Так режиссер женится на звезде экрана, которую он открыл, а писатель – на героине собственного романа. Это трюк верный – еще со времен Пигмалиона.

Но для достижения цели нужно не мечтать, а работать. Когда он писал первую книгу, то протер несколько рубашек, пока догадался засучивать рукава. Потом он натер на локтях мозоли и смазывал их вазелином. Вот как пишутся книги!

С этими мыслями инженер человеческих душ засучил рукава и написал первую строчку: “Все это началось 13 января в эпоху послесталинской оттепели...”

Глава 3. Дом чудес

*Самая хитрая уловка сатаны
– это убедить нас, что он не существует.*

Шарль Бодлер

Вторым детищем спецпроекта “Чертополох” было некое безымянное учреждение, которое называли попросту домом чудес. Собственно, ничего чудесного там не было. Все знали, что радио “Свобода” занимается заграничной пропагандой по воздуху, а дом чудес делает то же самое. На бумаге.

Помещался дом чудес в приятном двухэтажном особняке в Алешином переулке, недалеко от Садового кольца и радио “Свобода”. Когда-то этот дом принадлежал богатому купцу. А поскольку почти все купцы были самодурами, то рядом, спрятавшись за кустами сирени, стоял второй, точно такой же особняк, который, как гласило предание, щедрый купец построил для своей любовницы. Даже показывали потайную калитку между домами, через которую ухарь-купец ходил на свидания.

Теперь же дом чудес служил пристанищем для веселой богемы. А во втором особняке, где когда-то нежилась купеческая любовница, теперь расположился какой-то хмурый и молчаливый спецотдел военной разведки. Потому этот второй дом называли хмурым домом. И вместо беззаботного купца в потайную калитку теперь деловито бегали связные с запечатанными пакетами.

Ходили слухи, что нашумевшая на весь мир история с английским атомным ученым Понтекорво, который сбежал в СССР с важными военными секретами, была делом рук этого хмурого дома. Но какая связь между веселой богемой в доме чудес и атомным шпионажем в хмуром доме? Тут даже сам начальник хитрого дома агитпропа только пожимал плечами и делал вид, что он ничего не знает.

Хотя и радио “Свобода”, и дом чудес оба подчинялись агитпропу, но между ними существовала некоторая конкуренция, или, если хотите, социалистическое соревнование. Потому сотрудники обоих заведений любили покритиковать друг друга. Говоря о доме чудес, Остап Оглоедов искренне возмущался:

– Ну и шарашкина контора! Им даже и гроши платят не прямо, а через задний проход – через потайную калитку.

Главную роль в доме чудес играл Сосий Исаевич Гильруд, который исполнял обязанности связного между домом чудес и хитрым домом агитпропа. Практически он был своего рода комиссаром дома чудес.

Если когда-то партийного комиссара представляли себе в виде хамоватого надсмотрщика в кожаной тужурке и с наганом, то в этом пункте Сосий Исаевич был приятным исключением. Это был комиссар нового типа. Вежливый и предупредительный, ловкий и находчивый, он очаровывал людей с такой же легкостью, как Дон-Жуан очаровывал женщин. Одним словом, настоящий советский партджентльмен.

Лицо у Сосия Исаевича было холеное и с чистой кожей, глаза умные и с холодком, манеры заученно-сдержанные и уверенные. В одежде он предпочитал клетчатый спортивный пиджак, габардиновые брюки с безукоризненной складкой и замшевые ботинки. Накрахмаленная рубашка, модный галстук и замысловатые запонки свидетельствовали, что этот человек не прочь щегольнуть, но удерживает себя в

пределах того, что считается хорошим тоном. В общем, вполне интеллигентный человек и интересный мужчина. Одно только портило Сосия Исаевича – мягкий объемистый животик, свешивавшийся поверх пояса.

Родился комиссар Гильруд в Прибалтике. Его отец был евреем-выкрестом и из Исаака стал Исаем. Но чтобы не разжижать свою кровь, отец женился на караимке из евреев Моисеева завета, то есть из еврейских староверов. Таким образом, Сосий Исаевич был по крови чистокровным евреем, но из выкрестов.

Однако правоверные евреи-талмудисты не любят ни выкрестов, ни караимов-староверов. Потому Сосий Исаевич никогда не называл себя евреем, но и не скрывал своей родословной. Потому даже те, кто относился к евреям немножко критически, считали, что Сосий Исаевич – это приятное исключение и что он очень хороший человек.

Отец Гильруд был из либеральной русской интеллигенции старого закала. В Прибалтике он издавал хорошую русскую газету, которая объединяла либеральных писателей и поэтов. Но когда в 1939 году Прибалтику присоединили к СССР, отца сразу же арестовали за принадлежность к каким-то тайным обществам. Советская тайная полиция знала, что на Западе эти тайные общества играют почти такую же роль, как в СССР компартия. И если вы хотите захватить власть, то нужно ликвидировать эти тайные общества. Потому отец Гильруд бесследно исчез, а его сын спасся тем, что сразу же вступил в компартию.

В детстве Сосия Исаевича звали ласкательно – Сосей. И теперь в кругу друзей его тоже называли Сосей.

Дальнейшая жизнь Соси была окутана туманом, как болото в сумерках. Говорили, что во время войны он был заслан к немцам в качестве агента советской разведки и работал в немецкой пропаганде, предприятия “Цеппелин” и “Винета”, которые были тесно связаны со службой безопасности СД и гестапо.

Так уж повелось, что пропаганда почему-то всегда связана с разведкой. Так было у немцев, даже во времена товарища Ленина, которому немцы заплатили 50 миллионов марок золотом и доставили в Россию в запломбированном вагоне. Так и американская пропаганда, радио “Свободная Европа” и радио “Освобождение”, как писали в американской прессе, тоже почему-то связана с американской разведкой Си-ай-эй. Потому и хитрый дом агитпропа тоже тесно сотрудничал с советской разведкой.

Говорили, что во время войны Сося был очень ценным агентом. Располагающая к себе внешность, находчивость и ловкость в делах помогли ему втереться в доверие к одному из гестаповских генералов. Начальство любит помощников, которые находят выход из любого положения. А в таких делах Сося был подлинным гением.

Когда заходила речь о его военных похождениях, Сося скромно молчал. Потому одни говорили, что он был агентом-provokатором и загубил много людей. А другие говорили наоборот, что он спас много людей и даже пристроил их на хорошую работу – тоже в гестапо. И действительно, некоторые из этих бывших гестаповцев и теперь работали с ним в доме чудес.

Все это создавало Сосе ореол скромного героя, который не хвастается своими подвигами. А былая связь с гестапо придавала его упитанной фигуре даже некоторую пикантность, как хрен жареному поросенку.

– А откуда у Сосия такое архаическое имя? – спросил Серафим Аллилуев.

– Не архаическое, а археологическое, – поправил Остап Оглоедов. – Его отец увлекался классическими демократиями Древней Греции и Рима. Потому он и сына назвал Сосием – в честь какого-то антикварного героя.

– Вот чудак!

– Да, а потом этот чудак был не то йогом, не то нудистом. В общем, вместо римской тоги он заворачивался в простыню. И потом разыгрывал из себя мецената и филантропа.

После войны Сося женился на эстонке. Его жена Линда была молода, привлекательна и хорошо воспитана. Но она постоянно прибалывала и потому обычно держалась немного в стороне от мужа. Когда Сося приглашал ее куда-нибудь, Линда отказывалась, ссылаясь на головные боли и недомогание.

Сося рассказывал, что во время войны Линда помогала партизанам и при этом была тяжело ранена. В результате этого ранения она не может иметь детей. Вернее, может, но это будет связано с риском для ее жизни. А он ее жизнью рисковать не хочет. Потому у них и нет детей.

Люди сочувствовали Сосе. Тем более, поскольку он относился к Линде с подчеркнутым вниманием и уважением. Хотя она постоянно прибалывала, он никогда не смотрел на других женщин, чем заслужил себе всеобщее признание его добродетелей.

Один только всезнайка Остап скептически хмыкал:

– Хм, хороший кочет завсегда худой. А Сося что-то уж слишком жирный.

Какой-то философ сказал, что человеческая личность неповторима. Сося же повторял этого философа, говоря, что все люди разные. Наилучшим примером этому служил он сам. Хотя у него не было никакого формального образования, но человеком он был незаурядным, и даже во многих отношениях.

Когда в доме чудес говорили о служебных делах, на челе комиссара лежала печать сосредоточенного внимания. Слегка наклонив голову набок и постукивая карандашиком, он выслушивал всех. Затем, как и полагается духовному наставнику, он давал своей пастве ценный совет. Говорил он чепуху, но так честно и убедительно, что не верить ему было даже как-то неудобно.

Когда обсуждались бытовые нужды сотрудников. Сося с видом евангелиста проповедовал любовь к ближнему. Иногда он даже подавал пример действием: предлагал пустить подписной лист – и первый давал двадцать рублей. Правда, потом он списывал эту двадцатку за счет специального организационного фонда. А остальные платили из своих карманов.

Когда за рюмкой водки заходила речь о личной жизни людей, на устах комиссара играла целая симфония тонких намеков на толстые обстоятельства. Собирать всякие людские грешки и погрешности было для Соси таким же наслаждением, как для других коллекционировать почтовые марки.

Будучи культурным человеком и даже немножко эстетом, Сося очень следил за своей внешностью. Потому, как кокетливая барышня, несмотря на сильную близорукость, очки он принципиально не носил. Зато он приобрел черные очки, но с коррекцией и выдавал их за обычные солнечные очки. Надевал он их только тогда, когда обстановка требовала сосредоточенного внимания.

Для мужчин волосы – это такая же визитная карточка, как грива для льва. Потому первобытный Остап на страх врагам стриг свою рыжую гриву раз в год. А джентльмен Сося, наоборот, причесывался чрезвычайно аккуратно. Зато когда поддувал ветерок, Остановы патлы бросали вызов всем цирюльникам в мире, а бедный

Сося в отчаянии хватался руками за голову. От эловых шалостей становилось видно, что у него искусственная завивка,

– Типичный стилиага! – говорил Остап. – С перманентом.

Будучи не только эстетом, но и гурманом, Сося постоянно мучился между обжорством и ожирением. Потому своей белокожей, мякотелой и откормленной фигурой он немножко отклонялся от пролетарских канонов и скорее напоминал дородную римскую матрону.

Перед обедом Сося интимно подмигивал официантке: – Как там насчет пивца? Только чтоб холодненькое! – и любовно щекотал пальцами запотевшую кружку.

После обеда он подмигивал официантке еще более интимно:

– Как там насчет сырка? Только чтоб с душком! – и незаметно распускал пояс на брюках.

Иногда неопытные официантки принимали его подмигивания на свой счет и давали понять, что они не прочь. Но Сося не обращал на них никакого внимания и уплетал свой воночий сыр. К женщинам он относился, как к неизбежному злу, слегка созерцательно, слегка снисходительно, слегка насмешливо.

По долгу службы Сося проповедовал пролетарскую скромность, а душа эстета тянула его в болото формализма. Он выискивал модные ботиночки с белыми бантиками, костюм цвета весенней истомы или стильное пальто с потугами на английское. А потом, чтобы увязать теорию с практикой, уверял всех и каждого, что купил он эти вещи только потому, что они попались ему по дешевке.

Сося любил поучать, что подходить к работе следует конструктивно, работать нужно творчески, а результаты оценивать объективно. Но поскольку сам он не работал, а только поучал других, то в затруднительных случаях он всегда сваливал вину на своих учеников.

Если на работе Сося попадал в щекотливое положение, он начинал жаловаться, что у него болят глаза, и надевал свои солнечные очки, даже если на дворе шел проливной дождь. Если дело складывалось не в его пользу, он делал вид, что страшно занят, и торопливо уходил, говоря, что его ждут более важные дела. А если дела были совсем плохи, он вдруг заболел и ложился в постель, говоря, что это от переутомления.

Фантазировал Сося всегда с таким честным, искренним и серьезным видом, что не верить ему было просто невозможно. Он перевоплощался в свою роль честного миссионера, как хороший артист перевоплощается в Гамлета или Фауста.

Иногда Сося любил выпить, но знал меру. Когда люди напивались до состояния пьяной откровенности, комиссар тяжело опирался обеими руками о стол, словно отрывая себя от дальнейшего, вставал и уходил. Как его ни уговаривали, но до конца он никогда не оставался, и пьяным его никогда не видели.

– Значит, совесть нечистая, комментировал Остап Оглоедов. – Это примета точная, как часы.

Комиссар Гильруд был таким чародеем, что он очаровал даже Бориса Руднева. Для книги о гомо советикусе требовался еще верный друг, честный партиец. Почему бы не взять моделью партдженльмена Гильруда? Это уже не то, что бородатые дяди, которые делали революцию. Тип, безусловно, новый.

То, что для внешнего употребления называлось красивыми словами “свобода” и “революция”, специалисты из хитрого дома агитпропа называли более прозаическими именами – психологическая война и подрывная деятельность. Исходя из этого, задачей дома чудес в Алешинем переулке было поставлять соответствующие от-

равляющие материалы в соответствующие места западного мира, чтобы помочь ему поскорее протянуть ноги.

Но это еще не все. То, что для внешнего употребления называется психологической войной, для внутреннего употребления – это война психов. И подобрать этих психов не так-то просто.

В этом пункте комиссар Гильруд оказался для агитпропа настоящим кладом. Весь необходимый персонал был у него налицо. И все из состава его старых приятелей, с которыми он когда-то работал в гестапо и за которых он мог поручиться своей головой. Но по виду они вовсе не походили на заядлых гестаповцев и диверсантов.

Одним из таких старых приятелей и правой рукой Гильруда был Артамон Артамонович Брешко-Брешковский, который исполнял функции управделами дома чудес. Это был пожилой деловой и властный субъект с седым чубом-хохолком и животом-арбузиком. Своими выпученными глазами и вздернутым носом он слегка смахивал на сатира и обычно смотрел на людей чуть-чуть исподлобья.

Артамон Артамонович происходил из знаменитой семьи Брешко-Брешковских. Больше всех прославилась мадам Брешко-Брешковская, которая была одним из организаторов партии эсеров. Она дожила до 90 лет, и потому многие называли ее старой революционной трубадурой или просто дурой. Проведя большую часть своей жизни в ссылках, замужем она никогда не была, но у нее был незаконный сын. Когда в 1917 году мадам Брешко-Брешковская с триумфом вернулась из ссылки, на вокзале вместе с Керенским ее поджидал ее взрослый сын Николай:

– Здравствуйте, мама! Я ваш сын.

– Вы не мой сын, а сукин сын! – отвечала революционная мама.

Хотя костяк партии эсеров составляли семиты и даже поговаривали, что неизвестный отец Николая тоже был семитом, но сам Николай вырос оглашенным антисемитом. Это был самый настоящий жидоед, который позже, живя за границей, всю свою жизнь посвятил писанию антисемитских романов вроде “Под звездой дьявола” и тому подобное. Но это только подтверждает марксистскую аксиому о единстве и борьбе противоположностей.

Когда-то, живя в Прибалтике, Артамон Артамонович был директором спецшколы для дефективных детей. Потом у него получились там какие-то неприятности. Одни говорили, что Артамон занимался растлением малолетних, а другие говорили, что это дефективные дети растлили Артамона. Что можно ожидать от дефективных детей, кроме неприятностей?

Так или иначе, но Артамон чуть не попал под суд. От суда его спас отец Соси, который, будучи редактором газеты и имея сильные связи по линии тайных обществ, сумел замять это дело. Позже уже сам Сося, работая агентом-двойником в гестапо, спас Артамона от очередных неприятностей. На этот раз он выручил его из немецкого концлагеря и даже пристроил его на работу в гестапо. С тех пор и пошла дружба между Артамоном и Сосей.

Теперь же, будучи управделами дома чудес, Артамон занимался главным образом тем, что совал свой куцый нос во все дела и даже подслушивал телефонные разговоры по внутреннему коммутатору.

В трезвом виде Брешко-Брешковский был вполне приличный и обходительный человек. Но при такой работе, как в доме чудес, люди нередко выпивали и на службе. И с Артамоном это случалось довольно часто. И тогда он превращался в первобытного зверя.

Его седой чуб поднимался дыбом, как петушиный гребень, глаза подергивались мутной пленкой, а из углов рта текла пена. В такие моменты в голове управделами происходило какое-то короткое замыкание, и он вдруг вообразил, что он опять находится среди дефективных детей. Тогда он устраивал аврал, звонил во все звонки и телефоны, собирал всех своих подчиненных и обращался к ним с такой речью:

– Ну что, выродки? Знаете, кто я такой? Служащие переминались с ноги на ногу и молчали.

– А ну, кретины, скажите, кто я такой? – рычал Артамон.

Зная своего управделами, служащие спокойно рассаживались по стульям, как на производственном совещании. Кто закуривал, кто смотрел в окошко. А Артамон продолжал бесноваться:

– Ну, идиоты! Захочу, так я из вас сапоги всмятку сделаю!

Потом, вспомнив свою работу в отделе пропаганды гестапо, Артамон начинал доказывать окружающим, что он – юберменш, а все остальные – унтерменши и что живут они только его милостью. Унтерменши внимательно слушали и старались не смеяться. Набесновавшись вдоволь, управделами вдруг оседал, как пустой мешок, в своем кресле и жалобно спрашивал:

– А скажите, кто я такой – и где я нахожусь?

– Вы – Артамон Артамоныч Брешко-Брешковский, – хором отвечали унтерменши. – И находитесь вы в доме чудес.

– А-ах, слава Богу... А я уж думал, что меня опять куда-нибудь засунули, – с облегчением вздыхал управделами, падал на свой стол и засыпал.

Унтерменши тоже вздыхали с облегчением, брали юбер-менша за ноги и за руки, тащили его по лестнице, укладывали в автомашину и отправляли домой.

На следующее утро, проспавшись и придя в себя, неистовый Артамон появлялся в доме чудес небритый, с красными глазами и растрепанным чубом. Затем следовал спуск на тормозах. Чтобы опохмелиться, управделами весь день дул пиво и жаловался на свою желудочную язву. Тогда для всего дома чудес наступал праздник – пили все, кто хочет и как хочет. Потому, когда у Артамона начинался такой запой, некоторые этому даже радовались.

Артамон был женат, но детей у него не было. Он говорил, что, когда он был директором школы для дефективных детей, эти дефективные ему так надоели, что он вообще не хочет детей.

Левой рукой комиссара Гильруда являлся Филимон Тихонович Сикля, бесцветное существо лет пятидесяти, боящееся сквозняков и своей жены Фимочки, которая обращалась с ним, как строгая барыня с прислугой, и следила за каждым его шагом. Жену эту Филимон выменял у своего приятеля. Обычно приятели ссорятся из-за женщин. А здесь получилось наоборот: они поменяли жену и остались наилучшими друзьями.

Филимон косил на правый глаз, его приятель точно так же косил на левый глаз, а переметная жена была немножко раскосая на оба глаза. Филимон объяснял это тем, что у всех настоящих русских монгольские предки. Так или иначе, из углов своих миндальных глаз Фимочка зорко поглядывала за тем, чтобы Филимон не пил холодного пива, до которого он был большой охотник, и приходил домой вовремя.

В послужном списке Филимона самым главным значилось, что во время войны он участвовал во власовском движении и даже подписал Пражский манифест. Но потом он оказался агентом-provokatorом и вернулся домой.

Немецкую оккупацию Фимочка пережила в Киеве. Многие знали, что она не то еврейка, не то полуеврейка, и Фимочка боялась, что она попадет в Бабий Яр. Но ее, слава Богу, никто не выдал. Однако с тех пор Фимочка не любила говорить, кто она такая. Да и Филимон тоже помалкивал.

Если правая рука комиссара временами была даже слишком энергична, то зато его левая рука была на редкость медлительна и ленива. Однако, несмотря на меланхоличный характер и хилую конструкцию, Филимон уверял, что в свое время он был ярым футболистом. Теперь же его футбольная страсть проявлялась несколько иначе.

Когда Филимон перепивался до определенного градуса, он начинал косить еще больше, а потом лез к кому-нибудь обниматься и целоваться. Затем ни с того ни с сего он изо всей силы футболил объект своего внимания коленом в самое неподходящее место. На футбольном поле за такие вещи дисквалифицируют. Филимон же за эти фокусы не раз получал по физиономии.

Всезнайка Остап Оглоедов комментировал:

– Знаем мы таких футболистов. Это у него комплекс неполноценности. Вот он и футболист – из зависти. У него в голове перекос – параллакс.

Помимо футболистов в молодости Филимон крутился еще в компании футуристов и любил вспоминать свое знакомство с Владимиром Маяковским. Чтобы подработать денег, знаменитый поэт иногда занимался сочинением реклам.

– А одну рекламу я ему лично подсказал, – хвастался Филимон. – Знаете, для сосок Главрезины.

Лучше сосок в мире нет – Готов сосать до старости лет!

– Знаем мы эти соски, – ухмылялся всезнайка Остап. – Потому Маяковский и застрелился.

Хотя Фимочка была вдвое моложе своего мужа, но детей у них не было. Филимон говорил, что ему просто лень возиться с детьми.

В бухгалтерии сидел и печально шелкал на счетах Акоп Саркисян, финансовый гений, который всю свою жизнь занимался всякими спекуляциями и махинациями, перепродавая ратционированные товары. Но теперь дела на черном рынке были плохи, и Сося приткнул Акопа в доме чудес в качестве бухгалтера.

Считать чужие деньги было для Акопа чистым наказанием, и занимался он этим с явным отвращением. Но его финансовый гений нашел выход и из этого положения. В бухгалтерию заходил неистовый Артамон и конфиденциально подмигивал. Акоп оживал и деловито нюхал воздух, словно чувствуя наживу:

– Хм-хм... Что прикажете – буль-буль или пуф-пуф?

– Буль-буль.

– Оптом или в розницу?

– В розницу.

– Сколько?

– Две.

Бухгалтер выдвигал ящик стола, извлекал оттуда бутылку водки и наливал две рюмки. За наличный расчет. Когда Артамон направлялся к двери, Акоп вдогонку кричал:

– А как насчет пуф-пуф?

– Денег нету.

– Так берите в кредит, – уговаривал Акоп. – У меня фирма солидная.

Он вытаскивал второй ящик своего универсального стола, доставал оттуда пачку рассыпных папирос и отсчитывал пять штук. В кредит. Потом он обстоятельно записывал это в специальную книгу. Это была единственная бухгалтерская книга, которую он вел с искренним удовольствием.

Когда Филимону было лень идти в лавку, и он покупал у Акопа целую пачку папирос – с маленькой надбавкой, – это уже шло под рубрику крупной оптовой трансакции. Если Артамону экстренно требовалась бутылка водки и он приобретал ее в бухгалтерии, Акоп терпеливо отсиживал сверхурочные часы, надеясь, что потребуются и вторая бутылка. Доходов эта коммерция приносила мало, но зато сам процесс торговли доставлял Акопу глубокое моральное удовлетворение.

Иногда Акоп тяжело вздыхал:

– Эх, разве это торговля? Чистые слезы! А ведь когда-то я миллионами заворачивал.

– Неужели? – удивлялся Филимон.

– Да-а, только в минусовой степени...

В конце нэпа Саркисьян был крупным оптовиком, но сумел вовремя сделать банкрота и остался должен советской власти ровно миллион рублей налогов. Да не простых рублей, а золотых рублей. Это была самая удачная коммерческая операция за всю его жизнь. И воспоминания о ней наполняли душу бывшего миллионера приятной гордостью.

В эпоху коллективизации Акоп занимался всякими темными махинациями и в результате попал в концлагерь. Во время войны его выпустили из лагеря и, помня о его коммерческих способностях, заслали его в качестве агента в оккупированную немцами Прибалтику. Там под маркой казино для немецких офицеров он содержал публичный дом и притон для азартных игр. Там-то и завязалось его знакомство с коммиссаром Гильрудом.

Что касается психологической войны, то неистовый Артамон бойко строчил листовки и воззвания, которые он перекатывал в основном из центральной прессы. Чтобы повысить эмоциональность текста, он густо перчил свое творчество вопросительными и восклицательными знаками.

– Напоминает школьную стенгазету для дефективных детей, – комментировал Остап Оглоедов.

Энтузиаст по футболу и соскам, флегматичный Филимон когда-то был доцентом кафедры энтомологии, то есть специалистом по всяким гусеницам и червячкам. В доме чудес он работал, как гусеница. Гусеница может ползать в любом положении, а Филимон, если преодолевал свою лень, мог писать на любую тему. И с такой же скоростью.

Весь день Филимон сидел, чесал затылок и сосредоточенно изучал медленно ползущие часовые стрелки. К концу рабочего дня он с трудом выдавливал из себя полстранички. продукции. Чтобы на вид получалось больше, писал он детскими крупными буквами и растягивал каждое слово.

Иногда и Саркисьяна просили написать что-нибудь. Например, экономический обзор с иллюстрациями из собственной практики. Бывший миллионер ежился и втягивал голову в плечи.

– Вы что, хотите меня в тюрьму посадить?! Из осторожности финансовый гений даже расписывался умышленно неразборчиво. Изю всей письменности он призна-

вал только цифры. Но зато их он выписывал с такой нежностью, как художник портрет своей возлюбленной.

Акоп Саркисян был армянином, а жена у него была русская. Хотя генетика утверждает, что смешанные браки благотворно влияют на потомство, но 12-летний сын Акопа был эпилептиком и косил на левый глаз.

Всезнайка Остап Оглоедов комментировал:

– Это в результате армянских шуток. Знаете, двойник и тройник.

В окончательной форме пропаганда дома чудес переводилась на иностранные языки, чем занимались всякие технические работники. Но все это были такие бледные личности, что о них и говорить не стоит.

А все яркие личности, как одна дружная семья, собрались вокруг чародея Гильруда. Именно они завоевали дому чудес его славное имя и громкую известность. Но это личности такие яркие, что о них нужно поговорить отдельно. Иначе они обидятся, что их смешали в одну кучу.

Через неделю после первого знакомства Борис позвонил Миллерам по телефону и предложил:

– Нина, не хотели бы вы пойти со мной в театр?

– С какой стати?! – фыркнула девушка таким тоном, словно он приглашал ее не в театр, а в баню.

После такого ответа Борис решил, что по этому номеру больше звонить не стоит. Но через два дня ему позвонил Гоняло Мученик и от имени супруги пригласил на ужин.

В переулке Энтузиастов было тихо и пустынно. Немного впереди Бориса быстро шагала девушка в короткой поддевке, видимо переделанной из бабушкиного сапога. Фигура девушки показалась ему знакомой.

– Нина! – вполголоса окликнул он. Не оглядываясь, девушка прибавила шагу. Борис окликнул громче:

– Нина, куда вы так спешите?

Вместо ответа фигура зашагала еще быстрее и теперь почти бежала. Борису стало даже немножко неудобно, что он попал в положение нахала, пристающего на улице к одиноким женщинам.

У калитки дома №22, что при игре в очко означает перебор, бедняжка, убегавшая от пристающего к ней нахала, как ни в чем не бывало свернула и вошла в дом. Знакомая дверь захлопнулась перед самым носом званого гостя.

Когда Борис позвонил, на пороге, как вышколенный дворецкий, опять появился папа. А дочка исчезла, как привидение. Когда Нина вышла к ужину, Борис для порядка спросил:

– Ведь это вы впереди меня шли?

– Не знаю. У меня на затылке глаз нет.

– Но ведь я вас окликивал?

– Я ничего не слышала, – ответила Нина с полным ртом. “Все это очень просто, – подумал Борис. У нее одна-единственная приличная меховая шубка, которую, она бережет. А на работу она ходит в старой кацавейке, которой она сама стыдится. Ничего, бедность не порок”.

На ужин было то же самое: остатки прошлого, сваленные в одну кастрюлю. Зато десерт был другой.

– А теперь, Нина, почитай-ка твои стихи, – скомандовала Милиция Ивановна.

Дочь поморщила носик, достала тетрадь в клеенчатом переплете и стала читать вслух. В одном стихотворении бушевали пенные волны чувств, волею судеб бежали к скалистому берегу и горькими слезами разбивались о безжалостную земную твердь. В другом стихотворении младая дева идет по дремучему лесу, где растут мрачные дубы-раздубы и веселые березы-разберезы. Стройные и белокурые любушки-березы обнимают одинокую деву своими нежными ветвями, ласкают и целуют. Затем поэтесса любит себя своим отражением в воде и думает о своем возлюбленном. С искренним чувством в голосе Нина закончила:

Изо всех невозможно возможных возможностей – Ты всех невозможней – И всех милей!

– Нина, а в кого ж вы влюблены? – полюбопытствовал Борис.

– Это секрет, – ответила Милиция Ивановна. – Вы лучше расскажите какую-нибудь любовную историю из вашей практики.

Гостю было бы гораздо приятнее заняться дочкой, чем развлекать болтливую старуху. Но пока приходилось ограничиваться воспоминаниями.

– Однажды во время войны нашел я голубые цветочки, – начал он. – Росли они на свалке, позади кухни. Посмотрел я на них – и захотелось мне любви. Сорвал я эти цветочки, заложил в конверт и написал одной знакомой письмо, что нашел я эти цветочки на поле брани, где кругом валяются трупы, что проросли эти цветочки между костями скелета как раз в том месте, где когда-то билось сердце солдата, что и у меня есть сердце, которое бьется от любви к далекой любимой...

– Фу, какой вы насмешник! – перебила Милиция Ивановна.

– Знаете, смеяться лучше, чем плакать.

– Конечно, – оживился Гоняло Мученик. – Я бы тоже очень хотел смеяться там, где нужно плакать. Согласись, Милиция, что...

– Прежде всего, – нахмурилась Милиция Ивановна, – я тебе тысячу раз говорила, чтобы ты называл меня не Милиция, а Милочка. А если не умеешь вести себя в порядочном обществе, то сиди и молчи.

Мама обращалась с папой так, как строгая мачеха с пасынком. Как частенько бывает в семьях, где царит матриархат, где все наоборот, Акакий Петрович был лет на десять моложе своей супруги. И теперь он послушно, как провинившийся мальчик, затих в своем кресле.

Нина подошла к отцу, села ему на колени и, словно утешая без вины виноватого, обняла его за плечи. Другой рукой она нежно гладила его по щеке.

С улицы изредка доносились гудки автомобилей. В углу, где сидел Акакий Петрович, тихо играл старый радиоприемник. Эту мирную тишину нарушил продолжительный звонок в передней.

Нина быстро вскочила с колен отца и побежала открывать.

“Э-э, – подумал Борис, – видно, это тот самый красавец, в которого она влюблена: “Изо всех невозможно возможных возможностей – ты всех невозможней – и всех милей!”

Но его опасения оказались напрасными. Голос, слышавшийся из передней, был явно женский.

– Это Нинина подруга, – объяснила мама. – Лиза Чернова.

Не заходя в гостиную, подруги ушли в комнату Нины, чтобы посплетничать о своих делах, и закрыли за собой дверь. Акакий Петрович воспользовался этим, чтобы посплетничать о политике.

– Борис Алексаньч, если это не секрет, что вы делали в Америке?

– Я был в составе советской делегации в Объединенных Нациях. Но работал я по линии пропаганды – развеивал эти самые нации.

– Бросьте вы эту политику, – перебила Милиция Ивановна. – Расскажите лучше какой-нибудь новый американский анекдот.

– Ну вот, заходит один еврей в публичный дом, – Борис оглянулся на закрытую за подругами дверь, – и говорит: “Я хочу любовь по-еврейски”. Бандерша говорит: “Я знаю любовь по-французски и прочие фокусы... Но любовь по-еврейски? В первый раз слышу!” Потом одна из девочек говорит: “А я знаю”. Пришли они в комнату, а девочка смущается: “Знаете, я вам соврала. Я не знаю любовь по-еврейски. Но дела у нас в бардачке сейчас плохи, и если хотите, то вы – можете иметь то же самое, но за полцены”. Еврей обрадовался и говорит: “Так это же и есть любовь по-еврейски!”

– Бедные евреи, – улыбнулась Милиция Ивановна. – Значит, и в Америке про них тоже анекдоты рассказывают. Только, Борис Алексаньч, имейте в виду, что Лиза Чернова полуеврейка. Ее отец из Шварца стал Черновым. Так что не рассказывайте при ней еврейские анекдоты. Будьте с ней поделикатнее.

Покончив со своими женскими делами, Нина с подругой вышли в гостиную. Хотя Лиза Чернова была полуеврейкой, но по виду в ней не было абсолютно ничего еврейского. Это была довольно привлекательная соломенная блондинка с серыми глазами, прямым носиком и маленькими, как у мышки, зубками.

Когда Милиция Ивановна знакомила Лизу с Борисом, Лиза сделала недовольное лицо и сразу же повернулась к Борису спиной. Затем она принялась трещать так громко, что только ее и слышали. Разговаривала она со всеми, за исключением Бориса, которого она демонстративно игнорировала, словно это пустое место.

Видя столь явную антипатию, он сидел и думал, как же завязать с этой девицей дипломатические отношения. Больше всего женщины любят комплименты. Насчет платья или еще чего-нибудь. Но одета Лиза неряшливо и выглядит так, как будто она не умывалась. Единственное, что у Лизы приличное, – это сумочка, которую она швырнула на стол как раз перед носом Бориса.

Собираясь сделать сумочке комплимент, он машинально потрогал ее рукой. Но хотя Лиза сидела к нему спиной, в противоположность Нине, глаза у нее оказались на затылке. Она предупредила его комплимент так быстро, словно она только и ждала этого момента.

– Вы что это, всегда по дамским сумкам шарите? – спросила она голосом, сощамимся от яда. – И в трамваях тоже?

От такого неслыханного хамства у Бориса захватило дыхание. С трудом сдерживаясь, он перебирал в уме все возможности ответа на подобный вопрос. А Милиция Ивановна еще специально просила, чтобы он был с Лизой поделикатнее.

Папа хотел сказать что-то в защиту гостя, но сначала посмотрел на маму. Мама тоже хотела что-то сказать, но предварительно посмотрела на дочь. А монна Нина сидела и приятно улыбалась.

Видя такую реакцию хозяев дома, гость тоже смолчал и только бросил Нининой подруге многоговорящий взгляд. Та ответила ему взглядом, полным откровенной ненависти. Только он приоткрыл рот, чтобы отдышаться, как агрессивная Лиза уже заскочила вперед.

– Не разевайте рот – я с вами и разговаривать не хочу! – презрительно процедила она и опять повернулась к нему задом.

От такой оперативности растерялся даже такой специалист психологической войной, как инструктор агитпропа.

– Ну и язычок же у вас, – пробормотал он. – Знаете, в аду каждого наказывают тем, чем он грешит... Смотрите, придется вам лизать языком горячие сковородки...

Лиза подскочила, как на горячей сковородке:

– Это еще что за намеки? Вы лучше свой язык за зубами держите! А то еще и по физиономии получите!

Инструктор агитпропа из предосторожности отодвинулся на диване подальше и закинул ногу за ногу. В случае агрессии эта чертова девица наткнется на вытянутый ботинок и остынет. Застраховавшись таким образом, он сказал:

– Знаете, Лиза, в Талмуде говорится, что если змея повстречает менструальную женщину, то даже ядовитая змея поспешно уходит в сторону. Скажите, что у вас – менструация? Или вы всегда такая сумасшедшая?

Лиза сидела и скрежетала зубами. Опасаясь, что новое знакомство может перейти в рукопашную, Милиция Ивановна решила вмешаться:

– Борис Алексаньч, как вам не стыдно обижать слабых женщин? Ведь они созданы, чтобы украшать вашу жизнь. Но инструктор агитпропа не сдавался:

– Да-а-а, и потому в Талмуде есть специальная молитва, где евреи каждое утро благодарят Иегову, что он не создал их женщиной. – Он посмотрел на часы: – Лиза, давайте я лучше провожу вас домой.

– Упаси Бог! – фыркнула Лиза. – Лучше уж я останусь ночевать здесь. Милиция Ивановна, вы не возражаете?

– Конечно нет, – согласилась мама.

– Ну вот и прекрасно, – с открытым ехидством и скрытым торжеством пропела Лиза. – Тогда я остаюсь здесь!

Таким образом исход, сражения был решен. Лиза моментально зевнула и заявила, что она хочет спать. Нина тоже зевнула и, даже не попрощавшись с гостем, ушла с подружкой в свою спальню. Гоняло Мученик проводил Бориса, потом уселся в свое продранное кресло и уныло сказал:

– Помнишь, недавно соседи подарили Нине белых мышей?

– Что, опять новых мышат наплодили?

– Не-ет, вчера она скормила всех этих мышей кошке, – Отец поморщился и кивнул на сиамскую кошку, которая дремала на коленях Милиции Ивановны.

– Ну, значит, эти мыши ей надоели. – Милиция Ивановна погладила кошку по животу. – Ну как, Мурка, вкусные были мышки?

– А Нина стояла рядом и смотрела, – пробормотал отец. – Мерзавка...

– Ты лучше не философствуй, сказала мать. – Ты лучше пойдешь на кухню и помой посуду.

Глава 4. "Профсоюз святых и грешников"

Если кто погубит Россию, то это будут не коммунисты, не анархисты, а проклятые либералы.

Ф. М. Достоевский

Чтобы иметь время для работы над своей новой книгой, Борис Руднев по соглашению с агитпропом для профформы числился членом редколлегии дома чудес. Но большую часть времени он сидел дома и с карандашом в руке охотился за советскими людьми нового типа – гомото советикусы.

Однажды Борис переходил улицу Горького. Вдруг раздался резкий милицкий турчок. На посту стоял и улыбался старый знакомый – сержант милиции Ковальчук:

- Здравия желаю, товарищ Руднев! Как поживаете, что поделываете?
- Да вот, пишу потихонечку.
- Я тоже пишу – протоколы. Пишу-пишу, а толку мало. А вы что пишете?
- Книжку. Про советских людей нового типа.

– Э-э, раз типы; так уж это по моей профессии. Кого ни приведут – сразу по морде вижу, что за тип. Только послушайте старого милиционера, товарищ писатель. Все это старые типы на новый лад: пьяница есть пьяница, воришка есть воришка, а жулик, как был жуликом, так жуликом и остался. В общем, горбатого могила исправит:

Прощаясь, сержант лихо отдал под козырек:

– Если вам, товарищ Руднев, потребуются типы для книжечки, так заходите к нам в участок. У нас в подвале всегда полно всяких типов. Может быть, подберем что-нибудь и для вашей книжечки.

Тем временем в странах народной демократии Восточной Европы опять запахло беспорядками. Это были результаты тех либеральных послаблений, которые ввели после смерти Сталина: восстание в Восточном Берлине в 1953 году, потом восстание в Будапеште в 1956 году. В таких случаях по закону кнута и пряника в ход пускали танки и... пропаганду.

В ожидании новых беспорядков в хитром доме агитпропа стали готовить всякие успокоительные пилюли. И при этом вспомнили про книгу Бориса Руднева "Душа Востока".

В этой книге описывалась жизнь советских оккупационных офицеров в Восточной Германии. Написана она была довольно дружелюбно по отношению к победенным, и тогда это вызвало недовольство агитпропа.

– Говорят, вы там с немками шуры-муры разводили, – сказали автору. – Вот они вас и распропагандировали.

Поэтому автора перевели из Берлина в Нью-Йорк, а книгу издали малым тиражом. Теперь же миролюбивая "Душа Востока" пришлась очень кстати, чтобы утихомирить национальные страсти. Даже не спросив автора, книгу спешно перевели на

немецкий язык, отпечатали в Лейпциге и передали для распространения в берлинское отделение агитпропа.

Обычно такие издания раздают даром, и их никто не читает. Но к великому удивлению хитрецов из агитпропа, "Душу Востока" немцы не только читали, но даже и покупали. Книга расходилась, как хороший роман. В Лейпциге стучали печатные прессы, а в агитпропе довольно потирали руки.

В конце концов, Бориса пригласили в агитпроп, поздравили с успехом и предложили проветриться: слетать в Восточный Берлин, чтобы сделать там несколько докладов в Обществе советско-немецкой дружбы, которое тоже было одной из ячеек агитпропа. В результате после нескольких выступлений в университетских и профсоюзных аудиториях Бориса Руднева даже избрали членом правления Общества советско-немецкой дружбы.

Чтобы подкрепить эту дружбу на практике, Борис решил проведать своих бывших подружек, с которыми он встречался, когда служил в Берлине. Правда, с того времени прошло уже несколько лет. Родители Хельги встретили его очень приветливо и сообщили, что она давно вышла замуж. На память они даже подарили ему карточку Хельги – с мужем. Он посмотрел: да, хорошая была девушка, единственная женщина, на которой он от блаженства буквально потерял сознание. Обычно такие вещи пишут только в книжках, но иногда это бывает и в жизни. Нужно будет положить это фото в свой семейный альбом.

Затем он отправился к Марго. Дверь открыл вежливый белокурый немец. Следом, из кухни вышла улыбающаяся Марго. Судя по всему, она была на девятом месяце беременности. Марго очень обрадовалась встрече и объяснила, что блондин – это ее муж, вернувшийся из советского плена.

"Эх, хороший немцы народ! – думал Борис, спускаясь по лестнице, – Другой полез бы в драку или жену побил бы. А здесь все тихо и мирно. И Марго молодец, да же глазом не моргнула!"

После этого он поехал к Китти, которая танцевала в варьете. Та успела уже и побывать замужем, и родить ребенка, и развестись. Но и у Китти были свои проблемы: она потеряла интерес к мужчинам! Зная Китти довольно близко, Борис удивился:

– Как же это так?

– Да вот так, – шаловливо усмехнулась Китти. – Выступаем мы как-то в Дрездене. После представления подходит ко мне какая-то дама. Очень хорошо одетая, молодая, интересная. И восхищается: вы, говорит, милочка, изумительная артистка, замечательная! Ну и приглашает к себе в гости. Я, дура, не знала, что это такое, и поехала. Она – жена доктора, чудная квартира, но доктора нет. Пили мы вино, а она подсыпала мне туда морфия. А утром я проснулась у нее в постели... Она оказалась из этих...

Потом я у этой докторши еще несколько раз бывала. А потом со мной стало что-то не то... В общем, эта ведьма меня испортила.

– Послушай, но ведь ты же была совершенно нормальная женщина. Чистый огонь!

– А теперь я совершенно холодная, – вздохнула Китти. Она погладила по головке свою трехлетнюю дочурку: – Розмари, сиди и не балуйся. А то будешь такая, как мама.

– А почему ты развелась? – спросил Борис.

– Не знаю, – печально улыбнулась Китти.

Обществом советско-немецкой дружбы руководил герр Гиль де Брандт. Это был милейший полуеврей с миндальной кожей, мечтательными глазами и томными манерами. Он был заслуженный пацифист: во время войны, чтобы не служить в гитлеровской армии, он симулировал сумасшествие и большую часть войны провел в сумасшедшем доме. И во всем остальном это был человек очень обходительный и даже немножко обаятельный.

Когда Борис пожаловался, что все его бывшие подружки повыходили замуж, герр Гиль де Брандр дружески подмигнул:

– Поехали, посмотрим что-нибудь новенькое.

Чтобы гость из Москвы не скучал и не тратил время попусту, герр Гиль де Бранд отвез его к своим хорошим знакомым. Это были две очаровательные студентки Академии искусств, Маргит и Аннуш, будущие художницы, которые жили в двух очаровательных мансардных комнатах под крышей на Вальдштрассе. Настоящая берлинская богема повышенного класса.

Милые девушки стали готовить для гостей кофе. Но герр Гиль де Брандт, сославшись на занятость, деликатнейшим образом откланялся и сразу уехал. Предварительно шепнул Борису, что кофе лучше всего пить с ромом, который продается на соседнем углу.

Из окна мансарды виднелись черепичные крыши Берлина. За крышами погасало вечернее солнце. В сумерках тихо шептались верхушки деревьев. Эх, так хорошо! И девушки такие хорошие. Особенно после кофе наполовину с ромом.

Аннуш этакая крупная, прямо величавая. Но все чрезвычайно гармонично. Не грудь, а Балтийское море. В бурную погоду. Не бедра, а чистое головокружение. Волосы черные, курчавой гривой до плеч. В таких запутаться и утонуть. Настоящая валькирия! А лицо? Глаза как сливы. Щеки как персики. Губы как мокрые вишни. Настоящий классический натюрморт. Это не из тех женщин с зелеными волосами и красными глазами, которых малюют художники-модернисты.

И белокурая Маргит тоже чертовски хороша. Только немножко постройней и похолодней, так сказать, немножко некультурней. После пятой кружки кофе с ромом белокурая Маргит превратилась в настоящую ундину. О таких миннезингеры слагали баллады и пронзали себе сердце кинжалом.

Немецкий ром оказался вещью предательской. Когда подошло время идти домой, апостол советско-немецкой дружбы уже не мог разобрать, где окна и где двери. А классические фигуры будущих художниц расплывались у него в глазах, как на картинах художников-сюрреалистов.

Валькирия и ундина переглянулись: как бы гость не сломал себе на лестнице шею. Хотя на вид ундина казалась холодной, но сердце у нее оказалось теплее, чем у валькирии. Она накинула жакет и пошла провожать гостя.

Часы показывали за полночь. Из-за густых каштанов выглядывала луна, и все было полно романтики. Не было только ни такси, ни автобусов.

– Знаете что? – сказала ундина. – В таком виде вы домой не доберетесь.

– А мне домой и не очень-то хочется, – признался гость.

– Хорошо, тогда оставайтесь у меня. Но только тихо-тихо. Ш-ш-ш, чтобы Аннуш не слышала.

– А какое ей дело? Здесь народная демократия.

– У нее мать была русская графиня. Потому в интимных вопросах она очень щепетильна. Ш-ш-ш, иначе она мне такой скандал устроит...

На следующее утро в Обществе советско-немецкой дружбы состоялась пресс-конференция, где главным докладчиком выступал Борис Руднев. Докладчик явился на конференцию небритый и немножко помятый. Иногда он потряхивал головой и прислушивался, словно проверяя, все ли там в порядке. От вчерашнего рома он докладывал силпым басом, как хороший боцман, но был явно в ударе и говорил о советско-немецкой дружбе с такой теплотой и искренностью, что герр Гиль де Брандт довольно улыбался.

Когда Борис встретился с Маргит в следующий раз, она сообщила ему печальную новость. Несмотря на все меры предосторожности, – Аннуша догадалась, что происходит в соседней комнате. Утром, пока Борис агитировал за советско-немецкую дружбу, две подружки-немочки страшно поругались: валькирия обвинила ундину в аморальном поведении, в нарушении всех правил хорошего тона между подругами, устроила ей страшную сцену ревности, а затем собрала свои кисти и краски и переехала на другую квартиру.

После неожиданного успеха в Восточной Германии "Душа Востока" была издана почти во всех странах народной демократии, даже в ревизионистской Югославии. Хитрецы в хитром доме агитпропа почувствовали, что они сами себя перехитрили, и распорядились быстренько переиздать книгу также и по-русски. Так нежданно-негаданно Борис Руднев вдруг очутился в свете прожекторов общественного мнения.

Студенты останавливали автора на улице и заводили с ним политические дискуссии. Восторженные школьницы писали влюбленные письма и прилагали свои фотографии в купальных костюмах. А одна читательница, повстречав Бориса, разочарованно всплеснула руками:

– Когда я вас читала, я мечтала, что вы этакий поэтический художавый блондин с голубыми глазами. Знаете, который берет женскую душу и играет на ней, как на пианино. А вы совсем не такой. Вы разрушили все мои мечты! Уж лучше б я вас не встречала.

В доме чудес, где Борис числился членом редколлегии, его встретили как героя дня. Швейцар Назар книгу не читал, но пожал автору руку и похвалил:

– Правильна-а! Так оно и надоть писать-то... Остап Оглоедов, бродивший по вестибюлю, сердечно облобызал Бориса в обе щеки:

– Боренька, дай закурить! Мы с тобой еще покажем, как книги писать. Мы еще такое напишем...

– "Мы пахали!" – сказала муха, сидя на быке, – заметил флегматичный Филимон.

Неистовый Артамон воспользовался случаем, чтобы опохмелиться, и распил с Рудневым остатки от вчерашней попойки. А финансовый гений Саркисьян покачал головой:

– Что такое слава? Пшик – и нету! Лучше б вы из Берлина кремешков для зажигалок привезли. Больше б заработали, чем на книге.

Руководителям психологической войны нужно знать и некоторые законы административной психологии. Например, каждый хороший начальник знает, что время от времени нужно устраивать какую-нибудь шумную акцию. Дать встряску, чтобы люди не спали на работе. И чтобы этим полюбовались высшие инстанции.

Таким образом, подошло время для шумной встряски и в хитром доме агитпропа. На повестке дня стояла реорганизация дома чудес и иностранного легиона. Но это не совсем тот легион, имя которому легион.

Иностранным легионом в агитпропе называли некоторые категории иностранных граждан, которые застряли в Советском Союзе. В основном это были перебеж-

чики и дезертиры из американских, английских и французских оккупационных войск и союзных учреждений в Западной Германии и Австрии.

Западная пресса, как правило, пишет только о советских перебежчиках, которые "избирают свободу", чтобы "сказать миру правду" через микрофоны "Голоса Америки" или радио "Освобождение". Но в действительности поток перебежчиков шел в обоих направлениях. Иногда в Восточную Германию бежало такое количество американских дезертиров, что пограничники-фольксполици просто гнали их дубинками назад, зная, что большинство из них просто уголовники или наркоманы.

В психологической войне значительную роль играет не только психология, но и холодная статистика. С точки зрения этой статистики иностранный легион подразделялся на три когорты.

Первая когорта, самая многочисленная, бежала по романтическим причинам. Некоторые американцы, чтобы избавиться от своих жен, готовы были спрятаться даже за "железный занавес". Другие, наоборот, делали это в поисках нового счастья с молоденькой немочкой, считая дезертирство проще, чем развод. Были и такие, кто от несчастной любви вместо самоубийства бежали в СССР. Так или иначе, в основном это была когорта бигамистов.

Вторая когорта, тоже довольно многочисленная, бежала из-за мелких уголовных и административных проступков. А третья когорта состояла из искателей приключений и идеалистов.

После проверки органами безопасности всех этих легионеров передавали для дальнейшей обработки в агитпроп. Там им сразу наклеивали яркие политических эмигрантов и первое время, пока они были свеженькие, использовали их на радио "Свобода" или в доме чудес, Потом, когда они теряли свою актуальность, агитпроп не знал, что с ними делать, и сдавал их для дальнейшего устройства в Международное общество помощи борцам революции – МОПР или в благотворительное общество Красный Крест.

Первая когорта, жертвы амура, то есть бигамисты, рано или поздно обзаводились семейством, находили себе работу и сходили с политической арены.

Вторая когорта, любители темных дел, даже в условиях социализма возвращались к своему привычному образу жизни и попадали в тюрьму. Но после отсидки они, как правило, опять появлялись на радио "Свобода" или в доме чудес и предлагали свои мемуары, где они описывали свой свежий опыт по советским тюрьмам в качестве ужасов капиталистического мира.

Как ни странно, но именно эта вторая когорта из асоциального элемента составляла золотой фонд пропаганды агитпропа. А серебряным фондом являлась третья когорта – из искателей приключений и идеалистов.

Штаб-квартира иностранного легиона находилась в поселке недалеко от Москвы, который во время войны служил лагерем для немецких военнопленных. Когда немцы уехали домой, в этом лагере с удовольствием поселились бездомные советские граждане.

Здесь ютились многие представители московской богемы и всякие неудачники, которых так и называли – недоделки. Неподалеку был дачный поселок, где жили известные советские писатели и поэты, Переделкино. Поэтому соседний поселок, где жила нищая богема и всякие неудачники, недоделки, стали называть Недоделкино. Так это название и прилипло – недоделки из Недоделкино.

В этом же Недоделкино приютился и иностранный легион. Сначала пополнение этого иностранного легиона шло самотеком. Но постепенно родник стал иссякать, и

тогда в Научно-исследовательском институте – НИИ-13 разработали какие-то специальные методы. Результаты не заставили себя долго ждать.

В американском посольстве в Москве служил некий Викки Кравсон, который довольно долго сотрудничал с советской разведкой. Потом ему приказали собираться домой в Америку. То ли посольство пронюхало о его связях с советской разведкой, то ли Викки просто перепугался, но, так или иначе, Викки решил остаться в Советском Союзе и объявил себя политическим беженцем. Так как для разведки он был теперь бесполезен, то его сразу сдали на мыло – в агитпроп.

Благодаря дипломатическому скандалу дело это получило мировую огласку. Поэтому в хитром доме агитпропа из маленького Викки сделали большую шишку и решили, что ему следует написать книжку. Викки сидел и пыхтел, но у него ничего не получалось. Тогда книжку поручили писать ангелоподобному Адаму Абрамовичу Баламуту. Но посередине книжки Викки разругался со своим ангелом-спасителем.

Кончать книжку поручили Чумкину-меньшевику, который был папой Чумкина-большевика и который кормился около радио "Свобода" в качестве консультанта по вопросам революции. Книжку назвали коротко и ясно: "Я избрал коммунизм!" Когда этот коллективный труд был закончен, от него явно пахло меньшевиками и троцкистами. Троцкистский душок исходил от павшего ангела Баламута, который в глубине души был немножечко троцкистом.

Книжку издали, конечно, под именем Викки Кравсона, который потом должен был поделиться гонорарами с Баламутом и Чумкиным. Но когда дело дошло до денег, Викки вдруг заявил, что он написал книжку сам, и не дал им ни копейки. Обиженные писатели-призраки ходили по Москве и проклинали Викки на всех углах.

Об этом пронюхали иностранные журналисты, и Викки обвинили в мошенничестве. Чтобы раздуть пропагандный эффект, хитрый дом агитпропа решил инсценировать в Праге международный судебный процесс по обвинению журналистов в клевете на честного Викки.

В качестве свидетеля противной стороны в Прагу приехала даже бывшая жена Викки; Она громко плакала и повторяла, что Викки был какой-то ненормальный, что он не хотел детей и все время заставлял ее делать аборт. На процессе Викки сделал себе шикарную завивку-перманент, кидался на всех с кулаками и ругался непечатными словами. А выйдя на улицу, боялся, что его убьют, и требовал себе двух телохранителей.

– Припадки агрессивности и мания преследования, – констатировал начальник агитпропа. – Типичный шизофреник.

Процесс агитпроп, конечно, выиграл. Потом Викки женился на какой-то старухе, но вскоре развелся. Для защиты от врагов он выпросил себе пистолет и вскоре подстрелил человека, который по ошибке постучал в его дверь. С тех пор, выходя на улицу, бедный Викки наклеивал себе фальшивую бороду и длинные усы.

Но все знали, где его найти – в ресторане "Одесская чайная". Обычно он сидел там, забившись в темный угол, с фальшивой бородой и приклеенными усами да еще надев черные очки. Иногда он на некоторое время исчезал. Говорили, что в психиатрическую лечебницу.

В конце концов Викки Кравсон застрелился из того самого пистолета, который он выпросил для своей безопасности. Для отвода глаз пустили слухи, что Викки стал жертвой каких-то агентов.

Не успело отшуметь дело Кравсона, как на горизонте появилась новая знаменитость. До того как прославиться, Джемма Коссэн служила в том же американском

посольстве в роли скромной учительницы для детей посольского персонала. Потом она почему-то решила сбежать.

– Цепная реакция! – решили в агитпропе.

На первое время беглую Джемму приютили в Красном Кресте. Однако вскоре беглянка передумала и вернулась в свое посольство. На следующий день она опять передумала и выпрыгнула на улицу из окна третьего этажа. Ее подобрали со сломанной ногой – и со славой.

Пока Джемма лежала в больнице, в хитром доме агитпропа под ее именем быстро сочинили книжку "Прыжок к социализму". Выписавшись из больницы, Джемма получила свой гонорар, купила себе автомобиль, наехала на дерево и опять очутилась в больнице, но уже с проломанным черепом.

Когда ей залатали череп снаружи, выяснилось, что у нее что-то не в порядке внутри. Пришлось отправлять ее в третью больницу. На этот раз в клинику для душевнобольных.

– Ничего не пойму! – развел руками начальник агитпропа. – То ли это после прыжка к социализму? То ли после аварии? Или она вообще тукнутая?

Вместе с Джеммой из того же посольства сбежал и объявил себя невозвращенцем еще один учитель. Из окошка он не прыгал и потому в знаменитости не попал. Только в агитпропе наточили карандаши, чтобы писать за него книжку, как пришло известие, что он уже сидит в сумасшедшем доме.

Тут уж начальник агитпропа не выдержал:

– Это черт знает что! Разведка нажимает на всяких психов. А мы потом должны с ними нянчиться...

После долгих совещаний с НИИ-13 в хитром доме агитпропа решили, что иностранный легион следует передать в распоряжение дома чудес. А заодно в дом чудес нужно нового вождя. И тут начальника агитпропа осенило.

Ведь после успеха с "Душой Востока" у Бориса Руднева теперь громкое имя. К тому же он штатный инструктор агитпропа – и бездельничает, взял себе творческий отпуск – и пишет книжку. И начальник агитпропа нажал на соответствующие кнопки.

Борису Рудневу позвонил по телефону архиепископ Питирим и попросил встретиться с ним в доме под золотым петушком. Это был тот самый архиепископ Питирим, в миру генерал-полковник госбезопасности Питирим Федорович Добронравов, который был правой рукой начальника 13-го отдела КГБ – новой советской инквизиции. А дом под золотым петушком, где жил Максим, служил своего рода конспиративной квартирой, где встречалось ближайшее окружение красного папы.

Когда Борис приехал, то Максима дома не было, а архиепископ Питирим прохаживался в генеральской форме КГБ. На погонах у него поблескивали скрещенные топорики, значки технической службы КГБ, которые в данном случае немножко напоминали средневековую инквизицию.

– Ну, Борис Алексаныч, поздравляю! – улыбнулся генерал-архиепископ. – Начальник агитпропа предлагает вашу кандидатуру на пост президента дома чудес, куда будет включен также иностранный легион. Начальник агитпропа говорит, что под вашим руководством мы создадим политическую организацию нового типа. Ну и зашумим на весь мир...

– Что? – сказал Борис. – Иностраный легион? Да ведь это ж шайка дезертиров, бигамистов, воров и мошенников. А вы хотите, чтобы я с их помощью весь мир перевернул?

– А почему бы и нет? Не забывайте, что Ленин и Троцкий, если разобраться, тоже были дезертирами и жили по заграницам. Сталин начал свою политическую карьеру с банковского грабителя. А Литвинов помогал сбывать эти деньги, – Борис отрицательно покачал головой, а генерал-архиепископ с усмешкой продолжал: – Учтите, что в начале своей карьеры Юлий Цезарь тоже был мошенником и авантюристом, и его даже секли публично. А ближайшим сотрудником Ленина был Роман Малиновский, глава большевистской фракции в Государственной думе, который до этого судился за воровство и изнасилование. И крупнейший деятель Коминтерна Карл Радек-Собельсон тоже судился за воровство: даже его псевдоним К. Радек по-польски означает "крадек", то есть вор. В общем, Борис Алексаньич, в роли президента дома чудес вас ожидает довольно интересная работа.

– Нет, нет, Питирим Федорыч, спасибо за честь.

– Хорошо, тогда я открою вам один маленький секрет. Между нами говоря, реорганизация дома чудес – это новый и довольно засекреченный спецпроект нашего Научно-исследовательского института – НИИ-13. Это один из объектов психологической войны. А эта психвойна ведется теперь не с кондачка, а на базе серьезной научно-исследовательской работы. – Генерал-архиепископ погладил свою окладистую бороду. – А что касается персонала, то... Поверьте мне, все революционные или, скажем, подрывные организации состояли из людей такого сорта. Когда-то, еще до революции, Ленина спросили, на кого он делает ставку. И в минуту откровенности товарищ Ленин сказал коротко и ясно: "На сволочь!" А товарищ Сталин потом, после революции, всю эту сволочь перестрелял. Революция имеет свои скрытые закономерности, о которых трудно писать в учебниках истории.

– Да, но ведь дом чудес – это просто шайка алкоголиков. Шантрапа!

– Это снаружи. А внутри – это очень сложный и нежный механизм. Это своего рода лаборатория. Питательный бульон, где культивируются специальные бациллы психвойны. Кстати, для вашего сведения – этот спецпроект называется "Профсоюз святых и грешников".

– Святых в этом доме чудес я что-то не видел, – скептически заметил Борис.

– Да, грешников всегда больше, чем праведников, – согласился генерал-архиепископ советской инквизиции. – Кроме того, есть еще грешные святые и святые грешники. Есть также доброе зло и злое добро. Только не все это видят. – Он расхаживал по комнате, заложив руки за спину. – В свое время Достоевский предупреждал, что если кто погубит Россию, то это будут не коммунисты, не анархисты, а проклятые либералы. Достоевский хорошо знал, что он говорил, – и он был прав. Потому к либерализму и прилипла кличка – гнилой либерализм. А такой гнилой либерализм – это духовный яд, трупный яд. Это и есть то самое доброе зло, которое на вид добро, а на самом деле зло. Потому-то философ-чертоискатель Бердяев, изобретатель доброго зла и злого добра, и называл либеральничающего графа Льва Толстого "настоящим отравителем колодцев жизни". Это относится к религиозной философии Толстого во втором периоде его жизни, когда он уже был душевнобольным человеком. Вот за это-то Толстого и отлучили от церкви. Но точно таким же "отравителем колодцев жизни" был и сам Бердяев. Потому-то суд Святейшего Синода в 1915 году и приговорил Бердяева к вечной ссылке в Сибирь. Потому-то Ленин и выслал Бердяева за границу – и еще 300 таких же синих мух. Синие мухи – трупные мухи. И они разносят трупный яд.

– Хорошо, либерализм – это доброе зло, – сказал Борис. – А что такое злое добро?

– Это то, что делаем мы, – тонко, как иезуит, усмехнулся генерал-архиепископ советской инквизиции. – Трупный яд гнилой либерализма – доброе зло пришло в

Россию с Запада. И это было одной из причин революции, которая стоила России 50 миллионов человеческих жизней. Роды нового общества. Однако Запад подпускает нам этот яд и теперь – под маской гуманизма, в форме так называемых диссидентов, которые по сути дела есть неотроцкисты и необердяевцы. А мы, тайная полиция новой молодой России, потихоньку перекачиваем этот яд назад – с Востока на Запад. Этому же служит и спецпроект "Профсоюз святых и грешников". Так что работа у вас будет довольно интересная. Своего рода санитарно-политическая профилактика.

– Питирим Федорович, но ведь у меня творческий отпуск – и я пишу мою книжку...

– Знаю, об идеальных советских людях нового типа – гомо совьетикус. Но тема эта гораздо трудней, чем вы думаете. И я хотел бы помочь вам. Именно поэтому я и поддерживаю вашу кандидатуру в президенты дома чудес. Гарантирую, что в этом "Профсоюзе святых и грешников" у вас будут самые широкие возможности познакомиться с этими гомо совьетикус на практике.

– Хм, но что это, собственно, за работа?

– Вы знаете разницу между белой и черной пропагандой?

– Я только знаю, что черная пропаганда – это порнография и всякие непечальные вещи. Для морального разложения противника.

– Да, но это чепуха. Мы занимаемся вещами на гораздо более высоком идеологическом уровне. Одна наша бацилла сидела около президента Рузвельта и даже советовала ему, что делать. Дело атомного шпиона Фукса – это тоже наша работа. У нас для этого есть специальный мозговой трест: профессора, доктора, академики, головастики, полубоги.

Генерал-архиепископ поднял палец к небу и покрутил им, как штопором.

– Всякие там новые философы и теологи, социологи и биологи... Например, вся психвойна в принципе базируется на так называемом "комплексе Ленина", который делает из людей настоящих революционеров. Но все это вещи сложные и запутанные. Почти как черная магия.

Инструктор агитпропа поморщился:

– Но я этими черными делами никогда не занимался.

– Ничего, там будет и черное, и белое. Ваша часть – только белая. А черными делами будут заниматься другие. Ручаюсь, что вы этого и видеть не будете. Для связи между белой магией и черной магией в качестве Мефистофеля у вас будет Сосий Исаевич Гильруд. А это человек очень оригинальный, настоящий чародей. Позже мы приставим к вам еще специального ангела-хранителя.

– Но что это за черная магия, которой я и видеть не буду?

– Со временем, может быть, и увидите. В качестве теоретической подготовки рекомендую вам почитать книжку Гете "Ученические годы Вильгельма Мейстера". Кроме того, почитайте "Золотого осла" Апулея, где говорится, что для достижения настоящей мудрости сначала нужно побывать в ослиной шкуре. И желаю вам успеха с вашей книжкой о гомо совьетикус. Посмотрим, что у вас получится.

Выходя из дома злого добра, где обитал красный папа Максим Руднев, Борис посмотрел на задорного золотого петушка, который крутился на крыше в качестве флюгера, и подумал: "Черт бы вас побрал с вашей черной магией! Не дают человеку пожить спокойно".

Так инженер человеческих душ Борис Руднев стал президентом дома чудес и начальником спецпроекта "Профсоюз святых и грешников".

Из состава иностранного легиона в руководство дома чудес попал только один человек – Майкл Дундук, которого все звали Мушером. Отец Мушера после революции бежал в Англию и женился на англичанке. Поэтому Мушер свободно говорил и по-английски, и по-русски. Благодаря этому он, в чине английского майора армии Его Величества, попал на службу в Контрольном совете в Берлине. А в советском иностранном легионе Мушер очутился благодаря своему мягкому сердцу.

Хотя в Лондоне у Мушера была жена и двое детей, в Берлине он влюбился в шансонетную певичку Диану. Из тех, которые не столько поют, как показывают свои голые ножки. Потом Диана забеременела, и начала хныкать и плакать. Мушер же не переносил женских слез и, чтобы распутать эту сложную ситуацию, бежал вместе с Дианой в советскую зону Германии, откуда майора армии Его Величества переправили в Москву.

Перебежчики покрупней, как атомный ученый Понтекорво или дипломаты-педик Бергесс и Маклин, устраивались хорошо, на дачах в окрестностях Переделкино. А такая мелочь, как Мушер с Дианой, приземлялись в Недоделкино. В этом иностранном легионе, среди недоделков из Недоделкино, Диана вскоре подарила Мушеру очаровательную дочку.

Диана была родом из Эльзаса, и потому она свободно говорила и по-немецки, и по-французски. А поскольку ее мать была польской еврейкой, то вскоре Диана свободно болтала по-русски. Она-то и прозвала своего мужа Мушером, что по-французски означает "мой милый". Потом все его так и звали – Мушер да Мушер.

В Англии Мушер окончил университет и, даже имел титул магистра по каким-то там либеральным искусствам. Но в Советском Союзе эти либеральные искусства оказались не у дел, и Мушеру пришлось работать простым маляром на постройках. Несмотря на это, Мушер не унывал и искренне любил свою жену и дочь. Зато Диана, которая мечтала о большой карьере, частенько ворчала, что она променяла шило на мыло.

После объединения иностранного легиона с домом чудес Мушеру предложили должность заместителя президента по социальным вопросам. Зная состав дома чудес, Мушер стал отказываться:

- Спасибо, лучше я останусь маляром. Но здесь вмешалась Диана:
- Мушер, но ведь там можно сделать карьеру! Соглашайся!

Диана всегда уверяла, что поскольку она полуеврейка, то она умней, чем другие. А недоделки из Недоделкино, которые знали Диану, говорили, что она не так умная, как полоумная.

Так или иначе, но Мушеру пришлось согласиться с женой. Так Мушер Дундук, бывший майор армии Его Величества, начал свою карьеру в доме чудес.

Глава 5. Дым без огня

Дьявол делает все в темноте, сзади и наоборот.

Дени де Ружмон. Роль дьявола

В доброе старое время хорошему барину полагалось держать приживалок. Как настоящий барин нового типа, партджентльмен Гильруд тоже имел целую кучу приживалок. И самой заслуженной из них был старенький поэт и писатель Лука Перфильевич Тимуров, которого все называли потомком Чингисхана. На вид ему было лет шестьдесят, но свой настоящий возраст он тщательно скрывал.

Многие называли его потомком Чингисхана просто в шутку, глядя на его преклонный возраст. Но все дело в том, что он действительно был самым настоящим потомком великого Чингисхана, империя которого когда-то простиралась от Тихого океана до Дуная и от Москвы до Персидского залива, и была значительно больше великой Римской империи. В свое время один из потомков Чингисхана из дипломатических соображений женился на дочери какого-то московского князя и этим положил начало древнего и славного рода, представителем которого теперь являлся Лука Перфильевич Тимуров.

Если с исторической точки зрения это был настоящий уникам, то с технической точки зрения потомок Чингисхана был потомственной приживалкой. В молодости он жил на иждивении филантропа и мецената Гильруда-отца. Говорили, что этот меценат очень любил Луку, и при этом многозначительно подмигивали. Позже из уважения к памяти отца Гильруд-сын взял состарившегося Луку на свое иждивение. Таким образом, дом чудес обогатился еще одним ярким сотрудником.

Старенький и маленький, худенький и тщедушный, потомок Чингисхана напоминал собой засушенный прошлогодний гриб. На носу поломанные очки в оловянной оправе, привязанные к одному уху веревочкой. В зубах изгрызенный и обычно пустой мундштук, вырезанный из вишневой ветки. А на костлявых плечах теплая бабья кофта буракового цвета.

У этой кофты на спине полуистертая казенная надпись:

“Психиатрическая больница им. Кашенко”. Потомок Чингисхана говорил, что эту кофту подарила ему одна хорошая знакомая и что он носит ее из сентиментальных соображений, как приятное воспоминание.

В области поэзии потомок Чингисхана был специалистом по сердцепипательным романсам. Потому в доме чудес ему сначала поручили писать политические куплеты. Начинались эти куплеты про политику, а кончались увядшими розами, улетающими соловьями и повесившейся возлюбленной. Тогда ему дали политические фельетоны. Но вместо политики получались слезливые рассказы про несчастную любовь.

– Хотя и говорят, что любовь – это пружина, которая вращает земной шар, – заметил флегматичный Филимон, – но в данном случае эта пружина крутится наоборот.

– Переведем его на место корректора! – решил неистовый Артамон.

Но потомок Чингисхана, свирепо закусив свой пустой мундштук, стал лепить в гранках еще больше печаток, чем сами наборщики. Чтобы хоть как-то приткнуть его

к делу, его перевели на должность машинистки. С тех пор потомок Чингисхана мирно восседал в комнате машинисток, лупил двумя пальцами по клавишам машинки, как по роялю, и подпрыгивал в такт своей симфонии. Со стороны казалось, что это не машинистка, а композитор в процессе вдохновенного творчества.

Свой календарь потомок Чингисхана исчислял по тому, сколько дней осталось до получки. Сразу после получки он незаметно, как тень в полдень, исчезал. Управделами Брешко-Брешковский недовольно ворчал:

– Куда это Лука делся?

Швейцар Назар, который знал все тайны дома чудес, виновато переминался с ноги на ногу:

– Куды ж ему еще итить... Известно куды...

– Так где он?

– Сами знаете где... – качал головой Назар. Зарабатывал потомок Чингисхана вполне прилично, но денег у него не было никогда. Свои финансы, как и календарь, он исчислял в обратном порядке – в форме вечных долгов. Ходил он обычно, как беспризорник, в одежде с чужого плеча. Когда у него изредка бывали папиросы, он усиленно угощал ими всех и каждого, словно стараясь поскорее избавиться от них. Потом он стрелял папиросы у всех и каждого или демонстративно собирал окурки, словно стараясь подчеркнуть этим свое бедственное положение. Когда ему давали закурить, у него не оказывалось спичек. Когда ему давали спички, они у него обязательно тухли.

– Божий человек, – сочувственно вздыхал неохристианин Серафим Аллилуев. – Раньше такие около церкви стояли. Босиком на снегу. А на шее вериги.

– Типичный недобитый битник, – возражал Остап Оглоедов. – У него в голове перекос – параллакс.

Больше всего потомок Чингисхана приставал с куревом к Акопу Саркисяну. Тогда финансовый гений завел себе огромную трубку. От трубочного табака бедный Лука начинал чихать и спешно покидал бухгалтерию. Выкурив своего разорителя, бывший миллионер довольно посасывал свой кальян и оправдывался:

– Ведь у меня тут не табачная фабрика!

Чтобы потомок Чингисхана не бегал к нему за спичками, флегматичный Филимон подарил ему старую зажигалку. Но на следующий день рассеянный поэт опять явился к нему за огоньком.

– А где же твоя зажигалка? – удивился Филимон.

– Да я ее, проклятую, потерял, – со скрытым торжеством признался потомок Чингисхана. Казалось, что дело вовсе не в спичках, а ему просто нравилось играть роль беспомощного иждивенца.

Питался потомок Чингисхана, как колхозный воробей: то пожует сухую корочку хлеба, то разведет себе в кипятке бульонный кубик или пьет голый чай. От такой диеты он в конце концов заболел и слег в постель. Швейцар Назар поставил такой диагноз:

– Ничегошеньки не лопает, ну вот кишки и ссохлись. И действительно, непрерывным постом потомок Чингисхана довел свою плоть до того, что у него случилось сращение пищеварительного тракта и потребовалось медицинское вмешательство.

Всезнайка Остап Оглоедов комментировал:

– Это он тренируется по системе йогов. Хочет в нирвану проскочить.

По виду потомок Чингисхана никак не походил на диверсанта. Но, как и все остальные члены шайки Гильруда, во время войны он был советским агентом в немецкой армии. Правда, он заведовал там армейской прачечной и воевал, так сказать, с грязным бельем.

Но стирать свое собственное белье потомок Чингисхана считал ниже своего достоинства. Поэтому от горделивого поэта довольно прозаически – извините за выражение – пованивало. Дабы привести его в человеческий вид, Акоп однажды удержал ему деньги из жалованья, чтобы купить ему свежего белья и рубашек. Но тишайший Лука Перфильевич вдруг разбушевался, как настоящий Чингисхан;

– К черту рубашки! – завопил он. – Давай деньги!

– А зачем тебе деньги?

– Это не твое дело. Мои деньги – захочу и сожгу! Акоп повернулся к швейцару Назару:

– Слушай, куда он таскает свои деньги?

– Да все туды же, – уныло ответил Назар. – Все в ту же дырку.

Потомок Чингисхана вырвал деньги из рук Акопа и выскочил из бухгалтерии так стремительно, словно от этого зависела его жизнь или смерть.

По этому поводу устроили производственное совещание. Комиссар Гильруд предложил:

– А нельзя ли заставить эту разбойницу, чтобы она не грабила бедного старика?

– Ее можно, – флегматично сказал Филимон, – Но его – нельзя.

– Почему?

– Он себе моментально другую найдет, – хмуро ответил Артамон. – Да еще поплеще первой.

– Так что же делать?

– Ничего, – хором ответили Филимон и Артамон. Акоп Саркисян резюмировал:

– Любви все возрасты покорны, ее порывы благотворны...

Действительно, источником всех странностей потомка Чингисхана была любовь. Как настоящий магометанин, он утверждал, что у него было шесть жен. Каждый Новый год он публично писал всем своим шести женам поздравительные открытки во все концы света, но ответа не получал ни от одной. Потом выяснилось, что аморальность многоженства носила чисто платонический характер: все эти жены существовали только в его пылком воображении.

Как в своем литературном творчестве, так и в жизни Лука Тимуров признавал только несчастную любовь. И в жизни это удавалось ему даже лучше, чем на бумаге. Каким-то особым чутьем он находил себе соответствующий объект обожания. Обычно это была подержанная блудница с темным прошлым. К ее ногам, как мышь в нору, он таскал абсолютно все: свое жалованье, папиросы, еду, цветы и, наконец, свои стихи про несчастную любовь. Когда его припирали к стенке, он сердито огрызался:

– А может быть, у меня по отношению к ней моральные обязательства? Может быть, грехи молодости?

Ни на что большее, кроме возможности пострадать, престарелый обожатель не рассчитывал. Рано или поздно такое бескорыстие становилось невмоготу даже самой прожженной блуднице, и она отказывала ему от дома. Тогда Лука бродил по до-

му чудес немножко грустный, немножко растерянный и .не знал, куда девать свои папиросы, стихи и деньги. Но вскоре он опять находил себе очередной предмет обожания, еще похлеще первого, и снова принимался счастливо страдать.

Помимо шести несуществующих жен, о которых он вспоминал с большим удовольствием, у потомка Чингисхана имелась еще одна настоящая жена, о которой он вспоминать не любил.

Седьмая жена потомка Чингисхана, писательница и поэтесса Ирина Забубенная, была фигура оригинальная и красочная во всех отношениях. Как и большинство членов оперативной группы Гильруда, родом она была из Прибалтики. Говорили, что она полуеврейка и во время войны оперировала как баронесса Розенберг. Но сама она об этом помалкивала.

Теперь же баронесса Розенберг переключилась на психологическую войну и стала Ириной Забубенной. Для хлеба она бойко строчила обычную казенную пропаганду. Зато для души она писала на редкость чистые, искренние и проникновенные стихи или стилизованные рассказы о возвышающих качествах человеческой души, или символические повести, выточенные мастерским филиграном белых строф.

Читателю невольно представлялась призрачная, как далекая мечта, поэтесса в строгом платье из черного бархата с белым воротничком из брабантских кружев. Читатель видел неземное существо, сотканное из солнечных лучей и чистых, орошенных росой лепестков белых роз в том саду, где поют соловьи. Читатель ощущал слабые и нежные восковые пальчики, которые пахнут ладаном, и голос, ласкающий слух, как журчание лесного ручейка.

Так же думал и Филимон Сикля, когда однажды сидел в редакции дома чудес и правил рукопись Ирины Забубенной. По пустому коридору приближались шаги. Сначала Филимон подумал, что это шагает Каменный Гость. Но в комнату вошла самая обычная пожилая женщина, небольшого роста и слегка склонная к полноте. Филимон произвольно бросил взгляд на ноги посетительницы – уж не железные ли у нее сапоги? Нет, женщина была обута в простые туфли со стоптанными каблуками. Но зато поступь у нее была железная.

Когда поэтесса Ирина Забубенная подошла ближе, то запахло от нее не ладаном, а густой смесью водочного перегара и махорки. Когда она раскрыла рот, то вместо нежного журчания ручейка раздался пропитой мужской баритон. Не вынимая из рта цигарку, поэтесса решительно потребовала аванс.

– Это, собственно, не для меня, – извинилась бывшая баронесса, – а для моих хahalей.

– Кха-кха, – поперхнулся Филимон.

– Да, в моем возрасте уже приходится покупать мужчинам водку, – откровенно пояснила баронесса-поэтесса, которая пишет стихи про чистую любовь. – Иначе с вашим братом каши не сварить.

Когда Ирина Забубенная была помоложе, она была идеальной парой для своего супруга. Потомок Чингисхана всегда стремился к несчастной любви, и Ирина давала ему все возможности испытать это удовольствие на практике. В поисках творческого вдохновения она устраивала пьяные оргии и на глазах у своего благоверного мужа изменяла ему сразу с несколькими собутыльниками в самом голом смысле этого слова.

А потомок Чингисхана сидел за столом, как в кино, наблюдал все происходящее, пил водку с теми, кто дожидался своей очереди, плакал горячими слезами и экспромтом сочинял стихи про несчастную любовь. Потом Ирина вспоминала, как Мережковский описывал интимную жизнь Аристотеля и его возлюбленной. В подра-

жание Аристотелю потомок Чингисхана становился на четвереньки, а пьяная Ирина садилась на него верхом и со стаканом водки в руке каталась на нем голая по комнате.

Во время одной, из таких пьяных вакханалий потомок Чингисхана, мешая водку со слезами, нацарапал на обрывке бумаги бессвязную песенку “Серые глаза”. Кто-то подобрал к этим словам музыку, и вскоре этот печальный романс распевала вся Москва, затем весь Советский Союз. Его переписывали из рук в руки.

Через несколько лет из Франции, Америки и даже Японии в Москву тайком привозили пластинки, где грустно звучал всемирно известный романс на слова неизвестного автора “Серые глаза”. Но потомку Чингисхана от этого легче не стало. Обладательница серых глаз по-прежнему каталась верхом на всемирно неизвестном поэте.

Хотя жили они теперь в разводе, но факт седьмой жены оспаривать было нельзя, так как налицо имелся взрослый сын. Своим видом этот отпрыск поэзии и прозы походил на мать, характером – на отца. А по фамилии он был ни в мать ни в отца, а в проезжего молодца. Звали его почему-то Алексей Шелапутин. А сокращенно его звали Люсей.

Хотя имя Люся было женское, но говорили, что это можно в высших сферах и в хороших еврейских семьях. Так, например, режиссера Алексея Каплера, в которого была влюблена сама Светлана Сталина, тоже звали Люсей. Правда, потом папа Сталин, не считаясь с модами, загнал этого Люсю на 10 лет в концлагерь.

Люся Шелапутин ходил по дому чудес всегда как-то немножко бочком, подпрыгивающей петушиной походкой, осторожно поджав руки в локтях и вытянув вперед острый носик, торчавший между испуганно вытаращенными глазками. Стихов он не писал, но тем не менее постоянно в кого-то влюблялся и с точно такими же, как у паши, результатами.

Посмотрев на Люсю, всезнайка Остап Оглоедов глубокомысленно покачал головой:

– Сразу видать, что за фрукт. Пальцем деланный. Потому у него в голове этакий перекосяк – параллакс.

По профессии Люся Шелапутин был профессиональным неудачником. А по штатному списку дома чудес он числился личным шофером управделами. Но ездить Артамону было почти некуда, и, чтобы шофер не болтался без дела, он поручил Люсе по совместительству должность своего лейб-библиотекаря.

Когда-то Артамон достал где-то кучу старых книг, которые свалили в одной из задних комнат, назвав этот чулан библиотекой. Никто об этой библиотеке ничего не знал, а кто и узнавал, тому говорилось, что она пока еще находится в стадии комплектации. С тех пор лейб-библиотекарь Люся мирно сидел в своем чулане и, запершись на ключ, занимался этой комплектацией. Судя по толстому слою пыли на полках, к книгам он никогда не прикасался.

Таинственной библиотекой пользовались только два человека. Когда управделами требовалось опохмелиться без свидетелей, он приходил инспектировать работу своего лейб-библиотекаря и рычал:

– Люся, ты опять бездельничаешь? А ну-ка сбегай за пивом!

– Какого вам? – испуганно тарасил глаза Люся.

– А ты что, сам не знаешь? Мюнхенского, конечно! Люся молча хватал свой изорванный портфель, который служил специально для таких целей, и сломя голову мчался в соседнюю пивную. Если приходили посетители, им говорилось, что управделами уехал по срочным делам. Тем временем неистовый Артамон мутными

глазами обозревал свою библиотеку, вспоминал золотые времена, когда он был директором школы для дефективных детей, и всячески распекал своего лейб-библиотекаря.

Иногда в книжный чулан с озабоченным видом наведывался потомок Чингисхана. Поправляя сползающие на нос очки, он шептал что-то на ухо своему проблематичному сыну. Люся делал удивленное лицо:

– Ха, я думал, как бы у тебя денег занять, а ты меня обскакал и пришел у меня занимать. С удовольствием бы, папочка, но у меня в кармане – вошь на аркане.

Проблематичный отец мрачно грыз пустой мундштук и вздыхал:

– Если денег нет, то дай хоть закурить.

– Что, закурить? – всплескивал руками сын. – Да ты, папа, прямо мои мысли читаешь. Я сам только что подумал, нет ли у тебя лишней папироски?

Как-то Гильруда спросили, зачем он держит такого бездельника, как Люся. Комиссар задумчиво пожевал губами:

– Из уважения к русской истории. Ведь это последний из Чингисханов.

Где-то и когда-то лежал вдоль большой дороги лошадиный череп. Бежала по дороге мышка, увидела череп, понюхала и устроилась в нем на жительство. Чтобы не скучать, пригласила мышка в компаньоны навозного жука. За жуком приползла улитка. За улиткой дождевой червяк, божья коровка и прочие Божьи твари. Так они и жили – не тужили.

Со стороны казалось, что по такому же принципу жили и чудак в доме чудес. В тихом домике по соседству мирно, как купеческая возлюбленная, дремала военная разведка. А в потайную калитку между домами вместо веселого купца теперь бегал комиссар дома чудес Сося Гильруд.

Свою кличку Гоняло Мученик папа Миллер заслужил честно. Хотя бегал он много, но доходов это приносило мало. Разве что угостят папироской. Поэтому семью содержала, собственно говоря, Нина, которая работала машинисткой на радио “Свобода”.

Однажды, когда дела с заработком были особенно плохи, Гоняло Мученик вспомнил, что в доме чудес иногда покупают статьи со стороны. И он решил испытать свое счастье в литературе.

Для начала Акакий Петрович списал или, как говорят, скомпонировал свою статью из нескольких чужих статей. Пока он прямо списывал, все шло хорошо. Но в промежутках получалась такая путаница, что Акакий Петрович старался скрыть это за умышленно неразборчивым почерком. Одновременно это скрывало и дефекты правописания.

Затем Гоняло Мученик передал эту писанину Борису Рудневу с просьбой подействовать. При этом он занял у Бориса сто рублей в счет будущего гонорара. Друг семьи почитал, чертыхнулся – и переписал все заново. Потом он передал эту стряпню Сосе Гильруду. Комиссар дома чудес посмотрел на подпись папы Миллера и понимающе усмехнулся:

– Статья паршивая, но зато невеста там оч-чень соблазнительная.

Вскоре Гоняло Мученик заплатил Борису свой долг натурой, сунув ему еще несколько статей, которые оказались еще хуже первой. Хотя выглядел папа Миллер как продувшийся в карты аристократ, но в душе он был мелким шулером.

Тем временем Нина получила повышение по службе: из машинистки ее перевели в секретарши. Да еще в секретарши у самого Адама Абрамовича. Теперь Нина ходила сияющая и мечтала о большой карьере.

По этому случаю в доме Миллеров устроили маленький семейный праздник. И в качестве единственного гостя пригласили Бориса – как друга семьи. Чтобы облегчить Нине будущую карьеру, Борис подарил ей маленькую свинку из слоновой кости, которую он купил в антикварном магазине и которые, как говорят, приносят счастье. Нина повертела подарок в руках и поморщила носик:

– Вы это на что намекаете? Впрочем, я действительно большая свинья.

В семейном празднике принимала участие также мать Милиции Ивановны. Если мама Миллер напоминала собой милиционера, то бабушка больше всего походила на отставного разбойника с большой дороги. К тому же разбойника, не раскавшегося в своих грехах.

Эта мрачная старушенция смотрела на всех исподлобья и молчала. Звали ее Ираида Феодоровна, наподобие того, как царя Ивана величают Иоанном. Если кто-нибудь по оплошности пропуская это “о”, то бабушенция отворачивалась, словно разговаривают не с ней, и потом долго косилась на обидчика.

После чая Нина посмотрела в окошко и сладко зевнула. А Борис стал комбинировать. На дворе дождь и ветер – раз. По такой собачьей погоде бабушка, конечно, не захочет выходить из дома – два. А родители останутся вместе с бабушкой.

– Нина, пойдете в кино? – предложил он.

– Прекрасная идея! – воскликнула бабушка-разбойница и от удовольствия даже хлопнула себя по колену. Она сразу сообразила, что платить будет Нинин кавалер и можно сходить в кино на халтуру.

Милиция Ивановна начала раскачиваться на стуле:

– Ну что ж, придется сходить.

Гоняло Мученик попытался притвориться спящим, но это ему не удалось.

– Кики, собирайся! – коротко приказала супруга. По узкой, окруженной талым снегом и лужами дорожке идти можно было только гуськом. Впереди размашисто шагала бабушка и приговаривала:

– Мы еще и не по таким дорогам хаживали... За бабушкой, как передвижная тумба для афиш, переваливалась с боку на бок Милиция Ивановна и на ходу оправдывалась:

– Терпеть не могу это проклятое кино. Разве что за компанию...

Следом, втянув голову в плечи, понуро плелся Гоняло Мученик и боялся потеть свои калоши. За папой, как козочка, прыгала Нина и сердилась:

– Тьфу, у меня уже все ноги мокрые! И кому только пришла в голову эта глупая затея идти в кино!

Процессию замыкал охотник за девушкой нового типа. Он с интересом наблюдал, как Нина судорожно мечется, стараясь держаться от него подальше. Ничего, думал он, зато в кино он хоть посидит рядом с героиней своего романа. Может быть, на экране будет стрельба и от страха героиня прижмется к герою.

Но в кино Нина моментально спряталась между отцом и матерью, а Борис очутился рядом с бабушкой. От старушки пахло перцем и ладаном, напоминая не то монастырь, не то разбойничий вертеп. Хоть бы стрельбы не было, думал он, а то эта бабушка еще начнет прижиматься.

После перерыва пришлось поменяться местами, и на этот раз Нина оказалась рядом с Борисом. Когда героиня на экране заплакала, он осторожно погладил ручку своей героини. Так, как делают все парочки на всех кино мира. Но девушка нового типа судорожно отдернула руку и отодвинулась в сторону.

– Эй вы там! – раздался голос. – Не мотайте головами!

Все настоящие мужчины – в душе охотники и любят ту дичь, которая дается в руки не сразу. Какой интерес свернуть шею домашней утке? Никакого. А вот дикая утка – это совсем другое дело. Здесь нужно встать ни свет, ни заря и потом часами лазить по пояс в воде и зарослях камыша. Снизу подмывает холодная водичка, сверху припекает горячее солнышко, а посередине покусывают комарики. Разве это не удовольствие?

С этой точки зрения Нина была идеальнейшим объектом охоты. В руки она так просто не давалась. Ни так, ни этак.

Чтобы хоть как-то избавиться от родителей, Борис пригласил свою героиню в плавательный бассейн. Уж сюда папа, мама и бабушка вряд ли увяжутся. Встретившись с Ниной у воды, охотник с трудом узнал свою дичь.

Дома, когда Нина лезла отцу на колени, она казалась великовозрастным ребенком. Теперь же, в купальном костюме, она выглядела совсем иначе. С любой точки зрения – анатомической, поэтической или прозаической – это было совершенное произведение живой природы. Не слишком много, не слишком мало. Как раз то, что в искусстве называется каноном. Не девушка, а богиня.

– Пойдемте в воду, – сказал он и протянул ей руку.

– Уберите ваши волосатые лапы! – зашипела богиня. “Порядки, как в музее, – подумал он. – Смотреть можно, но руками не трогать”.

Он нырнул в воду с трамплина, а она подошла к другому концу бассейна. Вынырнув, он увидел, что она, как и полагается купающимся богиням, стоит в воде по колени.

– Плывите сюда! – позвал он.

Но Нина упорно не хотела покидать место, предназначенное для богинь.

– В чем дело? – спросил он.

– Я не умею плавать, – призналась богиня.

– Давайте я вас научу.

– Нет, нет, уберите ваши противные лапы! Пойдемте лучше в буфет.

В буфете Нина проглотила полдюжины бутербродов с таким аппетитом, словно она только что переплыла Ла-Манский пролив. Затем она решительно заявила, что соскучилась без папы и идет домой.

Борис анализировал ситуацию так. Конечно, Нина ведет себя немножко странно. Но это вполне естественно, если знать новые классовые предрассудки советского общества и учитывать, что Нина только маленькая секретарша.

Поскольку после революции частная собственность была уничтожена, в новом советском обществе классовый отбор или селекция происходили в основном по линии образования. И Борис хорошо знал это на собственном опыте.

Когда он учился в индустриальном институте, где ковали технократию, новое советское дворянство, в пункте ухаживания за девушками там существовал строгий кастовый распорядок.

Ухаживать полагалось только за студентками. Предпочтением пользовались студентки самого легкого факультета – химического, где учились только девушки и футболисты. Принималось за аксиому, что у студентки красота и ум – это столь же редкое совпадение, как редко хороший футболист бывает хорошим студентом. Поэтому дирекция сразу отправляла всех хорошеньких девушек и футболистов на хим-фак.

Если ухаживать за девушкой из мелиоративного, или, как говорили, водного института, – это уже кастой ниже. Все-таки вода есть вода. Если она из педагогического института и собирается стать учительницей значит, она – почти круглая дура. Если ухаживать за студенткой из сельскохозяйственного института, то на такой рабоче-крестьянский мезальянс смотрят очень косо.

Но самое худшее, самое последнее занятие – это гулять с девицами “из города”, то есть нестудентками. Девушки без высшего образования в глазах студента – это все равно, что человек без головы. Существа “из города” – это секретарши, машинистки и прочая мелочь.

Но секретарши и машинистки тоже не дуры, и все это прекрасно знают. Однажды в квартире над головой Бориса жила очаровательная Анечка-машинистка с голубыми глазами. Не девушка, а сущий ангел. Несколько раз Борис пытался установить с этим ангелом добрососедские отношения. Но Анечка шарахалась от него, как от черта. Потом она откровенно призналась:

– Да ведь мне же с вами даже по улице пройтись стыдно.

– Почему?

– Каждый будет думать, что я набитая дура.

– Почему?

– Да потому что такие, как вы, на машинистках не женятся... А только балуются.

Зато очаровательная Анечка нисколько не стеснялась гулять с шоферами. Иногда по ночам из ее комнаты доносился стук сапог и дикая ругань – это очередной шофер лупил своего ангела. Потом Анечка целую неделю ходила с синяками под своими голубыми глазами.

Эти новые законы советского общества соблюдаются довольно строго. И Борис убедился в этом не раз, а много раз. Поэтому, думал он, вполне естественно, что и секретарша Нина соблюдает с ним определенную дистанцию. Это лучше, чем какие-то вертихвостки.

Подошел день рождения Милиции Ивановны, и в семействе Миллеров опять закатали грандиозный праздник. И Борис опять оказался единственным гостем. А в доме, где есть невеста, это что-то да значит.

Новорожденной Борис подарил электрический чайник, а Нине – большую коробку французских духов “Табу”. Нина развернула подарок и фыркнула:

– Это вы на что намекаете?

– Табу? Ну, острова южных морей. Разве вы не знаете?

– Знаю. И запомните – я не люблю грязных намеков.

– Да какие тут намеки? Просто французские духи.

– Ах, так! – рассердилась Нина. – Французские? А вы знаете разницу: когда нужно держать язык за зубами и когда зубы за языком?

Как в хорошо сыгранной футбольной команде, мама пришла на помощь дочери:

– Бори-ис Алексаныч, разве можно рассказывать французские анекдоты порядочным девушкам? Ведь Нина не какая-нибудь...

На дворе уже попахивало весной, и Нина тоже немножко оттаяла. После ужина она предложила Борису пойти подышать свежим воздухом. В переулке Энтузиастов обнимались влюбленные парочки, но Нина предупредила, чтобы Борис вел себя прилично. Соответственно этому он спросил:

– Нина, что вы сейчас читаете?

– Очень много.

– А что именно?

– Экспрессионистов.

– Насколько я знаю, это агрессивный индивидуализм плюс реакционный формализм и мистицизм. А как вам нравятся импрессионисты?

– Пошли бы вы к черту с вашими экзаменами! – с досадой сказала Нина.

Охотник за гомо советикус подумал, что в связи с разницей в служебном положении на Нину, может быть, давят какие-нибудь тормозящие моменты или условные рефлексы. Чтобы успокоить ее, он осторожно заметил:

– Нина, мне кажется, что вы все время чего-то боитесь.

– А как же мне не бояться? Мне уже десять предложений делали. Но я всем отказала. И вы ко мне лучше не подкатывайтесь...

– Почему? – полюбопытствовал Борис.

– Вам же лучше будет, – честно ответила Нина. Она повернула назад, по направлению к дому, и резко ускорила шаг. Охотник за гомо советикус шагал за ней и насвистывал маршевую песенку:

Р-раз, два, горе не беда, Что же ты, соловушко, невесело поешь?

Чтобы поближе познакомиться со вторым героем своего романа, Сосей Гильрудом, Борис иногда заводил с ним дружеские разговоры. Ведь чародей Сося должен играть у него роль честного друга, партджентльмена нового типа. Новый друг тонко улыбнулся:

– Ну как там дела с невестой?

– Очень милая девица, – сказал охотник за гомо советикус. – Только с ней трудно найти общий язык.

– Все люди разные, – многозначительно пожевал губами Сося. – Нужно только знать, к кому с какого конца подходить.

Но с какого конца нужно подходить к Нине – этого он не сказал.

Глава 6. Сад земных утех

Настоящая правда всегда неправдоподобна...

Ф. М. Достоевский

Злые язычки, которые называли радио “Свобода” мусорной кучей, никак не могла решить, кто же на этой мусорной куче играет роль белладонны. Одни говорили, что белладонна – это Нина Миллер, так как она красивее и поэтому опаснее. Другие считали, что это ее подруга Лиза Чернова, так как она хитрее и подлее. А Третьи уверяли, что обе они – два сапога пара.

Но были, конечно, и добрые язычки. Так, неохристианин Серафим Аллилуев, глядя на Нину с Лизой, сравнивал их с ангелами небесными. И тоскливо облизывался вслед этим ангелам.

Лиза Чернова хвасталась, что она ведет свое происхождение от знаменитого философа Бердяева, которого одни называли богоискателем, а другие чертоискателем. Чтобы разрешить этот спор, Ленин в 1922 году выслал Бердяева и всех его чертоискателей к чертовой матери за границу. В числе этих выкидышей революции были и родители Лизы.

Бердяев любил философствовать о союзе сатаны и антихриста, где потом будет какое-то царство князя мира сего. А от своих родителей, которые были страстными бердяевцами, Лиза слышала, что тайна этого загадочного союза проста, как соленый огурец: в простейшей форме это просто смешанные браки с евреями. Поэтому-то и сам Бердяев был женат на еврейке Л. Ю. Рапп.

Хотя Лизина мама и была замужем за евреем-выкрестом, который из Шварца стал Черновым, но в глубине души она, как шикса, была немножко антисемитка и шипела, что русскую революцию сделали евреи, в результате чего они и очутились за границей, у разбитого корыта. Тогда папа-семит оправдывался, что среди революционеров были и русские:

Керенский, Ленин, Плеханов, Бухарин, Чичерин, Луначарский и так далее.

– Что? – шипела мама-антисемитка. Керенский – полуеврей! Ленин – полуеврей! А Плеханов, учитель Ленина, был женат на еврейке Розе Марковне. Жена Бухарина – Эсфирь Гуревич. Наркоминдела Чичерина выдавали за столбового дворянина. Но мать Чичерина была-то еврейкой, и, кроме того, этот педераст был женат на еврейке. Не дворянин, а дворяжка-полукровка! А наркомпрос Луначарский был женат на еврейке Розенель!

В ответ папа-семит смущенно бормотал про таких русских, как Молотов, Ворошилов, Андреев и Хрущев. А Сталин, мол, грузин.

– Да, но какие это русские? – шипела шикса-антисемитка. – Жена наркома Молотова – еврейка Перлеман-Жемчужина. Жена наркома Ворошилова – еврейка Екатерина Давидовна. Жена наркома Андреева – Дора Моисеевна Хазан. У Хрущева первая жена тоже еврейка – Горская, и все его дети перемешались с евреями. И у Сталина все дети тоже перемешались с евреями. Они-то князья мира сего. А мы что от этого имеем? Сидим, как изгои, в эмиграции!

Так или иначе, но, глядя на все это, Бердяев и разработал свою философию о союзе сатаны и антихриста. Потому-то полуеврейка Лиза Чернова и говорила, что она ведет свое происхождение от Бердяева.

Родилась Лиза в мансарде под крышами Парижа. Но после окончания второй мировой войны Бердяев заявил, что сталинские концлагеря – это чепуха, это просто, мол, свобода нового типа. Поэтому Лизины родители-бердяевцы решили вернуться в Советский Союз. Они взяли маленькую Лизу за руки, сели на пароход с лозунгом “Родина ждет!” и поехали.

Однако по прибытии в Одессу бывшим бердяевцам сообщили, что им придется пройти маленький карантинчик, чтобы не занести в СССР какой-нибудь заразы. В этом карантинчике, в бывших бараках для немецких военнопленных, где над воротами висел лозунг “Добро пожаловать!”, бердяевцы провели несколько лет, проклиная Бердяева и его свободу нового типа.

За это время маленькая Лиза подросла и превратилась в немножко анемичную блондинку, но с достаточно соблазнительными формами и маленькими, как у мышки, зубками и глазками. Чтобы идти в ногу со временем, она поступила в комсомол. Заработали колесики какой-то машины, и вскоре Лиза получила соответствующую политнагрузку.

Когда в Одессу заходили французские пароходы, Лиза должна была заводить знакомства с моряками и разыгрывать из себя девицу легкого поведения, но с железобетонной коммунистической моралью. Помимо тех дел, которые интересуют матросов, она ругала Францию и расхваливала советскую власть. По-советски это называется можно-герл КГБ.

Как-то один бывалый морячок спросил:

– А у тебя желтый билет есть?

Лиза не поняла, что это такое, и с гордостью показала свой комсомольской билет. Чтобы проверить дату последнего медицинского осмотра, опытный французик заглянул в графу членских взносов. Потом он посмотрел на красный номер билета:

– А это что такое?

– Это значит, что нас шестнадцать миллионов, – похвасталась Лиза.

– Шестнадцать миллионов проституток? – поразился французик. – Этак вы даже Францию перегнали!

Но не хлебом единым жив человек, и поэтому Лизу всегда тянуло к большему. Туда, где можно людей посмотреть и себя показать. Ей страшно хотелось взмахнуть крыльями и полететь в Москву, где так много всяких возможностей, о которых она так часто слышала под крышами Парижа.

После смерти Сталина что-то переменялась. Опять, как в сказке, заработали колесики какой-то машины – и Лиза полетела в Москву. Как заморская ласточка, она приземлилась на радио “Свобода”, где ценили иностранный опыт и знание языков. Кроме того, ей помогли хорошие характеристики о ее политработе среди французских моряков.

Вокруг Лизы сразу пошла слава, что она не простая, а заграничная, да еще настоящая французская. Остап Оглоедов сразу решил:

– Так ее и назовем – французская Лиза.

Вскоре французская Лиза подружилась с Ниной и даже вступила с ней в соцсоревнование. Нина стучала на машинке в одной комнате, а Лиза старалась перестучать ее из другой комнаты. После работы Нина ходила на курсы рисования. Чтобы не отставать, Лиза тоже записалась на эти курсы, и они бегали туда вдвоем.

Подруги-соперницы ревниво следили друг за другом. Стоило кому-нибудь заговорить с Лизой, как Нина стрелой вылетала из своей комнаты и ввязывалась в разговор. Достаточно было кому-нибудь подойти к Нине, как рядом, словно из-под земли, появлялась Лиза. Так они и бегали друг за дружкой, как веселые козочки.

Молодые девушки, да еще в новой обстановке, любят произвести впечатление и ради этого готовы даже немножко прихвастнуть. Своими туалетами французская Лиза похвастаться не могла. Приехала она в паршивеньком пальтишке на рыбьем меху, сшитом из одеяла искусственной шерсти. Кроме того, химическое пальтишко явно просилось в химчистку.

Чтобы произвести впечатление, Лиза придумала другое. Благодаря особым условиям на радио “Свобода” вместе с ренегатами всех мастей и оттенков здесь попадались даже представители старой царской аристократии. Учтя все это и пользуясь послесталинской оттепелью, Лиза по секрету призналась одной из сотрудниц, которая славилась своей болтливостью, в некоторых темных деталях своей биографии.

Она призналась, что ее дедушка был... царским сенатором! Через неделю этот секрет был известен всем, вплоть до полоторов. Но даже и при советской власти призрак царского сенатора кое-что да значит. На внучку сенатора стали оглядываться с любопытством и удивлением.

Такого удара сердце Нины вынести не могло. В пику конкуренции она вскоре тоже призналась, что и у нее тоже дурная родословная, что ее предки были из немецких дворян, что при царе ее папа служил в синих кирасирах и что ее настоящая фамилия – Нина фон Миллер. Сослуживцы прикинули в уме: хотя папа Миллер больше известен как мелкий жулик, но своей унылой фигурой он действительно походит на продувшегося в карты аристократа. На Нину фон Миллер тоже стали оглядываться со смешанными чувствами.

Затем началась цепная реакция. Видя, что внучку сенатора и дочку кирасира не таскают в спецотдел, как было бы при Сталине, Остап Оглоедов осторожно заглянул в старый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Борясь между страхом и потребностью покаяться, он завел разговор про Нину и синих кирасир, а затем, потупив глаза, признался, что и у него тоже сомнительная наследственность, что его покойный батюшка служил... в желтых кирасирах. В доказательство Остап принялся описывать историю кирасирских полков царской гвардии, их форму и быт. Потом, испугавшись собственной храбрости, отпрыск желтого кирасира шмыгнул носом:

– Правда, это мой незаконный отец. Он спутался с цыганкой. Из цыганского хора. А потом эти цыгане меня бросили – и я вырос подкидышем.

– Позвольте, Остап Остапович, заметил Серафим Аллилуев, – но ведь вы же сами говорили, что вы обрезанный. Откуда же у вас этот обрез?

– Это семейная тайна, – тяжело вздохнул Остап. – И это меня самого очень интересует.

Рядом с Остапом сидел Зарем Шахматист, который тоже был одним из литературных негров в детской комнате политсоветника Чумкина. Обычно Зарем Шахматист молчал. Но теперь он робко заметил:

– Кстати, у жены Сталина, Надежды Аллилуевой, прабабка по отцу тоже была цыганка. А мать Надежды была полунемка и четвертьгрузинка. Очень смешанная кровь.

Серафим Аллилуев вступился за свою однофамилицу:

– Что ж, говорят, что смешанная кровь хорошо влияет на потомство.

– Да, именно поэтому многие дегенераты пытаются освежить свою гнилую кровь путем смешанных браков, – тихо сказал Зарем Шахматист. – Но гнилая кровь, как яд, сильнее здоровой крови. Поэтому среди таких полукровок масса дегенератов. Потому Надежда Аллилуева и застрелилась. И ее дети тоже психуют.

Как-то французская Лиза пригласила Серафима Аллилуева к себе вечером на чай, чтобы разнюхать от него побольше про радио “Свобода”. Наслушавшись рассказов, что она была можно-герл среди моряков, Серафим с готовностью согласился.

Но вопреки заманчивой рекламе Лиза оказалась девушкой строгих правил. На ее ночном столике стоял в рамочке портрет красивого молодого человека в форме военного летчика. С трогательной открытостью Лиза рассказала, что это ее бывший жених, который воспользовался ее неопытностью, соблазнил, обманул и бросил. Поэтому теперь она не доверяет всем остальным мужчинам. В подтверждение своих слов падшая Лиза отдергивалась при малейшем прикосновении, давая понять, что второй раз она на эту удочку не попадет.

Когда Лиза вышла в кухню, чтобы заварить чай, Серафим решил посмотреть, что написал ей жених на обороте своей карточки. Наверно, уверял, обманщик, что любит до гроба? Он вынул карточку из рамки. На обороте типографским шрифтом стояло: “Артист Герасимов в роли летчика из кинофильма “Победители”. Такого жениха можно было купить на каждом углу за 20 копеек.

“Э-э, видать, Лиза тоже неплохая артистка”, – подумал Серафим. Когда обманутая невеста вернулась из кухни, он спросил:

– Так как же у вас с этим женихом?

– Я его люблю и ненавижу! – с трепетанием в голосе ответила Лиза. – Он пишет мне письма, но я их жгу не распечатывая.

На следующий день Остап спросил:

– Ну как там Лиза? Французская она или нет?

– Не знаю, – сухо ответил Серафим, давая понять, что чужих секретов он не разглашает.

– Зато она тебя сразу узнала, – ухмыльнулся Остап. – 0-опытная лингвистка. В голове у нее явный параллакс – этаким перекося в мозгах. И под юбкой у нее тоже параллакс.

Что касается работы, то Лиза и Нина зарекомендовали себя, с самой лучшей стороны – и деловые, и умные, и миленькие. Девушки, что попроще, стараются поскорее выйти замуж. А Лиза и Нина с приятной наглостью заявляли, что они не такие дуры, чтобы вешаться на шею первому попавшемуся. Сначала нужно немножко порезвиться и пофлиртовать.

Первой перешла от слов к делу французская Лиза. Хотя политсоветник Чумкин был и не особенно молод, и не особенно привлекателен, и к тому же женат, и хотя все сотрудники сторонились его, как прокаженного, но внуку сенатора это нисколько не испугало. Она вдруг начала осыпать Чумкина комплиментами, игривыми взглядами и шаловливыми намеками.

– Настоящего мужчину судят по тому, – говорила Лиза, – чего он достиг.

Видя такие вольности, Нина сначала надулась и закусила губу. Но потом она быстро сообразила, в чем дело, и, чтобы не отставать от конкурентки, взяла под обстрел самого Адама Абрамовича. Хотя на вид он был не из тех салонных львов, которые покоряют сердца молоденьких девушек, но дочку кирасира это нисколько не смущало.

– Я предпочитаю людей постарше, – заявила Нина. – Они хоть не лезут повсюду руками, как некоторые молодые нахалы.

Добрейшего Адама Абрамовича хвалили все. Но Нина всех переплюнула. Она повсюду ходила и уверяла, что Адам Абрамович для нее все равно что приемный отец. При этом она улыбалась ему так нежно, что приемный отец расплывался от гордости, как новорожденный месяц, и смущенно поглаживал свой объемистый животик.

Один Остап был недоволен.

– Ну и карьеристки! – ворчал он. – Ну и подлизы! Ведь без мыла лезут!..

– Но Нина хороший психолог, – сказал Зарем Шахматист. – Заметила, что у Адама Абрамыча нет детей – и сразу сделала выводы.

Умные женщины никогда не покажут, что они соперничают. Хотя внутренне Лиза и Нина были как будто на ножах, но внешне они жили душа в душу. В обеденный перерыв подруги-соперницы, взявшись за ручку, вместе ходили в столовую или прогулять по городу.

– Они даже в уборную вместе бегают, – заметил Зарем Шахматист, глядя на часы. – Вот уж полчаса прошло, а они все там.

– Это все французская Лиза, – сказал Остап. – Она Нину там всем французским премудростям научит.

Днем по радио “Свобода” писали скрипты, стучали машинки, в отделе переводов делали переводы, дикторы наговаривали передачи на пленку, которую отправляли на радиопередатчики для пуска в эфир во все концы мира. Сложная машина психвойны работала на полных оборотах.

А вечером в порядке укрепления рабочего коллектива Лиза предлагала политсоветнику Чумкину пойти с ней в ресторан. К ним с отеческой улыбкой присоединялся и сам Адам Абрамович и заодно брал с собой свою приемную дочь. Чтобы показать свое французское воспитание, Лиза заказывала себе бифштекс по-татарски из сырого молотого мяса с луком, перцем и сырыми яйцами. Чтобы не ударить лицом в грязь, Нина следовала примеру своей соперницы. А кавалеры из вежливости присоединялись к дамам.

А Остап Оглоедов потом комментировал:

– С точки зрения психвойны... В общем, есть сырое мясо – это паршивая примета.

– Почему? – спросил Серафим.

– Да вот был у нас на строительстве один такой чудак на кухне. Тоже ел сырое мясо и придурялся, что это, дескать, бифштекс по-татарски. А потом случайно зазырнул, что, когда на кухне никого нема, так он из-под сырого мяса кровь в кружку собирает – и пьет.

– Что он – дурной?

– Нет, потом один профессор объяснил, что в психопатологии это называется вампиризм. Вот тебе и живой вампир.

– А кем он был?

– Да на вид тихоня такой, типичный интеллигенток. На скрипочке пиликал. А потом его узнали. Так он же, говорят, раньше в ЧК работал, людей расстреливал. А теперь, значит, сам в этот котел попал. Ну, потом его в лесу поймали и сделали из него татарский бифштекс. Убили, как собаку.

– А ты-то что там делал?

– Я там подметайлом был – полы подметал.

– А где это было?

– Эх, братец, я такие университеты прошел, такие академии. – Остап тяжело вздохнул и почесал лапой спину. – Ты лучше и не спрашивай. А то приснится – ма-му кричать будешь! И потом не заснешь.

Под облагораживающим влиянием Лизы политсоветник Чумкин уже не ругал своих мальчиков публично, а вызывал их для этого в свой кабинет. Адам Абрамович приходил теперь на службу раньше времени, а после работы искал случая проводить свою приемную дочь домой. Но надо сказать, что Нина его не баловала, так как большую часть времени посвящала своей дружбе и соперничеству с Лизой. Вскоре Адам Абрамович написал Лизе и Нине служебные характеристики, где подчеркнул, что они не только сами хорошо работают, но и помогают работать другим.

– Вот видите! – ворчал Остап. – Лезут, как ухвертки!

По радио “Свобода” поползли слухи, что политсоветник Чумкин собирается разводиться со своей женой. Единственная трудность заключалась в том, чтобы разыскать эту жену, которая, как жаловался муж, опять сбежала из дома и находится неизвестно где.

Нина ходила и весь день мурлыкала: “Изо всех невозможно возможных возможностей – ты всех невозможней – и всех милей!” Было ясно, что она в кого-то влюблена.

Говорят, что любовь помогает расцвету творческих сил. Наверно, поэтому и Нину потянуло к творчеству. Для начала она попросила у Адама Абрамовича разрешение, чтобы написать дома скрипт на пробу. А дома она обратилась за помощью к папе. Гоняло Мученик обложился газетами и журналами и перекатал оттуда скрипт о декадансе Пастернака и социалистическом реализме.

Утром Нина перепечатала папину стряпню на машинке и отдала ее для редактирования своему приемному отцу. Тот посмотрел: вроде ничего, только, как у декадентов, не поймешь, где начало и где конец. Отеческой рукой Адам Абрамович свел концы с концами и похвалил:

– Очень хорошо, сегодня же пустим в воздух. Вслед за Ниной в творческий процесс включилась и Лиза. Забыв о конкуренции, Нина благородно пришла на помощь своей сопернице и предложила ей работать вдвоем. С тех пор подруги-соперницы по вечерам сидели дома и писали свои скрипты в четыре руки. Они так увлекались, что работали допоздна, и Лиза даже оставалась ночевать у Нины.

Остап Оглоедов комментировал:

– Лишней койки там нету. Значит, они спят в одной постели. Хм...

– Ну и что же здесь такого? – как адвокат, вступался неохристианин Серафим Аллилуев. – Подруги так всегда делают.

Зато на работе у Лизы и Нины был явный прогресс. Хотя они по-прежнему отстукивали свои трели на машинках, но официально они числились теперь не машинистками, а литературными сотрудниками.

– Это черт знает что! – возмущался Остап. – Я столько университетов отбухал. А теперь эти школьницы тоже в писатели лезут.

– Интересно, как эта шайка работает, – задумчиво заметил Зарем Шахматист. – Так они всегда друг дружку тянут.

Тем временем Адам Абрамович и политсоветник Чумкин рассыпались в комплиментах:

– Посмотрите, какие способные девушки! Знаете, большие надежды подают.

Раньше всех эти надежды лопнули у Давида Чумкина. Как только его беглая жена узнала, что он хочет разводиться, она моментально вернулась из бегов. Но вовсе не для того, чтобы дать Давиду развод. Как умная женщина, она не стала устраивать скандал мужу, а отправилась поговорить с разлучницей.

После этого разговора внучка сенатора несколько дней не выходила на работу. Сидя перед зеркалом, где рядом стоял портрет ее жениха-летчика, она старательно замазывала на лице всякие царапины и следы ногтей. Кроме того, она прилаживала новую прическу, чтобы скрыть прогалины, оставшиеся от пучками вырванных волос. После этого французская Лиза потеряла к Давиду Чумкину всякий интерес. Остап Оглоедов комментировал:

– Эх, русские французов завсегда колошматили!

– А знаете, откуда появилась жена Чумкина? – печально заметил Зарем Шахматист. – Из психбольницы имени Кашенко. Она половину времени сидит в психбольнице, а вторую половину – дома. Потому они и живут на разных этажах.

– Говорят, что у него сестры сумасшедшие, – сказал Остап. – А он себе, значит, и жену такую подобрал.

– Ворон к ворону летит, – покачал головой Зарем. – Не нравится мне все это. Тут что-то не так...

– Это просто твоя мания преследования, – решил Серафим Алпилуев.

Все знали, что хотя Зарем и талантливый шахматист, и даже имеет звание гроссмейстера, но у него маленькая мания преследования. Иногда меньше, иногда больше. Но никому, кроме него самого, это не мешало.

В этот момент подруги-соперницы, взявшись за руки, с блестящими глазами и сияющими лицами прискакали из коридора. Нина обвела литературных негров торжествующим взглядом, а Лиза презрительно скривилась. Тут Остап не выдержал и потянулся за своей бутылкой с молоком, чтобы успокоить свою желудочную язву. Потом он конфиденциально, как заговорщик, подмигнул:

– Ну как там?

– Что? – улыбнулась Нина.

– А вы гляньте, что у вас на воротнике, – опять подмигнул Остап. – Кажется, губная помада?

– Где? – Дочка кирасира бросилась к зеркалу. – Откуда это?

– Чего это вы так испужались? – ухмыльнулся Остап. – Вы что, там, в уборной, целовались? Как во Франции?

– Дурак! – вскипела дочь кирасира.

– Идио-о-от! – прошипела внучка сенатора. Когда подруги-соперницы с возмущенным видом разошлись по своим комнатам, Зарем Шахматист задумчиво потер себя пальцем по лбу:

– Ох, тут что-то не так...

– Где? – сказал Серафим. – У тебя в голове?

– Нет, на радио “Свобода”. Не нравится мне все это. Уж лучше я пойду...

– Куда ты пойдешь?

– От греха подальше, – тихо сказал Зарем. На следующий день он на работу не пришел, и больше его на радио “Свобода” не видели.

- Опять его накрывает, – сказал Остап.
- Ведь он какой-то катакомбный христианин, – заметил неохристианин Серафим Аллилуев. – Вот они ему голову и заморочили.
- Это потому, что он шахматист, – решил Остап. – Потому у него ум за разум заходит.

Большинство считали, что у Зарема очередной припадок мании преследования. Но некоторые говорили, что Зарем, как талантливый шахматист, да еще специалист по игре вслепую, может быть, видит на радио “Свобода” что-то такое, чего не видят другие.

Родители Зарема Волкова были такими убежденными коммунистами и революционерами, что даже своего сына называли Заремом, что в сокращенной форме означает ЗАря РЕВОЛЮЦИИ Мира.

Это было модно в 20-е годы в сугубо партийных семьях, где вместо крестин устраивали октябрины и при этом давали детям такие имена, как Владилен (ВЛАДИмир ЛЕНИн), Нинель (Ленин наоборот), Марлен (МАРкс+ЛЕНИн), Жорес, Рой и так далее (например, знатные диссиденты Жорес и Рой Медведевы).

Уже в юношеском возрасте Зарем был талантливым шахматистом и получил высокое звание гроссмейстера СССР. Но во время войны он попал в немецкий плен. После войны он оказался в лагере в Австрии, где американцы собрали русских военнопленных, которые отказывались возвращаться в СССР.

Затем, согласно Ялтинскому договору, союзники приступили к насильственной репатриации. На официальном языке это было зашифровано как “Операция килевание”. Килеванием в старом парусном флоте называлась пытка, при которой провинившихся матросов таскали на канате под килем судна, что обычно кончалось смертью.

Теперь же американские солдаты при помощи танков, штыков и дубинок килевали бывших советских граждан, чтобы загнать их домой. Но многие из них предпочитали смерть.

Матери с детьми на руках ложились под гусеницы танков или бросались в реку и тонули. Увешанные орденами казаки-бородачи стреляли своих коней, жен и детей, а затем пускали себе пулю в лоб. Те, у кого не было оружия, перерезали себе горло стеклом или, рванув на груди рубаху, бросались голой грудью на американские штыки. На груди у них поблескивали православные крестики.

Глядя на все это, Зарем Волков, как говорили некоторые, сошел с ума. Потеряв веру в коммунизм, а теперь и в демократию, потеряв всякую веру в человека, он решил, что если он останется жив, то спасти его может только Бог. Он перекрестился и ждал, что будет.

Американские солдаты связали ему руки и ноги, бросили на грузовик и отправили на родину. Но на советском фильтровочном пункте вскоре установили, что Зарем сумасшедший. Не совсем сумасшедший, а безобидный душевнобольной, страдающий манией преследования.

Одних расстреливали, другим давали от 10 до 25 лет Сибири. А Зарема, как сумасшедшего, отставили в сторонку. Но вскоре следователи убедились, что его мания преследования была направлена в основном против американцев, что советской власти нисколько не мешало.

Чтобы не возиться с этим сумасшедшим, его просто отпустили на волю. После такого чуда Зарем решил, что ему помог Бог, и повесил себе на шею крестик.

Как это ни странно, но мания преследования нисколько не мешала шахматной игре Зарема. Хотя и немножко помешанный, он по-прежнему оставался гроссмейстером СССР по шахматам. А особенного мастерства он достигал, в сеансах одно-временной игры вслепую.

Зарем садился спиной к тридцати игрокам. Перед ними были шахматные доски, а у Зарема – ничего. Они по очереди называли ему свой ход, а он по памяти отвечал им своим ходом, сохраняя в голове, как в хорошем компьютере, меняющиеся комбинации на всех тридцати досках. Для этого нужно было иметь сверхчеловеческую память и невероятные комбинационные способности. Так он играл – и выигрывал.

Однако других заработков, кроме славы, шахматная игра дает мало. Поэтому некоторые учреждения, где директорами сидят шахматные болельщики, подыскивают для талантливых шахматистов какую-нибудь подходящую работу – синекуру.

Поскольку начальник агитпропа был заядлым шахматным болельщиком, он считал своим долгом, чтобы Зарем работал в системе агитпропа, и несколько раз устраивал его на всякие хлебные места вроде должности литературного негра на радио “Свобода”. Но каждый раз Зарем вскоре куда-то исчезал.

– В чем дело? – спрашивали его.

– Да, знаете, за мной следят...

– Кто?

– Американцы... Но я все знаю...

– Что вы знаете?

– Все... – Он молча поворачивался и уходил. В результате жил Зарем довольно бедно, нередко ночевал на скамейке в парке и частенько бывал просто голоден. Но вместе с тем Зарем был до щепетильности честен, одевался скромно, но чисто, хотя некоторые и утверждали, что он стирает свои рубашки в Москве-реке.

Иногда сотрудники агитпропа приглашали Зарема поужинать. Он сосредоточенно болтал ложкой в супе, крошил котлету вилкой, словно разыскивал там ЧТО-ТО, и все время косился по сторонам.

– Почему вы не едите? – удивлялся хозяин. Зарем смущенно опускал глаза в тарелку:

– Да вы же сами знаете...

– Что?

– Ах, лучше уж я пойду... – вздыхал Зарем и уходил из-за стола голодный.

Он мог вслепую разобраться в любых шахматных комбинациях, но в окружающей жизни он иногда разобраться не мог. Иногда ему казалось, что кругом него что-то не в порядке, что за ним постоянно шпионят американцы, чтобы опять сделать ему какую-то пакость.

Помимо всего прочего Зарем еще вступил в какую-то секту катакомбных христиан и аккуратно ходил на собрания своей общины, где они обсуждали пути спасения человеческой души и всего грешного мира.

Из-за этого спасения мира Зарем однажды чуть сам не попал в беду. Когда его вызвали в военкомат для очередной перерегистрации, он вдруг заявил, что он отказывается от военной службы.

– Почему? – удивился военком.

– По религиозным соображениям, – ответил Зарем.

Такой ответ военком слышал первый раз в своей жизни. Он долго перезванивался по телефонам. Потом Зарема посадили в машину и повезли. Когда его привезли в Главное управление КГБ, он был уверен, что теперь его поведут в подвал, где тюрьма. Но его посадили в лифт и повезли на самый верхний этаж.

Там за столом сидел человек с такой большой маршальской звездой на погонах, какие Зарем видел только на картинках, и с таким количеством орденов, какого он не видел даже на картинках. Когда Зарем посмотрел в лицо этого человека – бледное, с рыжеватыми волосами и зеленоватыми глазами, – ему показалось, что перед ним в мундире КГБ сидит сам черт, как его иногда описывали на их катакомбных собраниях.

Зарем широко перекрестился и простился с жизнью.

– Вы гражданин Советского Союза? – спросил черт.

– Нет! Я Божий человек! – твердо ответил Зарем.

– Вы военнообязанный?

– Я христианин!

От этого слова черт перекривился:

– Почему вы не подчиняетесь советским законам?

– Я подчиняюсь законам Божеским!

– Но ведь в Священном писании сказано, – черт слегка усмехнулся, – что всякая власть от Бога. Так ведь?

– Да, так.

– Выходит, что и советская власть от Бога? – сказал черт и довольно развалился в кресле.

– Божье попущение, – ответил Зарем. Нам, грешным, это знать не дано.

Черт постучал по столу карандашом:

– Так почему все-таки вы не хотите служить в армии?

– Потому что всякая война – это работа дьявола, – тихо объяснил Зарем. – Я это сам видел.

В этот момент он вдруг заметил второго человека, в черной рясе и с золотым крестом архиепископа на груди, который, поглаживая бороду, молча сидел в стороне. Черт повернулся к архиепископу и с усмешкой спросил:

– Ну, как вам нравится этот раб Божий?

– Видите, Максим Алексаньич, – басом сказал архиепископ, – не перевелись еще настоящие христиане на русской земле.

– Что же мы, грешники, – черт пожал плечами, – будем с этим рабом Божьим делать?

В ожидании конца Зарем трижды осенил себя крестным знаменем. И тут вдруг произошло чудо. Черт, которого звали Максимом Александровичем, вдруг встал, хлопал Зарема по плечу, так что он даже почувствовал легкий запах одеколона, и сказал:

– Так вот что, раб Божий. Фактически вы совершенно правы, но юридически... В общем, мы это дело уладим. Идите себе с Богом!

После этого на катакомбных собраниях долго еще рассказывали необыкновенную историю о чудесном спасении брата Зарема, о всевеликой премудрости и ми-

лости Божьей, которая помогла ему переубедить самого черта. Да не просто черта, а самого большого черта из КГБ.

Но Зарема в покое не оставили. Через несколько дней его пригласили в какое-то другое учреждение, где его встретил тот же бородатый архиепископ. Но теперь этот архиепископ был не в рясе, а в мундире генерал-полковника госбезопасности. Это был здоровяк огромного роста и с таким же огромным пистолетом в руках. На его погонах поблескивали значки технической службы КГБ – скрещенные топорики, напоминающие не то пожарников, не то средневековую инквизицию.

Генерал-архиепископ сказал, что его зовут Питирим Федорович Добронравов, и что его отец был сельским священником. Потом он спросил:

– Вы христианин какого толка?

– Я просто христианин, – сказал Зарем. – Я христианин в душе.

– Очень хорошо, – кивнул генерал-архиепископ. – В принципе я тоже против всякого деления христиан, даже на православных, католиков и протестантов. А теперь перейдем к делу. Нас заинтересовало то, что вы очень талантливый шахматист, и тем более по игре вслепую. Поэтому я и хочу с вами побеседовать.

Он вынул из папки книжку на английском языке, на обложке которой был изображен пистолет и какая-то красавица.

– Это известный шпионский роман Яна Флеминга “Из России – с любовью”. В свое время Флеминг работал в английской разведке, и свое дело он знает. Кроме того, эта книжка понравилась даже американскому президенту. В этом романе описывается работа некоего самого секретного отдела советской тайной полиции, который автор называет “Смершем” и даже дает правильный адрес: Москва, Сретенка, №13.

Зарем почувствовал, что на душе у него становится немножко тошно. Учреждение, куда его пригласили, не имело надписи на дверях, но Зарем хорошо помнил адрес – Сретенка, №13.

– В этом романе много всякой чепухи, – продолжал генерал-архиепископ. – Но есть и некоторые интересные детали. Например, начальником планового отдела “Смерша” Флеминг делает некоего полковника Кронштейна, который одновременно является чемпионом Москвы по шахматам и кандидатом в гроссмейстеры. Понимаете?

– Нет, – покачал головой гроссмейстер. Зарем.

– А начальником 2-го отдела “Смерша”, по пыткам и убийствам, Флеминг делает полковницу Розу Хлеб, садистку и лесбиянку. Детали довольно реалистичные. Но Кронштейн и Роза Хлеб – это фамилии явно еврейские, и это пахнет антисемитизмом. Удивляюсь, как это еврейская цензура пропускает такие вещи. Кроме того, после войны в КГБ евреев практически нет. Они просто перестреляли друг дружку. А новых мы не берем. У нас и своих психов хватит.

Генерал-архиепископ посмотрел на Зарема и дружески улыбнулся. Говорил он с такой подкупающей откровенностью, что Зарему стало немножко легче на душе.

– Теперь ближе к делу. Вы, конечно, знаете об американском шахматном вундеркинде и гроссмейстере Бобби Фишере. Так вот, у нас есть информация, что американская разведка Си-ай-эй делает с ним какие-то гешефты и платит ему деньги. А такой меценат, как Си-ай-эй, деньги даром не дает. В принципе шахматы – это военная игра. В Вашингтоне Си-ай-эй называют “Департаментом грязных трюков”. А теперь, начитавшись Флеминга, они занимаются какими-то грязными трюками с гроссмейстером Фишером. – Генерал-архиепископ поиграл пальцами по столу. – Но, поскольку вы тоже гроссмейстер, да еще по игре вслепую... Вот мы и подумали, что в этой игре вы могли бы нам немножко помочь.

– Да, но, знаете, ведь я немножко сумасшедший, – печально сказал Зарем.

– В данном случае это совершенно нормально, – улыбнулся генерал-архиепископ. – Статистика показывает, что большинство гениальных людей являются тяжелыми психопатами. Кроме того, настоящий сумасшедший никогда не скажет, что он сумасшедший.

– Да, к сожалению, это так, – вздохнул гроссмейстер Зарем и немножко оживился. – В американской прессе пишут, что гроссмейстер Бобби Фишер патологический эгоцентрик и мономаньяк с комплексом разрушения, сублимирующимся в шахматной игре. Страшно жаден до денег. Патологический нахал. Женоненавистник. Он не интересуется ни женщинами, ни даже мужчинами. А такая штука – это источник большинства психозов.

Мозг гроссмейстера Зарема Волкова работал как электронный компьютер.

– По рождению гроссмейстер Фишер вроде полуеврей. Продукт неудачного брака: уже с двух лет он жил без отца. Его мать звали Региной, что означает “правительница”, поэтому, вероятно, от нее и муж сбежал. С точки зрения Фрейда, имя Регина, как и Диана, – это плохой признак. Однажды Регина Фишер, чтобы привлечь к себе внимание, приковала себя к воротам Белого дома. Типичная психопатка. Сам гроссмейстер Бобби Фишер не окончил даже среднюю школу из-за плохих отметок. Типичная пометь дефективного ребенка и маниакального гения.

– Ну вот, видите, как вы хорошо знаете вашего противника, – похвалил генерал-архиепископ. – Впрочем, шахматный чемпион мира Алехин был тоже не лучше. – Он заглянул в свою папку: – Алкоголик, страдавший запоями и припадками помешательства. Однажды он перепутал шахматный зал с уборной и стал мочиться на пол. И женился пять раз – то есть от него сбежали пять жен. Мать Алехина, Агнесса Прохорова-Алехина, в 1913 году сошла с ума на почве хронического алкоголизма. И его брат, Алексей Алехин, тоже был алкоголиком и тоже сошел с ума. Так что, как видите, гениальность и сумасшествие – это как родные братья. Вот поэтому-то, гроссмейстер, мы и заинтересовались вами.

– Да, но поскольку я христианин, – сказал гроссмейстер Зарем, – я не могу заниматься всякими грязными трюками, как Си-ай-эй.

– О, насчет этого не беспокойтесь. Вы не будете планировать убийств, как Кронштейн у Флеминга, а только анализировать некоторые вещи. Вы двигаете королями и королевами на шахматной доске... И мы тоже двигаем королями и королевами, президентами и премьер-министрами, князьями мира сего... Понимаете?

– Да, но, может быть, я не смогу анализировать то, что вас интересует.

– О, не беспокойтесь, мы уже знаем, что вы прекрасно анализируете некоторые вещи. Например, нам очень понравились ваши высказывания на радио “Свобода”. Видите, у нас даже стены имеют уши. Кстати, судя по вашему имени – Зарем, заря мировой революции, ваши родители были яркими коммунистами. А вы пришли к христианству. Это означает, что вы честный человек. – Зарем опустил голову, а генерал-архиепископ продолжал: – Теперь запомните одну маленькую принципиальную вещь. Наш 13-й отдел, советская святая инквизиция, работает так: сначала мы смотрим, хороший это человек или плохой. Если человек хороший, то папка закрывается и дело прекращается. И если даже этот чудак сам кричит: “Так ведь я ж не нормальный!” – мы говорим: “Мы ничего не знаем – и знать не хотим”. Решающим для нас является не плоть, а душа. И таких людей – с чистой душой, праведников – мы даже потихоньку охраняем, иногда от самих себя. Но если это человек плохой – грешник, грешный святой или святой грешник, или даже веселый грешник, – ну тогда дело другое. – Генерал-архиепископ советской инквизиции постучал по столу кулаком величиной с пудовую гиру. – У нас тут диалектическое христианство. Мы зна-

ем и злое добро и доброе зло... Больше нас знает только Господь Бог... – Генерал-архиепископ встал и прошелся по комнате. – Приведу вам конкретное дело, где вы могли бы помочь нам. По линии психологической войны американская разведка Сиай-эй теперь запускает против нас некую штучку, которая зашифрована как операция “Черный крест”. Видите, они играют черными фигурами. Это очередная идеологическая диверсия, рассчитанная на возрождение в СССР неотроцкизма и необердяевщины. А теперь, гроссмейстер, скажите мне как христианин, с точки зрения Бога и дьявола: что такое троцкизм?

В глазах катакомбного христианина вспыхнул голубой огонек.

– Троцкизм? Это... это левое крыло сатаны. Там, где сатана маскируется под марксиста.

– Правильно! А что такое бердяевщина?

– Бердяевщина – это... это правое крыло сатаны. Там, где сатана маскируется под неохристианина.

– Также правильно! А теперь, гроссмейстер, скажите, что бы вы делали, если бы вы были начальником операции “Черный крест”? Допустим, что вы играете черными фигурами...

Зарем Волков задумался, словно разговаривая сам с собой:

– Нужны пешки... После смерти Сталина царь Никита выпустил из концлагерей двенадцать миллионов человек. Десять миллионов, вероятно, без вины виноватые. Но остальные два миллиона, может быть, было бы лучше не выпускать: перманентных революционеров Троцкого и черточеловечков Бердяева... Эти бесы и будут пешками психвойны. Я уже годами слежу, как по радио “Голос Америки” и “Освобождение” мутят именно этих бесов. Знаете, американцы за мной следят, но я за ними тоже слежу.

– Хорошо, гроссмейстер, а что дальше?

– Потом ход конем... Рыжий конь революции – заход с фланга, в тыл противнику. Ведь в американской прессе открыто пишут, что большинство американских корреспондентов и работников американского посольства – это замаскированные агенты Сиай-эй. Там только не пишут, что большинство из них партийцы из той партии, которая на Западе играет почти такую же роль, как в СССР компартия. Это члены тех тайных обществ, где сатана снюхивается с антихристом. А теперь они бегают по Москве и, как сучки, вынюхивают себе подобных. Ведь так же разыграли и дело Пастернака. Ведь Нобелевскую премию Пастернаку дали не так за литературу, как за содомские грехи. Ведь это открыто сказал глава Союза советских писателей Сурков. И еврей-выкрест Пастернак тоже маскировался под бердяевского неохристианина. А потом, как перманентный революционер-троцкист, расхваливает исподтишка все революции – и 1905-го, и 1917-го, и следующую революцию. Это лжехристианин, это замаскированный антихрист! – Катакомбный христианин Зарем Волков так разволновался, словно он действительно командовал операцией “Черный крест”. – А в качестве дымовой завесы в западной прессе поднимут обычные вопли и гвалт о демократии, либерализме, гуманизме, о борьбе за свободу и права человека в СССР.. Появятся всякие демократы-диссиденты, либералы-инакомыслящие, гуманисты-несогласники, идущие по стопам Пастернака... Не красивыми обещаниями выложена дорога в ад... За рыжим конем революции придет конь вороной – голод... А затем конь бледный – смерть... Кони Апокалипсиса... Вот он какой – этот чертов “Черный крест”... Нет, спасибо, нахлебались мы этих революций!

– Итак, – заключил генерал-архиепископ советской инквизиции, – хотите нам помогать, гроссмейстер?

– Да, но ведь у меня же, знаете, мания преследования...

– Ничего. Ведь у вас маленькие личные счета с американцами. Вот вы и рассчитываетесь с ними. Может быть, это даже поможет вылечить вашу манию преследования.*

– Ну, хорошо, – сказал катакомбный христианин. – Поскольку это борьба с сатаной и антихристом, то я согласен, товарищ... архиепископ. – Он расстегнул сорочку и вытащил маленький крестик, который висел у него на груди. – Это крестик моего друга Ивана. Он покончил самоубийством, когда американцы выдавали нас в Австрии, – В глазах человека-компьютера опять блеснул голубой огонек. – И крестик Ивана стучит в мое сердце. Кстати, операторы из “Черного креста” подкатывались и ко мне. Думали, что я сумасшедший. Но я за этим “Черным крестом” уже сам давно слежу. Знаете, американцы за мной следят, но и я за ними тоже слежу. А теперь, товарищ архиепископ, дайте мне стенографистку, и я продиктую вам всю их московскую агентуру.

Глава 7. Когда цветет чертополох

Дьявол опасен не тогда, когда он показывается и пугает нас, а только тогда, когда мы не способны его увидеть.

Дени де Ружмон. Роль дьявола

Как только Борис Руднев стал президентом дома чудес, у него тоже начались всякие чудеса. Прежде всего ему позвонил генерал-лейтенант Малинин, он же профессор каких-то темных дел в 13-м отделе КГБ. Тот самый Малинин, который любил жаловаться, что у него только фамилия сладкая, а работа довольно горькая.

Профессор темных дел звонил по делам и просил встретиться с ним. Но не на службе, а в доме злого добра, где под золотым петушком, обитал красный папа Максим Руднев. Когда Борис приехал, генерал-профессор Малинин сразу приступил к делу:

– Наш красный папа жалуется, что вы, как Фома Неверный, его совершенно не слушаетесь. Поэтому Максим Александрович просил меня, чтобы я поговорил с вами. Дело в том, что теперь вы командуете домом чудес. Как вы уже знаете, дом чудес – это наш новый спецпроект “Профсоюз святых и грешников”, который родился от спецпроекта “Чертополох”. – Профессор темных дел немножко поморщился: – Но во всем этом чертополохе есть некоторые м-м-м... маленькие колючки, о которые м-м-м... можно уколоться. Поэтому меня приставили к вам в качестве, так сказать, ангела-хранителя. Так вот, в порядке профилактики вам будет полезно познакомиться с тем, что мы официально называем высшей социологией. А наши студенты-баловники неофициально называют это черной социологией.

Наши студенты – это избранные члены правительства СССР, атомные генералы и адмиралы, члены ЦК партии, которым мы читаем специальные курсы в нашем Институте высшей социологии или НИИ-13. Но наши студенты балуются и по аналогии с бывшим Институтом красной профессуры называют наше заведение Институтом черной профессуры.

Профессор темных дел вытащил из портфеля толстую папку в твердом красном переплете. Вместо оглавления на переплете стоял большой штамп “Совершенно секретно” и порядковый номер для регистрации.

– Это конспект лекций по черной социологии, – пояснил Малинин. – Наши студенты-баловники называют эти конспекты “Протоколами советских мудрецов”. Поскольку вы, Борис Алексаньич, теперь работаете в доме чудес, так сказать, среди всякого чертополоха, чтобы вы не ходили там вслепую и не спотыкались, почитайте-ка эти “Протоколы”.

Генерал-профессор предупредил, что это материалы сугубо секретные и поэтому они будут храниться здесь, в доме начальника 13-го отдела КГБ, в штаб-квартире советской святейшей инквизиции.

– Знаете, за секретную речь Хрущева на XX съезде партии американская разведка заплатила ровно миллион долларов. А за эти “Протоколы советских мудрецов” они с удовольствием заплатят гораздо больше.

По старым русским поверьям резной петушок на крыше служил для защиты от нечистой силы. Однако дом Максима охранялся не только золотым петушком на

крыше, но и другими, более современными методами. Московских воров и взломщиков, домушников и медвежатников, заранее предупредили, что залезть в этот дом куда труднее, чем в Госбанк СССР, и чтобы они обходили этот дом так же, как знаменитую Бутырскую тюрьму.

– Если у вас будут какие-нибудь вопросы, – сказал Калинин, – то я всегда к вашим услугам.

– 0-ох, ученические годы Вильгельма Мейстера, – ворчал Фома Неверный. – Как говорил колдун Апулей, чтобы добиться настоящей мудрости, сначала нужно побывать в ослиной шкуре.

Затем профессор темных дел поехал по своим делам, а Фома Неверный остался листать “Протоколы советских мудрецов”.

Это была смесь истории, религии, философии и – сатановедения. Цитаты, таблицы, цифры. В общем, довольно скучно. И в папке говорится, что это только первый том, а потом идут еще несколько томов.

И все это под таким лозунгом: “Раньше была мистика, а теперь у нас статистика!”

Борис полистал-полистал, потом поиграл с золотыми рыбками, которые виляли хвостами в аквариуме на письменном столе Максима.

“Эх, век живи, век учишься, – подумал он, – и дураком помрешь”.

Он вспомнил, что сегодня вечером у него назначено свидание, захлопнул “Протоколы советских мудрецов” и поехал домой.

Никто не знал толком, чем занимается в доме чудес Жоржик Бутырский. Знали только, что основное занятие Жоржика – пьянство. Да еще знали, что держится он в доме чудес только благодаря протекции чародея Гильруда.

В определенной мере Жоржик был представителем советской золотой молодежи. Так сказать, второе поколение нового советского дворянства.

Наподобие того, как князь Потемкин-Таврический или граф Суворов-Рымникский получил свой титул от знаменитых мест или событий, так и фамилия Жоржика Бутырского брала свое начало от очень знаменитого места, а именно: от самой старой, самой большой и самой прославленной московской тюрьмы – Бутырской тюрьмы.

Так уж повелось, что из поколения в поколение все предки Жоржика рано или поздно попадали в эту тюрьму. Это стало своего рода семейной традицией. А тюремному начальству так надоело возиться с их блатными кличками: Санька Ирод, Федька Хромой, Манька Грех, Димка Косой, Зойка Рыжик и так далее, что для простоты канцелярского учета всю эту семейку стали записывать как казенное имущество – под фамилией Бутырские (кстати, подобным же образом произошла фамилия февральского премьера Керенского – от тюрьмы в г. Керенске, где сидел его дед-фальшивомонетчик.).

Если не считать постороннего вмешательства, вроде ножа в спину или веревки на шею, то естественной смертью в семье Бутырских считалась смерть от белой горячки. Поэтому новорожденным, чтобы они не орали, вместо соски сразу совали корку хлеба, размоченную в водке.

В момент революции 1917 года отец Жоржика Степан Бутырский, как полагают, сидел в Бутырской тюрьме. Оттуда он написал письмо Ленину, где жаловался на все несправедливости царского режима по отношению к его семье. Вскоре из Кремля пришел официальный ответ: чтобы исправить несправедливости царского режима, товарищ Бутырский назначается... начальником Бутырской тюрьмы!

Таким образом, из камеры заключенного Степан Бутырский переселился в квартиру начальника тюрьмы, которая находилась под той же крышей. Таким образом, его сын Жоржик Бутырский по семейной традиции даже родился в Бутырской тюрьме.

По случаю рождения сына начальника тюрьмы устроил большой праздник с выпивкой, что раньше называлось крестинами, а теперь – октябринами. Кроме того, в то время, в 20-х годах, среди новой советской знати было модно на этих октябринах давать детям имена не просто так, а из новых советских святцев. Например, Жорес или Рой – в честь знаменитых международных революционеров.

Так вот и Жоржика официально октябрили именем Жорес – в честь знаменитого французского социалиста Жана Жореса, основателя коммунистической газеты “Юманите”.

Однако, когда маленький Жорес немного подрос, уличные мальчишки стали дразнить его всякими неприличными кличками вроде Жопес и даже хуже. Тогда Жопес взбунтовался и переименовал себя из Жореса в Жоржика.

Старожилы говорят, что за все время своего существования Бутырки не знали более подлого начальника, чем товарищ Бутырский. Потом подошла Великая Чистка, и в 1935 году товарищ Бутырский, подобно многим ленинским выдвиженцам, бесследно исчез. Но в газетах об этом не писали. Ведь неудобно же писать, что начальник крупнейшей московской тюрьмы одновременно, по совместительству, был атаманом одной из крупнейших шаек московских бандитов.

С товарищем Бутырским не церемонились, как при царском режиме. Его просто отвели в подвал и пристрелили как собаку. Правда, говорят, что его череп с дыркой в затылке хранится в специальном музее криминологии при Бутырках.

А Жоржик тем временем рос да рос. И так он дорос до того возраста, когда мальчикам начинают сниться девочки. Но у Жоржика сны были немножко другие: вместо девочек ему стали сниться мальчишки. Да мальчишки не простые, а голенькие. И дразнятся, как бесенята, – показывают Жоржику то свой голый зад, то язык. Жоржик вспоминал, как соседские мальчишки дразнили его Жопесом, и просыпался в холодном поту.

Чтобы избавиться от ночных мальчиков, днем Жоржик изо всех сил ухаживал за девочками. Да так усердно, что вскоре все считали его самым настоящим донжуаном. И лишь один только Жоржик знал, что он Донжуан не настоящий, а поддельный.

Вместе с пробуждением пола, в форме голеньких бесенят, в Жоржике проснулась еще одна странность – непреодолимая тяга к воровству. У него так чесались руки, что он стал воровать даже у барышень, за которыми он донжуанил.

Вскоре по семейной традиции Жоржик Бутырский попал в Бутырскую тюрьму. Но теперь там сидели уже не долдоны царского времени, а новые специалисты, которые изучали криминологию на дырявом черепе папы Бутырского. И они встретили Жоржика так, словно они его давно ждали.

Допрос вел полковник медслужбы и профессор Лунц, у которого из-под белого халата выглядывала форма МВД. А на поясе у профессора висел пистолет, который, судя по всему, тоже видал виды.

Профессор Лунц поставил такой диагноз:

– Клептомания. Как возвратная реакция подавленной гомосексуальности. Комплекс донжуана. Наследственное предрасположение к алкоголизму. Пойдете дальше по этому пути – расстреляем, как и вашего отца. А пока будете у нас на спецучете. Занести в картотеку для дальнейшего использования.

Потом Жоржика отпустили, а профессор Лунц закурил и повернулся к своему ассистенту:

– Вот вам характерный пример. Отец был начальником Бутырской тюрьмы, а сын – клептоман. И точно такой же случай был в новочеркасской тюрьме. Вот и подумайте, что это такое: судьба, карма, наследственность? Или марксистский закон о единстве и борьбе противоположностей?

Кстати, этого типа официально зовут Жорес. И это немножко символично. Тот Жорес был не только членом французского парламента, но и членом тайных обществ дегенератов. Такой же ж-ник, как и этот. Без этого во Франции трудно попасть в парламент. Потом того Жореса пристрелил какой-то другой легионер. И этот Жорес тоже плохо кончит.

– Вы гадаете людям судьбу, прямо как старая цыганка, – недоверчиво улыбнулся ассистент.

– О подавленной гомосексуальности говорят, что гони черта в двери, так он придет в окно, – покачал головой профессор Лунц.

Но нехорошо выдавать все заветные тайны Жоржика так сразу. Иначе даже Достоевский поморщится. Поэтому давайте лучше посмотрим на Жоржика немножко со стороны. Чтобы и он отдохнул, и чтобы мы тоже немножко отдохнули.

Внешне Жоржик Бутырский был худощавым и длинноногим блондином с виляющей походкой, с водянистыми глазами и орлиным носом. А по характеру он походил на ласкового приبلудного песика, который подходит к людям на улице и виляет хвостиком, ожидая подачки.

Ласковости этой Жоржик научился в трамваях, когда он незаметно прижимался к людям и шарил у них по карманам. Позже, после разговора с профессором Лунцем, это помогло ему стать мелким осведомителем МВД, где требовалось незаметно примазаться к незнакомым людям. Так эта ласковость перешла у него в привычку.

Военную службу Жоржик проходил на флоте, где в спектаклях самодеятельности он играл на губной гармошке и танцевал чечетку. С этого времени у него осталась вихляющая матросская походка и неудовлетворенная тяга к искусству. В глубине души Жоржик мечтал стать киноартистом.

После тщательного многолетнего наблюдения Жоржику дали первое серьезное задание по линии профессора Лунца. Ему выдали документы лейтенанта советской разведслужбы и для маскировки удостоверение фотокорреспондента ТАСС. Потом его послали на работу в Восточную Германию. А там он решил избрать свободу и перебежал к американцам в Западную Германию.

Бежал Жоржик довольно комфортабельно: его вела под руку соломенная блондинка, а блондинку тянул вперед большой белый пудель на цепочке. Поскольку Жоржик был мертвецки пьян, то всей этой экспедицией руководил, по-видимому, белый пудель.

Блондинка обещала Жоржику, что на Западе он станет звездой киноэкрана. И сценарий был поставлен так реалистично, что даже и сам Жоржик не понимал, что с ним происходит. Как только у Жоржика кончились деньги, блондинка с кинематографической быстротой исчезла. Вместе с ней исчез и белый пудель. А Жоржик оказался в собачьем положении.

Однако, оставшись на улице с пустыми карманами, Жоржик не растерялся и стал лазить по чужим карманам. Так, в конце концов, он и приземлился в немецкой полиции, которая затем передала его в американскую контрразведку. Вот этого-то от

Жоржика и требовалось. А вся предыдущая путаница служила только для того, чтобы запутать американских разведчиков.

В американской разведке дело обстояло так.

Если советские перебежчики говорили, что они бежали по политическим причинам, то для американских разведчиков это было столь непонятно, что таких чудачков сразу зачисляли в категорию потенциальных советских агентов и отправляли в знаменитый концлагерь Камп-Кинг в Оберурзеле около Франкфурта. Там советских искателей свободы первым делом освобождали от всех советских документов, которыми американцы потом пользовались для подделки документов в целях шпионажа.

Потом этих искателей свободы месяцами держали в одиночках и пугали их выдчей назад – на расстрел. После, такой психологической подготовки американские разведчики, как опытные гангстеры, обворовывали этих людей с ног до головы, брали с них расписку, что им все вернули, и выбрасывали их на улицу, на свободу.

Одновременно в Мюнхене оперировали американские радиостанции “Голос Америки” и “Освобождение”, которые переругивались в эфире с московским радио “Свобода” и всячески зазывали советских граждан избирать американскую свободу.

Учитывая опыт своих собственных дезертиров, американские контрразведчики принимали за правду только следующие причины дезертирства: женщин, пьянство и воровство. И поэтому Жоржик не вызвал у них ни малейших подозрений.

Американские разведчики особенно ценили перебежчиков из советской разведки. И какая радость – у Жоржика документы лейтенанта советской разведслужбы.

Для агентов американской разведки Си-ай-эй самой лучшей маскировкой считается профессия журналиста. И какая радость – у Жоржика тоже удостоверение фотокорреспондента ТАСС.

Американские контрразведчики в лагере Камп-Кинг, где была главная квартира американской контрразведки в Европе, помимо всего прочего в большинстве случаев были ворами. И Жоржик тоже был вором. Все это создавало чувство взаимной симпатии.

Кроме того, у Жоржика было еще одно тайное оружие: те самые бесы, голенькие мальчики, которые мучили его по ночам. Инструкторы Жоржиковой разведки поведали Жоржику самую большую тайну западных разведок. Жоржику сказали, что в западных разведках педерасты и прочие дегенераты играют почти такую же роль, как в советской разведке члены компартии. И это самый верный путь сделать карьеру в западных разведках, да и вообще на Западе. Нужно только знать, к кому с какого конца подходить. И это Жоржику тоже сказали: к кому и как.

В результате всего этого Жоржика не держали в одиночке, не угрожали отправить его назад и даже не обокрали. Хотя у него и красть-то было нечего. Но что самое главное, Жоржика сразу же взяли на довольно щекотливую работу с агентами-парашютистами, которых тогда готовили для засылки в Советский Союз. Таким агентам очень важно сразу же обзавестись подлинными советскими документами, которые проще всего украсть. И вот тут-то Жоржика как специалиста назначили инструктором по карманным кражам.

Когда этих парашютистов, известных как группа СТН1, сбросили в Советском Союзе, всех их арестовали прямо при посадке, устроили им показательный процесс и расстреляли. Затем подобным же образом провалилась и группа СТН2. А группа СТН3, наученная опытом, после посадки уже сама пошла в МВД. Советская пресса подняла шум на весь мир, а американцы переполошились, и стали проверять. И только тогда, когда дело уже было сделано, выяснилось, что блондинка, которая

привела Жоржика на Запад, вместе с пуделем благополучно вернулась на Восток, и работает киноактрисой в Бебельсберге.

Когда взялись за Жоржика, он честно признался, что он – советский агент. Но судить его не могли, так как нельзя же было официально признать то, о чем уже и так трубили все советские газеты, и от чего американское правительство официально отказывалось. Кроме того, за это время Жоржик при помощи своих бесенят, которые появлялись ему по ночам, уже обеспечил свой тыл среди своего американского начальства.

Тогда решили, что если не удастся забросить агентов в Советский Союз, то почему бы вместо этого не перевернуть на свою сторону засыпанного советского агента? Так ласковый Жоржик стал агентом-двойником. Обязанности его были несложные: просто сообщать американцам все те задания, которые он получал от советской разведки, за что он получал двойное жалованье.

Через некоторое время Жоржик передал своему новому начальству приказ своего старого начальства – вернуться в Москву и с ласковой улыбкой предложил американцам поехать туда, в самую пасть льва, в качестве американского агента.

Американские разведчики жевали резинку и думали. Если не пустить, советская разведка сразу почувствует что-то неладное, и связь оборвется. Как ни думай, а другого выхода нет. Хотя Жоржик и пешка, но тот, кто двигал им, играл наверняка.

Так американцы без всяких парашютов послали своего агента в Москву, да еще прямо на службу в советскую разведку. Так Жоржик Бутырский стал тройным агентом. Это еще чепуха по сравнению с Берлином, где сходятся четыре великие державы, и где каждый уважающий себя агент работает на все четыре стороны.

В Москве Жоржик попал в тот хмурый дом в Алешинем переулке, где когда-то нежилая купеческая возлюбленная, и куда теперь бегал на свидания чародей Гильруд. Сначала Жоржик прошел вошебойку – так называют процедуру проверки вернувшегося агента. Потом Жоржику, как тройному агенту, для дальнейшей игры нужно было создать видимость какой-то работы. Вот его и засунули в дом чудес под маркой фотокорреспондента. Так чародей Гильруд стал для приبلудного Жоржика чем-то вроде приемного отца.

С тех пор агент-тройник весь день слонялся по дому чудес с фотоаппаратом через плечо, делая вид, что он занимается какими-то тайными делами, которых никто не видит. Единственное, что он делал, – это мешал работать другим.

Финансовый гений Саркисьян, пронюхав о прошлом Жоржика, конфиденциально предупредал:

– Самое главное – берегите карманы!

Со временем из молодого ласкового песика Жоржик превратился в длинноногого худого барбоса. Сквозь поредевшие желтые волосы на голове проглядывала ранняя лысина. После каждой пьянки Жоржик имел обыкновение стукаться своим орлиным носом обо все, что попадалось по пути. Потому на носу у него обычно красовались свежие ссадины.

Радиокомментатор Остап Оглоедов комментировал:

– А паяльник-то у него уже фиолетовый – как у всех алкоголиков.

Беззаботные водянисто-голубые глазки Жоржика были верным зеркалом его души. После каждой пьянки они, как лакмусовая бумажка, предательски краснели. А так как пьянствовал Жоржик постоянно, то и глаза у него была всегда красные, как у кролика. И его испитая физиономия тоже была перманентно-кирпичного цвета;

– В этом есть свое преимущество, комментировал Остап. – В любом положении Жоржик уже не покраснеет.

Каждый вечер секретный агент американской разведки Жоржик Бутырский отправлялся на секретную работу – в турне по кабакам. Утром швейцар Назар, переминаясь с ноги на ногу, докладывал его приемному отцу:

– Жоржик опять, значит, того... Глазюки как у чумной собаки... И сразу видать, что в канаве ночевал...

– А что он сейчас делает?

– Заперся в свой фотолаборатории и велел не стучать. Говорит, что работа спешная.

– Ничего, – снисходительно улыбался Сосий Исаевич, – пусть проспится.

– Вот и хорошо, – соглашался Назар. – Хоть другим мешать не будет.

Если по отношению к мужчинам Жоржик был ласковым приبلудным барбосом, то по отношению к женщинам он был сущим кобелем. С той только разницей, что на кобелей блуд находит в определенное время года, а у Жоржика этот блуд продолжался круглый год.

– Жоржик, довольно тебе шкодить, говорили ему.

– Так ведь я же жениться хочу, – ласково улыбался Жоржик.

Про Жоржика и его невест ходили целую легенды. Так, однажды Жоржик собирался жениться на Софочке. На радостях устроили предсвадебную пирушку, где главным блюдом был жареный поросенок – щедрый подарок от жениха. Но в самый торжественный момент на пирушку вломилась милиция. Оказывается, Жоржик этого поросенка украл. Да где? У соседей!

Чтобы замять это дело, устроили складчину, посадили за стол и милицию, и соседей. И все вместе сожрали этого поросенка. А потом всем скопом били Жоржика. Всем было весело – одна только невеста плакала. Ну и свадьба, конечно, расстроилась.

Однажды в доме чудес разгорелась дискуссия: почему Жоржик всегда ворует?

– У него чесотка? – сказал потомок Чингисхана. – Как выпьет, так руки и чешутся. У него даже справка от врача есть.

– А что это за справка? – заинтересовался финансовый гений Саркисян.

– Это не справка, а курочка с золотыми яичками. Официальное разрешение на воровство. Попал в милицию, покажи эту справочку – и сразу отпустят. Еще и скажут: извините, мол, за беспокойство!

– У нас на Кавказе от такой чесотки было хорошее лекарство, – сказал бывший миллионер. – Поймают – и руку отрубят. А не поможет, так и другую.

Помимо чужих вещей Жоржика еще тянуло к чужим женам. Однажды флегматичный Филимон, специалист по футболу и соскам, уехал в командировку. А Жоржик заложил за воротник и отправился к его жене Фимочке. И говорит: разрешите, мадам, заменить мужа вам, если муж ваш уехал по делам. А Фимочка обиделась и потом накапала Филимону.

Дальнейшее всезнайка Остап описывал так:

– Фимочка обиделась потому, что Жоржик обозвал Филимона импотентом. А Филимон потом, значит, надрался водки и полез к Жоржику обниматься. А потом как-ак за-футболит его коленом в одно место!

– И что это у него за дурацкая привычка? – поморщился Серафим Аллилуев.

– Помимо комплекса неполноценности у него еще и комплекс кастрации. Из зависти. Потому он и косой. И Фимочка косенькая. И первый муж Фимочки, заметь, тоже косой. И в голове у них тоже перекося – параллакс. Потому и говорят: Бог шельму метит.

– И где это вы, Остап Остапович, всем этим премудростям научились? От вашей бабушки-цыганки?

– Эх, братец, я такие университеты отбухал, такие академии отковырял, – тяжело вздыхал Остап. – Справа на нарах – профессор, слева – академик. Сидят и вшей ловят. И объясняют мне теории Фрейда.

Как тройной агент, Жоржик должен был бы неплохо зарабатывать. Но у него не было ничего, кроме долгов. И эти долги висели на нем, как на бродячем кобеле репейники. Кобели собирают свои репейники в бурьяне, празднуя свои собачьи свадьбы. Так и Жоржик обзаводился своими долгами у своих многочисленных невест.

Однажды зимой Жоржик явился на работу без пальто.

– Жоржик, а где же твое пальто? – Спрашивали люди.

– Пальто? – Жоржик начал шарить по карманам. – Где же оно, черт побери?

– Что это ты пальто по карманам ищешь?

– Да не пальто, а квитанцию от ломбарда. Это все Томочка виновата.

А дело было так. Жоржик собирался жениться на Томочке. Ну и занял у нее немножко денег – на обустройство хозяйством. А потом Жоржик тянул да тянул, пока Томочка не вышла замуж за какого-то бандюгу. А этот бандюга, узнав про долги, просто снял с Жоржика пальто, заложил его в ломбард, взял деньги, а квитанцию отдал Жоржику.

– А теперь я и эту квитанцию, кажется, потерял, – жаловался Жоржик. Потом он обрадовано воскликнул: – Ах, вспомнил! Встретил я вчера одну смачную потаскушку. А денет нема. Так я с ней этой квитанцией расплатился.

Чтобы упорядочить личную жизнь своего приемного сына, комиссар Гильруд решил применить контроль рублем. Жоржиково жалованье стали платить не ему, а секретарше Гильруда Капиталине. В свое время ее октябрили этим именем в честь “Капитала” Карла Маркса. И она тоже побывала в невестах у Жоржика. Капиталина платила за квартиру Жоржика и каждый день выдавала ему немножко на карманные расходы. Остаток шел на погашение тех долгов, которые Жоржик оставил Капиталине на память о своей любви.

Так для Жоржика настала скучная жизнь. А вскоре с ним случилось и настоящее несчастье.

Неподалеку от дома чудес находился шахматный клуб имени Шимкевича, небольшой подвальный с цементным полом, где в основном пили водку и для отвода глаз играли в шахматы, и где Жоржик был частым гостем. Между прочим, хотя агентурные похождения Жоржика и считались военной тайной, но он ими, конечно, хвастался, и об этом знали многие.

Однажды вечером Жоржик, как всегда пьяненький, сидел в этом шахматном клубе и мешал тем, кто пытался играть в шахматы. В этом вечер в клубе был еще один гость, который тоже немножко мешал завсегдатаям: увешанный орденами капитан-танкист, которого никто не знал. Но капитан молча сидел и пил водку так, как говорится, без обмана, что рассеял все подозрения.

Потом капитан подошел к Жоржику и громко сказал:

– Меня зовут капитан Лебедев. Так это, значит, ты, Жоржик, засыпал СТН-овских парашютистов? – Жоржик ласково улыбнулся. – А ты знаешь, Жоржик, – глухо сказал капитан, – что ты подвел под расстрел моего родного брата?

Кругом стало тихо. Все знали, что во время войны многие семьи оказались по разные стороны фронта. А в газетах писали, что вольсчастных парашютистов вербовали из русских беженцев в Западной Германии. Американцы щедро обещали им по 100 долларов за каждый день, проведенный в Советском Союзе, заранее зная, что шансов на возвращение очень мало.

Жоржик сидел и моргал глазами. А капитан молча взял пустую бутылку и треснул ею Жоржика по голове. Обливаясь кровью, агент-тройник свалился на цементный пол. А пьяный капитан, озверев, бил его сапогами под ребра и приговаривал:

– Теперь я из тебя, сучки, тоже жизнь выну! Жоржик валялся на полу и не шевелился. Капитан сел за стол и заказал себе еще стакан водки. Когда Жоржик пришел в себя и поднялся на четвереньки, капитан вытянул пистолет:

– А теперь, гадина, становись к стенке!

Ползавший на четвереньках Жоржик опять брякнулся на пол. Капитан подскочил и ударил его каблуком в зубы. Бил он его до тех пор, пока Жоржик перестал подавать признаки жизни. Потом он плюнул Жоржику в окровавленное лицо и ушел. За ним потихоньку ушли и все остальные шахматисты. Заведующий клубом, убедившись, что Жоржик жив, выволок его за ноги на улицу и бросил под забором.

Помимо Жоржика Бутырского в доме чудес имелось еще несколько личностей, может быть, и не столь ярких, но тоже достойных некоторого внимания.

В подвале дома чудес, как полагается в барских особняках, была хорошая кухня. Там теперь готовили домашние обеды для сотрудников. А поваром на этой кухне подвизался рыжий типчик по имени Женька Южный, который уверял, что во время войны он был личным поваром Васьки Сталина, генерал-лейтенанта авиации, который в основном прославился своими пьяными дебошами, а после смерти отца вдруг куда-то исчез. Говорили, что одно время Васька сидел в тюрьме, а потом от горя окончательно снился и умер от алкоголизма.

Помимо обедов повар Васьки Сталина по ночам варил на кухне самогон и потихоньку продавал его любителям. Да и сам он был большим любителем этого самогона.

Когда Женька Южный перепивался, он лез к мужчинам целоваться, да так вза-сос, да еще с языком, что его за эти фокусы несколько раз били по морде. Эти мелочи, может быть, не стоило бы и упоминать, если бы Женька не был личным поваром Васьки Сталина. В данном случае такие детали принадлежат истории.

Имелась в доме чудес и еще одна знаменитость: бывший собутыльник Васьки Сталина по имени Миша Гейм-Данилов, довольно приятный человек интеллигентной наружности, который уверял, что во время войны он служил в авиачасти, которой командовал сын Сталина. Миша любил похвастаться, что он был с Васькой Сталиным на “ты” и частенько выпивал в его компании.

Но в сердце Миши Гейма была маленькая заноза. Дело в том, что у него были богатые дядюшки в Америке. Во времена Сталина он тщательно скрывал этот факт. Но после смерти Сталина Миша написал своим богатым дядюшкам трогательное письмо, где просил маленькую посылочку, хотя бы со старыми вещами, так как у него самого только один пиджачок, который уже протерся в локтях. Конечно, у Миши был и другой, вполне приличный пиджачок. Но зачем дядюшкам об этом знать?

Однако обмануть дядюшек не удалось. Они безжалостно ответили, что они Мишу своим родственником не считают. Вовсе не потому, что они капиталисты, а Ми-

ша коммунист. Нет, нет, дело совсем в другом. Отец Миши и их брат Моисей Гейм совершил непростительный грех, когда он женился на русской, на шиксе. Так вот, поскольку Миша есть плод этого греха, поскольку он только полуеврей и даже необрезанный, то они его своим родственником не считают.

И засадили они Мише в сердце вторую занозу. Он ходил по дому чудес и громко жаловался, как он, чтобы спасти этих дядюшек, проливал свою кровь от Москвы до Берлина. А неблагодарные дядюшки тем временем отсиживались в Нью-Йорке и делали доллары. А теперь они его и знать не хотят.

С тех пор полуеврей Миша стал самым настоящим антисемитом. Выдергивая из сердца свои занозы, он ругал своих дядюшек, как последний жидоед:

– Проклятые миллионеры! А мне старого пиджака послать жалеют. Потому что я необрезанный. Вот же чертовы жида!

От обиды и волнения Миша заикался еще больше, чем обычно, и у него судорожно дергалось лицо. Миша утверждал, что его контузило бомбой на фронте. В результате он стал заикаться и у него появился на лице странный тик: у него постоянно дергался рот, словно он все время что-то сосет и пытается проглотить, но это ему никак не удается.

Может быть, эту мелочь не стояло бы упоминать, если бы Миша Гейм-Данилов не хвастался, что он был собутыльником Васьки Сталина. А раз так, то эти детали принадлежат истории. А выводы из этого пусть делают всякие там психоаналитики, которые любят копать в таких деталях.

Трудно сказать, чем занимался Миша Гейм в доме чудес. Он взял себе литературный псевдоним Дубовой, но вскоре выяснилось, что он глуп, как дуб и писать не умеет. Да к тому же и лентяй. Может быть, его дядюшки были и правы, что отказались от него.

Поэтому одни говорили, что Миша помогает бездельничать Жоржику Бутырскому. А другие считали, что чародей Гильруд, как филантроп, взял собутыльника Васьки Сталина просто для коллекции – как музейную редкость.

Глава 8. Спящая красавица

*Добродетельная жена – венец для мужа своего;
а позорная – как гниль в костях его.*

Притчи Соломоновы. 12:4

Как ни старался папа Миллер сосватать свою дочь за Бориса Руднева, но из этого ничего не получалось.

Хотя у Нины, как на витрине фруктового магазина, в приятном изобилии рассыпались все соблазнительные плоды зрелой женственности, но она вела себя немножко не по сезону. То, как маленькая девочка, лезет отцу на колени, то пискливым голосом фантазирует про чистую любовь и хвастается отвергнутыми поклонниками, то ляпнет какую-нибудь непечатную остроту и, сделав невинные глаза, чистосердечно признается:

– Я страшно люблю хамить! – и покажет кончик языка. Глядя на Нину, соседи говорили:

– Ах, какая очаровательная девушка! Другие задерут подол и крутят любовь, как скаженные. А эта такая скромная, такая благовоспитанная. Одно удовольствие для родителей.

Однако и в доме Миллеров тоже были свои проблемы. Если Нина никак не влюблялась, то зато на старости лет влюбился папа Миллер. Как говорится, седина в бороду, а бес в ребро.

– А получилось это так. Адам Абрамович взял себе новую секретаршу по имени Магдалина. А Нина вскоре уговорила эту Магдалину, чтобы та по вечерам позировала ей на курсах рисования в качестве натурщицы. Нина уверяла, что из Магдалины получится великолепная рубенсовская женщина.

Когда папа Миллер увидел голенькие наброски, которые делала с Магдалины его дочь красной сангиной, да еще чуть ли не в натуральную величину, у него тоже появился вкус к рубенсовским женщинам. Несмотря на свой почтенный возраст, он по уши влюбился в Магдалину и ходил теперь сам не свой.

Почти каждый день он прибегал на радио “Свобода”. Вроде к дочке. А на .самом деле, чтобы посмотреть на Магдалину. Во всяком случае, так рассказывала Нина, которая даже немножко гордилась этим.

После этого в доме Миллеров произошла маленькая революция. Семейным ложем родителей служило самодельное сооружение в углу гостиной, нечто вроде двух диванов, сдвинутых вместе в форме угольника, какими пользуются каменщики. Раньше папа с мамой спали как циркуль, голова к голове. Теперь же в знак протеста они перевернулись друг к другу ногами.

Весь день Милица Ивановна обиженно вздыхала и принимала таблетки от головной боли. А Акакий Петрович в подавленном состоянии сидел в своем продавленном зеленом кресле и принимал какие-то таблетки от меланхолии. Нина же бегала между папой и мамой, которые не разговаривали друг с другом, и не знала, что делать.

Чтобы хоть как-то разрядить напряженную атмосферу в доме, Акакий Петрович иногда приглашал в гости Бориса Руднева. Просто так, как друга дома. Иногда дру-

гу дома казалось, что папа Миллер приглашает его нарочно: чтобы разбудить спящую красавицу, которая запаздывает с пробуждением. Но спящая красавица пробуждаться не торопилась, и друг дома даже не знал толком, к кому он, собственно, ходит в гости: к дочке или к папе с мамой?

Дверь комнаты, где спала Нина, закрывалась так тщательно, словно там была мастерская фальшивомонетчиков.

– Там у меня ужасный беспорядок, – объясняла спящая красавица.

Осенью в доме Миллеров прибавились новые люди. К Милиции Ивановне из провинции приехала Агнесса Ивановна с дочерью Катей, которая была почти одного возраста с Ниной.

– Это что, мамина сестра? – спросил Борис.

– Нет, просто знакомые, – ответила Нина. Позже выяснилось, что гости из провинции – это все-таки Нинины тетка и двоюродная сестра. Казалось, что Нина то ли стесняется, то ли недолюбливает своих родственников. Благодаря искаленным бедрам одна нога Агнессы Ивановны была значительно короче другой, и она с трудом ковыляла по комнате, опираясь на толстую палку с резиновым наконечником и постоянно цепляясь за стулья и за дырки в старом ковре на полу.

– Что это у нее такое? – сочувственно спросил друг дома.

– Искривление позвоночника, – неохотно ответила Нина. – Упала. Когда была ребенком.

– А где ее муж?

– Пропал без вести... На войне...

– Но дочка у нее очень симпатичная, – похвалил друг дома, – Только что это она, когда разговаривает, так все время в сторону смотрит?

– Она просто глаза прячет, фыркнула кузина Нина, – Потому что она косоглазая.

– Нина, как тебе не стыдно! – вмешался Акакий Петрович, который дремал в своем кресле. – Да, вчера я обещал Кате мой фотоаппарат, а ты его взяла с собой. Зачем ты это делаешь?

– Да, но я сама фотографировала.

– Но ведь в аппарате нет пленки. Зачем ты врешь?

– Раз я говорю, значит, это так! – упрямо тряхнула кудрями дочь.

– Мерзавка, – тихо, словно самому себе, пробормотал отец.

Нина обиженно надула щеки. На мгновение в ее лице мелькнуло что-то неприятное. Затем она ушла в свою комнату и хлопнула дверь.

Чтобы преодолеть неловкое молчание, поскольку заговорили о фото, Борис попросил разрешения посмотреть семейный фотоальбом, который лежал на комод.

Вот фотография. Акакия Петровича в молодости. На редкость красивый молодой человек. Хорошенький, как херувим. Даже немножко сладенький. Но глаза усталые и печальные. Словно он уже родился таким же сонным флегматиком, как сейчас, когда он сидит и клюет носом в своем кресле. Словно у него усталая кровь.

Затем шла семейная фотография Милиции Ивановны: большая купеческая семья с угрюмыми лицами. Даже в молодости Милиция Ивановна была такой же жабой, как теперь. Но видно, что властная бой-баба. И глаза как у совы. И как только эта жаба умудрилась поймать такого херувимчика?

Перелистав еще несколько страниц, Борис увидел фотографию, которая оказалась ему знакомой. Мужчина в военной форме времен революции. На голове дикая копна волос, спадающих до плеч, как у батьки Махно. Уродливый, как черт, и глаза как гвозди. Уродец сидел, положив одну руку на кривую кавказскую шашку с богатой серебряной чеканкой, а другой рукой держался за огромный маузер в деревянной кобуре. На маузере ясно виднелась маленькая именная пластинка с загнутым углом, что означало Почетное золотое оружие Реввоенсовета.

– Кто это такой? – спросил Борис.

– А это был такой герой Перекопа, – сонно ответил Акакий Петрович. – Когда-то, в молодости, он ухаживал за Милицией Ивановной. Вот и попал в альбом.

– Я его тоже немножко знал, – сказал Борис, – Мы тогда жили по соседству. Около Петровского парка.

Альбом шел в хронологической последовательности, как семейная хроника. На следующей странице было несколько фотографий очень красивой молодой женщины. Сначала она в белом кружевном платье с оборочками – как кисейная барышня. Но на следующей фотографии эта кисейная барышня уже в военной форме из грубого сукна и с наганом у пояса. Лицо у нее холодное, гордое и надменное. И это лицо опять показалось Борису знакомым.

– А кто это? – спросил он.

– Это сестра героя Перекопа. Когда-то они все с Милицией Ивановной дружили. Воспоминания молодости.

– А-а-а... Так я ее тоже немножко знал. Я тогда еще совсем мальчишкой был. А она тогда ромбы носила, что-то вроде генерала в ГПУ – НКВД. Как ее звали? Орбели.. Зинаида Генриховна.

– Да, она взяла эту фамилию после революции. А вы знаете ее настоящую фамилию?

Вспомнив свою молодость, Акакий Петрович немного оживился:

– Она урожденная княжна Шаховская. Столбовое дворянство, от Рюриковичей. Но старый князь Шаховской был большой чудак. Когда ему было уже под семьдесят, он женился на молоденькой еврейке с целой кучей еврейских детей. Старый князь всех этих еврейчиков усыновил. Чтобы люди потом думали, что это от него самого. С тех пор пошли князья Шаховские, но чистокровные евреи.

– А почему ж она переменяла фамилию?

– Она была очень экзальтированная натура. Прямо из Смольного института благородных девиц она пошла работать в ЧК. Ну и фамилия князей Шаховских там немножко мешала.

На следующей странице Борис нашел еще одну интересную фотографию. Какая-то другая девица, одетая по моде 30-х годов. И тоже очень красивая. Она идет по парку и катит впереди себя рядное, из кожи и никеля, кресло для инвалидов, в котором сидит горбун с умным лицом, с огромной, как у марсианина, головой и маленькими, высохшими и мертвыми ногами. А рядом шагает герой Перекопа с шашкой и маузером.

– А это кто? – спросил Борис.

– Просто так, – пожал плечами Акакий Петрович, – общие знакомые.

Борис посмотрел на фотографию еще раз. Да, действительно общие знакомые. Ведь это красавица Ольга, жена Максима. Тихий ангел, после которого и началась вся эта чертовщина с Максимом. Ведь и этот горбун тогда тоже жил где-то около Пе-

тровского парка. Ольга из жалости, чтобы составить ему компанию, иногда катала его по парку. А Борис тогда ловил в пруду головастиков и удивлялся, зачем эта красавица гуляет с горбуном, про которого говорили, что он потомок знаменитого революционера декабриста князя Оболенского.

В переулке Энтузиастов пахло осенью, дождем и прелыми листьями. Когда Борис шел домой, ему стало немножко грустно на душе. Может быть, от этих старых фотографий, которые напомнили ему его детство и отеческий дом.

Все было так хорошо, пока не случилась эта чертова история с Максимом, где главную роль играла эта злосчастная Ольга. Хотя она и выглядела как бледный ангел, но ведь уже и до Максима из-за нее было два самоубийства. Сначала студент, который выстрелил себе в рот из нагана. А потом Завалишин, дальний родственник поэта Серафима Аллилуева.

Рядом с Ольгой, как пудель, постоянно крутился этот колченогий герой Перекопа в своих идиотских красных галифе. Как будто красавице Ольге нравилась эта компания горбунов и уродов. А с другой стороны около Ольги как змея все время увивалась эта княжна Шаховская-Орбели, кисейная барышня и чекистка. Такая трогательная дружба, прямо как в романах Чарской.

Но кончилось все это плохо. Ольга умерла загадочной смертью. А Максим от горя чуть не помешался. Потом умер и их ребенок. А Максим занялся сатановедением и всякой чертовщиной. Сидит, как доктор Фауст, зарывшись в свои средневековые книжки, и бредит про ведьм и ведьмаков.

Потом началась Великая Чистка, где подмели и героя Перекопа, и его сестренку. А чернокнижник Максим, теперь уже начальник 13-го отдела НКВД, сидит и хвастается, что это он их посадил – и за какие-то темные дела. Но что это за дела – молчит, так как это государственная тайна.

Тогда пьяный Максим бормотал, что Зинка Орбели – это помесь сатаны и антихриста, полукняжна и полумарсианка. А теперь трезвый Акакий Петрович подтверждает, что она вовсе не Орбели, а княжна Шаховская. Но и не княжна Шаховская, а чистокровная еврейка. И не Зинаида Генриховна, а Гершелевна. Такая путаница, что тут и сам черт не разберется. Но, так или иначе, а вся эта темная история началась с красавицы Ольги. Тихий ангел, бледная вошь, которая завела Максима по ту сторону добра и зла.

Борис расправил плечи и вдохнул полной грудью свежий осенний воздух. Потом он раскинул руки и потянулся, как сильный, здоровый зверь. Так, что затрещало в суставах.

“Эх, как хорошо и просто все кругом, – подумал он. – И как только люди сами себе портят эту жизнь. Сами себе? Или одни другим?”

Когда-то в 20-х годах на окраине Ростова, в Нахичевани, жила дружная пожилая пара скопцов, Никифор Захарович и Аграфена Демидовна. Они принадлежали к небольшой колонии секты скопцов, которые остались в Нахичевани еще от царского времени. Это были простые люди, которых соседи уважали за их трудолюбие и готовность помочь ближнему.

Никифор Захарович держал пасеку и угощал соседских детишек медом, а про Аграфену Демидовну говорили, что у нее золотые руки и что дом у них – полная чаша. В этом доме не хватало только одного – детей.

Поэтому на старости лет Никифор Захарович и Аграфена Демидовна решили взять себе приемного ребенка. Тогда, после революции и гражданской войны, в детдомах было полно всяких детей. Они просто пошли в детдом и выбрали себе там

подходящего мальчишку с рыжими вихрами. По документам малыш был круглым сиротой по имени Остап Остапович Оглоедов.

Маленький Остапка прижился в доме скопцов, и они полюбили своего приемного сына. Но однажды, искупав Остапку в корыте, мать сказала отцу:

– А ты знаешь, Никифор Захарыч, наш Остапка-то того... обрезанный.

– Ну и что? С людьми всяко бывает.

– Да, но ведь в Ростове полно евреев...

– Что ты, Аграфена Демидна. Ведь он на еврея совсем не похож. Да и фамилия у него русская.

– А может, он не чистый еврей, а того... с прожидью?

– Кто это знает? – развел руками Никифор Захарович. – Пущай это Господь Бог решает.

Когда мальчик немного подрос, он совсем забыл про детдом и стал задавать всякие вопросы. Чтобы не рассказывать сказки про аиста, приемные родители сказали Остапке, что его подбросили бродячие цыгане, которые оставили его на пороге их дома. В Ростове было много цыган, которым приписывали всякие трюки, и Остапка поверил этому.

Когда Остапка пошел в школу, он даже гордился этим и говорил, что он цыган. Но потом мальчишки стали смеяться:

- Какой ты цыган, коли ты обрезанный!

Когда Остап достиг юношеского возраста, он стал подозревать, что с ним что-то не в порядке: хотя сам он вырос огромного роста, больше всех своих сверстников, но половые органы у него остались маленькие, как у ребенка. А мальчишки, когда их водили на общие медицинские осмотры, конечно, посмеивались:

– Эй ты, гермафродит!

В душе Остап стал стесняться сначала мальчишек, а потом и девчонок. А внешне, чтобы компенсировать этот недостаток, он стал выкидывать в школе такие замысловатые фокусы, что вскоре приобрел себе двойную славу: первого хулигана – и первого труса.

Вскоре и приемные родители заметили, что с Остапом что-то не в порядке. Парень он был довольно смысленный и сообразительный, но в школе учился плохо. Вся его сообразительность шла на какие-то хитрости. И если он что-то делал, то всегда искал какие-то окольные пути.

– Ох, чуяло мое сердце, – вздохнула Аграфена Демидовна. – Хотя рожа у него и русская, но душа, вэй, вэй, еврейская. Потому он и рыжий.

Потом в доме старого пасечника, который всю жизнь славился своей честностью, несколько раз появлялась милиция с обысками. Когда Остапа, в конце концов, арестовали и посадили в труддом для малолетних правонарушителей, Никифор Захарович печально покачал головой:

– Ну вот, значит, Господь Бог так и рассудил. Это нам за наши грехи.

– Это не наши грехи, а чужие грехи, – сказала Аграфена Демидовна. – А мы за них расплачиваемся. Потому про рыжих и говорят, что Бог шельму метит.

Так или иначе, но с тех пор потерялся след Остапов на улицах Ростова. И ничего о нем приемные родители больше не слышали. Остап опять стал сиротой.

Через несколько лет след Остапа нашелся на улицах Ленинграда. Он учился в литературном институте и, как бедный студент, немножко прирабатывал себе на

жизнь спекуляцией. Но товар у него был такой хитроумный, что до этого не всякий додумается. Остап торговал своим задом. Вернее, и задом и передом, так как этот хитрый товар продавался с обоих концов. Нужно только знать, к кому с какого конца подойти.

Одновременно Остап был сексотом и осведомителем НКВД, где очень интересовались его клиентурой. Потом подошла Великая Чистка. Некоторые жители Ленинграда и посейчас помнят, как после убийства Кирова в Ленинграде за одну ночь почему-то переарестовали всех педерастов. Некоторую роль в этой акции играл и Остап. Сначала с помощью Остапа подмели всю его клиентуру. А потом и самого Остапа отправили по тому же адресу – в Сибирь. И замело след Остапов сибирскими снегами.

После смерти Сталина частично распустили заключенных концлагерей. Началась своего рода оттепель. В журналах появилось даже несколько сочувственных очерков из жизни заключенных. Например, повесть Анны Вальцевой “Квартира №13”, которую напечатали в журнале “Москва”, №1, и которая перекликалась со старым очерком Владимира Короленко “Дом №13”.

В связи с такой оттепелью немножко оттаял также и Остап Оглоедов, который теперь уже работал на радио “Свобода”. Он стал больше рассказывать о своем прошлом, и ему тоже захотелось писать.

– Эх, если я когда-нибудь напишу мою биографию, – говорил Остап, – это будет самая интересная книга в мире.

Несмотря на такой соблазн, книгу эту он почему-то не писал и только с сожалением хмыкал носом:

– Хм, а особенно это было б интересно для милиционеров. Хотя жил Остап под фамилией Оглоедов, но в работе он предпочитал пользоваться литературными псевдонимами. Для упрощения мыслительного процесса он просто открывал телефонную книгу, подписывал свои скрипты первым попавшимся именем и объяснял:

– Я человек не гордый, за славой не гонюсь. Абы она за мной не гналась, – И он осторожно оглядывался.

Если некоторые люди боятся своей собственной тени, то Остап почему-то боялся своего имени. Если его окликали сзади, он испуганно вздрагивал.

– Знаете, это имя напоминает мне одни только неприятности, – оправдывался он. – Всякие там анкеты, допросы, шмоны. Свою биографию Остап Оглоедов начинал так:

– Когда я родился, я был совсем маленький. – Потом он уныло вздыхал: – А когда я стал большой, меня сразу упекли за колючую проволоку.

Чтобы его не заподозрили в недостатке образования, он поучительно поднимал палец вверх:

– А знаете, братцы, тюрьма – это похлеще всяких университетов!

Сослуживцам Остап говорил, что в тюремные университеты он попал случайно – за политический анекдот, которого он даже и не рассказывал. Жуликам он говорил, что сидел за жульничество, а пьяницам божился, что он в пьяном виде заснул на улице, а проснулся за решеткой.

Евреям, которых на радио “Свобода” было довольно много, Остап говорил, что у него еврейская мама или в зависимости от обстоятельств еврейская бабушка, и при этом ссылался на свой обрез. А русским Остап говорил, что он русский. Благодаря всему этому у Остапа была масса знакомых, и со всеми он был в хороших отношениях.

О своей жизни в концлагере Остап вспоминал с таким удовольствием, словно побывал в доме отдыха. Жаловался он только лишь на то, что сидеть ему пришлось в женском лагере, где он работал завхозом.

– Представляете себе, десять тысяч баб! – разводил он руками, – И всем мужика хочется. Отбою от них, проклятых, нету.

Зато Остап очень гордился, что лагерь это был не простой, а специальный, где сидели жены и родственницы бывших членов правительства, которых ликвидировали во время Великой Чистки.

– Сижу как в Кремле, – говорил Остап. – Справа на нарах – жена министра. Слева – сестра члена ЦК. А на верхних нарах – дочка посла. И все ко мне пристают с любовью А я ведь человек, не машина! Но там же и проститутки сидели. Те уж не церемонились. Бывало, поймают целой шайкой в лесу одного мужика – и изнасилуют. Иногда аж до смерти замучают, – И он со всеми подробностями рассказывал, как это делается.

Все мужчины, естественно, сочувствовали бедному Остапу. А французская Лиза подтрунивала:

– Остапка, а я слышала, что в женские лагеря сажают только специальных мужчин.

– Брехня на постном масле, – ворчал Остап.

– Говорят, есть такие мужчины, – усмехалась Лиза, – что если его посадить в мужской лагерь, так это будет ему не наказание, а сплошное блаженство. Потому их и сажают в женский лагерь!

– Вот французская дура! – огрызнулся Остап. – Это у вас во Франции так. Кроме того, я сидел не только в этом лагере, а во многих лагерях.

Так или иначе, после женских лагерей Остапа стал преследовать страх. От этого страха всю войну, чтобы не попасть на фронт, Остап жил по фальшивым документам, симулировал туберкулез и прятался по подвалам у добрых людей. Но так как все мужчины были на фронте, то Остап, по его рассказам, опять оказался в плену у баб. А от подвальной жизни он действительно получил туберкулез, который он сначала только симулировал.

После войны Остап купил себе новые документы. Документы эти были ворованные, и принадлежали они какому-то инженер-полковнику, командированному на демонтаж побежденной Германии. Так Остап Оглоедов стал полковником.

После войны в Германию вместе с настоящими демонtajниками, как стаи перелетных птиц, устремились стаи предприимчивого жулья. Так и полковник Оглоедов ехал в Германию, примостившись, как воробышек, на крыше вагона.

Зато в Москву Остап вернулся, как падишах: с кучей денег и вязанкой золотых часов, которые он демонтировал у немцев. А в чемодане, как символ красивой жизни, он вез черный фрак. Однако вскоре московское жулье демонтировало Остапа, как последнего фрайера, да так основательно,

что от красивой жизни остался только никому не нужный фрак. После этого Остап так разочаровался в жизни, что выправил свои настоящие документы и решил заняться честным трудом.

Хотя лагеря, в которых Остап получал свое высшее образование, и назывались исправительно-трудовыми, но Остапа они не исправили, и к труду не приучили. Зато от постоянного контакта с жульем он научился врать и изворачиваться так артистически, что это придавало ему даже некоторый шарм. Потому, в конце концов, он и приземлился на радио “Свобода” в качестве литературного негра.

Своей внешностью Остап немножко напоминал пещерного человека, помесь питекантропа с неандертальцем. Чтобы скрыть свой угловатый череп, он отпустил себе буйную грязно-рыжую гриву, которая должна была устрашать врагов и придавать ему творческий вид. Низкий лоб Остапа бороздили бутафорские морщины, которые он мастерски пускал в ход, когда требовалось создать впечатление творческого процесса. А из-под взъерошенной гривы, как замаскированные радарные установки, торчали настоженные уши.

Руки у Остапа были длинные и грязные, как лагерная землечерпалка. Хотя ногти он регулярно обгрызал, но и там тоже был чернозем. Свою антипатию к воде и мылу Остап объяснял тем, что в детстве он чуть не утонул, купаясь в корыте, и с тех пор страдает водобоязнью. Потому он на работе постоянно чесался, как гориллоид в клетке.

Под гривой у льва бьется львиное сердце. В груди гориллы бьется горилье сердце. А вот у Остапа Оглоедова под львиной гривой и в теле гориллы рядом с душой канарейки билось заячье сердце. Самым сильным побуждающим моментом в жизни Остапа был всепобеждающий страх. Если он кому-нибудь услуживал, то обычно от страха. Если кому-нибудь делал пакости, то чаще всего тоже от страха. Охваченный храбростью отчаяния, он иногда мог даже сойти за Храбреца.

Соответственно этому и женился Остап тоже от страха.

– Знаете, вдвоем не так боязно, – оправдывался он, – А то сидишь один дома, а ветрище в трубище свищет. У-ух! Да и ходит трепотня, что к неженатам в Москве придираются. Прописки лишают.

Женился Остап на пожилой вдове, значительно старше его самого, и с тремя детьми от трех предшествующих мужей.

– Жениться на вдове – это самое умное, – объяснял он. – Вдовушка уже кумекает, как кашу варить. Чтоб и дешево, и сердито. И детки готовые – хлопот меньше.

Так Остап заварил себе кашу по своему вкусу. Прежде всего, готовые детки не признавали нового папу. Старший сын в знак протеста моментально убежал из дома.

– Туда ему и дорога, – сказал Остап. – У него уже судимостей больше, чем у меня.

Средняя дочь, угрюмая и косоглазая школьница с торчащими вперед зубами, считалась немного ненормальной и поэтому высказывала свои чувства с откровенностью младенца.

– Что это за балбес? – спрашивала она каждый раз при виде своего нового папы. – И что этому охломону здесь нужно?

– Ничего, – говорил Остап. – Все дело в том, что она косоглазая. Потому она видит меня в перекошенном виде. Это называется параллакс. Нужно будет купить ей такие специальные очки для параллакса.

Младшую дочь звали Мишкой. Звали-то ее, собственно, Машей. Но Маша была похожа на медвежонка, вставшего на задние лапы, и в школе она клала на лопатки и билла всех мальчишек, которые пытались померяться с ней силой. Поэтому мальчишки прозвали ее Мишкой. А потом ее стали звать так и дома. Зато Мишка была единственной, кто признавал своего нового папу.

– Единственный нормальный ребенок, – говорил новый папа.

Чтобы каша была погуще, иногда в доме появлялась еще и теща Варвара Цезаревна Тыркова. С Остапом она принципиально не разговаривала и делала вид,

что для нее он вообще не существует. В случае крайней необходимости она обращалась к своей дочери:

– Дина, скажи этому... твоему... Оглоеду..

– Ничего, – говорил Остап, – просто у нее мания величия – и она никого, кроме себя, не видит. Она из семьи знаменитых революционеров-террористов Тырковых. Вот она и дома ведет себя как террористка.

В доме было пять кошек. Но даже и они бойкотировали бедного Остапа. При виде его кошки шипели и, задрвав хвосты, прыгали в окошки. А теща-террористка бурчала:

– Дина, скажи этому Оглоеду, что наши кошки нервные. И пусть он не нервнует наших кошек.

Хотя Остап честно содержал всю эту веселую ораву, но кормили его в последнюю очередь, даже после кошек. Потом он мыл всю посуду, включая и кошачьи блюдечки.

Как найти его квартиру, Остап рекомендовал так:

– Идите по коридору и нюхайте. Из-под какой двери кошками воняет, туда и заходите. Свою жену Остап представлял так:

– Теща-террористка назвала ее Диной – в честь динамита, из которого делают бомбы. Так что, имейте в виду...

Дина была художницей с модернистическим уклоном и мазюкала абстрактные картины для иностранных туристов.

– Кошка хвостом намалюет лучше, чем эта художница, – говорил Остап.

Когда поэт Серафим Аллилуев выпивал, он утверждал, что поэтическое творчество – это разбитая душа поэта, отражающаяся в кривом зеркале его фантазии. Иногда он путал и говорил, что это кривая душа, отражающаяся в разбитом зеркале. Так или иначе, но в лице своей жены душа Остапа нашла свое зеркало.

Вся жизнь Остапа была ложью. А Дина, наоборот, занималась поисками вселивенской правды и даже листала Библию. Потому, когда Остап что-нибудь фантазировал, Дина спокойно поясняла:

– То, что Остап брешет, – это еще полбеды. Вся беда в том, что он своей же брехне и верит! Это уже шизофрения, расщепление личности. Я-то эту штуку хорошо знаю.

– А знаете, откуда она это знает? – оправдывался Остап. – Потому что у нее вся семья шизофреники. У них в голове перекося – параллакс.

Остап жаловался, что он устал от жизни. Зато у Дины был запас энергии, как у динамитного патрона. Это было особенно заметно, когда они выпивали где-нибудь у знакомых.

Подвыпив, Остап закатывал глаза к небу и распевал трогательные баллады про честных жуликов. А Дина пила молча и сосредоточенно. Потом, напившись до определенного градуса, она так же молча бралась за край скатерти – рывок! – и все с грохотом летело со стола на пол. А если не было скатерти, то динамитная Дина просто опрокидывала весь стол. Это служило Остапу сигналом, что концерт окончен и пора идти домой.

– Ну и жена, – вздыхал Остап. Чистый динамит! Если верить философам, утверждающим, что и Бог, и дьявол обитают не где-нибудь, а в душах людей, и соответственно этому и рай и ад тоже можно найти на земле, то Остап со своей кашей

из жены-вдовушки, тещи-террористки, чужих детей и нервных кошек был наглядным примером того, как можно устроить себе такой ад в повседневной жизни.

Некоторые люди сочувствовали Остапу и удивлялись:

– И как только он все это терпит?

– Он своей жены боится, – говорили другие. – Она про него что-то знает. Что-то такое, что ему лучше молчать и терпеть.

Бедному сыну Остапа Бендера не везло даже с обувью. В магазине самые большие полуботинки были ему слишком малы. Чтобы как-то впихнуть в них свои ноги, он разрезал новые полуботинки сзади ножом. А носки у него были всегда рваные. Так и ходил он, сверкая голыми пятками, как монах из босоногого ордена.

И вместе с тем в груди Остапа изнывала душа подлинного артиста. Когда требовалось блеснуть в обществе, особенно где, по мнению Остапа, были важные люди, там он преображался в английского дипломата. Тогда он вытаскивал из сундука свой заветный фрак, символ красивой жизни. Чтобы не было заметно грязного воротничка, на шею наматывалось белое кашне. А рыжую гриву венчала консервативная черная шляпа. Да не просто шляпа, а твердый котелок, поскольку Остап где-то слышал, что все солидные люди носят котелки. Чтобы замаскировать свои босоножки с голыми пятками, он спускал штаны пониже и старался не двигаться.

В случае какого-нибудь важного собрания Остап становился в своем дипломатическом наряде у дверей и, как швейцар, приветствовал всех нужных людей. Перед одними он почтительно снимал свой котелок. Перед другими изящно расшаркивался. Третьим лихо отдавал воинскую честь – это тем, кому он врал, что был полковником. Некоторым дамам он даже галантно целовал ручку.

Правда, от некоторых он потихоньку отворачивался. Это у кого он занимал деньги и не отдавал. Когда все были в сборе, Остап, сыграв свою роль, незаметно выскальзывал в двери, и отправлялся домой.

Там, сбросив свой парадный костюм, сын Остапа Бендера ложился на диван и начинал жаловаться жене, как ему приходится напрягать память, чтобы не перепутать нужных людей, и какой это неблагодарный труд. Один не снял перед ним шляпу. Другой не раскланялся. Третий не ответил на его воинский салют. Многие почему-то отворачиваются, а здороваются с ним только кредиторы. В результате у него опять разболелась язва желудка, и вообще он устал от жизни.

– Вот возьму и убегу из дома, вздыхал Остап. – Как Лев Толстой.

Да, недаром Остап уверял, что если он когда-нибудь напишет свою биографию, то это будет самая увлекательная книга в мире. Но не будем увлекаться и оставим пока Остапа в покое. Иначе это будет плагиат из его будущей книги.

Глава 9. Холодный огонь

*Дьявол не может любить и не любит тех,
кто любит.*

Дени де Ружмон, Роль дьявола

Шофер дома чудес Люся Шелапутин, неудачный отпрыск поэзии и прозы, жил в Неделкино вместе со своей матерью, поэтессой Ириной Забубенной. Если в любовных делах Ирина славилась своим легкомыслием, то зато Люся влюблялся только всерьез. Столь же серьезно он влюбился в Капиталину, секретаршу чародея Со-си Гильруда, которая жила в соседнем бараке.

При каждом удобном случае Люся вынимал из кармана портрет своей возлюбленной и гордо показывал окружающим:

– Смотрите, моя невеста!

– Она уже у всего Неделкино в невестах перебывала, – заметил флегматичный Филимон.

Чтобы создать своей суженой красивую жизнь, Люся решил построить себе загородную дачу. Начал он с того, что купил у швейцара Назара полуобгорелый фургон на колесах, который тот когда-то приобрел от цыган. Затем Люся поставил свой цыганский фургон на каком-то никому не нужном пустыре, километрах в двадцати от Москвы, и иногда ездил туда на велосипеде, чтобы полюбоваться на свою дачу. Теперь он чувствовал себя как цыганский барон и хотел поскорее жениться. Но жизнь на такой даче Капиталину нисколько не прельщала.

– Послушай, зачем ты выбрасываешь деньги на воздух? – уговаривал злополучного жениха эксмиллионер Саркисьян, – Ведь она же просто гулящая. Ей красная цена в базарный день – пятерка. А Жоржик там уже бесплатно побывал, на халтуру. Спроси у Жоржика, как это делается.

На это цыганский барон гордо заявил:

– Это меня не касается. Для меня важна душа! Чтобы завоевать душу Капиталины, Люся всенародно объявил, что скоро он сделает ей такой подарок, что все зашатаются от зависти. Но вскоре после этого он сам стал шататься. И не от зависти, а от каждого дуновения ветерка. Затем он ни с того ни с сего вдруг брякнулся в обморок. Глядя на распростертого на полу Люсю, косоглазый Филимон. подтолкнул локтем неистового Артамона:

– С таким шоферчиком довольно просто прокатиться на тот свет.

Артамон зарычал на бесчувственного Люсю так, что тот сразу очнулся от своего обморока:

– Ты что это дур-р-рака валяешь?!

– Да, знаете, голова круж-жится...

– Головокружение от успехов, – констатировал Жоржик.

– Это у него от голода, – объяснил швейцар Назар. – У своего папаши научившись, одной водой из крана питается.

Оказывается, бедный шофер решил купить своей возлюбленной каракулевого манто и, чтобы сэкономить деньги, морил себя голодом. Бухгалтер Саркисян взялся за карандаш и быстренько подсчитал, что для этого Люсе понадобится десять лет бесперывной голодовки.

Но у Капиталины не хватило терпения ждать обещанного манто так долго. А больше всего ей надоело, что, когда она принимает своих визитеров, Люся постоянно крутится у нее под окнами и даже подглядывает в щелки. В общем, невеста дала жениху официальный отказ. То есть при свидетелях послала его к чертовой матери.

Цыганский барон поморгал глазами и пошел домой к своей матери. Но там Ирина Забубенная тоже принимала кавалеров, и Люсе опять пришлось дежурить под окнами. На следующий день по дому чудес пронеслась зловещая весть:

– Слышали? Наш цыганский барон отравился!

– Как так?

– Да съел банку отравы для мух и тараканов. На кухне нашел. А потом запил керосином, что для примуса.

– Ну и что с ним?

– Вывернуло наизнанку. Теперь его в госпитале прополаскивают.

Меньше всего по этому поводу волновался отец Люси. С чувством превосходства потомок Чингисхана заявил:

– Разве так травятся? Вот когда я травился, так во всех газетах писали. Я травился публично – в ресторане.

– Он уже раз двадцать травился, – подтвердил бухгалтер Саркисян. – И всех нас переживет.

– Я не только травился, – гордо сказал потомок Чингисхана, – Я все способы перепробовал.

– И какой же способ самый приятный? – поинтересовался Филимон.

– Лучше всего с дома прыгать. Раз залез я на крышу, на шестой этаж. Ну, конечно, куча народа собралась. И все меня ужасно отговаривают.

– Как же вы живы остались?

– Как? Ну, отговаривали, отговаривали – и отговорили. Поскольку покушение на самоубийство есть вопрос социальный, то заместитель президента дома чудес по социальным вопросам Мушер Дундук решил выяснить эту историю и обратился за помощью к Люсиной матери.

– У Люси те же проблемы, что и у его папаши, – ответила Ирина Забубенная.

– Какие проблемы?

– Дурная наследственность, – уклончиво ответила поэтесса. И ничего больше от нее Мушер не добился.

Однако вскоре судьба сжалилась над злосчастливым Люсей. Или, может быть, на его долю наконец выпал счастливый билет в той лотерее, которая называется жизнью. Ему подвалило такое счастье, что даже привыкшие к чудесам обитатели дома чудес этому не сразу поверили.

Роль доброй феи в этом деле сыграла жена швейцара Назара, которую все называли просто Назарихой, женщина пожилая, даже немножко беззубая и ничем не примечательная, о существовании которой вспоминали только тогда, когда она приходила жаловаться, что Назар ее опять поколотил.

Когда-то в молодости Назариха была парикмахершей. Теперь же, вероятно, не без ведома соответствующих органов она подрабатывала тем, что в частном порядке делала прически женам служащих американского посольства. Таким образом она познакомилась с молоденькой дочерью американского дипломата. Иногда Назариха ездила к американке, иногда видели, как эта американка приезжала к Назарихе в огромном красном линкольне. В одно из таких посещений американка, которую звали Джульеттой, увидела Люсю и... влюбилась в него. Начался тайный роман, наподобие Ромео и Джульетты, где Назариха функционировала в качестве сводни.

– Эта американка, наверно, слепая, – хихикнул Жоржик.

Но Назариха уверяла, что Джульетта настоящая красавица и, кроме того, дочь миллионера.

– Ох, на этом деле можно подработать, – схватился за сердце Акоп Саркисян. – Если Люся не окончательный дурак, мы влезем этому миллионеру в компаньоны. Я буду продавать ему всякие идеи.

По дому чудес стали поговаривать, что Люся отлынивает от работы, так как он скоро женится на своей принцессе долларов и едет в Америку.

– Вот, черт побери, – завидовал Жоржик. – Видно, правду говорят, что дуракам счастье.

А Назариха сообщала все новые и новые подробности. Оказывается, отец Джульетты сделал свои миллионы в качестве консервного короля.

– А какие у него консервы? – деловито осведомился Акоп Саркисян. – Говорят, в Америке делают консервы для собак. У меня хорошая идея: делать из них пирожки для людей. Можно хорошие деньги сделать.

– Вы все про деньги комбинируете, – презрительно сказала Назариха. – А любовь за деньги не купишь.

– Уж вы меня, пожалуйста, не учите, – обиделся экс-миллионер. – Я хотя человек и женатый, но цены на любовь я тоже знаю. Могу сказать вам точно по курсу. Как на бирже. – И Акоп понес такое, что Назариха зажала уши и убежала.

Потом она пожаловалась Назару, что Акоп делает ей неприличные предложения.

По мере того как история с наследницей американских миллионов развивалась все дальше и дальше, казалось, что злосчастного Люсю даже в счастье преследует несчастье. Джульетта жила с отцом, матерью и братом. Началось с того, что ее отец вдруг погиб в автомобильной катастрофе.

– Это американский способ самоубийства, – авторитетно заявил потомок Чингисхана.

Затем брат Джульетты тоже влюбился в русскую и тоже захотел жениться. Но мать почему-то воспротивилась. Тогда для убедительности брат вытащил большой отцовский кольт.

– Во-от тако-о-ой большой? – разводила руками Назариха.

Видя это, Джульетта кинулась закрывать мать своим телом. В результате мать оказалась на кладбище, Джульетта в госпитале, а брат в тюрьме. Положение столь запутанное, что такого и сам Шекспир не распутает.

С раной в груди Джульетта лежала в госпитале и боролась между жизнью и смертью. Все это казалось довольно фантастичным и неправдоподобным, но достаточно было посмотреть на бедного Ромео, который бродил по дому чудес с остекленевшими глазами, чтобы убедиться, что все это горькая правда. Даже сам неисто-

вый Артамон, вместо того чтобы кричать на своего шофера, просто ходил домой пешком из опасения, что ошалевший от горя Люся наедет на столб.

Состояние Джульетты оказалось настолько серьезным, что бедняжку пришлось перевести в какой-то специальный госпиталь, к какому-то специальному профессору в Ленинграде. Но, несмотря на расстояние, она почти каждый день звонила своему Ромео по междугородному телефону и по-прежнему уверяла в своей любви.

Все видели, как Люся, бледный и с выпученными глазами, бормочет что-то в трубку, и старались ходить на цыпочках. После таких телефонных звонков, совершенно потеряв голову от своего злого счастья, бедный Ромео блуждал по дому чудес, как сомнамбула, натываясь на столы и стулья, или сидел и разговаривал сам с собой.

Больше всех эта история беспокоила, конечно, заместителя президента дома чудес по социальным вопросам Мушера Дундука. В конце концов, Мушер зашел в комнату своего президента и сказал:

– Послушайте, Борис Алексанч, что вы думаете об этой американской истории? С убийствами и так далее...

– Когда я был в Америке, – сказал президент, – там, в газетах каждый день такие истории. Америка – это страна сумасшедших.

Чтобы показать свою любовь на деле, американская Джульетта решила подарить советскому Ромео свой красный линкольн и даже прислала ему по почте ключи от машины. Позванивая этими ключиками, Люся метался по дому чудес, показывая их всем и каждому. И все ему честно завидовали, представляя себе, как нищий Люся скоро будет кататься в машине для миллионеров. Остановка была только за тем, что этот линкольн был вместе с Джульеттой в Ленинграде.

Поэтому Люся пришел к Мушеру и попросил разрешения, чтобы съездить за этим линкольном в Ленинград. Вид у Люси был такой жалкий и перепуганный, что и Мушеру тоже стало как-то не по себе.

– А у тебя деньги на дорогу есть? – спросил Мушер.

– Не-ет...

– А как же ты поедешь?

– Н-не з-знаю...

– Ведь у тебя на хлеб денег нет. А этот линкольн жрет бензина больше, чем твое жалованье. Где же ты денег достанешь?

– З-займу...

– У кого?

– У в-вас...

Мушер был на редкость мягким и отзывчивым человеком. Но Люся, засунув руки в карманы, уставился на него таким нудно-страдающим взглядом, что Мушеру вдруг стало противно. Ведь это не человек, а ходячая нуда, настоящая зануда.

– Знаешь что? – сказал Мушер. – Глядя на твои мутные глаза, и у меня в животе тоже начинает мутить. Не морочь мне голову. И катись ты к чертовой матери.

Но последний из Чингисханов вовсе не обиделся, а только судорожно подпернул штаны, по его телу пробежала странная дрожь, а страдальческий лик озарился отблесками какого-то неведомого злого счастья. Мушер ерзал в кресле, с нетерпением ожидая, когда же Люся наконец уберется. Но тот, словно растягивая удовольствие, переминался с ноги на ногу.

– Ну? – сказал Мушер. – Что ты из меня душу тянешь? Иди к чертям!

– Ну что ж, – последний из Чингисханов опять поддернул штаны. – Большое вам спасибо...

Не вынимая рук из карманов, словно держа там свое злое счастье, Люся поплелся к двери с таким видом, словно он сейчас же бросится под трамвай. Обитатели дома чудес с сожалением наблюдали за ним, не зная, чем помочь его горю.

Любовь американской Джульетты и советского Ромео была действительно сильнее смерти. Чувствуя приближение конца, принцесса долларов решила перед смертью обвенчаться со своим цыганским бароном и сообщила ему об этом по телефону. На сером фоне социалистического реализма вдруг развернулась такая сказочная история, что дальше некуда.

В доме чудес стали комбинировать. Если папа-миллионер убит, мама убита, брат в тюрьме, а сестра обвенчается с Люсей и тоже умрет, то ведь тогда вдовец Люся станет наследником американских миллионов!

– Люся, поставь хоть бутылку водки под твои миллионы, – заискивающе просил Жоржик Бутырский.

– Самое главное – собачьи консервы, – волновался Акоп Саркисян. – Только б не продешевить с нашими пирожками!

Кончилась эта сказочная история печально. К неистовому Артамону прибежала заплаканная Назариха. Когда она ушла, Артамон вызвал своего шофера на допрос и рывкнул:

– А ну признавайся во всем!

Бедный Ромео разрыдался горячими слезами и признался, что он стал жертвой коварной Назарихи. Началось все с того, что Люся действительно увидел американку, которая приезжала к Назарихе в красном линкольне, и, как полагается, влюбился в нее. Но в это дело вмешалась Назариха: ей тоже захотелось любви – и она стала вызывать Люсе по телефону, разыгрывая из себя влюбленную американку. Так как у нее не было половины зубов, она довольно удачно подделывала американский акцент.

За время этого телефонного флирта Люся так влюбился в свою принцессу долларов, что, когда он узнал беспощадную правду в лице Назарихи, он уже не мог расстаться со своей мечтой. Чтобы как-то выпутаться из этого положения, он решил убить американку. Потом он сжалился над любимой и положил ее в госпиталь.

А в дальнейшем Назариха стала жертвой Люси. Теперь он уже сам заставлял Назариху вызывать ему по телефону в качестве умирающей американки; Потом ему захотелось прощальной подарок – и он заставил Назариху подарить ему по телефону красный линкольн. Когда же он приказал Назарихе писать предсмертное завещание, та перепугалась и покаялась во всем неистовому Артамону.

– Правду говорят, что иногда один дурак заморочит голову десяти умным, – философски изрек флегматичный Филимон. Но при определенных условиях из Люси мог бы получиться великий артист. Он так вживается в свою роль.

– Когда я был директором спецшколы для дефективных детей, – бурчал неистовый Артамон, – то даже там я не встречал таких идиотов, как этот Люся.

Все были уверены, что после такой неудачи последний из Чингисханов обязательно покончит жизнь самоубийством, и каждое утро смотрели, жив он еще или нет. Но получилось немножко иначе. Со своей обычной страстностью, как цыганский барон, который не может жить без любви, Люся вдруг влюбился в коварную Назариху, с которой он уже был немножко знаком. Хотя Назариха и годилась ему в матери, Лю-

ся теперь галантно приглашал ее полюбоваться на его загородное имение на колесах, которое он приобрел от швейцара Назара и в котором Назариха когда-то провела свою молодость.

Заместитель президента дома чудес по социальным вопросам только чесал затылок.

– Вот же ж чертова карусель...

А флегматичный Филимон качал головой:

– Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте.

В доме под золотым петушком профессор темных дел Малинин продолжал свои частные уроки по черной социологии:

– Борис Алексанч, у вас в доме чудес недавно закончилось дело Ромео и Джульетты. Что вы об этом думаете?

– Сплошное идиотство.

– Все это так, но обратите внимание на следующие детали. Люся, то есть Алексей Шелапутин, действительно является последним живым потомком Чингисхана. И даже больше того. Его отец Лука Перфильевич Тимуров до революции принадлежал к старой родовой аристократии и носил фамилию Гантимуров, а еще раньше – Хан-Тимуров. Но ханом Тимуром называли Тамерлана. При тщательной проверке мы выяснили, что в этом древнем дворянском роде скрещивались не только потомки Чингисхана, но и потомки Тамерлана. Когда-то русские князья гордились таким родством.

– Но результаты довольно печальные, – сказал Борис.

– Да, с того времени прошли сотни лет. То, что вы видите сейчас, – это яркий пример вырождения. Дегенерация. Когда-то Чингисхан и Тамерлан опустошили и уничтожили большую часть населения тогдашней Руси. А теперь их потомки как бы расплачиваются за грехи предков.

– Скажите, а мать Люси действительно бывшая баронесса Розенберг?

– Она бывшая еврейка. Потом она была замужем за балтийским бароном Розенбергом. А потом ее прельстил потомок Чингисхана. Кстати, заметьте себе эту закономерность: евреи частенько мешаются с дегенератами из высшего общества. Это один из аспектов философствований Бердяева о союзе сатаны и антихриста, в результате чего будет якобы царство князя мира сего. Теперь посмотрите сами на эту семейку – и что у них там за царство. Потому-то и говорят, что сатана частенько расплачивается не золотом, а разбитыми черепками.

Дела радио “Свобода” шли хорошо. В связи с ростом национально-освободительного движения цветных народов усиливалась и революционная пропаганда по радио. Помимо американского и европейского отделов открывались новые отделы для новорожденных азиатских и африканских государств. Американская радиопропаганда делала ставку на сепаратизм в России. А радио “Свобода” подобным же образом заходило в тыл Америке.

И у Лизы с Ниной дела тоже шли хорошо. С того времени, как французская Лиза поступила на радио “Свобода” и вступила в соцсоревнование с Ниной, подружки-соперницы подсобрали денег и приоделись. Вместо старенькой бабушкиной поддевки Нина, дочка синего кирасира, купила себе новую меховую шубу из курчавого барашка. А Лиза, внучка сенатора, чтобы не отставать от соперницы, приобрела себе подобную же шубу из стриженного барашка.

Но в дальнейшем их вкусы расходились. Лиза надевала на работу платья с такими соблазнительными декольте, словно она идет на свидание. А Нина ударилась

в другую крайность. Она сшила себе на заказ строгий костюм из грубого колючего сукна и носила его в бюро как спецодежду.

– Этот пиджак колется, как хлыстовская власьяница, – комментировал Остап Оглоедов. – Ух, хлыстовская богородица.

Говоря объективно, Лиза с Ниной были, конечно, девушки не глупые и по-своему талантливые. Они прекрасно знали, что реклама – двигатель торговли. Так Нина с видом знатока брала чей-нибудь скрипт, морщила носик и презрительно бросала его в сторону. И все сразу видели, какая она умная. А Лиза так та прямо утверждала, что радио “Свобода” только на ней и держится. Делали они это так ловко и проворно, что спорить с ними было совершенно бесполезно.

Естественно, что по молодости лет у них получилось маленькое головокружение от успехов, и они вообразили, что все кругом них – это сплошное ничтожество. Так сидят себе в углу старый-престарый эсер-террорист, который уже бегал с бомбами в руках, когда Лизы еще и на свете не было, и имя которого занесено во всех анналах революции. А Лиза подходит к этому почтенному старцу и сладчайшим голоском говорит:

– Ах, простите, пожалуйста, но я забыла ваше имя... Дряхлый террорист знает, что Лиза прекрасно знает его имя, но нарочно делает вид, что забыла. Террорист злится, а Лиза знает, что он злится, и улыбается ему еще милей:

– Так, простите, как вас зовут?

Или подходит молоденькая Нина к Остапу Оглоедову, почтенному отцу хотя и чужого, но зато многочисленного семейства, и с этойкой восхитительной наглостью обращается к нему, как к уличному мальчишке:

– Эй, Остапка, сбегайте-ка к товарищу Чумкину. Фю-ить, живо!

От такого беспардонного обращения Остап, конечно, обижается и ворчит, как медведь в берлоге, а Нине только того и надо. Остап жалуется, что у него опять разболелась язва желудка, а Нина смотрит на него сияющими глазами и улыбается.

Благодаря игривости ума и живости характера у Лизы с Ниной всегда имелся неисчерпаемый запас подобных развлечений. Поэтому они никогда не скучали. Да и другим скучать не давали.

Правда, некоторые ворчуны считали эти веселые проделки просто пакостями, а изобретательных проказниц называли стервами. Так или иначе, все это будировало людей и оживляло сонную атмосферу социалистического реализма на радио “Свобода”. Иначе там и мухи позасыпали бы.

Незаметно подошел Новый год. По традиции большинство работников агитпропа встречали Новый год на бале-маскараде в клубе Аэрофлота, что на Ленинградском шоссе. Ну и начались всякие сборы и приготовления.

Монна Нина, как обычно, держала себя с кавалерами подчеркнута строго. Зато Лиза со своим декольте вела себя как светская львица. Она не дождалась, пока ее пригласят, а выбирала кавалеров сама. На этот раз она остановила свой выбор на Остапе и пригласила его встречать Новый год в качестве ее кавалера.

В глубине души Остапу хотелось отдохнуть от своей жены, чужих детей и нервных кошек. Кроме того, приглашение французской Лизы льстило его мужскому самолюбию.

– А Нина за нами не увяжется? Осторожно спросил он.

– Не-е-ет, – сладко пропела Лиза. – Мы пойдем вдвоем.

– Ну ладно, – согласился Остап. – Только чтоб без шухеры.

В клубе Аэрофлота бал-маскарад был в полном разгаре, и все предвещало приятный вечер. В качестве маскарадного костюма Остап надел свой заветный фрак, символ красивой жизни, намотал на голову тюрбан из полотенца и выглядел как настоящий магараджа. Лиза оказалась настолько деловой, что даже заранее заказала отдельный столик. За соседним столиком сидел Борис Руднев в красной турецкой феске на голове и с какой-то девицей, замаскированной под таитянку с хулахула на шее.

Только Остап с Лизой сели за свой столик, как рядом, словно из-под земли, появилась Нина в бальном платье и с веселой улыбкой на лице. За руку она тащила своего кавалера, хорошенького, как херувимчик, мальчика лет пятнадцати, который испуганно моргал глазами. Не говоря ни слова, Нина уселась рядом с Лизой.

- Просьба занимать места согласно взятым билетам, – напомнил Остап.
- Это наши места, – фыркнула Нина, – Мы их давно заказали.
- Ага, опять ваши трюки, – мрачно сказал Остап.

Но подруги-соперницы уже щebetали, забыв обо всем на свете. Нинин кавалер, не зная, что ему делать, присел на кончик стула, спрятал руки между коленями и испуганно озирался по сторонам, словно ожидая, что сейчас к нему подойдет милиционер и выведет из зала как несовершеннолетнего.

Когда Остап заказал бутылку вина, бедный мальчик сжался и побледнел. Видно, он истратил все деньги на билеты, а о дальнейших расходах не подумал. В душе проклиная и Нину и ее кавалера, Остап, как джентльмен, налил четыре рюмки.

Пока он разливал вино, заиграла музыка, и Нина, забыв о своем кавалере, потащила Лизу танцевать. А Остап остался на положении беби-ситтера. Когда девицы вернулись, Остап надвинул свой тюрбан набекрень и хмуро заявил:

- Нина, вашему беби спать хочется. Да и мне это начинает надоедать...
- А вы станцуйте вдвоем, – посоветовала Нина. Между столами ходил фотограф, и Нина решила сфотографироваться.
- Только вы отодвиньтесь, – попросила она обоих кавалеров. – Чтобы не испортить фотографию.

Внучка сенатора уселась на стуле и сделала соблазнительную улыбку. А дочка синего кирасира стояла сзади, облокотившись о спинку стула и выставив ножку.

– Так снимались наши дедушки за креслом бабушки, – заметил Остап. – Нина, для полноты эффекта вам не хватает только усов и сабли.

Натанцевавшись и нафотографировавшись, веселые и разгоряченные Лиза с Ниной присели наконец отдохнуть. Нинин подкидыш сидел и не знал, зачем его сюда привели. А Остап наклонился к соседнему столику, где сидел Борис Руднев, и попросил:

– Слушай, Боря, можешь ты меня выручить? Подбрось меня с Лизой на твоей машине в клуб ДКА.

Получив согласие, Остап повернулся к Лизе, как недовольный магараджа:

– Вы тут, вижу, так склещились, что вас и водой не разольешь. Думаете, что вы хитрее всех? Но я все ваши трюки вижу насквозь – и даже глубже. Взяли меня на маскарад для собственной маскировки? Хотите на бал даром проканать? И выпить на халтуру?

Остап допил свою рюмку и кивнул на Нинино кавалера:

– И даже этого молокососа употребили. Да он, чтобы купить билеты, может, у отца последние деньги украл. Это называется растление малолетних.

– Что за хамство? – обиделась дочка кирасира. – Он выражается, как на воровском шалмане.

Магараджа нахлобучил свой тюрбан на глаза:

– Я в лагере таких, как вы, тысячи бачил. Вы что, меня за фраера считаете? Третесь тут на сухую. Я за Лизу пенензы платил, так я ее и танцую. Из принципа! По-нани?

Магараджа встал и взял внучку сенатора за руку:

– Пошли!

– Куда?

– Туда, где нет Нины. – И он повел Лизу к выходу. Внучка сенатора попробовала было сопротивляться, но ее рука была зажата, как в медвежьем капкане. В отчаянии Лиза оглянулась за помощью к Нине. Дочка кирасира ухватила ее за другую руку и потащила в обратную сторону. У бедной Лизы захватило дух. Ей казалось, что вот-вот ее раздерут пополам.

– Этот уркаган сидел в лагере с проститутками! – в ярости кричала дочь кирасира. – Так он теперь и с нами так обращается!

– Да вы хуже всяких проституток, – пыхтел магараджа. – Деньги берущие – и ничего не дающие.

Люди за соседними столиками с интересом наблюдали, как по залу шагает огромный детина в тюрбане и фраке и, как бурлак, волочит за собой растрепанную белокурую девицу, в которую, как рак в утолпленника, вцепилась вторая девица.

– Гляньте, из-за Остапа две бабы подрались! – с завистью сказал Люся Шелопутин. – Эх, везет же людям.

Около гардероба Нина подняла крик, что Остап не имеет на Лизу никакого права. Остап вытащил из кармана билет и тряс им в воздухе. Нина кричала, что он шаромыжник, нахал, майданщик и жулик. Остап возмущенно распахнул свой фрак и, как горилла, стучал себя кулаком в грудь. Кругом начала собираться толпа любопытных. Не одеваясь, Остап взял Лизу на буксир и потащил ее к выходу.

Нина опять вцепилась в свою подругу-соперницу, пытаясь оторвать ее от Остапа. Так, в пылу сражения, все трое и вывалились на улицу в маскарадных костюмах. Но даже и морозный зимний воздух не охладил воинственный дух дочери кирасира.

– Я милицию позову! – кричала она.

Остап молча впихнул внучку сенатора на заднее сиденье белого ЗИЛа, за рулем которого сидел Борис Руднев, уселся сам и облегченно вздохнул:

– Фу-у-ух, поехали поскорей, а то Нина еще на крышу вскочит.

Однако, как только машина тронулась, Нина на ходу распахнула дверцу и вскочила рядом с Лизой. Обстановка была такая, что в машине вот-вот разгорится драка. Борис свернул с Ленинградского шоссе, и теперь они ехали по пустынному Петровскому парку. Дочь кирасира неистовствовала и требовала:

– Борис, сейчас же остановите машину! Магараджа на всякий случай отодвинулся от Нины подальше и советовал:

– Борис, поезжай в милицию. Сдадим Нину в вытрезвитель.

– Остановите машину, – злобно шипела дочь кирасира. – В последний раз говорю. А то...

Она яростно рванула ручку и приоткрыла дверцу машины. Дверца загребала воздух, и ехать так было нельзя.

– Знакомый номер, – пробасил магараджа. – Так делают все уличные девки, когда нужно драпануть из машины.

Видя, что Нина вот-вот или вцепится кому-нибудь в глаза, или вывалится из машины. Борис притормозил и сказал:

– Эй, закройте дверь.

Но Нина распахнула дверцу еще больше. Вслед за этим раздался треск стекла и металла. Дверца зацепилась за фонарный столб и беспомощно повисла на сорванных петлях. Борис съехал в сторону и остановил машину.

– А за такое вредительство уже бьют по мордасам, – мрачно сказал Остап.

– Так вам, хулиганам, и надо, прошипела Нина. – Чтобы знали, как обращаться с приличными барышнями. Ух, шпана подзаборная!

Пока Борис чертыхался и осматривал развороченный бок машины, она быстро выскочила и вытащила за собой Лизу. Опасаясь, что их действительно могут побить, подруги-соперницы бросились бежать. Магараджа высунулся из машины и плюнул им вслед:

– Тьфу, таких стервей нужно убивать при рождении! Вот как весело встречали Новый год некоторые сотрудники радио “Свобода”. Потом Остап Оглюедов сидел и устало вздыхал:

– Эх, так вот и вся наша жизнь – маскарад, маскировка, маски...

Глава 10. Испытание святого Варфоломея

...Подлежите вы... страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной.

Из анафемы патриарха Тихона

Поскольку грешников всегда больше, чем святых, то и в доме чудес, где помещался спецпроект “Профсоюз святых и грешников”, грешников тоже было больше, чем святых. Говорят, что одним из таких святых был Варфоломей Яковлевич Кукарача. Сам же он уверял, что он еще и великомученик, страстотерпец.

Днем Варфоломей исполнял в доме чудес обязанности художника-карикатуриста. И надо сказать, что художником он был талантливым, а жизнь его была довольно карикатурной. Ночи Варфоломей обычно посвящал алкоголю и напивался так, что, подражая зеленому змию, начинал ползать на четвереньках. В доме чудес так и говорили – варфоломеевские ночи.

Пил Варфоломей только водку. Нередко он выпивал и в рабочее время, уверяя, что водка дезинфицирует организм и помогает творческому процессу. И ему она действительно не мешала, а даже наоборот – карикатуры получались еще карикатурнее.

Когда от Варфоломея требовали сверхурочную или спешную работу, иногда всю ночь напролет, он ставил только одно условие – литр водки за казенный счет. Утром находили честно выполненную работу, пустую литровку и спящего Варфоломея. Вместо подписи он изображал на своих карикатурах в уголке маленькую бутылочку с надписью 40° и обгрызенный хвост селедки.

Хотя дом чудес и считался одним из объектов психологической войны, хотя и говорят, что это война психов, но чудики из дома чудес жили довольно тихо и мирно. А иногда даже и весело.

Этому веселью, конечно, значительно помогали всякие веселящие напитки. Поэтому, чтобы иметь выпивку под рукой, президент дома чудес Борис Руднев всегда держал у себя в столе две бутылки.

Одна бутылка была диковинной формы, похожая на противотанковую гранату, и с заманчивыми заграничными этикетками, где были изображены всякие благородные люди, и где сообщалось, что в этом сосуде содержится настоящее старое шотландское виски, которое в свое время пил сам король Георг. Вторая же бутылка была из простого пузырчатого зеленого стекла и без всякой рекламы.

Президент не скрывал, что во второй бутылке самый обычный отечественный самогон. Первую бутылку этого самогона преподнес в подарок начальству бывший повар Васьки Сталина и похвастался этим в Недодёлкино. С тех пор каждый недоделок из Недодёлкино, приходя к своему начальнику, тащил за пазухой бутылку самогона, который в Недодёлкино варили под каждой крышей.

Однажды президент вынул обе бутылки, дал Варфоломею полюбоваться их видом, потом предложил понюхать содержимое:

– Выбери, из какой налить.

– Ну, конечно, виски, – решил Варфоломей. – Сразу видно, что королевский напиток.

– Это только для хороших друзей, – сказал президент, щедро наливая из пузатой бутылки полный чайный стакан. Надо сказать, что другой посуды Варфоломей просто не звал. Потом Борис нацедил себе маленькую рюмочку из плебейской бутылки.

– А ты что же это, самогон сосешь? – спросил художник.

– Из патриотических соображений, – объяснил президент. – Поскольку я лицо официальное, сам понимаешь... Варфоломей опрокинул свое виски в горло и крякнул:

– Ух, чистый огонь! Красота!

– Это виски еще крестоносцы пили, – сказал президент. – В одной руке меч, а в другой – фляжка с виски.

– Ну-ка, подлей еще немножко, – попросил Варфоломей.

– У тебя вкус как у короля Гейрга, – похвалил президент, подливая художнику виски и потихоньку потягивая свой самогон.

– А здорово ты самогон цедишь, – удивился Варфоломей. – Так даже я не могу. Его, проклятого, нужно пить так: закрыть глаза, зажать нос – и скорей в глотку. Да потом надо еще водой завить.

– Это у меня такая политика, – объяснил президент, – Чтобы не терять авторитета перед массами.

– Да, кто такую отраву пьет и не морщится, тот далеко пойдет, – сказал Варфоломей.

Сначала Борис хотел просто пошутить над Варфоломеем – и поменял содержимое бутылок. Но скоро слава о президентском виски разнеслась по всему дому чудес и дошла до ушей Сосия Исаевича Гильруда. Комиссар дома чудес пришел к своему президенту и тоже захотел попробовать виски короля Георга.

– М-м-м... поставщик двора Его Величества, – читал Сося по этикетке, нюхая шотландскую бутылку с русским самогоном, – М-м... а букет-то какой! И дымком припахивает. Все как полагается.

Хотя Сося считался знатоком тонких напитков, но и он стал жертвой формалистической рекламы. Попробовав рюмочку, он облизнулся и прищелкнул языком:

– М-да, королевский напиток! Для знатоков. Знаешь, как этот виски делается?

– Немножко, – сказал президент.

– Его варят из специального овса, – комиссар сделал губы бантиком. – В специальных глиняных горшках. А потом выдерживают в специальных дубовых бочках. Ну и всякие там секретники производства.

Но президент дома чудес прекрасно знал, что весь секрет этого самогона заключается в том, что его варят из отрубей и всяких отбросов, пользуясь вместо перенного куба ржавыми бочками из-под бензина.

Эти эксперименты навели президента на счастливую мысль. Если нужно было избавиться от засидевшегося посетителя, Борис предлагал ему волшебный напиток короля Георга. Никто не мог отказать от заманчивой бутылки. И никто не задерживался потом в кабинете больше пяти минут. Все бежали полоскать рот в уборную. Исключение составлял только один Варфоломей, который безболезненно переносил все, вплоть до денатурата и древесного спирта.

В доме чудес так привыкли ко всяким чудесам, что никто ничему не удивлялся и никто ничему не верил. Так, Варфоломей Яковлевич Кукарача уверял, что он род-

ственник знаменитого графа Витте и что во время немецкой оккупации, когда он был в Киеве, немцы его за это чуть не повесили. А другие киевляне говорили, что они сами выручили его из гестапо, куда его посадили как полуеврея. Варфоломей же категорически отрицал свою еврейскую половину, говоря, что это злостная клевета.

– Ведь так, как я, пьют только русские! – говорил он. После окончания войны Варфоломей взял себе приемного ребенка-еврея, родителей которого гитлеровцы расстреляли в Бабьем Яру. Ну и говорили, что это голос крови. А Варфоломей говорил, что это из жалости. Так или иначе, все считали Варфоломея хорошим парнем.

В наказание за то, что он был под немецкой оккупацией, Варфоломея в Москве не прописывали. И вместо того чтобы жить вместе с Пастернаком в Переделкино, ему приходилось жить в Недоделкино. Вместе с другими неудачниками из московской богемы, которых так и называли – недоделки из Недоделкино.

Маленький и толстенький, с курчавыми рыжеватыми волосами и орлиным носом, Варфоломей уверял, что в молодости он брал призы по боксу и за прыжки в высоту. Кроме того, выпив, он любил прихвастнуть своим успехом у женщин. Но дома у него была жена Манечка и трое детей. Манечка была такая маленькая, тощая и замученная, словно она вечно голодает. А детишки были такие грязные и оборванные, словно у них нет ни отца ни матери.

Хилая, как осенний цыпленок, Манечка уверяла, что она дочь известного генерала, которого ликвидировали во время Великой Чистки. А Варфоломей уверял, что он святой человек, который живет только ради своей жены и детей. Манечка же жаловалась, что Варфоломей все пропивает. Тогда Варфоломей жаловался, что он пьет потому, что ему тошно идти домой.

- Нас пять человек – и я пропиваю ровно пятую часть моего жалованья, – доказывал он. – Разве это не честно?

Про своего старшего сына Варфоломей сам говорил, что это приемный ребенок. А про двух других детей сплетничали соседи, удивляясь, что они, как две капли воды, похожи не на Варфоломея, а на курносого, голубоглазого и белобрысого Степку, который жил по соседству и частенько заходил к Манечке, чтобы поколоть дрова или помочь ей по хозяйству, пока ее муж бражничает по кабакам. К чести Варфоломея, надо сказать, что он не обращал на эти сплетни ни малейшего внимания.

Посмотрев на все это, президент дома чудес решил помочь Варфоломею. Поставив на стол полную бутылку виски короля Георга, Борис развел руками:

– Послушай, ты такой талантливый человек. Но почему у тебя такая несуразная жизнь?

– Не знаю, – вздохнул Варфоломей.

– Ведь ты ж мужчина в расцвете лет...

– Конечно, – согласился Варфоломей и опрокинул себе в глотку стакан виски. Потом он похлопал себя по толстому животу и выгнул грудь колесом.

– У тебя только не хватает организационных способностей, – решил президент. – Но если к этому делу подойти с толком, то...

И Борис принялся расписывать Варфоломею ожидающее его блестящее будущее, расцвет его таланта и беззаботную жизнь в окружении влюбленных в него красавиц.

– А как же это сделать? – заинтересовался карикатурист.

– Очень просто. Тебе нужно развестись с Манечкой. Ведь это ж не жена, а карикатура. Кроме того, между нами говоря, и детки-то у тебя того... Уж слишком они на тебя не похожи. У тебя нос орлиный, а дети – курносые.

– Ну, это формалистические мелочи.

– Настоящий художник должен быть свободен, как ветер, – агитировал президент. – И тогда ты взлетишь, как орел. Потом ты мне еще спасибо скажешь.

Вечером пьяный в дым Кукарача шатался по Недоделкино и хвастался всем встречным и поперечным, что он разводится с женой и начинает новую жизнь. Чтобы отпраздновать это радостное событие, он завалился в местную пивнушку и организовал там всенародную пьянку.

Тем временем Манечке уже сообщили об ожидающей ее судьбе, и она приняла свои меры. В самый разгар пьянки в пивнушку ворвался курносый Степка, который помогал Кукараче в семейных делах, и отчаянно завопил:

– Люди добрые, Манечка отравилась!

Мгновенно протрезвев, как стеклышко, Кукарача вскочил и ринулся домой. Там, собрав всех соседей, Манечка публично травилась. Вернее, она держала в руке кулек со снотворными таблетками и предупреждала, что сейчас будет травиться. А соседи ее отговаривали.

Как только в комнате появился Кукарача, Манечка принялась глотать таблетки. Затем она громко охнула, ахнула, всплеснула руками так, что таблетки посыпались во все стороны, и бухнулась на пол. Одновременно у дверей задудела карета скорой помощи, вызванная Степкой.

На следующий день, как школьник, не выполнивший домашнее задание, Варфоломей избегал встречаться с президентом и даже отказался от виски короля Георга.

– Манечка меня так любит, – бормотал он, – что придется мне с ней и дальше мучиться. Это судьба всех святых людей – мучиться.

С тех пор Варфоломей запил еще пуще прежнего. Затем, как говорили в доме чудес, святой Варфоломей попал под автобус. Президент опять решил помочь своему карикатуристу и достал где-то патентованных таблеток против алкоголизма под названием “Автобус”.

– Баракхло! – пренебрежительно заявил Варфоломей. – Если б этот автобус действовал, так не было бы и алкоголиков.

– А ты попробуй, – посоветовал потомок Чингисхана. – Боишься?

– Я ничего не боюсь, – ответил карикатурист. – Я даже авиационный ликер пил – мы его из антифриза гнали. Он взял две таблетки “Автобуса” и проглотил их.

– Эх, как монпансье!

Вечером потомок Чингисхана сидел в столовой, которая служила своего рода клубом, и брэнчал на рояле “Молитву девы”. Выставив вперед живот, вошел Варфоломей с бутылкой водки в руке. Предвкушая удовольствие, он налил себе стаканчик водки, выпил и крякнул:

– Эх, продезинфицируемся...

Окончив свою “Молитву девы”, потомок Чингисхана оглянулся и ужаснулся. Лицо у Варфоломея было темно-бурякового цвета, а глаза налились кровью так, словно его вот-вот хватит апоплексический удар. В этот момент карикатурист сам почувствовал что-то неладное и пулей ринулся в уборную с криком:

– Я, кажется, попал под автобус!

Последующие три дня Варфоломей почти не выходил из уборной. Это вам подтвердят все чудики из дома чудес. Поговаривали, что он даже не ездил домой в Недоделкино и ночевал тоже в уборной. Во всяком случае, когда сотрудники дома чудес приходили на работу, Варфоломей уже сидел там и стонал:

– Вот же ж проклятый автобус... Такое издевательство над человеческой личностью... Этого изобретателя надо повесить за...

Через дверь его спрашивали:

– Ну, как ты там? Жив? Здоров?

– Полужив, полуждоров, – кричал Варфоломей. – Своему худшему врагу такого не желаю... Вот же ж распроклятый автобус!

Это были, вероятно, единственные три дня в жизни художника, когда он сидел без водки. Потом он пил по-прежнему и приговаривал:

– Лучше честно сдохнуть от водки, чем от какой-то дряни.

Несмотря на свою дружбу с зеленым змием или, может быть, именно благодаря ей, Варфоломей Яковлевич Кукарача считался одним из лучших карикатуристов Советского Союза.

Руководителю спецпроекта “Профсоюз святых и грешников” иногда было трудно разобраться, где у него святые и где грешники.

Помимо святого Варфоломея около дома чудес крутился еще один кандидат в святые – катакомбный христианин Зарем Волков, он же гроссмейстер СССР по шахматам, да еще по игре вслепую. Каждый раз, когда у Зарема обострялась его мания преследования, он бросал работу и, чтобы как-то прокормиться, приходил в дом чудес, где у него иногда из жалости покупали всякие пропагандные статейки.

Как-то президент дома чудес спросил:

– Ну, Зарем, что у тебя нового?

– Да все то же самое – следят.

– Слушай, кому ты нужен, чтоб за тобой следили?

– Э-э, вы просто этого не знаете. Вот недавно одна женщина пригласила меня поужинать. А потом приглашает и в постель. Э-э-э, думаю, это не женщина, а ловушка. Я скорей поблагодарил – и ходу. Видите – следят!

– Я был бы рад, чтоб за мной так следили, – сказал Борис.

– Имеющие очи – и не видят, – печально сказал гроссмейстер по игре вслепую. – Так вот и вы многого не видите. Вот недавно вы хотели помочь Варфоломею, а все получилось наоборот. А почему – этого вы не знаете.

– Почему же?

– На нем анафема патриарха Тихона, тихо сказал катакомбный христианин. – Это тайна святых и грешников. Но вы хороший человек, вы жалеете меня, и я скажу вам эту тайну. Вот, смотрите сами. Ведь отец Манечки был крупным генералом – и расстрелян во время Великой Чистки. Неужели вы не понимаете?

– Не совсем.

– Вот, видите, имеющие уши – и не слышат. Ведь раз отец Манечки в 1935 году был крупным генералом, значит, он был революционным генералом, значит, это человек с ног до головы в крови. А на такое дело шли только грешники. Вот он и поплатился за свои грехи. Ведь и мой отец был крупным коммунистом – и тоже расстрелян во время Великой Чистки. За свои грехи. И я расплачиваюсь за его грехи. Но я это понял – и мне легче нести мой крест. Знаете, что сказал патриарх Тихон?

– Что?

– В самый разгар революции, 19 января 1918 года, святейший Патриарх Московский и всея России смиренный Тихон публично предал большевиков анафеме. И в тексте этого проклятия есть такие слова, слушайте внимательно...

“Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подложите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной”. – Катакомбный христианин опустил голову. – Как видите, это проклятие исполнилось. Родители расстреляны, а их дети несут еще и проклятие потомства в жизни настоящей – земной. И я не сус. И Манечка несет.

– Ну а Варфоломей?

– И он отвечает за грехи своих предков – за грехи антихриста. Потому он и пьет: сам от себя убегает – и не может. Но, в общем, он более или менее клонится в сторону святых. Но это хитрый святой.

– В чем же его святость – в водке?

– Господи Боже, неужели вы все еще не видите? Ведь у него один ребенок приемный, а двое других – все знают, что от Степки. Практически, его брак – это чистая фикция. И он кормит чужих детей, что он прекрасно знает, – Гроссмейстер СССР по игре вслепую подвел итог: – В принципе Варфоломей идет по тому же пути, что и монахи. Но, поскольку он немножко еврей, то немножко хитрит. Кроме того, если там и есть грехи, то это грехи Манечки. Говоря о грехах, нужно всегда начинать с женщины. Поэтому в Библии и говорится, что первый грех – это грех Евы. Но даже и при помощи Степки от Манечки ничего хорошего не получится, так как на ней анафема патриарха Тихона. Будут очередные недоделки из Недоделкино. – Катакомбный христианин пожал плечами: – Поэтому-то святой Куприян и говорит, что женщина – это инструмент, которым дьявол пользуется, чтобы овладеть нашими душами. А отец церкви Тертуллиан прямо говорит, что женщина – это врата ада. И даже Ницше подтверждает, что женщина – это вторая ошибка Господа Бога.

– А какая первая ошибка?

– Ну, например, Варфоломей.

– Хорошо, – сказал Борис. – А почему Варфоломей уверяет, что он родственник графа Витте?

– В переносном смысле да – они своего рода родственники. Граф Витте был женат на еврейке. Такой же смешанный брак, как у Варфоломея. Кстати, граф Витте был видным членом тех тайных обществ, которые сами себя называют гуманистами, а другие называют их сатанистами. Это там, где сатана снюхивается с антихристом.

Президент “Профсоюза святых и грешников” откинулся в кресле и посмотрел в глаза Зарема; Глаза чемпиона по игре вслепую были какие-то бесцветные и как будто слегка мутноватые. Но эти глаза видели то, чего не видят другие. Чудак, но мозги как компьютер.

Словно читая его мысли, человек-компьютер виновато улыбнулся:

– Когда я сказал вам, что я убежал от женских соблазнов, вы, конечно, подумали, что я какой-то ненормальный или сумасшедший. Но сначала нужно знать, что это за женщина. Это не просто женщина, а женщина-ловушка. Поэтому я даже не считаю грехом назвать ее по имени, чтобы и другие знали. Это французская Лиза.

– Та, которая врет, что она внучка царского сенатора?

– Нет, тут она не врет. Ее дед действительно был царским сенатором. Та же самая история, что у графа Витте. Видите ли, евреи частенько мешаются с вырождающейся аристократией и гнилой интеллигенцией. Таким образом, они как бы воруют интеллигентские гены, а потом бегут назад в еврейство. И они занимаются этими фиглями-миглями уже тысячи лет. Отсюда и хваленая еврейская интеллигентность, а на самом деле это просто ворованные гены. – Катакомбный христианин поучи-

тельно поднял палец: – Если вы откроете Библию, то увидите, что знаменитый еврейский царь Давид был пастухом и начал свою карьеру с того, что занимался содомскими грехами с царевичем Ионафаном, сыном царя Саула, загляните во Вторую книгу Царств, 1:26. Таким образом, уже царь Давид стал царем, так сказать, через задний ход. А мудрейший еврейский царь Соломон был сыном этого самого царя-содомиста Давида и матери-хоттеянки Вирсавии. То есть уже мудрейший еврейский царь Соломон был, собственно говоря, не еврей, а полуеврей, полукровка. И странное совпадение: советский чемпион по шахматам Спасский – полуеврей и американский чемпион по шахматам Фишер – тоже полуеврей. Но почему все это не чистые евреи, а полуевреи? – В глазах советского чемпиона по игре вслепую блеснул огонек. – Если разобраться, то многие евреи, а особенно еврейская интеллигенция, только думают, что они евреи, а на самом деле это просто помесь, грешная помесь из всех тех стран, где евреи болтались четыре тысячи лет. Но таким образом евреи как бы взвалили себе на спину грехи всего мира. А потом удивляются, почему их не любят, и жалуются на антисемитизм. – Катакомбный христианин укоризненно покачал головой-компьютером: – Безродные космополиты. Как Агасфер. Как тот замаскированный марсианин, что в рассказике Синявского “Пхенц”. Но диссидент Синявский – полуеврей, а его напарник Даниель – еврей. И они прекрасно знают, что это за марсиане: это они сами себя изображают. Но такими марсианами были также Ленин и Керенский. Или такие байстрючата, как Гитлер и Рузвельт. А почему все дети Сталина перемешались с евреями? Потом Ленин, Сталин, Гитлер и Рузвельт устраивают всемирные войны и революции, а миллионы и миллионы нормальных, здоровых и ни в чем не повинных людей убивают друг друга... Зачем? Почему?

Чтобы перевести разговор на другую тему, президент “Профсоюза святых и грешников” сказал:

– Хорошо, но почему французская Лиза такая опасная.

– Да потому, что ее родители были бердяевцами, которые молятся на союз сатаны и антихриста. От этого якобы рождаются человекобоги или богочеловеки. Но это дявольский обман. На самом деле от этого получаются всякие черточеловечки и человекочертенята, всякие ведьмы и ведьмаки. И вот Лиза – такая ведьма.

– Неужели? – шутивно удивился Борис.

– Да, да. Но таких ведьм в первую очередь вербуют всякие хитрые органы. Поэтому-то Лиза и была можно-герл

КГБ. Таких ведьм подсовывают мужчинам в постель, чтобы сделать им фрейдский психоанализ. А теперь у меня есть подозрение, что американцы завербовали Лизу для операции “Черный крест”.

– А это еще что такое?

– Это военная тайна психвойны. Знаете, американцы за мной следят, но и я за ними тоже слежу.

Когда Зарем Волков ушел, президент “Профсоюза святых и грешников” сидел и думал: “Вот и разбери, где здесь святые – и где грешники? Где веселые грешники – и где хитрые святые? Где гроссмейстер СССР, да еще по игре вслепую – и где помешанный, да еще с манией преследования?”

Иногда Борис заезжал в дом под золотым петушком и листал там “Протоколы советских мудрецов”, где якобы хранились ключи познания добра и зла, ума и безумия, жизни и смерти. В общем, советский справочник по сатановедению. А для отвода глаз какие-то разговорчики про высшую социологию и диалектическое христианство.

Как и полагается Фоме Неверному, Борис смотрел на все это довольно скептически. Поэтому, полистав скучные “Протоколы советских мудрецов”, чтобы раз-

вlechья, он иногда рылся в делах начальника 13-го отдела КГБ. Так он наткнулся на желтую папку с делом д-ра Отто Иона.

Когда начальник контрразведки Западной Германии д-р Отто Ион в 1954 году вдруг перебежал на советскую сторону, это была мировая сенсация. Весь мир недоумевал и терялся в догадках: как это могло получиться, что самый главный охранник великой державы вдруг сам оказался предателем? Что за чертовщина?

Дело Иона напоминало театральную комедию. Бывший начальник контрразведки Западной Германии запросто гостил в Восточной Германии у своих советских коллег, которые принимали его очень радушно. Отто устраивал пышные пресс-конференции, где старался не за страх, а за совесть – и публично выкладывал все заданные секреты.

А западногерманская пресса тем временем, задним числом, вешала на него всех собак: что Отто-де и пьяница, и наркоман, и гомосексуалист, и сукин сын, и вообще не человек, а черт знает что. Вэй-вэй-вэй, но – как все это получилось, что вы этого раньше не видели?

Погостив на Востоке, неугомонный Отто вскоре соскучился за Западом и, как ни в чем не бывало, как беззаботный турист вернулся домой. Советские хозяева гостя несколько не задерживали. За такие проделки служащих контрразведки, даже на Западе, наказывают очень строго. Но поскольку Отто был не простым смертным, а начальником контрразведки, демократический верховный суд Западной Германии вынес ему поразительно демократический приговор: такой, какой обычно дают мелким карманникам. И вскоре его вообще выпустили из тюрьмы. За хорошее поведение. Государственная измена – и комедия!

Но каким образом педераст, наркоман и пьяница, истерик и психопат стал начальником немецкой контрразведки? И почему ему дали такой поразительно мягкий приговор? А рядом справка 13-го отдела, что Отто Ион был не только педерастом, но и членом какой-то тайной партии, которая на Западе играет почти такую же роль как в СССР компартия.

Судя по материалам желтой папки, 13-й отдел давным-давно знал все тайны и секретки Отто Иона. Кстати, брат Отто Иона в 1944 году был повешен за участие в заговоре против Гитлера, значит, потомственный заговорщик. Хотя Отто Ион был педерастом, но у него была и жена, еврейка Люси Манен. Однако бежал он не со своей еврейской женой, а дуэтом со своим приятелем. Точно так же сбежали дуэтом английские дипломаты-педрики Бергесс и Маклин, оказавшиеся советскими шпионами. Маклин тоже был женат и даже имел детей.

Хм, как же эти педрики женятся? Специалисты 13-го отдела объясняли это очень просто. Гомосексуалисты натягивают друг дружку в большинстве случаев не в зад, а в рот, отчего и произошли такие общеизвестные ругательства, как х...сосы и в рот е...ные. А когда эти гомо женятся, то они женятся на минетчицах из французских анекдотов и натягивают своих жен в рот. И детки получаются тоже такие. Потому и говорят – пальцем деланные.

В желтой папке упоминались также нашумевшее шпионское дело “Красная капелла” и самый знаменитый шпион второй мировой войны Рудольф Ресслер. Всю войну этот Ресслер оперировал в женском платье и под женским именем Люси. Значит, тоже какой-то ненормальный. На полях приписка рукой начальника 13-го отдела КГБ: “Потому философы и говорят, что дьявол – это пятая колонна всех веков и народов.

Но самое интересное в деле Иона было то, что это дело было как-то связано с Обществом советско-немецкой дружбы в Восточном Берлине, а это общество, в свою очередь, было как-то связано с хитрым домом агитпропа и с домом чудес, где Борис был теперь президентом спецпроекта “Профсоюз святых и грешников”.

Президент дома чудес захлопнул желтую папку. Ох, видно, недаром генерал-архиепископ Питирим обещал, что в этом доме чудес будет какая-то черная магия, которой я, Борис, даже и видеть не будет.

Однажды профессор темных дел Малинин, повстречав Бориса в доме под золотым петушком, конфиденциально подмигнул:

– Борис Алексаныч, поскольку я приставлен к вам в качестве как бы репетитора или классной дамы, то позвольте спросить: как там дела с черной социологией?

– Знаете, Игорь Викторович, когда мне было годика этак 22, чтобы повысить свой культурный уровень, я решил серьезно почитать Достоевского. Взял я “Неточку Незванову”, читаю: какая-то девчонка-подросток, которая все время психует и бьется в истерику, а потом кидается целовать свою подружку-княжну. Всю ночь лежат в постели и целуются.

– Наступление половой зрелости, – заметил профессор темных дел, – В это же время просыпаются и все психозы. В принципе это просыпающаяся лесбиянка.

– Да, но тогда я учился в индустриальном институте, где было 5 тысяч студентов. И за все 5 лет учебы я не помню ни одного случая гомосексуальности.

– Вы этого просто не видели. Так как никто и никогда в этом не признается. А тем более в советское время, когда это не модно. Кроме того, в результате революции в университеты пришли более здоровые люди, те самые советские люди нового типа, гомо советикус, о которых вы, кажется, собирались писать книжечку.

– Так или иначе, хотя Достоевского и считают великим психологом, но читать его мне было просто тошно – и я бросил. Так вот и от вашей черной социологии меня тоже немножко поташнивает.

– Вполне естественная реакция нормального человека, – заключил профессор темных дел, – Хинин тоже горький, но это лекарство. А теперь сделаем маленькое практическое упражнение. Когда вы были в Берлине, вы познакомились там с двумя немочками – Маргит и Аннуш. Кстати, это – агенты, можно-герлс. Скажите, какого вы мнения об этих барышнях?

– Очаровательные существа.

– К сожалению, я должен вас разочаровать, – профессор Малинин улыбнулся так кисло, как благовоспитанная классная дама. – Это две лесбиянки.

– Чепуха! – горячо воскликнул член Общества советско-немецкой дружбы, – Какие ж это лесбиянки, если я с одной из них спал?!

– Вот, вот, имеющие очи – и не видят. Извините за нескромный вопрос: а не замечали ли вы в ее любви маленький французский акцент?

– М-м-м-м... Да, немножко...

– Вот, то-то и оно-то. Это самый верный признак гомосексуальности – ротовой эротизм папули Фрейда. Играть с такими женщинами можно. Но, упаси Бог, жениться. Такая женщина отравит вам всю жизнь. Это первопричина большинства несчастных браков, мучительных разводов и дефективных детей – и до самой смерти вы не разберетесь, отчего это и почему. Так что Неточки Незвановы существуют не только на бумаге, но и в жизни.

Профессор темных дел вежливо, как классная дама, распрощался и поехал дальше по своим делам. А Борис остался с неприятным осадком в душе. Ох, видно, недаром колдун Апулей говорил, что для достижения настоящей мудрости сначала нужно побывать в ослиной шкуре.

Глава 11. Когда восходит луна

...Он в новолуния беснуется и тяжело страдает, ибо чахнет бросается в огонь и часто в воду.

Матфей. 17:15

Однажды президенту дома чудес по почте пришел красивый пригласительный билет. Там сообщалось, что по случаю Международного женского дня 8 марта радио “Свобода” устраивает для своих женщин интимный бал-маскарад.

Билет был надушен хорошими духами и внизу приписка: “Приходите – это будет самая настоящая 1002-я ночь!”

Вечером 8 марта, забыв про приглашение и 1002-ю ночь, Борис заехал на этот маскарад, просто чтобы посмотреть, что там делается.

Бал-маскарад был в полном разгаре. На самом видном месте восседал падший ангел Адам Баламут и его жена Ева Ивановна. Адам Абрамович был в украинской косоворотке, что символизировало дружбу народов, и он улыбался всем, как ласковый Будда. А рядом с ним вертелся его архангел – политсоветник Давид Чумкин, который вырядился в красную рубашку, что означало перманентную революцию.

Сев за пустой столик, Борис надвинул на лоб маскарадную турецкую феску и заказал пива. В качестве распорядителя по залу, как волкодав, носился сын Остапа Бендера в своем заветном фраке и с красной повязкой на рукаве. Ему помогал неохристианин Серафим Аллилуев, который замаскировался под женщину и кокетничал с Остапом.

За столиком наискосок расположилось семейство Миллеров. Рядом с Ниной сидел какой-то очень хорошенький мальчик, который казался моложе ее и который смотрел на нее влюбленными глазами. А сидевший с другой стороны Гоняло Мученик обнимал этого мальчика за плечи и шептал ему что-то на ухо. Милиция Ивановна сложила руки на животе и со скучающим видом оглядывалась по сторонам. Увидев Бориса, она кивнула ему, как старому другу дома.

А друг дома сидел и надувался пивом. После пятой бутылки пива маскарад заметно повеселел, а блондинки за соседним столиком так похорошели, что Борис сдвинул свою феску на затылок и стал раскачиваться, чтобы пригласить одну из них на танец.

Но только он привстал со стула, как дорогу ему преградила темная фигура в маске:

– Куда вы так торопитесь? Тысяча и вторая ночь только начинается. И луна еще не взошла.

Ноги незнакомца обтягивало черное шелковое трико, с плеч спадал красный полуплащ, на голове торчали маленькие рожки, а из-под полуплаща выглядывал задорный хвостик. Незнакомец вежливо поклонился, жестом приглашая Бориса на танец.

Полагая, что это обычная маскарадная провокация, где рекомендуется осторожность, президент дома чудес попробовал отшутиться:

– Знаете, с чертями танцевать скучно. Вот если б не черт, а чертовка...

Незнакомец опять церемонно поклонился, как хороший слуга, подчиняющийся требованию своего господина. Красный полу плащ распахнулся, черное шелковое трико шло до самого горла, и по волнам этого трико зарябили электрические блики. Да такие блики, да на таких волнах, что у инженера человеческих душ по спине сразу пробежал электрический ток.

Это был не черт, а самая настоящая чертовка с чертовски хорошими формами. Трико было настолько откровенное, черные груди такие упругие и горячие, а танцевала незнакомка столь вызывающе, что маскарадная мистификация становилась довольно интересной. Но маска была такая, что ничего не разберешь.

Когда они танцевали мимо стола Миллеров, незнакомка кивнула на Нину, одетую в белое газовое платье, и пренебрежительно уронила:

– Фу, агитпроповская богородица. Вы за ней, кажется, ухаживали?

– Да, немножко – я начал писать роман и думал использовать Нину в качестве модели.

– А что это за роман?

– Об идеальных людях нового типа – гомо советикус.

– Ну и как, получается?

– Ничего не получается – модели ведут себя не по плану.

После танца маска села с Борисом за его столик и усмехнулась:

– Поскольку я послала вам приглашение, я должна следить, чтобы вы не скучали.

Вела она себя в полном соответствии со своим костюмом – как черт, вцепившийся в грешную душу. Хотя Борис был полностью уверен, что это какая-то провокация, но чем больше он присматривался к провокационным формам в черном трико, тем больше ему хотелось выяснить, чем все это кончится.

Мимо протанцевала Нина, но не со своим кавалером, а с папой. Потом папа запыхался и отдыхал с Нининым кавалером, а Нина танцевала с Серафимом Аллилуевым, который уже давно жаловался, что он безнадежно влюблен в нее. Теперь же Нина даже посадила его за свой столик.

– Так это, значит, герои вашего романа – гомо советикус, – сказала замаскированная чертовка. Как настоящая грешница, недолголюбивающая святых дев, она презрительно фыркнула: – Посмотрите, как этих хлыстов тянет к их хлыстовской богородице.

– Каких хлыстов?

– Их там целых три. А кто это – угадайте сами. Ведь это вы пишете роман, а не я. Кстати, это в точности, как в Нининых стихках: “Изо всех невозможно-возможных возможностей – ты всех невозможней – и всех милей!”

Судя по всему, эта чертовка была молода, хороша, остроумна, распространяла вокруг себя запах тонких духов и твердо решила разыгрывать свою роль до конца. Даже после окончания маскарада, отцепив в гардеробе хвост и рожки, маску она все-таки не сняла. Когда они садились в машину, незнакомка вдруг показала на повисшую в небе луну:

– Смотрите, луна уже взшла. И какая полная. Говорят, что в полнолуние некоторые люди сходят с ума. Может быть, и я тоже сошла с ума, что еду с вами.

– Куда вас везти? – спросил он.

– Куда хотите.

Чтобы положить конец провокациям, он предложил:

– Тогда поехали ко мне?

– Хорошо, – согласилась чертовка. – Только на всю ночь. Когда они приехали, она сняла с себя все, кроме маски, и честно расхаживала кругом, чтобы показать, что все другое без обмана. Потом, не снимая маски, она прыгнула в постель.

Видно, поэтому декадент Кафка, хитроумный еврей, и писал, что борьба с чертом напоминает борьбу с женщиной и неизменно кончается в постели.

Писателям, которые претендуют на современность, рекомендуется придерживаться языка данной эпохи. Но как описать столь исписанную тему, как женщина, в наш век социалистического реализма, индустриализации и механизации?

К счастью, незнакомка вполне соответствовала духу нашей индустриальной эпохи. Это была не женщина, а машина. Из тех женщин, которые кричат: “Долой мужчину – даешь машину!”

Незнакомка сняла с себя маску только тогда, когда ей захотелось спать. На подушке с закрытыми глазами лежало хорошенькое личико французской Лизы.

– Это действительно сказка из тысячи и второй ночи! – сказал он. – Ведь ты же всегда ненавидела меня, как собака кошку?

Лиза устало улыбнулась:

– Знаешь, человеку свойственно ошибаться, сказал петух, слезая с козы.

– Но почему ты мне так грубиянила?

– Ах, ты ничего не понимаешь в женщинах, – сонно бормотала Лиза, не открывая глаз. – Ты просто нравился мне – и я ревновала тебя к Нине. А теперь я с Ниной поссорилась.

– Ох, чудеса...

– Да, от президента дома чудес я тоже ожидала всяких чудес, – сонно шептала Лиза. – Но, кажется, я ошиблась... Впрочем, ты самое большое чудо в доме чудес: нормальный человек... А теперь луна зашла, и я хочу спать.

Утром Лиза увидела на стене триптих Босха “Сад земных утех”, который висел здесь еще с тех времен, когда этой квартирой пользовался Максим.

– Ага, слева скучный рай, – сказала она. – Посередке наша сумасшедшая жизнь. А справа, посмотри, какой веселый ад! Кстати, этот Босх, хотя и был монахом, но принадлежал к секте голиков-адамитов. Он любил бегать голеньким – вот так, как я, – и она затанцевала голенькая по квартире.

Когда они встретились в следующий раз, Лиза поставила вопрос ребром:

– А почему ты еще не сделал мне предложения? Ведь это свинство с твоей стороны!

От такого свинства она так рассердилась, что чуть не засадила ему вилку в бок. Потом она стала хныкать, что когда-то, катаясь на лыжах с гор, она стукнулась головой о дерево, и с тех пор врачи говорят, что у нее было сотрясение мозга, и поэтому она за свои поступки не отвечает.

Однако у Лизы были и свои хорошие качества. Например, она никогда не отказывала. Иногда, когда Борису было скучно, он звонил ей по телефону. Иногда уже за полночь.

– Ох, у меня здесь сидит один поклонник, – вздыхала Лиза. – Немножко неудобно. Но ничего, я сейчас приеду. И приезжала в машине своего поклонника.

– Я не люблю долгих разговоров, – оправдывалась она, прыгая в постель. – Все мужчины стараются доказать, какие они умные. А я и сама не дура.

Благодаря хорошему знанию иностранных языков французская Лиза была на особом положении. Иногда по приказу свыше ей давали на радио “Свобода” отпуск, и она в качестве переводчицы сопровождала всякие советские делегации за границу.

Однажды, вернувшись из такой поездки в Вену, она привезла Борису два подарка. В первом пакетице был серебристый шелковый галстук.

– Самый лучший в Вене! – сказала она. – Ты такого даже и не заслуживаешь.

Во втором пакетице была маленькая игрушечная ведьма на помеле. Рыжие волосы из куриного пуха, остренький деревянный носик и штанишки из клеенки.

– Самая хорошенькая ведьма в Вене, – улыбнулась Лиза. – Если не считать меня. Но я летаю не на метле, а на самолете.

– Хм, – сказал Борис, вертя игрушку в руках. – А зачем это?

– Это амулет от нечистой силы. Повесь его себе в машину.

Вместо машины Борис засунул подарок в ящик письменного стола и забыл о нем.

Но зато Лиза не забыла. Как и многие женщины, она была довольно близорука, но очков не носила. Поэтому отсутствие амулета в машине она заметила не сразу. Но зато когда заметила...

Лиза подняла крик, что неуважение к маленькой ведьме – это для нее личное оскорбление. Дело происходило ночью в подмосковном лесу, и Лиза закатила такой скандал, что взбудоражила все лесное зверье.

На верхушках деревьев проснулись и загалдели вороны. Из-за кустов выскочил перепуганный заяц и метнулся через дорогу. А Борис, чтобы не наехать на зайца, чуть не наскочил на телефонный столб.

– Видишь, это-потому, что у тебя нет амулета! – вопила Лиза.

– Но ведьма в машине – это дурная примета, – оправдывался он.

– Ах, так! Значит, и я для тебя тоже дурная примета? – вскипела Лиза и выскочила из машины, как разъяренная пантера.

В темноте она сослепу стукнулась ногой о пенек и подняла такой гвалт, такой переполох, какого подмосковные леса не слышали со времен наступления немцев на Москву.

Однажды Борис спросил Лизу, кто она такая: полуеврейка или внучка царского сенатора. Лиза недовольно поморщилась:

– Евреи – это не раса, а религия. Поэтому, раз мои предки перешли из иудаизма в христианство, значит, я никакая не еврейка. И не напоминай мне об этом.

Желая доказать, что она вовсе не еврейка, Лиза даже рассказала еврейский анекдот:

– Знаешь, когда Абрамчику исполнилось тринадцать лет, устроили праздник бар-митцва, а потом мамеле и говорит: “Ну, Абрамчик, теперь ты уже взрослый, на тебе рубль и сходи к проститутке”. Тогда Абрамчик идет к своей младшей сестре Сарочке и говорит: “Слушай, Сарочка, зачем я буду давать рубль проститутке. Может, хочешь ты заработать?” А Сарочка и говорит: “Что? Рубль? Да мне папеле за это же самое пять рублей платит”. – Лиза с сожалением вздохнула: – А я, дура, тебе даром даю. Видишь, значит, я вовсе не еврейка.

– Слушай, Лизочка, если ты даже бывшая еврейка, – улыбнулся Борис, – то тебе все-таки не стоит рассказывать такие анекдоты.

– Почему? – фыркнула Лиза. – Ведь эти анекдоты сами ж евреи и выдумывают. Ведь вы ж, русские, до таких хороших анекдотов никогда и не додумаетесь.

Иногда, когда начальству дома чудес хотелось выпить, там устраивали вечеринку, чтобы отпраздновать чей-нибудь день рождения. Удобнее всего для этой цели был дряхлый потомок Чингисхана, который тщательно скрывал дату своего рождения, но любил выпить и готов был праздновать свой день рождения хоть каждый день.

Чтобы загладить инцидент с амулетом, президент дома чудес пригласил Лизу на одну из таких вечеринок. На шею он предусмотрительно надел серебристый галстук, самый лучший в Вене. Новорожденный потомок Чингисхана запрыгал вокруг Лизы, как воробей:

– Боже, какая женщина! Настоящая мечта поэта!

– М-да, – согласился флегматичный Филимон. – Темперамента у нее хватит на трех.

Борис сидел в углу со своим комиссаром Гильрудом и его женой, которая, как обычно, скучала и жаловалась на головные боли. Чтобы подбодрить ее, Борис сделал ей маленький комплимент.

Но этот комплимент обошелся ему дорого. Сидевшая рядом Лиза вдруг взорвалась, как атомный реактор. Она выплеснула содержимое своей рюмки на самый лучший в Вене галстук,хватила рюмкой о пол и вылетела из комнаты, как баллистический снаряд. Вся дрожа от негодования, она заявила, что органически не переваривает комплиментов другим женщинам.

Потомок Чингисхана грохнулся перед ней на колени:

– Царица, богиня, дайте я поцелую вашу ручку! – И он принялся лизать ей руку, как маленькая собачка.

Лизе это так понравилось, что она пустилась в пляс и сломала себе каблук. Тогда она сбросила туфли и продолжала пляску в чулках, чем привела всех в дикий восторг. Неистовый Артамон покачал головой.

– Такая женщина расшевелит даже мертвого.

– А живого загонит в гроб, – заметил флегматичный Филимон.

Борис промокал свой галстук промокашкой и оправдывался:

– Знаете, это моя подруга детства...

– Бурное же у вас было детство, – сочувственно пожевал губами комиссар дома чудес.

После этого Борис решил, что пока он еще цел и невредим, сказку из 1002-й ночи пора заканчивать. Если сначала Лиза разыгрывала из себя незнакомку, то теперь он стал разыгрывать из себя незнакомца.

Но подруга детства не сдавалась. Каждое утро она будила его телефонными звонками и справлялась, где и как он провел эту ночь.

– Ты там с какой сучкой ночевал? – спрашивала внучка сенатора, и ее голос не предвещал ничего хорошего.

Однако, слава Богу, все кончилось более или менее благополучно. Лиза помирилась с Ниной и успокоилась. И опять они бегали с Ниной, как веселые молодые

козочки. Встречая Бориса, Лиза бросала ему презрительные взгляды. Так, словно она вышла победительницей.

А президент дома чудес был очень рад, что дешево отделался. На память о Лизе в его машине еще долго болтался амулет от нечистой силы – маленькая игрушечная ведьма.

На радио “Свобода” произошло чрезвычайное происшествие, или, как теперь говорят, ЧП. А началось все это с совершеннейшей чепухи.

Однажды поэт-неохристианин Серафим Аллилуев вышел с работы вместе с Ниной и французской Лизой. Затем они случайно встретили Бориса Руднева и решили употребить его, чтобы он отвез их домой на своей машине. Французская Лиза, помирившись с Ниной, осталась у нее ночевать, а Серафим затащил Бориса в пивную.

Там Серафим стал пить ерша, то есть пиво, смешанное с водкой, от которого человек сразу дуреет. После второго ерша Серафим укоризненно покачал головой:

– И как только тебе не стыдно?

– Что?

– Но ведь ты морочишь голову порядочным девушкам.

– Кому? Лизе? Она сама сказала, что это ее тысяча и вторая ночь.

– Ах, Борис, но притворяйся... Ведь Нина мне во всем призналась...

– В чем?

– В том, что когда ты развлекался с французской Лизой, Нина из-за тебя каждую ночь в подушку плакала.

Маленький поэт сделал себе третьего ерша, подсыпал туда соли и перца, потом печально забормотал:

– Эта Нина действует на меня, как змея на кролика. Как увижу ее, сразу начинаю дрожать и пороть всякую чушь. Чувствую себя как последний идиот – и ничего не могу поделать. Это моя судьба – карма. А Нина надо мной только смеется.

– Но Лиза говорила, что у тебя с Ниной маленький романчик.

– Не романчик, а сплошная трагедия, – уныло признался поэт. Он сосредоточенно посмотрел на дно своей пивной кружки: – Но теперь я все понимаю. Раз Нина говорит, что она из-за тебя плакала, да еще по ночам, да еще в подушку, значит, она в тебя влюбилась.

– Чепуха, – сказал Борис, – Она хамит мне на каждом шагу. Поэтому я ее даже избегаю. Вот и сегодня она опять фыркала, как дикая кошка.

– Это она нарочно – из гордости. Ты просто не понимаешь женщин. Ну, представь себе: она в тебя влюблена, а ты нахально спишь с ее подружкой. Потому она и фыркает.

– Ничего, – примирительно решил Борис. – Сегодня она сама спит с этой подружкой.

С этого дня Серафим запил горькую. Каждый вечер он блуждал по пивным и хлестал ерша, а днем сидел, нахохлившись, на радио “Свобода” и сочинял политические куплеты. В ответ на сепаратистскую политику американского радио “Освобождение” Серафим сочинил такой куплет:

Россию вам не поделить – Она не плитка шоколада!

Потом он передал этот куплет и, глядя в одну точку, мрачно бормотал:

И Нину нам не поделить – Она не плитка шоколада!

Пока на радио “Свобода” делили Нину, на московских кладбищах творились странные вещи. Милиционеры рапортовали начальству:

– Хулиганы, значиться, по ночам памятники уродуют. Мраморные. То нос отобьют. То уши отломают. Или руку, ежели торчить. А то усю башку отшибут. И мажут какие-то черные кресты.

В милиции завели “Дело о хулиганстве среди покойников”. Но поскольку покойники эти были не советские, а еще дореволюционные, то делу этому большого значения не придавали.

Однако вскоре хулиганы взялись и за советских покойников. На одной из свежих могил они даже перевернули вверх ногами красную звезду, которую поставили вместо памятника. Хулиганы исписали эту красную звезду непечатными словами, а внизу нарисовали черной краской христианский крест, но тоже вверх ногами.

Теперь дело о беспокойстве покойников принимало уже более серьезный оборот. В милиции записали: “Дело о вредительстве социалистической собственности в форме покойников”.

Как ни старалась милиция, но хулиганов поймать не могли. В конце концов, начальнику московской милиции пришлось обратиться за помощью к своему злейшему врагу – специальному уполномоченному КГБ полковнику Приходько. Этот уполномоченный занимался специально тем, что разбирал уголовные дела, где оказывались бессильны лучшие следователи милиции и угрозыска. К величайшей досаде начальника милиции, полковник Приходько щелкал эти дела, как орехи, и частенько даже не выходя из своего кабинета.

За спиной Приходько шептали, что он из какого-то сверхсекретного 13-го отдела КГБ, который официально даже как бы и не существует. Кроме того, поговаривали, что он был каким-то доктором или даже профессором. Начальник милиции признавал только тюрьму, а полковник Приходько почему-то больше интересовался сумасшедшими домами. Поэтому начальник милиции за глаза называл его “интеллигентским хлюпиком” и общение с ним считал для себя унижением и оскорблением.

А с делом о беспокойстве покойников получилось совсем плохо. Полковник Приходько просто посмотрел на календарь и заранее указал день и даже час, когда следует ожидать очередное хулиганство на кладбище. В надежде поймать не хулиганов, а полковника Приходько, начальник милиции в этот день послал на все кладбища усиленные наряды милиции и посадил в засаду агентов угрозыска.

И началась настоящая кладбищенская чертовщина. Ровно в полночь, в точности, как предсказал полковник Приходько, агенты угрозыска поймали человека, который хулиганил на кладбище: на памятниках, где были пятиконечные звезды, он пририсовывал шестой конец. А потом малевал черный крест.

Совершенно пьяного злоумышленника, который оказался поэтом Серафимом Аллилуевым, посадили за решетку, откуда он всю ночь возмущенно кричал:

– Опять поэтов сажают! Безобразие! Ух, фашисты! Я – диссидент! Несогласию! Инакомыслящий!

Начальник милиции зашел к полковнику Приходько и смущенно спросил:

– Послушайте, полковник, откуда вы знали заранее этот день и даже час? Вы что, колдуете?

– Нет, я просто посмотрел на календарь, когда будет полнолуние.

– Да вы что, смеетесь надо мной?

– Все нет. Из протоколов было видно, что предыдущие осквернения могил совпадают с полнолунием. И для меня было ясно, что это работа лунатика.

– Что-о?

– Видите ли, на разных людей луна действует по-разному. По-английски, еще со времен средневековья, сумасшедших так и называли – лунатиками, а сумасшедшие дома называют приютами для лунатиков. Да и в наших сумасшедших домах в полнолуние некоторые сумасшедшие начинают так психовать, что на них заранее надевают смирительные рубашки.

Начальник милиции развел руками:

– Кла-адбище! По-олночь! Полнолу-ние! И советский поэт, бражничающий с покойниками!

Полковник Приходько наклонился и достал из нижнего ящика стола какую-то книгу. При этом на его погонах блеснули значки технической службы КГБ – скрещенные топорики. Полковник полистал эту книгу, потом протянул ее начальнику милиции:

– Прочтите-ка вот это место.

“Господи! Помилуй сына моего, читал начальник милиции. – Он в новолуния беснуется и тяжело страдает, ибо часто бросается в огонь и часто в воду...”

– Что это за книга?

– Это Библия. Евангелие от Матфея. 17:15. Как видите, уже и в библейские времена люди знали, что “в новолуния беснуется”, что бесноватость, то есть душевные болезни, связаны с луной. И в Евангелии от Матфея. 4:24, тоже говорится о “бесноватых и лунатиках”.

Начальник милиции пораженно откинулся на стуле и только качал головой. Полковник Приходько продолжал:

– Чтобы вы лучше поняли это дело, нужно учитывать, что этот Серафим Аллилуев является полуевреем. А теперь почитайте-ка, что говорит здесь про евреев Иисус Христос, тоже еврей и личность довольно авторитетная. – И полковник показал пальцем на соседний абзац.

“Иисус же, отвечая, сказал: о, род неверный и развращенный! – читал начальник милиции. – Доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас?” (Матфей. 17:17).

– В переводе на современный язык, – пояснял полковник Приходько, – это означает следующее: статистика, причем еврейская статистика, говорит, что среди евреев психических болезней в шесть раз больше, чем среди других людей. Это подсчитал знаменитый еврейский профессор Ломброзо.

– Но Аллилуев только полуеврей.

– Практика показывает, что среди полуевреев душевных болезней еще вдвое больше, чем среди чистых евреев. Философы называют это союзом сатаны и антихриста.

– Но говорят, что Аллилуев неплохой поэт...

– Вот это-то и плохо. Знаменитый греческий философ Аристотель писал, что ум и одновременно безумие чаще всего встречаются именно у поэтов. Философ Демокрит говорил, что человека в здравом уме он не считает настоящим поэтом. А философ Платон считал, что для построения идеального государства, прежде всего, нужно изгнать всех поэтов за границу этого государства.

– Сдаюсь! – сказал начальник милиции и поднял руки вверх. – Хорошо, что я не поэт, а только старый милиционер.

Уходя, генерал милиции дружески улыбнулся:

– Послушайте, профессор... Говорят, что вы из папской гвардии нашего красного папы. Так вот, передайте вашему красному папе, что его гвардия хорошо подкована.

На радио “Свобода” арест Серафима произвел немалую сенсацию. В стенгазете появилась заметка, где сообщалось, что поэт Серафим Аллилуев сгорел на освободительной работе. О подробностях начальство отмалчивалось. Падший ангел Адам Абрамович и его архангел Давид Чумкин делали вид, что они ничего не знают. А всякая мелкая сошка собиралась по углам и шепталась:

– Говорят, что на кладбищах находили разбитые бутылки водки и пива...

– Да, он хлестал ерша, а потом, наершившись, искал женские статуи и лез к ним обниматься и целоваться...

– А потом обижался, что они холодные и не шевелятся. Эх, говорит, Нина меня не любит – и вы меня тоже не любите? Вы что, антисемиты? И давай обламывать статуям носы и уши... В общем, устроил на кладбище настоящий погром.

– Он еще прималевывал на памятниках к пятиконечным звездам шестой конец – как у звезды Давида. Впрочем, он уже и раньше говорил, что пятиконечная звезда – это обрезанная звезда Давида.

– У него какая-то мания насчет обрезания. Из-за революции его не обрезали вовремя. Так как все обрезальщики пошли работать в ЧК. А когда он вырос, то у него оказался фимоз, то есть незалула, то есть женилка не работает. И его пришлось обрезать уже во взрослом возрасте. Ну и из-за этого у него получилась какая-то душевная травма.

– Потом он еще рисовал на памятниках какой-то неохристианский крест – вверх ногами. Черный крест. А кругом 69, всякая порнография и матерщина.

– Хм, забавно. Ведь то же самое делает в своих стихах поэт Иосиф Бродский: бормочет о Христе, а потом “е...мать”~ и даже без точек. А ведь он тоже из обрезанных.

– Эти обрезанные теперь подделываются под неохристиан. Уж чья б корова мычала, а эта лучше б молчала...

– Говорят, Иосиф Бродский уже сидел в психиатрической клинике – в дурдоме. А потом его послали в колхоз – копать навоз. А теперь и нашего Серафима в дурдом засадят. И будет он там куковать: ку-ку, ку-ку...

– Знаете, в этих дурдомах им впрыскивают сульфазин – в задницу – двадцать уколоч. Это лекарство такое, что сумасшедшие от него выздоравливают, а здоровые сходят с ума.

Всезнайка Остап Оглоедов авторитетно заявил:

– Я уже давно знал, что у Серафима в голове перекокс – параллакс. Но если его посадят в дурдом, то виновата во всем эта Нина: она поссорилась с Лизой, злилась и отыгрывалась на Серафиме. У-ух, хлыстовская богородица.

Серафима не судили в обычном порядке. Его даже почти не допрашивали. Наоборот, следователь в белом халате, из-под которого выглядывали форма КГБ, передал Серафиму толстую папку из архивов КГБ и попросил его внимательно ознакомиться с содержанием папки.

Это было старое следственное дело Феофана Аллилуева, отца Серафима, которого ликвидировали во время Великой Чистки. Там было много такого, что Сера-

фим знал. Много такого, чего он не знал. И больше всего такого, чего бы он не хотел знать – и чтобы об этом, не дай Бог, не узнали другие.

Серафим знал, что его отец был журналистом, атеистом, морфинистом и футуристом, который взял себе литературный псевдоним Дикий. А в протоколах следствия стояло, что псевдоним Дикий характерен для нигилистов и анархистов, которые, как правило, душевнобольные психопаты с комплексом разрушения или саморазрушения, за чем обычно скрывается садизм или мазохизм, что обычно связано с открытой, скрытой, подавленной или латентной гомосексуальностью. А дальше шло такое, что об этом лучше умолчать.

Протоколы следствия, датированные 1936 годом, были подписаны особоуполномоченным НКВД Давидом Львовичем Голинковым.

Сверху к серой папке было приложено постановление московской прокуратуры о возбуждении судебного дела против Серафима Феофановича Аллилуева по обвинению в политическом хулиганстве. Эта бумажка была подписана следователем по особо важным делам при генпрокуроре СССР и старшим советником юстиции – тем же Давидом Львовичем Голинковым.

Серафим сразу понял, что кого-кого, но Давида Львовича ему не обмануть. Когда Серафим ознакомился с серой папкой, следователь в белом халате вежливо предложил ему на выбор: открытый суд, где будут выложены все секреты из серой папки, или курс лечения в психиатрической больнице имени Кашенко.

Однако секреты из серой папки были такие грязные, что Серафим с радостью избрал больницу. Он даже еще благодарил следователя за доброе отношение.

Так поэт-модернист Серафим Аллилуев попал в дурдом имени Кашенко, в палату №7. Если кто интересуется дальнейшими похождениями Серафима в дурдоме, пусть почитает книгу Валерия Тарсиса “Палата №7”, которая потом вышла где-то за границей.

Глава 12. Любимец богов

Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем.

Иоанн. 4:16

В доме чудес, где помещался “Профсоюз святых и грешников”, эту необычайную историю называли чудом святого Котика.

Константин Семенович Горемыкин, которого ласкательно звали просто Котиком, во время войны был членом оперативной группы Гильруда и оперировал в качестве советского агента в гестапо. Когда же Сосий Исаевич стал комиссаром дома чудес, он взял себе Котика на должность как бы личного секретаря.

Внешне Котик Горемыкин был бледной личностью неопределенного вида и возраста, с рыбьим характером и гладко прилизанными волосиками. Это бесцветное существо могло весь день сидеть с людьми в одной комнате, но его присутствие как-то не замечали. А если его замечали, Котик стеснялся, смущался и виновато хихикал.

– Он был идеальным агентом: человек-невидимка, – говорил Сосий. – Котик, а покажи-ка, что у тебя под рукой. Человек-невидимка смущенно улыбался:

– Да просто маленькая татуировочка...

– Которую ставили эсэсовцам, – пояснял Сося. Поскольку Сося Гильруд был связным между белой и черной пропагандой агитпропа, а это штука сугубо конспиративная, то Сося и его секретарь работали вдвоем на специальной конспиративной квартире, расположенной недалеко от дома чудес. В одной комнате устраивали конспиративные собрания, где подальше от мелкой сошки собирались и пили водку руководящие члены дома чудес. А во второй комнате жил Котик.

Когда-то знаменитый чародей и алхимик Корнелиус Агриппа занимался своей черной магией наедине со своей черной собакой Монсьером, которая ходила на задних лапах и служила ему вместо секретаря. Говорят, что они даже ели с одного стола и даже спали вместе. Так вот и чародей Гильруд занимался своей черной пропагандой, которая теперь заменяла черную магию, наедине со своим секретарем Котиком.

В работе Котик тоже ходил перед своим шефом на задних лапках и был очень аккуратным секретарем. Но зато в личной жизни у него царил полный беспорядок. Вся беда заключалась в том, что, будучи сам характера довольно мягкого, он всегда попадал в руки женщин с характером жестким и препоганейшим, которые его потом всячески третировали.

Когда-то Котик ухаживал за Капиталиной. Но показываться с ней в обществе Котик избегал. Потому что приходила она с ним, а потом демонстративно уходила с другим мужчиной. А бедный Котик печально жался к Сосе и его жене Линде.

Чтобы утешить Котика в его любовных неудачах, Сося иногда приглашал своего секретаря прогуляться по пивным или поужинать в ресторане. А Котик платил ему за это самой настоящей собачьей привязанностью.

Президент дома чудес удивлялся:

– Почему Котика всегда тянет к стервам?

– Потому что Котик однолюб, – объяснял чародей Сося. – Одну полюбил – и мучится. Святой человек...

Но однажды по дому чудес разнеслась новость, что однолюб Котик тайком от всех женился на Магдалине, секретарше Адама Баламута. На той самой Магдалине, с которой Нина когда-то рисовала рубенсовских женщин и которая была лучшей подругой Капиталины.

– Это все наш президент экспериментирует, – сказал Сося и скептически пожевал губами. – Сначала он искушал святого Варфоломея. А теперь искушает Котика.

Президент дома чудес поздравлял Котика:

– Ведь это ж для тебя как миллион рублей в лотерее выиграть!

Однако в первую же брачную ночь Магдалина устроила маленький скандалчик. Она так хлопала дверями, что с потолка обвалилась штукатурка, и подняла такой гвалт и крик, что соседи вызвали милиционера. Магдалина осталась дома, а Котик провел свою первую брачную ночь в милиции.

– Видимо, этот муж уж слишком нажимал, – говорили соседи.

Через несколько дней Магдалина сняла со сберегательной книжки Котика все его сбережения и укатила в Крым, чтобы провести свой медовый месяц подальше от мужа. А Котик тем временем ходил лечиться к психиатру: после женитьбы он стал заикаться и у него так тряслись руки, что он даже не мог закурить папиросу. По вечерам он сидел и писал нежные письма своей беглой жене, умоляя ее вернуться.

Промотав в Крыму все деньги, блудница Магдалина согласилась попробовать семейную жизнь еще раз, но при условии, что Котик пришлет ей деньги на обратную дорогу. Она вернулась с курорта веселая и загорелая, провела с Котиком еще одну ночь – и опять сбежала.

В той лотерее, которая называется жизнью, бедному Котику достался не миллион рублей, а миллион несчастий. Так и бродил он между небом и землей – не женатый и не холостой.

Больше всех его жалел Сося Гильруд:

– Ведь я же говорил – святой человек...

Но если вы думаете, что это и есть чудо святого Котика, то вы глубоко ошибаетесь. Это была только прелюдия, увертюра.

Незаметно прошло уже несколько лет, как монна Нина и французская Лиза начали свою карьеру на радио “Свобода”. Иногда их спрашивали:

– А вы замуж не собираетесь?

Но Нина с Лизой только пренебрежительно фыркали. Когда заходил разговор о любви, они уверяли, что по любви выходят замуж только дуры. А умные женщины выходят замуж всегда по расчету.

Так или иначе, но однажды по радио “Свобода” разнеслась сенсация:

– Слышали? Французская Лиза охотится за Котиком Горемыкиным. Хочет оженить его.

– Но ведь он же женат на Магдалине!

– Все это была буза. Они даже не регистрировались. Волновались и чудики в доме чудес:

– Это опять наш президент комбинирует. У него счастье просто делается: выпил стакан водки, сел в машину, поехал – и сразу нашел себе любовь. Он думает, что и у всех так. А оно вовсе не так...

– Ведь он этой Лизой сам немножко попользовался. Говорят, что это была сказка из 1002-й ночи. А теперь он сватает свою бывшую невесту.

Литературные негры на радио “Свобода” удивлялись:

– Лиза, такая львица – и выбрала себе такого таракана, как Котик?

– Если женщина львица, – поучительно заявил всезнайка Остап, – так муж у нее всегда таракан. Это закон природы: единство противоположностей.

Из приемной Адама Баламута выскочила блудница Магдалина:

– Что? Опять Котика женят? Так у него же женилка не работает...

– А может, Лизе как раз такой жених и нужен, – философски заметил Остап Оглодов.

Французская Лиза принялась ковать свое счастье, как заправский кузнец. Прежде всего она выяснила, почему Котик боится женщин. Оказывается, он вырос сиротой, так как его отец был алкоголиком и покончил самоубийством, а мать от горя сошла с ума. Поэтому сирота Котик воспитывался у всяких бездетных тетюшек. От избытка материнских чувств эти старые девы заставляли его называть их мамами. А у Котика от избытка мам появилось что-то вроде женобязни.

– Но это даже лучше, – говорила Лиза. – Не будет бегать за другими женщинами.

Прошлое у Котика было довольно запутанное. Вырос он в Эстонии и говорил на нескольких языках. Когда-то он с трудом окончил среднюю школу, а свое высшее образование он проходил в гестапо как советский агент-двойник. Теперь же Лиза уверяла, что Котик окончил два университета – Оксфорд и Сорбонну. В подтверждение она даже показывала какие-то бумажки с печатями:

– Смотрите, по факультету гуманитарных наук.

– Это фальшивки, сфабрикованные в гестапо, – ворчал Остап. – Туфта.

Кроме того, Лиза установила, что Котик не простой смертный, а отпрыск древнего княжеского рода. Как это ни странно, но в этом была доля правды. Котик был каким-то родственником знаменитого князя Оболенского, который прославился тем, что был членом какого-то тайного общества и участвовал в заговоре революционеров-декабристов, за что он потом 13 лет сидел в Нерчинских рудниках в Сибири. Был и еще один князь Оболенский, который тоже был революционером и даже финансировал Ленина, а после революции был членом ЦК Компартии СССР. Правда, во время Великой Чистки этого князя-ленинца почему-то расстреляли.

– А когда я жила в Париже, – хвасталась французская Лиза, – там я знала еще двух князей Оболенских: один горбатый, а другой хромой. Горбатый князь Оболенский был редактором парижского журнала “Возрождение”. Правда, некоторые остряки называли этот журнал не “Возрождение”, а “Выврождение”. Да еще говорили, что горбатого могила исправит. А хромой князь Оболенский просто шкандыбал по Парижу – как “Хромой барин” из Алексея Толстого.

В результате всего этого, поскольку Лиза была чем-то вроде внучки царского сенатора, и чтобы не было мезальянса, Лиза теперь ходила и уверяла всех, что Котик – это не просто Котик, а князь Горемыкин-Оболенский.

Так под опытным руководством Лизы князь Горемыкин рос не по дням, а по часам. Чтобы переделать Котика не только внутренне, но и внешне, Лиза заставила

его купить себе модное пальто верблюжьего цвета, яркий шарф и специальные ботинки на тройной подошве, отчего Котик вырос еще на целый сантиметр. После этого Лиза подцепила своего жениха под ручку и привела показать на радио “Свобода”.

Увидев князя Горемыкина, Остап Оглоедов вскочил, вытянулся во фронт и во всю глотку рявкнул:

– Здра-авия ж-желаю, ваше сиятельство! – Потом Остап развалился в кресле и принялся философствовать:

– Когда человек так неудержимо фантазирует и брешет – вот так, как Лиза, да еще и верит собственной брехне, то дело плохо... Это уже расщепление личности. Мозговой разжиж. Или этакий перекосяк в мозгах – параллакс. Снаружи человек вроде нормальный, а внутри он – чистый псих.

Монна Нина вступилась за свою подругу:

– Остап Остапович, знаете, что говорят о любви поэты: “Изю всех невозможно-возможных возможностей – ты всех невозможней – и всех милей!”

– Знаю я этих поэтов, – ворчал Остап. – Вон Серафим Аллилуев уже сидит в дурдоме. Это потому, что все современные поэты – шизофреники. У них мозги разжиженные, а личности расщепленные. Вот эти жидкие мозги болтаются в этой расщепленной туды-сюды, как масло в маслостойке, и получают стихи. Рифма вроде есть, а смысла никакого, просто бред сумасшедшего. Поэтому Лев Толстой и говорил, что поэзия – это самый дурной и неудобный способ выражать свои мысли.

Писатели и поэты уверяют, что любовь – это вещь иррациональная. Так вот и Лизина любовь. Лиза знала Котика давным-давно и не обращала на него ни малейшего внимания. А теперь Лизина любовь вдруг вспыхнула, как засорившийся прикус.

Вцепившись в своего суженого волчьей хваткой, Лиза трепала его и так и этак, прижималась к нему щечкой и всячески демонстрировала свои нежные чувства. А князь Горемыкин от свалившегося на него счастья только виновато улыбался и беспомощно пожимал плечами. Правда, иногда, словно вспоминая что-то, он нервно вздрагивал и подпрыгивал, как сверчок на горячей печке.

Свадьба князя Горемыкина и французской Лизы подготавливалась с княжеским размахом – приглашали всех встречных и поперечных. Нина честно помогала своей подружке: она обходила всех сотрудников, просила расписаться в списке приглашенных и, когда человек расписывался, говорила:

– Да, подберите-ка денюжку на выпивон и закусон. И не забудьте принести Лизе хороший подарок. Когда очередь дошла до Остапа, тот взвыл:

– Хотя я сам халтурщик, но даже я на халтуру не женился. А эти разбойницы еще и приданое с людей сдерут!

За день до свадьбы Лиза позвонила по телефону Борису Рудневу и попросила, чтобы он отвез ее на свадьбу на своей машине и сдал на руки жениху.

– Не могу, – ответил Борис. – Я занят.

– Поскольку все это с твоего, так сказать, благословения, – В голосе Лизы слышалось что-то вроде грусти, – В общем, если хочешь, ты можешь иметь право первой брачной ночи...

– Ну, это уж слишком того... по-французски...

– Не бойся, – насмешливо пропела Лиза. – Мой брак с Котиком – это брак не простой, а специальный. И твой Котик ничего не теряет. Если хочешь, я могла бы приехать к тебе сразу после свадьбы...

– Спасибо. С меня хватит и того, что было. Хорошего по-немножку.

– Хотя и говорят, что ведьмы не могут любить, – печально сказала Лиза, – но я тебя, кажется, немножечко любила.

– Эх, дешево ты отделался... Ведь мое счастье – это несчастье для других. Да, кстати, береги тот амулет против ведьм, который я тебе подарила... Может быть, он тебе еще пригодится...

В воскресенье Остап Оглоедов сидел дома и читал газету. Потом он устало зевнул и нажал на радиоприемнике кнопку, настроенную на волну радио “Свобода”.

“...Во имя Отца и Сына и Святого Духа...” – раздалось из радиоприемника.

По комнате плыло торжественное хоровое пение. Да еще на церковнославянском языке. Остап удивленно посмотрел на свою жену:

– Хм, из какой же это оперы?

“...Во имя Отца и Сына, и Святого Духа венчается раб Божий Константин рабе Божией Елизавете... Господи, Боже наш, славой и честью венчай их...”

– Гос-споди Бож-же мой! – прохрипел Остап. – Так ведь это ж-женят Котика и французскую Лизу!

Затем диктор объявил, что это передается из церкви обряд венчания советской патриотки Лизы Абрамовны Черновой-Шварц, которая репатрировалась из Франции, с Константином Горемыкиным, потомком князей Оболенских. Это был очередной трюк хитрого дома агитпропа, чтобы показать заграничным слушателям, как либерализировалась жизнь в Советском Союзе.

– Ну, теперь у Котика на выбор шестьдесят девять комбинаций, – сказал Остап.

– Каких комбинаций? – спросила жена.

– Шестьдесят девять способов быть несчастным, – заключил Остап.

Вскоре после свадьбы князя и княгиню Горемыкиных перевели на работу за границу. На аэродроме Внуково их провожали Гильруд и Нина. Как добрый шеф, Гильруд пожелал своему секретарю успеха в новой жизни. А Нина, прощаясь со своей подругой, даже расплакалась. Когда самолет поднялся в воздух, Нина еще долго стояла и махала ему вслед мокрым от слез платочком.

На память о веселых подругах-соперницах в кабинете Адама Баламута, между сводками новостей, одиноко болталась выцветшая фотография, где Лиза и Нина были увековечены в зените их славы.

Чудики в доме чудес удивленно качали головами:

– Ведь это ж просто чудо!

– Святой Котик – и женился на такой блуднице...

– Да еще и превратился в князя! Как в сказке...

– Да, чудо святого Котика...

Зарем Волков, шахматный чемпион по игре вслепую, анализировал это чудо несколько иначе.

– Имеющие очи – и не видят, – бормотал человек-компьютер. – Борис Руднев хотел сделать доброе дело – и нажил себе двух смертельных врагов. Ведь он оженил Сосино миньона. И Сося ему этого никогда не простит... И Нина ему этого никогда не простит...

Есть недалеко от Москвы небольшой дачный поселок по имени Березовка. Когда-то эта Березовка была знаменита тем, что там жили на дачах многие руководи-

тели партии и правительства, заслуженные герои революции и прославленные политкаторжане.

Но во время Великой Чистки 30-х годов Березовка опустела. Большинство руководителей партии и правительства оказалось врагами народа, и их подметали целыми семьями. Заслуженных героев революции расстреливали, как бешеных собак, их жен ссылали в концлагеря, а детей отправляли в специальные детдома, где им давали новые имена, чтобы они даже и не знали, кто их родители. В их бумагах стояло клеймо РВН, то есть родственники врагов народа.

Потом взялись и за прославленных царских политкаторжан. С ними уже не цацкались, как в проклятое царское время. Их или быстренько расстреливали в подвалах НКВД, или опять загоняли в Сибирь.

Двери дач в Березовке были опечатаны красными сургучными печатями НКВД, окна забиты досками, дворы поросли бурьяном. Немногие уцелевшие родичи бывших членов правительства ютились по чердакам. Окрестные жители обходили Березовку, как чумное кладбище.

После смерти Сталина некоторые из бывших врагов народа, приговоренные к ссылке без права переписки и кого уже давно считали мертвыми, вдруг воскресли и стали возвращаться из Сибири на старое пепелище, в Березовку. Все это были дряхлые люди, живые мертвецы, которым теперь платили маленькую пенсию. Подрабатывали они еще тем, что сдавали комнаты дачникам.

Когда наступило лето, каждую субботу семейство Миллеров усаживалось в автобус и уезжало в Березовку. Там у Милиции Ивановны были старые знакомые, у которых они останавливались на субботу и воскресенье.

После замужества Лизы Нина заметно скучала без подружки. Хотя они с Лизой и уверяли, что замуж выходят только дуры, но все это была только бравада. А на самом деле всем женщинам, конечно, хочется замуж. Кому охота сидеть в старых девах, чтобы люди потом пальцами показывали?!

Нину частенько видели с новым кавалером. Это был высокий интересный мужчина, бывший морской офицер, который теперь работал начальником спецотдела на радио "Свобода". Поговаривали, что Нина собирается выходить за него замуж.

Акакий Петрович все еще страдал чем-то вроде черной меланхолии. Однажды, когда ему было особенно тошно на душе, он позвонил Борису Рудневу:

– Послушайте, Борис Алексаных, неплохо забывать старых друзей. Мы считаем вас другом дома, а вы даже никогда и не позвоните. Говорят, что по вашей книге теперь кино делают. Вот вы и зазнаетесь. За артистками, наверно, ухаживаете... Знаете что, завтра суббота, и мы едем в Березовку. Приезжайте-ка к нам туда в гости.

– Да я бы с удовольствием, но...

– Никаких "но". Ваши артистки от вас не убегут. А в Березовке чудное озеро, пляж, купаться можно. Только не забудьте купальные трусики. Сейчас Нина вам объяснить, как туда проехать.

На следующий день, к вечеру, Борис приехал в Березовку на своей машине, и Нина с папой даже вышли встречать его на окраину поселка. Когда они подъехали к даче, где остановились Миллеры, и вышли из машины, Нина дружески взяла Бориса под руку и как старая знакомая вдруг заговорила с ним на "ты".

Раньше спящая красавица категорически запрещала прикасаться к ней руками и упорно дистанцировалась при помощи "вы". Теперь же другу дома показалось, что спящая красавица все-таки просыпается.

На веранде стоял накрытый праздничный стол с тортом и букетом полевых цветов.

– Сегодня мой день рождения, – объяснила Нина. – Ох, скоро мне уже придется скрывать свой возраст.

- После того как вы сосватали Лизу, – заметил Акакий Петрович, – Нина чувствует себя как старая дева.

– Может быть, ты и меня сосватаешь? – шаловливо улыбнулась Нина.

Милиция Ивановна полулежала в шезлонге и разговаривала с хозяином дачи. Это был маленький, уродливый и колченогий человек с всклокоченной гривой седых волос и выражением лица мрачным, как у Робеспьера. Когда сели за стол ужинать, уродец упорно молчал и недовольно кривился, словно у него болит живот.

После ужина Акакий Петрович закусил пилюлей против меланхолии и сладко зевнул. Милиция Ивановна тяжело вздохнула и опять развалилась в шезлонге. А Нина сбегала наверх и вернулась в купальном костюме.

– Пошли купаться! – кивнула она Борису, – Вечером вода такая теплая.

К озеру вела извилистая каменистая тропинка, заросшая по сторонам крапивой. Нина шла впереди и весело болтала:

– Наш хозяин дачи в молодости немножко ухаживал за моей мамой. Он немножко странный, но ты не обращай на это внимания. Он из этих, знаешь, репрессированных и реабилитированных. Отсидел двадцать лет в Сибири. После этого станешь странным. Вот он и обижается на весь мир. Эх, говорит, дали всем жителям Березовки березовой каши. А за что?

– А кто он вообще такой? – спросил Борис.

– Потомственный чудак. По рождению он вроде князь Шаховской, из столбового дворянства, от Рюриковичей. Но старый князь Шаховской тоже был большой чудак: когда ему было уже под семьдесят, он женился на молоденькой еврейке с целым кагалом байстрючат. Ну и пошли всякие сплетни. Одни говорят, что это байстрючата от князя. Другие говорят, что все это фигли-мигли, что князь этих детей только усыновил. А некоторые уверяют, что это от какого-то еврея, который был у князя управляющим и который подsunул князю кукушкины яйца.

Эти великосветские сплетни доставляли Нине явное удовольствие:

– А молодому князю Шаховскому все эти фигли-мигли так надоели, что он взбунтовался и пошел в революционеры. Но после революции этот байстрюк был большим человеком – героем гражданской войны. Его так и звали – герой Перекопа.

– Погоди, погоди... Герой Перекопа? Так я ж его прекрасно знаю. Только это было давно. Я тогда еще мальчишкой был. Но уже и тогда он был немножко тронутый. Мы, мальчишки, его дразнили, а он гонялся за нами с шашкой наголо. Или поднимал пальбу из маузера по воробьям. А потом его арестовали как самозванца. Говорили, что у него поддельные документы.

– А он говорит другое, – улыбнулась Нина. Он уверяет, что у него был романчик с женой одного работника НКВД. Ну, тот узнал и жену пристрелил. А его, героя Перекопа, загнал в Сибирь.

– Хм, забавно... Тогда мы все жили по соседству... И этого энкавэдэшника я тоже немножко знал... Потом болтали, что этот герой в детстве сидел в интернате для дефективных детей. А когда вырос, стал дамским парикмахером. Попутно он был актером-любителем и страшно любил выступать в героических ролях. А потом он и в жизни стал выдавать себя за героя Перекопа. Что-то вроде мании величия.

Тропинка кончалась у крутого песчаного обрыва, по которому спускалась длинная деревянная лестница. Половина ступенек выломана, а там зияют дыры, где легко сломать себе ногу. Внизу валяются ржавые консервные банки и всякий мусор.

Нина легко прыгала со ступеньки на ступеньку. Борис шагал вслед за ней, держась за перила. В этой сонной Березовке все выглядит так, словно здесь просыпаются мертвые. Опять этот хромоногий герой Перекопа. А ведь с ним связана загадочная смерть Ольги и вся последующая чертовщина с Максимом.

– Вот же хромой черт, – буркнул Борис.

– Это ему в Сибири ногу деревом отдавило, – сказала Нина.

– Раньше он брехал, что это его под Перекопом искалечило. А на самом деле он уже родился колченогим.

– Он уверяет, что в молодости за ним все женщины бегали.

– Женщины – не знаю, а вот мальчишки действительно бегали. Он ходил в красных галифе, на боку серебряная шашка, завитой, напудренный. Духами от него за квартал воняло, как от настоящего парикмахера.

– В общем, чудак, – сказала Нина. – Теперь он говорит, что он не князь Шаховской, а князь Сибирский. Я, говорит, этот титул честно заработал – я всю Сибирь пешком исколесил. И требует, чтобы мы его так и величали – князь Сибирский. Иначе он просто не отзывается.

– Значит, его и Сибирь не вылечила, – сказал Борис. У подножия лестницы лениво плескалась вечерняя вода.

Кругом ни души. Только они да тихое лесное озеро.

Раньше Нина не заходила в воду выше колен. Теперь же она уверенно поплыла на глубину. Он прыгнул вслед за ней.

– Кто это научил тебя плавать?

– Лиза. Мы всегда купались здесь вместе. Метрах в пятидесяти от берега стояла на якоре перевернутая вверх дном лодка. Они подплыли к ней и улеглись на ее плоском днище.

– Ух, х-холодно, – зябко передернула плечами Нина и, чтобы согреться, доверчиво прижалась к Борису. Так просто, словно они старые добрые приятели. А раньше при малейшем прикосновении она шипела, как дикая кошка.

– Ведь сегодня мой день рождения, – мечтательно сказала Нина, – И мне так хотелось бы родиться заново и начать новую жизнь.

– Говорят, что ты собираешься выходить замуж за начальника вашего спецотдела.

– О нет... Этот спецмальчик слишком сладенький и слишком самовлюблен. Это плохие мужья. Он ходил со мной только для маскировки... Но я его насквозь вижу.

Когда они после купания поднимались вверх по тропинке, Нина взяла Бориса под руку:

– Ну как ты, доволен?

В ее голосе звучал шаловливый вызов. Говорили, что она чужая невеста, а теперь эта чужая невеста вдруг ласкается к нему.

– Я теперь совсем-совсем другая, – обещающе улыбнулась чужая невеста. – И это только начало.

Посидев еще немного на веранде у князя Сибирского, Борис хотел было ехать в Москву, но Акакий Петрович запротестовал:

– Ведь завтра воскресенье. И ваши артистки от вас не убегут. Давайте я устрою вас на ночевку у одной знакомой старушки, тут рядом.

– Оставайтесь, Борис Алексанч, – пропела Милица Ивановна. – Завтра весь день купаться будем.

Хотя Нина и уверяла, что в молодости ее папа был синим кирасиром, но знакомства у него были сугубо прогрессивные. Хозяйка домика, куда он повел Бориса, оказалась старой революционеркой. Опять из тех жителей Березовки, которым после революции всыпали березовой каши. По дороге Акакий Петрович сообщил, что этой милой старушке уже около восьмидесяти лет, из которых большую половину она провела в тюрьмах и ссылках, и что зовут ее Дора Моисеевна.

– Знаете, в революцию 1905 года она уже с бомбами под юбкой бегала, – бормотал Акакий Петрович. – Во время февральской революции она воевала в женском “Батальоне смерти” у Керенского. Потом Керенский переоделся в женскую юбку и сбежал. Говорят, что Дора Моисеевна ему свою юбку дала. А после Октябрьской революции она примкнула к большевикам и немножко постреливала в ЧК. А во время чистки, при Ежове, ее, бедняжку, опять загнали в Сибирь. Двадцать лет отсидела. Так, ни за что ни про что.

Из дальнейшей болтовни Акакия Петровича скоро выяснилось, что эта милая старушка есть не кто иная, как знаменитая Дора Мазуркина, которая прославилась на весь мир тем, что выступила на XXII съезде КПСС с сенсационным заявлением, что она хотя и старая коммунистка, но занимается спиритическими сеансами, где общается с духом Ленина и спрашивает у него всякие советы. В результате по совету товарища Ленина съезд Компартии СССР постановили, чтобы товарища Сталина вывезли из Мавзолея.

И опять Борису показалось, что в Березовке просыпаются мертвые. Дора Мазуркина... Так ведь это ж мать Ольги и теща Максима, которую он загнал в Сибирь.

– Кто был ее муж? – спросил Борис.

– Знаете, после каждой революции она меняла себе мужа: то еврей, то армянин, то русский.

– А дети?

– Знаете, у всех знаменитых людей с детьми всегда беспорядок. Всех ее детей преследовала какая-то трагическая судьба: или убийство, или самоубийство, или сумасшедший дом.

– А что она сейчас делает?

– Мемуары пишет. К ней иногда даже иностранные журналисты заглядывают. В Березовке все мемуары пишут – как им, березовцам, дали березовой каши. Ну вот мы и пришли.

Знаменитая революционерка жила как вдовствующая королева в изгнании. В углу стояло высокое самодельное кресло, к которому наподобие трона вели три ступеньки, покрытые изодраным красным ковриком. На этом троне восседала похожая на маринованный гриб кривоногая старуха с тяжелым подбородком и лошадиными зубами, с приплюснутыми висками и большим выпуклым лбом, какие приписывают гениям или идиотам. На высокой спинке кресла, как раз над головой Доры Моисеевны, наподобие родового герба была намалевана масляная краской красная пятиконечная звезда.

Говорила старуха хриплым мужским баском. С высоты своего трона она прежде всего учинила Борису строгий допрос насчет его политических убеждений и сделала ему выговор за недостаточное знание истории коммунизма. Чтобы наверстать этот пробел, она принялась вспоминать свои собственные революционные подвиги.

Да с таким жаром, словно она и сейчас готова задрать подол и бежать на баррикады. Ленина она называла запросто Вовиком и уверяла, что жена Ленина была ее интимной подружкой.

Старуха вела себя столь высокомерно и нагло, что скоро Борису стало тошно от ее самовлюбленного бахвальства. Он сидел и думал: “Так вот эта старая ведьма, которую Максим загнал в Сибирь. Правильно сделал”.

Потом он мягко сказал:

– Знаете, теперь революционеров сажают в специальные психбольницы – дурдома.

– Безобразия, – проскрипела старая ведьма. – Теперь бы они и Ленина в дурдом засунули.

До постели Борис добрался только после того, как выслушал всю историю революционного движения в России. Потом Дора Моисеевна сунула ему в руку пачку своих мемуаров и посоветовала почитать их перед сном.

Улегшись в постель, он наугад раскрыл рукопись. С откровенностью выживающей из ума старухи Дора описывала, как во время первой мировой войны она была медсестрой в военном госпитале: “Когда я делала уколы шприцем, некоторые раненые так боялись моего взгляда, что отказывались от уколов, словно они опасались, что я впрысну им не лекарство, а яд.

Зачем я надела красный крест сестры милосердия? Чтобы люди думали, что я милосердная? Или мне доставляли удовольствие беспомощность этих раненых мужчин и моя власть над ними? Или меня притягивали человеческие боль и страдания, и возможность покопаться в них руками? Так или иначе, но даже в госпитале я вложила свой кирпичик в дело революционной анархии”.

Ночью Борису приснился профессор темных дел Малинин. Он стоял и, как классная дама, укоризненно качал головой.

– Ай-ай-ай, плохо вы читали “Протоколы советских мудрецов”. Иначе вы бы сразу поняли, что это за ведьма. Садизм. А из садизма получают комплекс власти и мания величия. Эгоцентризм. А рот у нее видели как дергается? Это нервный тик – и ротовой эротизм Фрейда. А вы заметили, что она кривобокая? Это Бог шельму метит. И душа у нее тоже кривая – шизофрения. Ведь эта стерва вам даже чашку чая не предложила.

Борис перевернулся на другой бок. Но там неизвестно откуда на него налетела ведьма Дора в развевающейся черной юбке, с бомбой в одной руке и отравленным шприцем в другой. Он хватается старуху за морщинистое, как у индюка, горло и старается свернуть ей шею. Кусаясь и царапаясь, ведьма Дора пытается воткнуть ему в бок отравленный шприц. А в другой руке у нее догорает фитиль от бомбы.

Когда бомба взорвалась, Борис проснулся и чертыхнулся. Потом он встал и запер дверь изнутри на крючок.

Утром семейство Миллеров расположилось на песчаном пляже рядом с лестницей. Милиция Ивановна сидела на пестром коврике, а Акакий Петрович стоял рядом и уныло переминался с ноги на ногу. Ему было скучно и страшно хотелось пойти и поиграть в карточки с князем Сибирским.

– Ох, у меня от этого солнца уже голова разболелась, – пожаловался он. – Знаешь что, Милиция...

– Знаю, – перебила его Милиция Ивановна. – Накрой твою глупую голову газетой. А потом, сколько раз я тебе талдычила, чтобы ты называл меня не Милиция, а Милочка. А тебе хоть кол на голове теши.

– Знаешь что, Милочка...

– Знаю. Но ты никуда не пойдешь. Не забывай, кому везет в любви, тому не везет в карты. Или ты хочешь сказать, что тебе со мной не повезло? Сядь и сиди здесь!

Борис появился на пляже только к полудню. Судя по тому, как он зевал и потягивался, было видно, что он не выспался.

- Так я и знал, – сказал Акакий Петрович. – Эта старая дура его всю ночь агитировала.

На Милиции Ивановне был старомодный купальный костюм с короткой юбочкой вроде как у балерины. Но на том месте, которое у молодых девушек называют пикантным, зияла огромная дыра. Когда Милиция Ивановна с тяжелым вздохом развалилась на коврик, Нина зашипела:

– Ма-ама, у тебя все печенки видно! Она толкнула Бориса локтем:

– Пойдем лучше погуляем по берегу.

Из безоблачной синевы неба наяривало Ярило-солнце. Зеленая озерная вода ласкалась о прибрежный песок. Лесной ветерок заигрывал с деревьями, что стояли на поднимающейся от берега круче. А старые деревья смотрели на все сверху вниз, качались и шептались.

Нина шла впереди и, опустив голову, разыскивала что-то в прибрежных камнях, среди ракушек и водорослей. Она перевернула большой камень, словно ожидая найти нам клад. Но там были только черви.

Борис в купальных трусиках шел следом за ней и следил, как ее следы слизывает упрямая вода. Потом он поднял глаза и посмотрел на Нину. В купальном костюме она выглядела на редкость соблазнительно. Хрупкие плечи, высокая грудь, тонкая, талия – и сильные тяжелые бедра здоровой самки. И кожа такая чистая и нежная. Прямо как у ребенка. И такая прозрачная, что видно, как под ней пульсируют голубоватые жилки.

Он опустил глаза вниз. Жалко, что безразличная вода так быстро смывает эти следы на песке. Он оглянулся назад. Там следы бесследно исчезли.

Посередине обрыва выступал вперед тенистый уступ-островок, где рос большой старый клен. Его корни не давали земле осыпаться, и вокруг дерева получилась маленькая площадка.

Неожиданно для самого себя он тихо окликнул:

– Нина...

– Что?

– Видишь вон ту площадку?

– Вижу.

– Давай залезем туда.

– Зачем?

– Я хочу тебе что-то сказать.

– А почему именно там?

– Чтобы нам никто не мешал. Как в орлином гнезде. Они вскарабкались по обрыву, добрались до одинокого клена и улеглись плашмя на глинистой земле. Эта площадка уже давно служила убежищем для влюбленных парочек. Внизу переливалось на солнце озеро. Вверху тихо шелестели листья старого клена. Здесь хорошо было смотреть вдаль и мечтать.

– Ну... – сказала Нина.

– Скоро это дерево свалится вниз, сказал он. – Жалко...

– Почему?

– Так... Опять не останется никакого следа... О том, что я хочу тебе сказать...

Она положила свою теплую ладонь не его руку и тихо погладила, поощряя сказать то, что будут знать только старый клен да проказник-ветер.

– Когда я тебе это скажу, пожалуйста, не говори мне ничего... Ни да, ни нет... Только выслушай и прими к сведению... Хорошо?

Девушка продолжала ласкать его руку. Ее глаза смотрели вдаль мечтательно и задумчиво.

– Видишь ли, Нина, – медленно сказал он, – мне кажется... что я люблю тебя... И я был бы очень счастлив, если бы ты стала моей женой.

Со старого клена упал маленький листик и, покружившись в воздухе, как молчаливый свидетель, опустился между ними на землю. Нина взяла его и стала рассматривать, словно отыскивая в его падении какой-то тайный смысл. Потом она поднесла его к губам, лаская маленький листик как живое существо.

– Хорошо здесь, – тихо сказала она. – Так хорошо, как редко бывает в жизни.

Откуда-то с кручи по обрыву посыпалась струйка песка. Там шмыгнула ящерица в погоне за мухой. Нина вдруг почувствовала телом сырость земли, на которой они лежали. От горячего солнца и влажной земли исходил какой-то призывный запах. Мать-сыра земля звала куда-то, к чему-то, зачем-то. К тем тайнствам жизни и смерти, которым повинуется все живое. И эта ящерица. И эта муха.

Нина прижалась голым телом к земле и прошептала:

– Знаешь, что я тебе скажу...

– Нет, лучше не говори.

– Я никогда не думала, что это... что это так хорошо. Я всегда боялась...

– Чего?

– Этого. Боже, а теперь я так счастлива. Если бы ты только знал, как я счастлива...

Она положила ему голову на плечо:

– Ты такой большой, добрый и смешной. Другие делают предложение вечером, при луне, а ты в полдень, на солнцепеке. Но так даже лучше. Скажи, а что мы будем делать, если... если поженимся?

– Все, что ты хочешь.

– Сейчас я хочу есть, – счастливо засмеялась девушка и вскочила на ноги, – Пойдем обедать!

Они спускались по обрыву, взрывая сыпучий песок и держась, как дети, за руки. Вслед за ними катались мелкие камешки. Нина оглянулась на площадку, где они только что лежали.

– Теперь я люблю и это дерево. Оно знает нашу маленькую тайну. Знаешь, что мне еще хочется?

– Что?

– Чтобы теперь жизнь шла медленнее.

– Зачем?

– Чтобы счастье не ушло так скоро.

К вечеру все собрались в столовой у героя Перекопа, который теперь стал князем Сибирским. Князь недовольно хмурился и молчал. Чтобы наладить с ним дипломатические отношения, Борис завел разговор про его бывшие героические дела. Князь Сибирский сразу оживился и гордо выпятил свою узкую грудь. Затем Борис стал делать ему такую рекламу, что скоро даже сам герой засмутился.

– А помните, товарищ командарм, – взмахнул рукой Борис, – когда ваша конармия скакала – ведь вся земля дрожала!

– Немножко, немножко, – соглашался герой. – Подрагивала.

– А помните ваш портрет на белом коне?

– Да, да, и с шашкой наголо, – вздыхал герой.

– Я слышал, что скоро этот портрет выставят в Музее революции, – фантазировал Борис. – Вместе с тем роялем, на котором вы под этим портретом Шопена наигрывали. Помните, вся улица слушала?

– Это я только двумя пальцами играл, – поддакивал герой. – А вот когда я всеми десятью играл, так аж дом шатался. Но откуда вы знаете про меня такие интимные подробности?

– Ну тогда вас вся Москва знала. Что там Москва – вся страна.

Кончилось это тем, что сияющий князь Сибирский обнял Бориса, как родного брата, и попросил заезжать почаще.

Когда на дворе стемнело, Нина за спиной Акакия Петровича подмигнула Борису и выскользнула на веранду. Он вышел следам за ней.

– Пошли... – шепнула девушка.

– Куда?

– На берег... Там теперь никого нет...

– А что там делать?

– Угадай...

– Купаться хочешь?

– Нет, целоваться...

Бывшая спящая красавица вызывающе засмеялась и побежала в темноту.

– Только осторожней, здесь кругом крапива. Когда они подошли к дырявой лестнице, она взяла Бориса за руку и уверенно, как опытная блудница, повела его вниз, предупреждая, где не хватает ступенек:

– Я здесь в прошлом году на каждой ступеньке целовалась... Каждый вечер...

– С кем?

– Это секрет... Осторожно, не сломай себе ногу. А то будешь такой же хромой, как князь Сибирский.

Где-то внизу плескалась невидимая вода. Кругом попискивали комарики. Вдруг Нина почувствовала, что Борис идет сзади и смеется.

– Что ты там ржешь?

– Так... Забавно все это.

– Глупенький ты мой. Тебе не смеяться, а плакать нужно. Подул легкий ветерок, и от воды потянуло сыростью. Нина вздрогнула и прижалась к Борису.

– У тебя руки такие теплые. Значит, и кровь горячая. Он обнял ее, лаская губами ее волосы и нежную кожу на шее. Девушка медленно подняла голову, и он почувствовал ее дыхание.

– А ты знаешь, что меня называют белладонной? Ты не боишься?

– Нет, – улыбнулся он, – Я ничего не боюсь. Знаешь, кто я такой?

– Кто?

– Я подозреваю, что я любимец богов.

– Да, ты действительно любимец богов, – вздохнула Нина. – Но таких, как я, боги не любят.

Словно играя с ребенком, он поцеловал ее в одну щеку, потом в другую.

– И это все? – фыркнула Нина. Любимец богов прижал ее к себе и ласкал, словно растягивая удовольствие и откладывая настоящий поцелуй на потом.

– Ты не целуешься, а только балуешься, – возмутилась Нина. – Я так целоваться не привыкла.

– А ты много целовалась?

– С мужчиной... с настоящим мужчиной – в первый раз, – призналась бывшая спящая красавица.

– А хорошая все-таки вещь – любовь, – сказал любимец богов – Особенно когда она у тебя в руках.

– Да, не так плохо, как я думала, согласилась Нина. Она прихлопнула ладонью комара на щеке: – Ну что ж, хорошего понемножку... Пошли домой!

Глава 13. Операция “Черный Крест”

Дьявол – это пятая колонна всех веков и народов.

Дени де Ружмон. Роль дьявола

Тройной агент и вечный жених Жоржик Бутырский опять собирался жениться. На этот раз его невестой была Магдалина, секретарша Адама Баламута, которая теперь дружила с Капиталиной, секретаршей чародея Гильярда.

Надо сказать, что Капиталина была очень капитального телосложения, за что в доме чудес ее называли просто лошадью. А Магдалина мало чем уступала капитальной Капиталине. В доме чудес так и говорили – пара гнедых.

Как обычно, Жоржик занял у невесты немножко денег на обустройство хозяйства – и моментально пропил. А Магдалина тем временем узнала от Капиталины, что у Жоржика имеются еще две невесты, включая и Капиталину, у которых он тоже подзаянл на обустройство хозяйства.

Тогда три невесты сговорились и совместными усилиями поймали тройного жениха на вокзале. Не подумайте, что Жоржик хотел убежать из Москвы. Вовсе нет. Просто он любил крутиться на вокзале в поисках транзитной любви. По ночам, подвыпивши, он искал существо в юбке, которое дремало на чемоданах, и предлагал переспать у него на квартире.

Три невесты обступили тройного жениха с трех сторон:

– Ах ты, жулик!

– Ах ты, мошенник!

– А ну пошли в милицию!

Тройной агент попытался увильнуть:

– А вы разве не знаете, что я на секретной работе? Я здесь того... на агентурном задании.

Одна невеста схватила тайного агента за один рукав.

Другая за другой. А Магдалина уцепилась за галстук.

– Магда, душечка, ты меня задушишь! – взмолился Жоржик.

Но три невесты вцепились в коллективного жениха, как ищейки, и таскали его из стороны в сторону.

– Давай назад наши деньги! Или пошли в милицию! Кругом начала собираться толпа любопытных.

– Эх, молодцы бабы, карманщика поймали! Говорят, что тройной жених смутился и покраснел. Но так говорят только те, кто не знает Жоржика. На самом деле он вырвался и убежал, оставив в руках невест свой пиджак. Следом за ним неслись мальчишки и улюлюкали:

– Гэй, держи вора! Держи...

Чтобы обманутые невесты не нашли его дома, Жоржик прибежал в дом чудес и завалился спать на столе в комнате Мушера, заместителя президента по социальным вопросам. Вместо подушки он подложил под голову лапки по социальным делам. Утром Мушер нашел Жоржика храпящим на своем столе и удивился:

– Эй, что ты здесь делаешь?

– Ох, видишь, что такое агентурная работа, – кисло улыбнулся тройной агент. – Ой, все кости болят. Меня чуть на части не разорвали.

В полдень Магдалина явилась к президенту дома чудес и официально подала ему счет за долга Жоржика – сразу от трех невест. На заявлении пострадавших президент начертил такую резолюцию: "Бухгалтеру Саркисяну: удерживать деньги из зарплаты, как алименты, из расчета на три персоны".

Узнав, что у Жоржика вычитают алименты, да еще тройные, цыганский барон Люся Шелапутин бегал и спрашивал:

– Жоржик, так у тебя что, сразу тройня?

– А детки как – здоровенькие? – интересовался потомок Чингисхана. – Мальчики или девочки?

– Ах, пошли бы вы все к черту! – огрызлся Жоржик. – Я занимаюсь секретной работой, а меня загоняют в бутылку. А потом меня же обвиняют, что я алкоголик. Да я теперь нарочно еще больше пить буду!

При следующей встрече в доме под золотым петушком профессор темных дел Малинин спросил:

– Говорят, вы там с Жоржика алименты вычитаете?

– Я бы этого сукиного сына давно выгнал, – сказал Борис, которому уже порядком надоели все эти чудеса в доме чудес, – Но мой Сося-Мефистофель уверяет, что все это делается по приказу свыше.

– А знаете, Жоржик был на вокзале действительно на агентурном задании, – усмехнулся генерал-профессор. – Он должен был встретить там жену одного американского дипломата. И получить от нее кое-какие секретные материалы.

Профессор темных дел вынул из портфеля папку и положил ее перед Борисом. В 13-м отделе КГБ любили употреблять разноцветные папки, и эта папка была черная. А на белой этикетке стояла надпись "Операция "Черный крест" и штампель "Совершенно секретно".

– Потом вы ознакомьтесь с этим делом более подробно, – сказал Малинин, хлопывая по черной папке. – А вкратце дело заключается в следующем. Вы, конечно, слышали, что с некоторых пор у нас в Москве появилось так называемое демократическое движение – всякие там диссиденты, несогласники и инакомыслящие, а в результате этого подпольный "Самиздат", нелегальная "Лига прав человека", тайный "Союз социал-христиан", возрождающий философию чертоискателя Бердяева, и так далее прочее.

– Кое-что из этого "Самиздата" я даже читал, – сказал Борис, – Чепуха, но забавная...

– Да, это очень забавно, – согласился профессор темных дел. – С таких же забав началась и революция 1917 года. Большой пожар тоже частенько начинается от игры с маленькими спичками. Но в данном случае самое забавное то, что за всем этим новым демократическим движением, как тайный центр, стоит тайное общество "Черный крест", которое инспирируется и руководится американской разведкой Си-ай-эй. В порядке психологической войны. Они зашифровали все это дело как операция "Черный крест". Все это построено из расчета на специальные типы людей, среди которых многие с клинической точки зрения являются психически больными. Но имя им – легион. Поэтому некоторых из этих легионеров, играющих под демократов и либералов, мы теперь сажаем в специальные психбольницы – СПБ.

– Да, а сами психи называют их психушками или дурдомами.

– Кроме того, мы этих демократов, конечно, инфильтрировали. Одним из таких агентов является ваш Жоржик. Остапу Оглоедову мы тоже поручили подключиться к “Самиздату” и разнюхать про “Черный крест”.

– О, и сын Остапа Бендера тоже там?

– Да, теперь он даже печатается в “Самиздате”. А Зарем Шахматист, специалист по игре вслепую, поскольку он честный катакомбный христианин, то он будет играть социал-христианина.

– А что же там делает Жоржик?

– Он действительно тройной агент и является связным между легионерами из “Черного креста”, американской разведкой и нами. Три невесты сорвали ему на вокзале встречу с еще одной невестой – агентом Си-ай-эй в юбке. – Профессор темных дел устало улыбнулся: – Так что вы с вашим Жоржиком теперь не шутите. Теперь он видный член героического демократического подполья, о котором шумит вся заграничная пресса.

Входя в дом чудес, посетители попадали в репрезентационный холл, где посередине красовался большой бассейн, и даже с фонтаном. Правда, фонтан не работал, и бассейн стоял пустой. Посетители сидели на краю фонтана, курили и бросали окурки в бассейн, где за ними потом охотился потомок Чингисхана.

Посмотрев на всё это, президент дома чудес решил навести порядок. Он отыскал в углу кран, покрутил – и молчавший долгие годы фонтан вдруг заработал.

– А где же я буду теперь окурки собирать? – ворчал потомок Чингисхана.

– Принесите-ка мне ведро, – сказал президент.

– Зачем ведро? – удивился Жоржик Бутырский. – Переливать из пустого в порожнее мы и без ведра умеем.

Президент молча взял ведро, сел в машину и уехал. Вскоре он вернулся с ведром, полным воды, где плескалась живая рыба. Эту рыбу он купил на рынке и теперь выплеснул в бассейн.

– Какие они толстенькие, жирненькие! – обрадовался потомок Чингисхана. – Я их хлебушком кормить буду. Они у меня будут как родные детки.

Сын потомка Чингисхана сочувственно покачал головой:

– Ох, бедные рыбки...

А Борис Руднев опять сел в машину и поехал в дом под золотым петушком, где он принялся штудировать черную папку с делом “Операция “Черный крест””. Пришла немецкая овчарка Максима по имени Рекс и, повилая хвостом, улеглась рядом.

Сверху в папке лежала фотокопия документа из центра американской разведки Си-ай-эй в Вашингтоне – принципиальная схема операции “Черный крест”. Несмотря на жирный штампель “Top Secret”, уже через неделю копия этого документа была в Москве.

Это была директива усилить подрывную деятельность в СССР, пользуясь постсталинской либерализацией и опираясь в принципе на “опыт тех тайных обществ, которые были столь активны во всех революциях, включая и русскую революцию”. Рекомендуются маскировать всю операцию как “демократическое движение за свободу и права человека”. В левом крыле этого Движения культивировать неотроцкизм, а в правом крыле – псевдонеохристианство типа Бердяева.

Перелистнув несколько страниц, Борис наткнулся на знакомые имена – Жоржик Бутырский, Люся Шелапутин и даже жена швейцара Назара, беззубая Назариха. Но, оказывается, Назариха была вовсе не такая беззубая. Она была очень зубастым

агентом 13-го отдела КГБ. И вся сумасшедшая история с Ромео и Джульеттой, которая в свое время так волновала дом чудес, теперь выглядела совсем иначе.

В действительности, все начиналось с того, что Назариху, которая по профессии была парикмахершей, послали делать прически жене одного американского дипломата, которую звали Джульеттой и за которой уже давно следил 13-й отдел. Но Джульетта – это была только агентурная кличка. Официально же эту американку звали Дока Залман, девичья фамилия Бондарева.

Отец Доки вовсе не был консервным королем, и Дока вовсе не была принцессой долларов. Но родословная у нее была довольно интересная.

Дока любила похвастаться, что ее дед был царским генералом. Но в действительности он был вовсе не царским генералом, а липовым генералом липового правительства Керенского, который уже с 1912 года был членом тайных обществ всяких дегенератов, которых в 13-м отделе называли просто легионерами. Все свое правительство и генералитет Керенский подобрал из таких же братьев-легионеров. Условно эти горе-вояки называли себя младотурками (этих младотурков усиленно расхваливает Солженицын в своем "Августе") по аналогии с такой же революцией Кемаль-паши в Турции.

Сын этого младотурка Кока Бондарев вырос уже в эмиграции в Америке и был таким же легионером, как его отец. Поэтому он сразу же вступил в тайное братство легионеров, которые сами себя называют гуманистами, а другие называют их сатанистами. А по профессии брат Кока был профессиональным бездельником. Когда-то он немножко преподавал где-то русский язык, а потом всю жизнь бездельничал и называл себя профессором.

Свой же хлеб "профессор" Кока зарабатывал тем, что немножко работал в американской разведке в качестве связанного с эмигрантской организацией Союз трудового народа – СТН, которая когда-то забрасывала парашютистов в СССР. Тех самых СТН-ских парашютистов, которых сразу же переловили при помощи Жоржика Бутырского и его бесенят, голеньких мальчиков, которые беспокоили его по ночам.

С точки зрения диалектического христианства тайные братства, к которым принадлежал брат Кока, состояли из тех самых чудаков, которых в средние века жгли как ведьм и ведьмаков. Таким образом, его дочка Дока Бондарева была, так сказать, ведьмой в третьем поколении.

Агентурные данные 13-го отдела, то есть советской инквизиции, говорили, что свою молодость ведьма Дока провела в Вашингтоне, где она крутила однополюю любовь с полуеврейкой Наташей Мельник (работает в "Голосе Америки"), отец которой Жорж Мельник был евреем-выкрестом, но тщательно скрывал это и даже прикидывался русским монархистом. Таких тайных евреев, или криптоевреев, в 13-м отделе называли марсианами. Видимо, по аналогии с теми марсианами из романов Уэллса, которые хотят захватить мир.

Специалисты 13-го отдела считали, что там, где есть миллион евреев, рядом будет миллион криптоевреев, то есть марсиан. Частенько это люди в смешанных браках с евреями или продукты этих браков – полуевреи и так далее. И среди этих марсиан такие имена, как Керенский и Ленин, Сталин и Гитлер, Гиммлер и Тельман, фашист Пилсудский и коммунист Гомулка. И даже президент Рузвельт. Действительно, князь мира сего! И путаница такая, что сам черт не разберется! А теперь в Москве под маской диссидентов дурят такие марсиане, как Сахаров и Солженицын.

Как агент 13-го отдела, беззубая Назариха была не только зубастая, но и языкастая. Делая прически ведьме Доке, она, как многие женщины, чесала не столько гребешком, как языком. И при этом вычесывала все детали из жизни Доки.

Потом эти данные дополнялись рапортами других агентов.

Когда ведьме Доке исполнилось 25 лет (ведьмы обычно стараются выйти замуж в 25 лет), она вышла замуж за полуамериканца или, вернее, за полужеврея по имени Джерри Залман. Вот глядя-то на такие смешанные браки, философ-чертоискатель Бердяев и бормотал про тайный союз сатаны и антихриста, который обещает царство князя мира сего.

Чтобы понять это тайное царство по-марксистски, диалектически и материалистически, нужно знать, как ведьмы и ведьмаки делают свою ведьмачью любовь.

Однако тут нужно сначала трижды перекреститься и трижды плюнуть через левое плечо. На Западе такие вещи называют модернизмом. А поскольку нас, русских, упрекают, что мы отстаем от жизни, то вот мы и переходим от соцреализма к соцмодернизму.

В такой культурной и прогрессивной стране, как Америка, этому модернизму теперь учат даже 10-летних детей, называя это “сексуальным образованием”. И получается, что некоторые родители не знают того, чему учат их деток. Так вот, чтобы родители не отставали от своих деток...

С точки зрения диалектического христианства дело выглядит так. Бог – это любовь. Когда ведьмы подписывают договор с дьяволом. Бог лишает их высшего божеского дара, дара любви, и в прямом смысле, и в переносном. Тогда хитрый дьявол, обезьяна Господа Бога, подсовывает ведьмам и ведьмакам в качестве эрзаца однополую любовь. Но инструментов для этого им Бог не дал. Что же делать?

Поэтому современные ведьмы делают свою современную любовь при помощи ротового зротизма папеле Фрейда, что в медицине называется куннилингусом, то есть ведьмы ложатся валетом, лижут друг у дружки – и облизываются от удовольствия. Очень просто.

А когда ведьмы выходят замуж, то обычно они подыскивают себе мужа-оборотня, то есть минетчика из французских анекдотов. Тоже очень просто. Ведь таких оборотней тоже легион. И всяких комбинаций тут больше, чем в калейдоскопе. В принципе такая французская любовь, или 69, означает подавленную или латентную гомосексуальность.

В такой культурной стране, как США, согласно знаменитой статистике доктора Кинси 37 процентов населения более или менее знакомы с гомосексуальностью. То есть каждый третий человек – легионер. А среди интеллигенции таких легионеров-кинсианцев будет уже не 37 процентов, а более 50 процентов, то есть большинство. И в демократических условиях, где решает большинство, они вас демократически переголосуют. И получается не демократия, а сатанократия.

Так или иначе, вот эти-то легионеры и разводят модернизм и “сексуальное образование”, где уже маленьких детей учат, что все виды секса, включая и ведьмачью любовь, куннилингус и фелляция, то есть лизание и сосание, это вовсе не половые извращения, а совершенно нормальное явление, что это просто дело вкуса. А если это вам не вкусно, то нанюхайтесь наркотиков.

Такие модернистические браки довольно легко узнать, даже не заглядывая в спальню. Сову по полету видно – и ведьму тоже. Ведь эти жены-ведьмы в душе являются мужчинами, а мужья-оборотни в душе являются женщинами. Потому что в их душе живут бесы инкуб и суккуб, которые превращают женщин в мужчин, а мужчин в женщин. Зная это, нужно только внимательно присмотреться, где жена-мужик и где муж-баба.

Для людей с чистой совестью – это настоящее сексуальное образование, без кавычек. Но ведьмы и ведьмаки, у которых всегда нечистая совесть, сразу начнут шипеть и врать, что это-де порнография, что это безобразие, что это дискриминация, что это нарушает свободу и права человека и так далее. Вот по этой то лжи вы

их и узнаете. Ведь ведьмы и ведьмаки не могут, чтобы не лгать. Поелику их хозяин, дьявол, есть лжец и Отец лжи.

Но вернемся к нашей ведьме Доке и ее мужу-оборотню. Хотя Дока и уверяла, что ее муж американский дипломат, но в действительности полуамериканец и полужидом (в 13-м отделе таких называли еврикандцами) Джерри Залман был только мелким чиновником американского посольства в Москве, где вся его работа заключалась в том, что он лизал и клеил марки и фотографии на паспорта.

Вся работа этого оборотня-лизуна служила только для маскировки. А главную роль, как обычно в таких браках, играла ведьма Дока, которая в действительности была агентом Си-ай-эй. Пока Джерри клеил свои марки, его жена-ведьма, прикрываясь статусом жены американского дипломата, бегала по Москве и, прекрасно зная русский язык, восстанавливала контакты по линии операции "Черный крест".

Модус операции был такой. Ведьма Дока в принципе вынохивала среди московской литературной богемы таких же легионеров, как ее муж-оборотень: всяких неудачников типа

ХС или типа ПЛ, недоделков и придурков, пальцем деланных, шизофреников и параноиков, которых мучил комплекс неполноценности или маленькая мания величия. Затем ведьма Дока засовывала такому легионеру палец в его больную душу, ковырялась там и мурлыкала:

– Миленький, вы такой талантливый... Вы прямо-таки гениальный! Какое безобразие, что вас здесь, в СССР, не признают. Знаете, никто не пророк в своем отечестве. Но я вам помогу – и вы загремите на весь мир. Еще и Нобелевскую премию получите – как Пастернак. Ведь это все мы ему сварганили. Только делайте так, как я говорю... И мы с вами наделаем такие чудеса, что вам и не снилось.

Затем и впрямь начинались чудеса. Ведьма Дока подсовывала этим легионерам материалы, состряпанные американской разведкой. Легионеры перепечатывали эту стряпню на советской машинке, на советской бумаге, размножая на ротаторе, и возвращали Доке. Затем в подвале американского посольства, в специальной лаборатории, эти материалы обрабатывались так же, как фальшивые доллары, чтобы придать им вид "бывших в употреблении".

Следующим номером программы ведьма Дока передавала эти материалы американским журналистам и уверяла, что это самый настоящий советский "Самиздат", который ходит по всей Москве. Падкая до сенсаций американская пресса делала из дохлой мухи белого слона и кричала на весь мир о мощном "демократическом подполье" в СССР.

Польщенные этой рекламой, демократы-легионеры потом уже сами искали встреч с иностранными журналистами и охотно рассказывали им всякие басни. А ведьма Дока отправлялась на поиски следующей жертвы.

Когда-то советские мальчишки распевали частушки, как американец вставляет где-то палец и думает, что он заводит граммофон. Так вот и американская ведьма Дока опять вставляла палец в больную душу очередного легионера и, как граммофон, заводила:

– Душенька, вы такой талантливый, такой гениальный... Так в Москве в порядке "Самиздата" зародился знаменитый СМОГ, то есть Союз молодых гениев, о котором до хрипоты кричала международная пресса. Кстати, по-английски смог означает ядовитый туман. Видимо, оперативник из Си-ай-эй, выдумавший это название, был не лишен чувства юмора.

Помимо ведьмы Доки в операции "Черный крест" принимала участие целая сеть агентов Си-ай-эй, замаскированных под дипломатов и журналистов. Ведь в

американской прессе открыто пишут, что во всех американских посольствах мира большеинство сотрудников являются не так дипломатами, как агентами Си-ай-эй. Кроме того, самой лучшей маскировкой для агента Си-ай-эй является профессия журналистов, которые суют свой нос везде и всюду.

Почти все агенты операции “Черный крест” были марсиане, то есть криптоевреи, люди в смешанных браках с евреями или продукты этих браков – полуевреи и так далее. Эти оперативники вербовались, как правило, из членов тех тайных обществ, которые сами себя называют гуманистами, а другие называют их сатанистами. Но во время Великой Чистки 13-й отдел перестрелял тысячи и тысячи этих гуманистов-сатанистов из ленинской гвардии. Перед расстрелом они ползали на коленях и наперебой выкладывали все свои тайны. И в 13-м отделе прекрасно знали, что это такое.

Теперь же эти международные легионеры, замаскированные столь же тщательно, как ведьма Дока, опять бегали по Москве и вынюхивали себе подобных, сколачивая из них тайное общество “Черный крест” и пытаясь создать такую же ситуацию, как в 1917 году.

Вот таким-то образом после “Самиздата” и Союза молодых гениев – СМОГ в Москве зародилось левое крыло демократического подполья – неотроцкистская “Лига прав человека”. Эти лигаонеры издавали на ротаторе свою подпольную “Хронику”, где в основном сообщалось, кого из братьев-лигаонеров посадили в специальные психбольницы – СПб, которые сами психи окрестили психушками или дурдомами.

Вслед за лигаонерами из “Лиги” у тайного общества “Черный крест” появилось правое крыло – подпольный “Союз социал-христиан”, который базировался на философии чертоискателя Бердяева. Того самого Бердяева, который проповедовал союз сатаны и антихриста. Братцы-бердяевцы маскировались под неохристиан, неославянофилов и даже либеральных неомонархистов. Но цели у них были совсем другие. Вот такие-то монархисты и развалили монархию, работая, как термиты, изнутри.

Листая папку с делом “Черного креста”, Борис все время наткнулся на знакомые имена, 13-й отдел так инфильтрировал “Черный крест”, что иногда было трудно разобраться, где свои агенты и где чужие. Путаница такая, что тут и сам сатана запутается.

Вот агентурная фотография какой-то веселой пьянки, где “неохристианин” Серафим Аллилуев, высунув язык, ухаживает за ведьмой Докой и подает ей языком какие-то тайные знаки. А Остап Оглоедов, сын Остапа Бендера, в это время лапает ее мужа-оборотня.

На другой фотографии, снятой секретной камерой, ведьма Дока лесбиянит с какой-то советской лесбиянкой, агентом 13-го отдела. Надо признать, что эта советская ведьма была такая ослепительная красавица, что тут потеряет голову любая американская ведьма. Фото было такое пикантное, прямо как наглядное пособие для уроков сексуального образования в американских школах, где французскую любовь теперь называют американской любовью.

Следом шел отец ведьмы Доки, ведьмак Кока, липовый профессор и агент Си-ай-эй, а также член эмигрантской революционной организации “Союз трудового народа”, или СТН. Правда, у этого СТН была и другая расшифровка: Са-Та-На. Эти СТН-исты занимались в основном тем, что за деньги Си-ай-эй печатали и распространяли за границей литературу “Самиздата”.

Модус операнда ведьмака Коки был такой. Сначала его дочка-ведьма ловила в свои сети легионеров из московской литературной богемы и накручивала с ними “Самиздат”. 13-й отдел преспокойно сажал этих легионеров в дурдома, а некоторых потом высылала за границу. Там их поджидал ведьмак Кока, который отправлялся с этими дурдомщиками в пропагандное турне.

Раньше цыгане водили по ярмаркам медведя на веревке и с кольцом в носу, который танцевал гопака и показывал всякие фокусы. Подобным образом СТН-ист Кока развезжал теперь по Америке и показывал на собраниях советских дурдомщиков, уверяя, что это члены мощного СТН-истского движения в СССР. Почему-то, как правило, все это были евреи, полуевреи или люди в смешанных браках с евреями.

Перед выступлением бедных жертв психвойны накачивали американскими успокоительными таблетками – транквилайзерами. Они сидели с мутными глазами, кивали головами и рассказывали, что советская власть совершенно дегенерировалась и вот-вот развалится. А СТН-ист Кока распинался, что это вовсе не психи из дурдомов, а пламенные демократы, диссиденты, инакомыслящие и несогласники, ставшие жертвой психтеррора КГБ.

Штаб-квартира Си-ай-эй под большим секретом информировала ведьму Доку, что Жоржик Бутырский – это проверенный и доверенный американский агент в Москве, на которого она может полностью полагаться. Поэтому тройной агент Жоржик теперь функционировал в качестве связного между ведьмой Докой и левым крылом “Черного креста” – неотроцкистской “Лигой прав человека” и их “Хроникой” из дурдомов.

Со своими левыми мальчишками-лигаонерами Жоржик встречался в основном в московских кабаках, где его хорошо знали и где он не возбуждал никаких подозрений. Идеологией этих неотроцкистов была теория перманентной революции Троцкого, то есть, попросту говоря, перманентная анархия. Помимо всего прочего Жоржик теперь даже пописывал в подпольном журнале “Феникс”.

Тем временем человек-компьютер Зарем Волков, шахматный чемпион по игре вслепую, подключился к правому крылу “Черного креста” – к тайному “Союзу социал-христиан”. Поскольку все знали, что Зарем катакомбный христиан, то социал-христиане встретили его как родного брата. Однако в своих рапортах брат Зарем с негодованием писал, что это вовсе не социал-христиане, а самые настоящие сатанисты-бердяевцы, которые только маскируются под неохристиан.

Человек-компьютер методично, как в шахматной игре, сообщал, что религия этих неосатанистов очень проста. Это просто дегенераты, которые молятся на дегенерацию, то есть на сатану и врага рода человеческого, которого они называют князем мира сего. Дегенерацию и половые извращения, поскольку это всегда начинается с верхов общества, они считают признаком человеческой элиты, признаком избрания и приобщения к, так сказать, высшему классу людей. Поэтому эти х-сосы и п-лизы, садисты и мазохисты, шизофреники и параноики считают себя избранными людьми, элитой рода человеческого и высшим классом. Но поскольку нормальные люди, то есть быдло, всех этих премудростей не понимают, то все это нужно держать в строжайшей тайне. В принципе эти бердяевские черточеловечки просто шли по стопам евреев, которые уже давным-давно объявили себя “избранным народом”.

Затем шла справка специалистов 13-го отдела. Вот за этот-то неосатанизм, маскирующийся под “Неохристианство”, царский Святейший Синод в 1915 году и приговорил чертоискателя Бердяева к вечной ссылке в Сибирь. А теперь американская разведка пытается возродить эту бердяевщину под маской социал-христиан.

Революционную литературу “Самиздата”, которая исходила из подвала американского посольства, знающие люди называли в честь дяди Сэма “Сэм-издатом”. Но подобная шутка исходила и из подвала дома чудес, где этим занимались два сталинца. Бывший повар Васьки Сталина, Женька Южный, по ночам варил в этом подвале самогон. А днем он накручивал там ротаторный журнальчик, который по аналогии тоже называли “Самогоном”. В этом деле ему помогал Миша Гейм-Данилов, бывший сбутыльник Васьки Сталина.

Редактировали это варево косоглазый Филимон и Ирина Забубенная-Розенберг, баронесса-поэтесса и мать цыганского барона Люси Шелапутина. А варил этот “Самогон” для того, чтобы потом было легче взять за жабры legionеров из “Сэм-издата”.

В свое время генерал-архиепископ Питирим предупреждал, что в доме чудес будет не только белая пропаганда, но и черная пропаганда, какая-то черная магия, которой Борис даже и видеть не будет. Теперь же он видел, что это за черная магия, которой занимался чародей Гильруд, служивший ему в качестве Мефистофеля.

Борис вспомнил, как он собирался писать книгу об идеальных советских людях нового типа – гомо советикус. Но потом словно черт попутал и перемешал все карты. Засунули его в этот проклятый дом чудес. И все получается не так, как он думал. Вместо идеальных гомо советикус получается черт знает что.

Пока Борис листал папку с делом “Черного креста”, немецкая овчарка Максима осторожно положила ему голову на колени. Глаза у Рекса были такие красивые и умные, почти как у ребенка. И он так дружески виляет хвостом, словно хочет что-то сказать.

– Да, Рексик, старик Шопенгауэр был, пожалуй, прав, – сказал Борис, глядя Рекса по голове. – Плохо было бы жить на свете, если бы не было собак, на честную морду которых можно смотреть с абсолютным доверием.

Рекс лизнул ему руку и сочувственно вильнул хвостом.

В доме чудес продолжались чудеса. Жоржик Бутырский украл где-то породистую сиамскую кошку и весь день игрался с нею. А в фонтане исчезла одна из рыб.

– Куда моя рыба делась? – спросил президент дома чудес.

– Ее, наверно, кошка съела, – ответил потомок Чингисхана.

По ночам тройной агент Жоржик занимался своей агентурной работой по линии “Черного креста” и “Самиздата”, а днем болтался по дому чудес, зевал и учил свою кошку ходить на задних лапах. А президент дома чудес заглянул в бассейн и удивился:

– Эй, а куда еще одна рыба пропала?

– Странно, – сказал потомок Чингисхана. – Может, это рыбы не простые, а летучие?

Американское радио “Освобождение” захлебываясь сообщало о развитии подпольного демократического движения в СССР и о героическом “Самиздате”. Тем временем демократ-подпольщик Серафим Аллилуев сидел в дурдоме имени Кащенко, в палате №7, и играл в подкидного дурачка с другими демократами.

А когда президент дома чудес опять заглянул в свой фонтан, в бассейне вместо рыб плавали одни окурки.

– Энтих рыбок потомок Чингисхана выловил, – объяснил швейцар Назар, переминаясь с ноги на ногу. – Жоржик водку приносил, а закусона у них нема. Так они энтих рыбок варили и жрали.

Глава 14. По ту сторону добра и зла

*Тут дьявол с Богом борется,
а поле битвы – сердце людское.*

Ф. М. Достоевский.

Хитрый дом агитпропа получил задание усилить радиопропаганду на Ближнем Востоке. Но оказалось, что у арабов и бедуинов слишком мало радиоприемников, чтобы слушать радио “Свобода”.

И вот тут-то Остапа Оглоедова осенила гениальная идея. Он решил революционизировать пропаганду и, взявшись за перо, накатал в агитпроп рационализаторское предложение. Как и все гениальные открытия, идея Остапа была чрезвычайно проста.

Ведь каждый школьник знает, что советские ласточки летают зимовать в теплые страны Ближнего Востока. Нужно только по пути ловить этих ласточек и лепить им под хвосты соответствующие воззвания к арабам и бедуинам.

А журавлям и аистам, которые когда-то таскали младенцев, теперь в качестве партнагрузки можно прицепить на шею целые корзины с листовками. Остап даже быстренько набросал чертежик такого контейнера системы 00, что означало не два нуля, а инициалы изобретателя Остапа Оглоедова.

Собственно говоря, идея эта зародилась в голове Остапа уже давно. Еще тогда, когда, сидя в сибирском концлагере, он с тоской наблюдал из-за колючей проволоки за перелетными птицами, летящими на юг. Тогда он мечтал, как бы и ему при помощи этих птичек, наподобие известной лягушки-путешественницы, улепетнуть из Сибири в теплые края.

Прочитав Остапов проект, начальник агитпропа вызвал изобретателя для личной консультации и спросил:

– А как же вы будете ловить этих ласточек? ных литературных негра – Оглоедов, Корякович и Завалюхин. Чтобы повысить их культурный уровень, политсоветник время от времени устраивал им идеологическую порку:

– Наша задача – это моральное разложение противника. А вы что? Сартра не читали! Бердяева не знаете! Про Жене и не слышали...

– Я знаю про Жене, – поднял палец Остап. – Это самый знаменитый французский вор. Он в окошки, как летучая мышь, летает. Заработал пожизненное заключение, как рецидивист.

– Что-о? – взвыл политсоветник. – И это все, что вы знаете про самого знаменитого французского писателя-экзистенциалиста?

– Кроме того, Жене педераст, – робко заметил Завалюхин. – И пишет только про педерастов. Очень занимательно.

– Но почему же философ Сартр тогда называет его святым Жене?

– Кукушка хвалит петуха, поскольку хвалит он кукушку, – пожал плечами Корякович. – Ведь Сартр тоже левый мальчик.

– Кроме того, Сартр косоглазый, – сказал Остап. – Как моя падчерица. А уж мою падчерицу я знаю. У нее в голове перекосяк – параллакс.

– Ох, какие это идиоты! – бесился политсоветник. – Да, все это нужно знать – и молчать. И все это отрицать. И твердить, что это святые и гении. Ведь Сартр, Бердяев и Жене – это наши лучшие идеологические союзники. Ух, болваны! И за что только вам деньги платят?

Обычно Чумкин ругался и издевался над своими неграми до тех пор, пока не доводили их до истерики, а иногда и до слез. Но в это время в отдел скриптов зашел Борис Руднев. Политсоветник накинулся и на него:

– А вы что здесь шляетесь? Подслушиваете? Подглядываете?

Президент дома чудес сначала опешил от такой наглости. А Чумкин, ободренный успехом, продолжал хамить и ругаться. Вел он себя как чумная крыса, которая кидается на всех и вся. Тогда президент дома чудес вынул из грудного кармана черную самопишущую ручку, направил ее на политсоветника и нажал кнопку.

Раздался громкий пистолетный выстрел, и лицо Чумкина окутало белое облачко дыма. Затем... Ох, с каким наслаждением рассказывали это бедные литературные негры.

Политсоветник упал в кресло. Из глаз его катились слезы. Из рта текли слюни. И из носа тоже текло. Он плакал, кашлял, чихал, сморкался и отплевывался. Потом Остап божился, что и из штанов у него тоже капало.

Президент дома чудес спокойно засунул свою волшебную авторучку в грудной карман. Уже давно поговаривали, что в порядке дальнейшей либерализации помимо дурдомов КГБ вводит всякую новую технику. В том числе и всякие приборы со слезоточивым газом “Черемуха”, вплоть до вот таких “автоматических ручек”. Правда, при желании в эту ручку можно заложить и нормальный пистолетный патрон с нормальной пулей.

Потом Остап комментировал:

– Вот бы мне такую ручку. Против моей тещи. Вечером Остап улегся дома на диван и заявил:

– Мне надоело жить.

– Чего это? – спросила жена.

– Меня называют жуликом и подхалимом. Я живу, как нищий, а все говорят, что я меркантильный. Остап, говорят, дешевка, брехун.

– А ты не брешь, – посоветовала жена.

– Я вовсе не брешу. У меня просто повышенная фантазия. Как у каждого настоящего писателя. Когда Льву Толстому все осточертело, он плюнул и ушел из дома. Может, и мне тоже уйти?

Хотя, кроме жены, чужих детей и нервных кошек, воровать у Остапа было нечего, но на всех дверях и окнах он понастроил кучу всяких задвижек, защелок и запоров. Не так от воров, как от собственной трусости. А входную дверь изнутри подпирала толстая палка. Теперь Остап встал, взял эту палку и зашагал по комнате, размахивая ею, как посохом.

– Да, пойду куда глаза глядят. Пойду к странникам, к отшельникам. По дождю пойду, по грязи, по снегу. Буду правду искать. Божьим человеком стану. Счас возьму и иду. Прямо в двери.

- Катись, – зевнула жена. – Скатертью дорожка. – Почапаю себе по полям, по лесам, мечтал Остап, стуча своим посохом. – Кругом птички поют. Ку-ку! Солнышко светит. Травка зеленеет. И никто меня не ругает, не критикует. Буду стихи писать и с птичками обсуждать. Он увлеклся все больше и больше:

– А без Чумкина моя желудочная язва сразу заживет. И живот болеть не будет. Ночью лягу себе на сено, ноги кверху задеру и буду звезды разглядывать. Буду размышлять о смысле жизни.

– А что ты жрать будешь? – спросила жена. Остап подумал-подумал и решил остаться дома. Он подпер дверь палкой и тяжело вздохнул:

– Эх, и в ногах правды нету. Дай-ка мне лучше тарелку борща.

– Борща больше нету.

– Как – нету? Опять твои кошки все сожрали. А я хоть сдохни... А почему моя тарелка на полу стоит? Опять ты из моей тарелки кошек кормила?

– Мои кошки чище, чем ты, – сказала Дина, – Кошки каждый день моются, а ты – раз в месяц.

Остап развалился на диване и стал жаловаться:

– Эх, почему я не птица? Улетел бы я куда-нибудь к чертовой матери. Ведь рано или поздно шарахнут по миру атомной бомбой. И никто не узнает, что когда-то здесь коптил небо поэт и писатель Остап Оглоедов. И зачем я вообще родился? – Он надул шею и жалобно завывал:

Вот умру-у я, умру-у я, похоро-онят меня, И никто-о да-а и не-е узна-ает, где м-гилка-а моя...

Иностранцы журналисты, связанные с операцией “Черный крест”, оперировали в основном по треугольнику Переделкино – Недоделкино – Березовка.

В Переделкино, где жили советские писатели, они выловили Пастернака с его “Доктором Живаго”. Когда Пастернак умер, бойкие журналисты организовали так, что его гроб несли двенадцать вьюношей. Вроде как в известной поэме Блока “Двенадцать”. А Пастернак был как бы тринадцатым.

Потом эта символическая фотография обошла весь мир. Ну и люди, конечно, спорили, кто же этот тринадцатый. Легионеры с пеной у рта уверяли, что это новый Христос. Христиане качали головами и говорили, что это типичный Иуда. Советские цензоры считали, что это замаскировавшийся троцкист, проповедующий перманентную революцию. А председатель Союза советские писателей Алексей Сурков заявил, что это просто педераст и алкоголик.

Литературная богема из Недоделкино поставляла материал для подпольного “Самиздата” и ротаторного журнала “Феникс”, где явно пахло модернизмом – порнографией, наркотиками, гомосексуальностью и сумасшедшими домами. Часть гонимых этим модернистам выплачивалась натурой – в форме наркотиков, которые исходили из подвала американского посольства в Москве. В принципе недоделки из Недоделкино были не что иное, как советские хиппи. Иногда в Недоделкино заезжала санитарная машина, и очередного недоделка тащили в дурдом.

Но больше всего операторов из “Черного креста” интересовала Березовка, где жили бывшие советские шишки, пострадавшие во время Великой Чистки. Почти под каждой крышей в Березовке кипела работа: березовцы сидели и писали мемуары – как Сталин всыпал им березовой каши. Одни надеялись, что их мемуары будут изданы в СССР. Другие писали в надежде на границу. А операторы из “Черного креста” ходили и нюхали.

Каждую субботу Борис Руднев садился в машину и тоже ехал в Березовку. Там он проводил время с семейством Миллеров, которые всегда останавливались на даче у князя Сибирского. Кивнув на лестницу, ведущую на второй этаж, Нина предупредила:

– Смотри только туда не ходи.

– А что там такое?

– Там его сестра живет.

– Сестра-а? – удивился Борис, вспоминая высокую красивую женщину в форме генерала НКВД, – Зинаида Генриховна?

– Да, Гершелевна. Кукушкины яйца князя Шаховского. А теперь тоже княгиня Сибирская.

– А что же она никогда не показывается?

– У нее с нервами не в порядке. Вот она и сидит одна взаперти.

– А что с ней такое?

– Ах, старая дева. Наверно, от этого, – фыркнула Нина и стала деловито объяснять, как старые девы психуют и сходят с ума, потому что они не вышли вовремя замуж.

Однажды, когда все сидели на веранде, наверху вдруг раздался грохот, словно с силой захлопывают дверь. Затем пронзительный женский вопль:

– А-а-а... Опять за мной приехали!

Все насторожились, а князь Сибирский вздрогнул и на – i хмурился.

– 0-о-ой, куда я не поеду! – неся сверху истерический крик. – Лучше вы меня сразу убейте!

Князь Сибирский и Акакий Петрович переглянулись и торопливо пошли на второй этаж. За ними тяжело поползла милиция Ивановна. Было слышно, как мужчины стучат в запиртую дверь, а Милиция Ивановна уговаривает:

– Зиночка, душечка, это мы. Открой!

– А почему там черный ворон стоит? – кричал голос из-за двери. – Вон он, под самым окном... С черной звездой...

– Какой там ворон. Это мы. Успокойся.

– Нет, не обманете. Я эту черную звезду никогда не забуду. Это 13-й отдел. Опять посадят меня туда – в специзолятор.

– Зиночка, это тебе только кажется. Не волнуйся.

– Нет, нет, на этом белом вороне, с черной звездой, он самый и ездит.

– Кто ездит?

– Он... Красный папа... Великий инквизитор...

– Зиночка, это не инквизитор, а я, успокаивал сестру князь Сибирский.

– Нет, лучше сразу умереть, чем опять туда... В ад... среди сумасшедших... Дайте мне скорее яду!

Затем раздался шум падающего тела, kloкочущий хрип и звуки приглушенной борьбы,, словно держат бьющегося о пол эпилептика. Через некоторое время Акакий Петрович подламывающейся походкой спустился вниз и со смущенным видом взял Бориса под руку:

– У меня к вам маленькая просьба. – И он направился к белой автомашине Бориса, которая стояла рядом с домом.

– Куда, – спросил тот, нажимая на стартер. – В аптеку?

– Нет, поезжайте прямо. Видите ли, с сестрой нашего хозяина получился нехороший припадок. С ней это и раньше бывало. Но сегодня это случилось, когда она увидела вашу машину под окном. Она приняла ее за черного ворона, знаете, такие

специальные машины КГБ. Ее двадцать лет мариновали по самым страшным спецолиотарам. А у таких людей нервы, знаете, того...

– Но ведь когда-то она сама была генералом в ЧК – ГПУ – НКВД, – сказал Борис, – Сама людей расстреливала. Вот и получается, что отольются кошке мышшки-ны слезки.

– Да, конечно, – согласился Акакий Петрович, – Она всегда была немножко психопатка. А ее засунули в спецолиотар – среди настоящих сумасшедших. Она говорит, что это хуже, чем дантовский ад. Вот она и вышла оттуда полу сумасшедшей. Она и сейчас под наблюдением КГБ. Она уверяет, что теперь там орудут какие-то черти в белых халатах вроде докторов. И они порекомендовали ей писать мемуары, чтобы выздороветь. Но писать только правду. Говорят, что правда лечит. Вот она теперь тоже сидит и пишет.

Но об этом пронюхали американские журналисты. Все такие шустрые еврейчики. Они сразу учуяли, что она тоже немножко еврейка, ну и давай ее мутить, обещают ей золотые горы. А она боится. А когда она увидела эту вашу машину, она подумала, что это за ней – какой-то большой черт из КГБ, из 13-го отдела. Но больше всего она испугалась вот этого значка...

Акакий Петрович наклонился вперед и стал рассматривать большую звезду, наклеенную в правом углу ветрового стекла, где обычно прикрепляют служебные пропуска. Это была звезда вроде обычной советской, но не красная, а черная с золотым ободком. Внутри вместо серпа и молота – скрещенные красные топоры, как у саперов или пожарников. А внизу между лучами звезды, бронзовый щит с числом 13.

– Что это такое? – спросил Акакий Петрович. Борис покосился на эмблему 13-го отдела, оставшуюся еще от тех времен, когда этой машиной пользовался Максим:

– Не знаю. Чепуха какая-то.

– Все это, конечно, чепуха, – кивнул Акакий Петрович, – Но уж вы, пожалуйста, ставьте эту машину подальше от дома. А то эта княгиня Сибирская совсем с ума сойдет.

С тех пор Борис старался показываться в доме князя Сибирского как можно реже и почти все время проводил с Ниной на пляже. За дочь уныло плелся папа, а за папой – мама. Они располагались на песке и наблюдали за купающимися.

Чтобы избавиться от бдительных взоров родителей, Нина выдумала маленький трюк: она уплывала с Борисом за перевернутую лодку, стоявшую на якоре недалеко от берега, и там они потихоньку целовались. А Борис выдумал еще проще – нырять и целоваться под водой. Прямо под носом у папы с мамой.

После одного из таких подводных поцелуев Нина выплюнула воду изо рта и поорщила носик:

– Целоваться – это просто. Но что потом?

– А потом поженимся, – сказал он.

– Н-да, но я немножко боюсь.

– Чего же тут бояться?

– Видишь ли, у меня была одна большая любовь...

– Ну и что ж тут такого? И у меня были.

– Да, но я боюсь, что эта любовь может вернуться...

– А кто это?

– Это секрет... Но это совсем не то, что ты думаешь. Видишь ли, технически я еще девушка. Но вообще я большая бе-е-е. Вот я и боюсь, что мы поженимся, а потом я буду тебе изменять.

Он нырнул и потащил Нину под воду, чтобы поцеловать ее. Но вместо поцелуя получил удар ногой в живот.

– Я не шучу, – усмехнулась техническая девушка. – Если я с тобой целуюсь, то это еще ничего не значит. Иногда я и с подушкой целуюсь.

Несмотря на свою техническую невинность, в выражениях Нина не стеснялась. Вечером ей захотелось пойти погулять, а папа стал ворчать, что для приличных девушек уже немножко поздновато. Нина уперла руки в боки:

– Не бойся, я детей в подоле не принесу. – Она демонстративно мотнула подолом и выскочила из дома.

Техническая девушка знала все укромные закоулки в Березовке. Взяв Бориса за руку, она уверенно вела его в темноте вдоль берега озера, между горами камней и поваленными бурей деревьями. Так они добрались до маленького песчаного мыса.

По другую сторону озера молчаливо повис лунный диск. По черной воде переливалась мерцающая лунная дорожка. Нина опустилась на песок, натянула юбку на колени и с сожалением вздохнула:

– Эх, когда-то я целовалась здесь с моей большою любовью. Как говорят поэты: “Изо всех невозможно-возможных возможностей – ты всех невозможней – и всех милей.”

– А что же там такого невозможного? – поинтересовался Борис.

– Ты этого все равно не поймешь. Это у тебя все так просто. А у других это далеко не так просто. Ух, опять эти проклятые комары. – Она хлопнула себя по обнаженной руке и сладко зевнула. – Ну что ж, хорошего понемножку. Пошли домой!

Иногда после работы Борис заезжал на радио “Свобода” и провожал Нину домой. В переулке Энтузиастов было, как всегда, тихо и пустынно. За крышами домов громоздились закатные облака, как сказочные горы, за которыми начинается страна грез. От остывающей земли, от запаха Нининых волос, от облаков в небе – ото всего этого исходил далекий манящий зов.

Борис чувствовал себя небожителем и парил в перманентном блаженстве, по ту сторону добра и зла. Он раскинул руки и потянулся, словно собираясь взлететь. Потом его руки, как два больших и ласковых крыла, сомкнулись вокруг Нины. Да так, что у нее захватило дыхание.

– Тише, ты, – прошептала она. Ты меня раздавишь.

– Эх, хорошо быть любимцем богов, – сказал он.

– Вот это-то и плохо, что ты любимец богов. Боюсь, что мы с тобой классово чуждый элемент.

– Теперь бесклассовое общество.

– Я не шучу, – шептала она. – Я совершенно серьезно.

– А что такое?

– Если ты любимец богов, то таких, как я, боги не любят.

– Почему?

– Я боюсь, что я немножко ведьма.

– А это мы сейчас проверим. Говорят, что ведьмы не могут любить. А ты меня любишь?

– Да, кажется... немножко.

– Ну и прекрасно, – решил любимец богов. – Тогда ты будешь моя любимая ведьма. Это даже интересно.

Чтобы проверить, ведьма Нина или нет, Борис прислонял ее около каждого дерева и целовал. Целовалась она вполне прилично. Только почему-то все время косила глазами по сторонам. Только они прислонились у следующего дерева, как Нина вздрогнула и отскочила в сторону.

В вечерних сумерках маячила унылая фигура Акакия Петровича. Нина недовольно фыркнула:

– А ты что здесь бродишь?

Папа виновато понурил голову и юркнул в калитку.

– Это он меня караулит, – объяснила Нина. – Боится, чтобы я тебя не испортила.

В душе Нины совмещались детская мечтательность и холодная деловитость, приятное целомудрие и еще более приятное бесстыдство, неуверенность в одном и бесконечная самоуверенность в другом. Сегодня она, потупив очи, щебечет, что выйдет замуж за самого распростецкого Ваньку и пойдет за ним на край света. А завтра уверяет, что она замуж не выйдет, а станет карьеристкой. Потом опять передумает:

– Нет, лучше я буду блудничать.

– Что-то я твоего блуда не вижу, – заметил Борис.

– Вот это и хорошо, что не видишь, улыбнулась любимая ведьма.

В ее голосе искрилась такая самоуверенность, словно все мужчины лежат у ее ног, как голодные крокодилы. Потом она начинала ласкаться к Борису и приговаривала:

– Мой маленький, мой мышоночек, мой глупенький. И зачем ты только меня, дрянь такую, полюбил.

Влюбленные с серьезными намерениями, чтобы подчеркнуть свою серьезность, любят ходить в музей. Наверно, поэтому и Нина с Борисом тоже пошли в Музей революции имени Ленина, тот, что у входа на Красную площадь.

В стеклянных ящиках лежали реликвии Октябрьской революции. Вот черное драповое пальто Ленина, старенькое и куцое, ростом как на мальчика. На пальто аккуратно отмечены маленькие дырочки – не от моли, а от пуль Доры Каплан. Тут же рядом, на специальной дощечке с надписью, одна из этих пуль величиной с горошину, извлеченная из тела Ленина. В соседней витрине трехкопеечная красная ручка, какими обычно пользуются школьники младших классов. Этой ручкой Ленин подписывал первые декреты советской власти.

Так они дошли до зала, относящегося к середине 30-х годов, где по стенам висели картины, изображающие различные этапы советской власти. Вдруг Нина ожилилась и подвела Бориса к большому монументальному полотну:

– А посмотри-ка на это,

Картина представляла собой групповой портрет и называлась “Женщины – героини революции”. Группа женщин вокруг стола, покрытого красным сукном. Но это не праздничный стол с цветами и веселящими напитками. И женщины эти не в декольтированных платьях, а в военной форме. У некоторых на петлицах гимнастеров по-

блескивали остренькие ромбики, что в те времена соответствовало генеральским чином.

Советская власть всячески подчеркивала участие женщин в революции и пользовалась каждым удобным случаем, чтобы отметить этот трогательный факт. Например, Анка-пулеметчица в картине “Чапаев” или женщина-кавалеристка в “Гадюке” Алексея Толстого. Но то все мелочь. А тут вдруг целая куча женщин-генералов, о которых ничего неизвестно (эта картина и сейчас висит в Музее революции в Москве). - Интересно, – сказал Борис. – Странно только, что о них нигде не писали.

Женщины – героини революции были средних лет. Лица серьезные, замкнутые, даже немного суровые. Гладко причесанные волосы, на груди ордена, широкие военные пояса с пряжками. Как будто обычная армейская форма, но с одним маленьким исключением: петлицы у них были не красные, а малиновые. Такие носили в ЧК и ГПУ.

Хотя в Красной Армии женщины-революционеры далеко не пошли, но зато в органах террора они дошли до генеральских чинов. В те годы каждый генеральский ромбик ЧК – ГПУ означал тысячи, тысячи и тысячи загубленных человеческих жизней. Вот по этой-то причине советская власть и помалкивала об этих героях революции.

– А знаешь, кто это? – Нина кивнула на красивую женщину с холодным взглядом и генеральскими ромбиками в петлицах. – Это бывшая княжна Шаховская. Теперь княгиня Сибирская. Та самая, что пишет мемуары в Березовке.

Нина весело щebetала, как когда-то в молодости, еще до революции, ее мать дружила с княжной Шаховской. И как после революции Зинаида Гершелевна, уже работая в ЧК и ГПУ, помогала ее матери и отцу в тяжелые времена.

– Она была очень добрым человеком, – заключила Нина. – Для нашей семьи она была просто ангелом-хранителем. Поэтому мы с ними и сейчас дружим.

– Все это так, – сказал Борис, – Но в ЧК ромбы даром не дают.

Странно, когда он с Ниной, его словно преследуют тени прошлого. Сначала Березовка, где просыпаются мертвые. А теперь и здесь. Ему вспомнилось далекое детство, квартира Максима в новых домах для работников НКВД, как эта самая Зинаида Гершелевна трогательно помогала жене Максима по хозяйству, как она возилась с его ребенком и даже меняла пеленки. Потом загадочная смерть Ольги и красные сургучные печати НКВД на дверях.

– Послушай, – сказал он, обращаясь к Нине, – ты говорила, что у князя Сибирского был роман с женой одного работника НКВД...

– Да, из-за этого потом арестовали и бедную Зиночку. Впрочем, потом их всех пересадили. – И Нина показала пальчиком на две маленькие дырочки от гвоздиков, где когда-то была прикреплена бронзовая дощечка с имени этих героинь революции. Убрали эту дощечку еще и потому, что большинство этих имен были еврейские – Роза Землячка, Мария Хайкина и так далее. Теперь это был только безымянный исторический экспонат.

– Революция – это жестокая вещь, – сказал Борис. – И в первую очередь туда лезут всякие садисты. И стреляют людей, пока их самих не перестреляют. Так революция пожирает своих детей, как свинья поросят.

Ему вспомнилось, как мальчишкой он сидел в своей комнате и учил уроки. За окнами шумит листьями старый орех. На столе школьные тетрадки – про историю революционного движения. А рядом, отделенные только полуприкрытой дверью, творятся революционные закономерности куда почище, чем в его школьных тетрадках.

В соседней комнате сидит пьяный Максим, в распушенной гимнастерке без пояса, с такими же малиновыми петлицами на воротнике. Но на рукаве у него новая эмблема НКВД периода Великой Чистки: поднявшаяся на хвост змея – и пригвоздивший эту змею меч. Ошалев от водки, с остекленевшими глазами, старший брат бормочет, что он красный кардинал и особоуполномоченный Сталина по борьбе с нечистой силой, ведьмами и ведьмаками, оборотнями и лешими и что он не успокоится, пока не уничтожит их всех как классового врага.

Потом красный кардинал качается на стуле, расстреливает из пистолета свою собственную тень на стене и козлиным баритоном подпевает:

В наказа-анье весь ми-ир содрогне-тся, Ужасне-ется и са-ам сатана-а-а...

Когда они с Ниной вышли на улицу и приближались к машине, Борис посмотрел на приклеенную к ветровому стеклу черную звезду с красными топориками – эмблему 13-го отдела КГБ. Так вот почему с Зинаидой Гершелевой случился припадок, когда она увидела у себя под окном этот зловещий знак – символ злого добра. Видимо, в 13-м отделе героине ЧК всыпали такого перцу, что она помнит об этом даже сквозь туман безумия. В ушах Бориса звучал ее пронзительный заячий вопль:

– Лучше вы меня сразу убейте...

Эх, и зачем только люди портят себе жизнь? Сами себе? Или одни другим? Чтобы успокоиться, он наклонился к Нине и вдохнул запах ее кожи – такой хороший, чистый, зовущий к счастью.

Пока грешный святой Серафим Аллилуев сидел в дурдоме, со святым грешником Варфоломеем Кукарачей тоже случилось несчастье. А началось все это с совершеннейшей чепухи.

Карикатурист Варфоломей захотел прибавку жалованья, пришел к комиссару дома чудес Сосе Гильруду и заявил, что его деткам не хватает на молоко, а их папочке на водку. Но Сосе это не понравилось, и он решил проучить Варфоломея. И сделал это очень просто. Он соврал в агитпропе, что Варфоломей запил и отказывается работать. А Варфоломею соврал, что агитпроп вместо прибавки увольняет его с работы.

В результате этого Варфоломей сидел дома в Неделкиндо и беспробудно пьянствовал, устраивал там варфоломеевские ночи. Так он пил да пил. И вскоре допился до белой горячки, и его забрали в специальную лечебницу для тяжелых алкоголиков. Когда пьяного в дым Варфоломея усаживали в санитарную машину, он кричал своим деткам:

– Родненькие, не забывайте вашего папочку! На свидание без бутылки не приходите!

В лечебнице Варфоломея, как полагается, первым делом отвели в ванную комнату и попросили выкупаться. Но под пиджаком у него была спрятана литровая бутылка водки. Зная, что в палате водку отберут, Варфоломей сел в ванну и, чтобы добро не пропало даром, принялся спешно опорожнять свою литровку. А то, что не лезло в горло, он вылил себе на голову, как одеколон.

Когда в ванную комнату вошли санитары, они чуть не задохнулись от спиртных паров. А голый Варфоломей плескался в ванне и уверял, что он капитан дальнего плавания. Потом он вдруг весело закукарекал.

Радиокomentатор Остап Оглоедов комментировал это так:

– А знаете, ведь Варфоломея запихнули в отделение для алкоголиков в том же дурдоме имени Кашенко, где сидит наш Серафим.

Гроссмейстер Зарем анализировал это так:

– Говорят, что психологическая война – это война психов. И вместо военных госпиталей здесь служат дурдома.

Когда Варфоломею стало немножко лучше, он попросил, чтобы его перевели в палату №7, где уже сидел Серафим Аллилуев. А дальнейшее можно прочесть в книжке известного диссидента Валерия Тарсиса “Палата №7”.

Вместо Варфоломея в доме чудес появился новый художник, пожилой человек из балтийских немцев и тоже один из бывших членов оперативной группы Гильруда. Новый художник был высокий и тощий, как складной аршин, и с таким длинным и красным носом, что его сразу же прозвали Дятлом. Надо сказать, что нос у Дятла покраснел совсем не даром. Он любил выпить и под хмельком вскоре признался, что его настоящее призвание – это подделка денежных знаков.

За эти таланты Дятел сидел по всем тюрьмам Европы, пока не попал в секретное отделение разведупра, где он много лет в легальном порядке занимался подделкой заграничных паспортов и иностранной валюты. В доме чудес Дятел беспрерывно зевал и жаловался, что ему скучно.

– А как насчет советских рубликов? – деловито осведомился финансовый гений Саркисян.

– Не-е, упаси Бог! – замотал носом Дятел. – Теперь я перешел на святые иконы кисти Андрея Рублева. Для американских туристов. Работа такая чистая, что сам не отличи, где оригинал и где копия. Даже продавать жалко.

Глава 15. Белладонна

*Чтобы достигнуть настоящей мудрости,
сначала нужно побывать в ослиной шкуре.*

Апулей. Золотой осел

В доме чудес произошло очередное чудо. Вечный жених Жоржик Бутырский, наконец, женился. Но получилось это вовсе не так просто. Даже сам Жоржик потом долго удивлялся, как это он вдруг очутился в женатом положении.

Началось это семейное счастье с тюрьмы. Как полагалось в роду Бутырских, тюрьма эта была, конечно, Бутырская. А попал туда Жоржик из-за зеленого змия и марафета.

Будучи тройным агентом и связным между американской разведкой, советской контрразведкой и неотроцкистами из “Лиги прав человека”, которые крутили “Самиздат”, Жоржик помимо всего прочего передавал этим лигаонерам также и марафет, то есть всякие наркотики, которые он получал от агента Си-ай-эй Доки Бондаревой. Все это делалось буквально из-под полы. Прикрываясь статусом жены американского дипломата, ведьма Дока в порядке операции “Черный крест” таскала эти наркотики под юбкой. Некоторые писания из “Самиздата” и “Феникса”, органа Союза молодых гениев – СМОГ, были явно написаны в дыму наркотиков.

Но вся беда в том, что Жоржик и сам понюхал этот заманчивый дымок – и попал на крючок. Вечерами он пьянствовал и марафетничал со своими лигаонерами из “Лиги прав человека”, а днем шатался по дому чудес и хриплым голосом напевал:

Эх-х, жисть наша пропа-ащая, И тело же-енское по фондовой цене...

Его сочувственно спрашивали:

– У тебя, Жоржик, что, неприятности?

– Если нет, так будут, – философски отвечал Жоржик. И неприятности не заставили себя долго ждать. После своих агентурных походов Жоржик обычно отсыпался в фотолаборатории. И вдруг выяснилось, что попутно Жоржик разворовал всю фотоаппаратуру. В результате дело передали в суд.

Косоглазый Филимон потянул носом воздух:

– Хм, в воздухе пахнет тюрьмой. Пока там суд да дело, Жоржик пьянствовал плуце прежнего и жаловался:

– У меня душа артиста, а мне в эту душу наплевали. Ух, бюрократы!

Затем Жоржик перестал платить за квартиру.

– Зачем мне квартира? Скоро мне дадут казенную. Затем он принялся пропивать свою одежду.

– Зачем мне одежда? Скоро мне дадут казенную. Если когда-то Жоржик был ласковым приبلудным песиком, то теперь он ходил на бродячего шелудивого кобеля, каких ловят в собачий ящик и отправляют на живодерню, где из них, говорят, вают всякие косметические препараты.

Но самому Жоржику никакая косметика уже не помогала. Пробовал он пудрить свой посиневший от водки нос, закапывал всякие капли в свои вечно красные слезящиеся глаза. Но зеленый змий был сильней. Кроме того, теперь у Жоржика постоянно дрожали руки.

– У воришек всегда руки трясутся, – говорил Акоп Саркисян.

В хмуром доме по соседству с домом чудес вдруг зашевелились. Чтобы проверить Жоржика на наркотики, решили сделать ему медосмотр. Но чтобы сам Жоржик ничего не заподозрил, осмотр устроили для всего руководящего состава дома чудес. Пришел молодой доктор в штатском костюме, но с военной выправкой. В руках у него было чемоданчик с какой-то специальной аппаратурой.

Всем предложили раздеться догола. Первым, как президент, на осмотр пошел Борис Руднев. А остальные в чем мать родила расселись в соседней комнате.

Комиссар дома чудес Сосий Исаевич Гильруд, несмотря на просьбу раздеться, упорно не хотел снимать с себя трусики, и все время придерживал их рукой.

– Знаете, как-то неприятно сидеть голым задом на колодном стуле, – оправдывался он. На самом же деле комиссару просто не хотелось показывать, что он обрезанный. Чтобы потом не было разговорчиков, почему это все комиссары обрезанные.

Тело у Соси было белое-белое, мягкое и округлое, как у полнеющей женщины, и даже без единого волоска. На объемистом животе комиссара, как у Будды, свисали три жирные складки. А на левом боку у него было огромное черное пятно. Начинаясь оно под мышкой и уходило под трусики. Даже и не пятно, а просто весь бок черный. Да такой черный, что любой негр позавидует.

Антисемит Карл Маркс когда-то говорил про семита Фердинанда Лассала, что его бабушку негр догнал. Может быть, и у Соси тоже так.

Так или иначе, Сося немножко стеснялся своего черного пятна и старался прикрыть его рукой или повернуться другим боком. В средние века такие черные пятна, даже величиной с пятак, считались печатью дьявола или меткой ведьмы, и обладателей таких пятен жгли на кострах, как ведьм и ведьмаков. Из Сосинового же пятна можно было наделать сотни таких печатей дьявола. И в доброе старое время с такой уж большой печатью он сделал бы большую карьеру среди сатанистов или попал бы на костер инквизиции.

Неистовый Артамон, который всегда носился по дому чудес, как ракета, когда разулся, вдруг сразу сбавил скорость и стал прихрамывать. У него был какой-то беспорядок с ногами, и поэтому он носил специальные ботинки с искусственной пяткой. Живот у него был кругленький и гладенький и торчал вперед, как спелый арбузик. А внутри этого арбузика все время раздавался какой-то шум.

– Как в атомном реакторе, – заметил косоглазый Филимон. – Поэтому-то у вас и такая масса энергии.

– Это моя желудочная язва, – объяснял Артамон. – От нервного перенапряжения.

После медосмотра Жоржик продолжал выпивать и жаловался:

– Что же они меня не садят? Я уже все пропил, а они там бюрократию разводят.

Вскоре после этого, управляя казенной автомашиной, Жоржик – конечно, в пьяном виде – наехал ночью на велосипедиста. Хотя Жоржик и уверял, что это велосипедист наехал на него, но это не помогло. Велосипедист повезли в госпиталь, а Жоржика замкнули в вытрезвитель.

На этот раз Жоржик на бюрократию уже не жаловался. Прямо из вытрезвителя его препроводили в дежурную камеру суда, где ему без долгих разговоров припаяли три месяца тюрьмы и столяр же оперативно отправили по месту назначения. Так Жоржик Бутырский опять попал в Бутырскую тюрьму, где в музее криминологии хранился череп папы Бутырского с маленькой дырочкой в затылке. В доме чудес говорили:

– А наш Жоржик-то теперь, знаете, чирикает. Как птичка в клетке.

Пока Жоржик сидел и чирикал в Бутырях, все было хорошо. Но когда стал подходить срок его освобождения, в доме чудес заволновались. А что же будет дальше?

Устроили экстренное совещание, где выяснилось, что за время отсидки воришке Жоржику по настоянию гуманиста Соси по-прежнему выплачивают жалованье, которое хранится в сейфе. Кроме того, Жоржик опять обещал Капиталине жениться на ней и под залог своей любви опять занимал у нее деньги, чтобы расплатиться с другими невестами.

– Хорошо, – решил Борис Руднев. – Так вот, или пусть Жоржик по выходе из тюрьмы немедленно женится на Капиталине – тогда мы справим ему на деньги из сейфа свадьбу и замнем дело о воровстве. Или пусть он катится к чертовой матери – и отсиживает второй срок в тюрьме.

Всем это предложение очень понравилось. За исключением гуманиста Соси, который произнес целую речь о любви к людям, о неповторимости человеческой личности, что Жоржика нужно перевоспитывать лаской и любовью и так далее прочее.

– Что это у тебя за странная любовь? – сказал Борис. – Какая-то негативная любовь к воришкам, жуликам, алкоголикам и социальным паразитам. Ты прямо как те гуманисты из верховного суда США, которые голосуют не за нормальных людей, а за преступников. Итак, давайте проголосуем. Кто за свадьбу – поднимите руки!

Жоржик так всем надоел, что большинство проголосовало за свадьбу. А Сосе, поскольку он заботится о Жоржике как приемный отец, поручили передать этот ультиматум в Бутырскую тюрьму. Так, сидя за решеткой, Жоржик решил жениться. Все получилось как в рыцарском романе, где благородная дева своей любовью спасает своего суженого из темницы.

Когда Жоржик вышел на свободу, вид у него был довольно бледный.

– Это от тюрьмы, – говорили одни.

– Не-ет, – говорил другие – Это от предстоящей свадьбы.

Лев Толстой проповедовал непротивление злу насилием, а гуманист Сося Гильруд занимался этим на практике. После тюрьмы Сося выхлопотал Жоржику месячную путевку в санаторий. Пока Жоржик набирался там сил для супружеской жизни, в доме чудес шли приготовления к свадьбе.

Поскольку у Жоржика не было даже второй пары кальсон, гуманист Сося пустил по дому чудес подписной лист на подарки бедному жениху. Люди чертыхались, но давали. Так Жоржику справили приданое.

Свадьбу закатали такую, что ни в сказке рассказать, ни пером описать. Чтобы жених не сбежал, с самого начала к нему приставили двух караульщиков. В общем, пропили все деньги, которые Жоржик заработал, сидя в тюрьме. Всем был очень весело. Невеста сияла. Грустное лицо было только у одного Жоржика.

Чтобы подсластить Жоржику горькую пилюлю, после свадьбы гуманист Сося опять выговорил ему месячный отпуск – как медовый месяц. Жоржик с кислой физиономией уехал, в доме чудес удивлялись:

– Такая дрянь, как Жоржик, а Сося носится с ним, как дурак с писаной торбой. Но Сося вовсе не дурак. Там что-то другое.

Больше всех возмущался Миша Гейм-Данилов, бывший собутыльник Васьки Сталина. От волнения у Миши судорожного дергались губы, и он заикался больше обычного:

– А ч-ч-чем я хуже Жоржика? А п-п-почему мне ничего не дают? Я когда-то с самим Васькой Сталиным вып-п-пи-вал. А теперь меня заб-б-были.

Обижался также и Женька Южный, бывший повар Васьки Сталина, который теперь приторговывал самогоном:

– А у меня даже самогона не купили! Что ж это за свадьба без самогона? Вот увидите, не будет молодым счастья.

После медового месяца, хотя и в женатом состоянии, Жоржик продолжал пьянствовать.

– Меня совесть мучит, – жаловался он. – Ведь оженили-то меня насильно. Так сказать, изнасиловали. Причем коллективно. И даже голосовали. И даже в протокол занесли. Да что я вам – проститутка?!

Гроссмейстер Зарем Волков, шахматный чемпион по игре вслепую, анализировал эту историю несколько иначе. Человек-компьютер печально качал головой:

– Имеющие глаза – и не видят. Завел себе Сося второго миньона. А Борис и этого второго миньона оженил.

– Что это такое? – спросила Нина, показывая на маленькую игрушечную ведьму верхом на помеле, которая болталась на веревочке в автомашине Бориса.

– Это амулет против ведьм, – сказал любимец богов. – Это мне французская Лиза подарила. Она тоже хвасталась, что она ведьма.

– Тут нечем хвастаться. Это очень печально.

– Что?

Нина не ответила и перевела разговор на другую тему. Но каждый раз, садясь в белый ЗИЛ, она косилась на амулет против ведьм и недовольно морщилась. Так, словно этот амулет ей мешает.

Все это, конечно, чепуха. Но как-то Борис заехал в дом под золотым петушком и по привычке стал рыться в кабинете Максима. Так ему попала в руки вырезка из американского журнала “Тайм” от 3 сентября 1956 года. Статья называлась “Психология ведьм”, и красная папа подчеркнул там следующее:

“Кажется, что ведьмы былых времен исчезли. Но это вовсе не так в глазах психологов школы Юнга... Юнгианцы считают, что определенные мифы повторяются во всех веках и общественных формациях... Исходя из этой теории, лондонский последователь школы Юнга – д-р Леопольд Штейн занялся серьезной психологической охотой на ведьм. Доктор Штейн полагает, что типы ведьм (он называет их “ненавистными женщинами”) можно найти почти везде в современной жизни.

В первом выпуске “Журнала аналитической психологии”, издаваемого английскими последователями знаменитого психоаналитика Карла Юнга, доктор Штейн рассматривает ненавистных женщин как определенную психиатрическую категорию. Он базирует свои наблюдения на шести молодых женщинах-пациентках... Согласно доктору Штейну, что отличает их от других – это их “переменчивое, непонят-

ное, двойственное, загадочное поведение и заманчивое очарование в резком контрасте с их саркастической и жестокой расчетливостью...

Хотя они были замужем и вели активную половую жизнь, но втайне они боялись полового акта и оставались “психологическими девственницами”. Они умели держать язык за зубами, были чопорно-натянутые, скрытные, недоверчивые и фальшивые. Они были склонны к холодности, привлекали слабых мужчин мальчишеского типа, ненавидели поцелуи в губы (раньше считалось, что поцелуй ведьмы вытягивает душу). Часто они имели связи, обычно с женатыми мужчинами. Они ненавидели и мучили мужчин, но сами думали, что они могут любить.

...Если они сами не доктора или дантисты, они “случайно” завлекают своих дантистов... Некоторые имеют любовные связи со шпионами или каким-либо другим образом связаны со шпионажем...

...Женщины типа ведьмы успешно пользуются своим полом как оружием... Они душат любой талант, который может быть у их мужского партнера... Если они прикидываются беспомощными “маленькими девочками”, мужчины часто попадают в эту ловушку...

Во время сеанса психоанализа ведьма-пациентка иногда... идет на все уловки, за исключением слез, чтобы подчинить себе психоаналитика. (Согласно средневековому поверью, что ведьмы не могут плакать, Штейн ни разу не видел, чтобы “ненавистные женщины” проронили хоть одну слезу)... Хорошо известно, что ведьмы обладают властью выхолощивать мужчин, вызвать чью-либо смерть или же влюбить в себя”.

Заканчивалась статья тем, что, несмотря на все старания доктора Штейна сделать своих пациенток менее зловредными, он с большим удовольствием приписал бы им добрую старую средневековую дыбу или хороший, проверенный опытом костер.

Следом Борис нашел оригинал лондонского “Журнала аналитической психологии”, где были отмечены некоторые дополнительные детали по части опознавания ведьм. Например, доктор Штейн сообщал, что если уж дело доходит до постели и если пользоваться технической терминологией, то его ведьмы-пациентки предпочитают делать “любовь верхом”, то есть верхом на мужчине. И еще одна психоаналитическая примета: кроме того, что ведьмы вообще недолюбливают поцелуев, они особенно не переносят “мокрых” поцелуев, поцелуев “с языком” или взасос.

На фотографии в “Тайм” доктор Штейн, как нарочно, высунул язык – и прикусил. Так, словно он чего-то недоговаривает и подает своим ведьмам какой-то условный знак.

На полях рукой красного папы стояло заключение: “Да и он и сам такой, язычник, – поэтому он и язык вывалил”.

После этой “Психологии ведьм” Борису стало казаться, что и Нина тоже целуется немножко не так, как надо, что она и холодная, и загадочная, и двойственная, и – очаровательная. Однако это не только не испугало его, а, наоборот, еще больше распалило его любовь.

Хотя Нина и уверяла, что она еще не оправилась от своих предыдущих любовных походов, но постепенно укрощение строптивой продвигалось вперед. Когда на дворе подули осенние ветры, после долгих колебаний она даже стала заходить к Борису на квартиру.

Как и полагается невинным девушкам, в любви Нина была довольно неопытна. Хотя она и позволяла целовать ее – и даже немножко больше, но сама она на поцелуи почти не отвечала. Любимец богов беспрепятственно прохаживался по всем тем

местам, которые вдохновляют всех поэтов и художников всех времен и народов, а Нина только божественно усмехалась:

– Что ты там стараешься? Напрасный труд... С одной стороны, это походило на то, что говорил доктор Штейн о своих ведьмах. С другой стороны, это даже хорошо: за такую жену не нужно опасаться, что ты уедешь в командировку, а она тем временем спутается с почтальоном.

Потом Нина осмелела и сама попробовала целоваться. Он лежал на диване, а она вдруг взяла и улеглась сверху. Да так неловко, что он чувствовал себя как базарный фокусник, которому положили на грудь наковальню и собираются ковать подковы. А лучистые глаза Нины искрились шаловливым любопытством.

– Что? Не нравится? – Она улыбнулась и наградила его маленьким холодным поцелуем.

В дальнейшем, когда Нине хотелось приласкаться, она всегда применяла свою собственную модернистическую технику – лезла наверх, давила своей тяжестью и нежно мурлыкала:

– Мой маленький, мой мышоночек... И зачем ты меня, дрянь такую, полюбил?

А любимец богов кряхтел внизу и думал: “Ага, вот она – любовь верхом доктора Штейна”.

Конечно, ничего более серьезного Нина не позволяла, заранее предупредив, что она техническая девушка. А на одних поцелуях далеко не уедешь. Поэтому вскоре у Бориса от поцелуев распухли губы. Потом от осеннего ветерка губы обветрили и потрескались до крови.

Как-то любимец богов доцеловался со своей богиней до того, что почувствовал солонатовый привкус собственной крови на губах. Нина лежала на диване, опершись на локти, наподобие сфинкса. Ее большие серо-зеленые глаза, словно остекленев, смотрели куда-то в одну точку, а полуоткрытый рот в первый раз дышал неведомым томлением, как будто в ней, наконец, проснулась женщина. Это было столь необычайно, что он спросил:

– Что с тобой?

Неведомые огоньки в глазах девушки вдруг погасли:

– Ничего... Просто так...

А в душе Бориса шевельнулось что-то нехорошее. Ему показалось, что привкус крови разбудил в Нине то, что у других людей называется любовью. Он потрянул головой – тьфу, если идти по этому пути, то этак дойдешь не только до ведьм, но и до вампиров. Просто он начитался всякой чепухи и в результате у него излишняя мнительность.

Чтобы избавиться от этой мнительности, Борис опять полез в чернокнижную библиотеку Максима и наткнулся там на книгу “Колдовство в наши дни”. Издана она была в Америке, да еще в 1955 году. Совсем свеженький материал. Несмотря на то, что это уже 20 век, автор книги Гарольд Гарднер, директор музея магии и колдовства в Каслтауне, не без некоторой гордости сообщает, что он – сам колдун! Это подтверждает и автор предисловия – доктор антропологии и профессор египтологии мисс Маргарет Муррей.

Апробированный столь научными авторитетами, колдун 20 века для начала повторял известную и многообещающую цитату из “Золотого осла” Апулея: “Я сообщил вам тайны, которые вы хотя и слышали, но значения которых вы не поймете”.

Колдун Гарднер писал, что бесовские силы “передаются по наследству и что этому искусству свойственно распространяться в семьях”. Чтобы избежать про-

никновения шпионов и лазутчиков, в члены колдовского культа “рекрутировались только люди той же крови, то есть из колдовского семейства”.

Святейшая инквизиция тоже считала, что ведовство – это культ наследственный, и поэтому вместе с ведьмами частенько отправляли на тот свет также и их ведьмачат. Колдун Гарднер обиженно жаловался: “В 1718 году в Англии повесили ведьму миссис Хьюк вместе с ее девятилетним ребенком, а в Каслтауне вместе с одной ведьмой сожгли и ее маленького сына по той единственной причине, что он был сыном ведьмы”.

По кабинету Максима прохаживался профессор темных дел Малинин в генеральской форме КГБ. Увидев, что читает Борис, он сказал:

– Помните, ведь во время Великой Чистки тоже частенько арестовывали целыми семьями. Особенно в случае крупных партийцев. Теперь вы понимаете, почему чистили целыми семьями? А присмотритесь внимательно к тем, кто у нас сегодня бесится, – все эти бунтари, оппозиционеры, диссиденты, неотроцкисты из “Лиги прав человека” или необердяевцы из “Союза социал-христиан”. Ведь большинство из них – это дети крупных большевиков, которых перестреляли во время Великой Чистки, а детей неостреляли. А рядом бесится внук Литвинова и даже дочка самого Сталина.

– А что вы теперь с этими легионерами делаете? – спросил Борис.

– Это зависит от обстоятельств. Некоторых сажаем в дурдома. А некоторым просто подыскиваем подходящую работу. Как на бирже труда.

– Игорь Викторович, я уже давно хотел попросить у вас более подробные характеристики на моих сотрудников и сослуживцев. С точки зрения вашей черной социологии.

– Это вам мало поможет, Борис Александрович. Чтобы понять эту проблему, вам нужно штудировать “Протоколы советских мудрецов” и смотреть кругом. Только держите глаза и уши открытыми, а рот закрытым. Иначе вы переругаетесь со многими из ваших знакомых.

– В общем, вы устраиваете мне ученические годы Вильгельма Мейстера?

Генерал-профессор пожал плечами, и на его погонах сверкнули скрещенные топорки техслужбы 13-го отдела КГБ:

– По этому поводу Апулей в своем “Золотом осле” говорит так: “Чтобы достигнуть настоящей мудрости, сначала нужно побывать в ослиной шкуре”.

Чтобы добраться до этой мудрости, Борис полез дальше по книгам. Знаменитый чернокнижник Парацельс суммировал свою мудрость так: “Все то, что внизу, равно тому, что сверху”. А богоискатель Мережковский повторял эту формулу подозрительно сходно: “Небо вверх, небо вниз... Все, что вверх, все и вниз. Если поймешь, благо тебе”. На полях книги кто-то подвел красным карандашом итог этим премудростям – 691

Но наука наукой, а жизнь жизнью. Однажды Нина надела новые серьги. На вид это были самые обычные коричневые ракушки, похожие на половинку ореха. Но бросались в глаза красивая золотая оправка и старая тщательная ювелирная работа.

Видя, что Борис заинтересовался сережками, Нина отцепила одну и положила ему на ладонь:

– Это фамильная реликвия. Еще от бабушки.

Борис посмотрел на ракушку, перевернул ее – и опять перед ним встали тени прошлого. Ведь это точно такая же ракушка, как та, которая в форме кулона была

когда-то конфискована при аресте у этой чертовой Зинаиды Гершелевны, которая теперь сидит на чердаке у князя Сибирского.

Тогда Максим говорил, что это жук-скарабей, изображающий навозного жука, символ солнцеворота и жизневорота в Древнем Египте. Потом им пользовались как тайным символом члены каких-то тайных обществ. Позже это стало тайным символом тайных дианических культов, которыми баловались ведьмы. Борис еще раз перевернул ракушку. Да, похоже на тот женский символ, который обычно рисуют на стенках уборных.

Позже, когда Борис служил в Нью-Йорке, он как-то набрел в антикварной лавчонке на целую витрину, заполненную значками всяких тайных обществ, где поблескивали символы власти, смерти и славы вперемежку с изображениями козла, вставшего на задние копыта, с рогами, хвостом и почему-то с крыльями. Среди этих старых и пыльных значков валялась и точно такая же ракушка в оправе. Хозяином лавчонки был какой-то старый еврей, и Борис спросил его, что это за ракушка.

– Жук, – коротко ответил хозяин.

Но когда Борис стал допытываться, что же это за жук, старый еврей вдруг разозлился и сердито захлопнул витрину.

И вот теперь эта же загадочная ракушка-скарабей в руках советской девочки Нины. Опять какая-то тайна.

А Нина, словно нарочно, подливала масла в огонь. Идут они с Борисом по улице. Через дорогу бежит собака. Самая обычная собака и даже непородистая. Нина смотрит на эту собаку лучезарными глазами и мечтательно говорит:

– Знаешь, Борькин, я собак люблю больше, чем мужчин. Другой бы только посямелся. Но Борис опять полез в чернокожничью библиотеку Максима, где был индекс на все случаи жизни. Нашел любви к собачкам там рекомендовалось заглянуть в трактат ученого инквизитора Анри Богэ “Дискурсы о колдовстве”, которые дискутировались в 1590 году и где дело трактовалось так:

“Клодина Бобэн, молодая девица, чья голова была вскружена патологическим тщеславием, очевидный мономаньяк, которая любой ценой хотела быть в центре общественного внимания. Клодина на допросе призналась, что по ночам она вместе со своей матерью верхом на помеле летала на шабаш ведьм”. Там девица Клодина совокуплялась с дьяволом в образе собаки. Чтобы спасти ее грешную душу, бедную Клодину отправили на костер.

В другой книге сообщалось, что ведьмы крутят любовь не только с собачками, но и с собственными отцами. Это подтверждает и такой авторитет, как доктор Фрейд, называя это комплексом Электры, часто подсознательным.

При этом Борису, вспомнилось, как Нина, уже взрослая женщина, постоянно, как ребенок, лезет отцу на колени. А на улице она все время ходит с ним под ручку и даже афиширует это. А когда Нина с Борисом, отец словно ревнует и вечно крутится у ворот, ожидая, когда же дочь вернется домой.

Борис заглянул в индекс на комплекс Электры. Там ссылка на трилогию Мережковского “Христос и антихрист”, где дается такое описание шабаша ведьм:

“В укромных местечках заводились любовные шашни – дочерей с отцами, братьев с сестрами, кота с девочкой, шершавого инкуба с бесстыдно скалившей зубы монахиней”.

Следом Мережковский писал, будто Цезарь Боржиа из-за кровосмесительной похоти к своей родной сестре мадонне Лукреции убил своего родного брата и что римского папу Александра Шестого, отца Цезаря и Лукреции, тоже обвиняли, что он

был преисполнен “чудовищной похотью” к своей дочери и поэтому перетравил ядом всех ее мужей.

Как-то Борис привез Нину домой, когда родители уже спали, и она пригласила его выпить чашку чая у нее в комнате. Но Акакий Петрович как старый ревнивец вылез из теплой постели, оделся, повязал галстук и присоединился к чаепитию. Вроде для приличия. Вместо сахара он бросил в свою чашку три таблетки против меланхолии. А Борис, начитавшись про яды Борджиа, сидел и невольно думал: эх, как бы будущий тесть не подбросил какой-нибудь гадости и в его чашку.

Иногда Борис пытался анализировать свои чувства. Он в том опасном возрасте, когда мужчина уже начинает серьезно беспокоиться о создании семейного гнезда. У него было много мимолетных связей – теплые и милые, немножко печальные или забавные, о которых потом приятно вспомнить. Так вот, как 1002-я ночь с французской Лизой. Но все это было несерьезно.

Были и две большие настоящие любви, когда человек теряет голову, – по этому и узнается настоящая любовь. И вот теперь он опять ощущал это же сладкое и томительное чувство. Значит, Нина – его третья большая любовь. И, может быть, последний большой шанс в той лотерее, которая называется жизнью. Видно, недаром говорят, что любовь слепа.

Нина по глупости болтает, что она ведьма. А он начитался всякой чепухи. Да и кому из них верить? Средневековая инквизиция и папа-Иннокентий Восьмой говорят одно. Это же повторяют советская инквизиция и красный папа Максим Руднев. А вот отец психоанализа – еврейский папа Фрейд говорит совсем другое.

Папа Фрейд авторитетно заверяет, что никаких ведьм нет, что все это бабьи сказки и что психические ненормальности происходят оттого, что ребенка не вовремя отшлепали, немножко уронили или не так воспитывали. Кроме того, папа Фрейд говорит, что если у человека психозы на почве половых заблуждений, то надо просто отпустить тормоза, дать человеку свободу – и все будет в порядке.

Кому из них верить? Современному папе Фрейду или средневековому папе Иннокентию Восьмому? Да и какое это имеет отношение к Нине? Ведь посмотрев на нее, трудно представить себе более здоровую женщину.

Вечером, после работы, Нина пришла к нему на квартиру. С покрасневшими от холода щеками, пахнущая свежим воздухом, с сияющими глазами. Любимец богов посмотрел на свою богиню и задумчиво сказал:

– Знаешь, о чем я сейчас думал?

– О чем?

– Ты досталась мне с таким трудом. И мне вдруг пришла в голову глупая идея...

– Какая?

– Допустим, если бы ты мне потом изменила... Другой бы я простил. Знаешь, десять женщин бросил я, десять – бросили меня. Но тебя я люблю как богиню. И тебе бы я не простил этого никогда.

– И что тогда? – улынулась Нина.

Он вынул из стола маленький черный браунинг:

– Это тоже семейная реликвия. Из этого пистолета мой брат пристрелил свою жену.

Богиня молча встала, взяла свою сумочку и направилась к двери. Он догнал ее и обнял за плечи:

– Куда ты?

– Пусти, – тихо сказала она.

Ее лицо побледнело, глаза смотрели вниз.

– Да что с тобой?

– Ничего... Просто я поняла, что мы никогда не можем быть мужем и женой.

– Но почему?

– Ведь я говорила тебе, что у меня была большая любовь, очень большая... И я боюсь, что это сильнее меня, что это может повториться... Но ты этого не поймешь... Пусти...

Она избегала встречаться с ним взглядом. В ее голосе звучала какая-то печальная усталость.

– Пусти... – повторила она. Потом, словно ища опоры, вдруг прижалась лицом к его груди. – пойми, я хочу тебя любить... Хочу!

– Так в чем же дело?

– Пойми, я хочу быть такая, как все... Но я не такая, как все...

– Милая, что с тобой?

Но Нина только мотала головой и молчала. Как ни старался любимец богов утешить свою богиню, но весь вечер был испорчен. Он пытался развлечь ее, но она думала о чем-то другом и отвечала невпопад. Потом вдруг взяла маленький браунинг, лежавший на столе, повертела его в руках и тихо сказала:

– Знаешь, иногда я сама хочу умереть... Но я вовсе не хочу, чтобы в меня стреляли другие.

Всю дорогу домой Нина упорно молчала. Только у самой калитки она с легким упреком сказала:

– Если бы ты знал, как часто я плачу по ночам... Он посмотрел ей в глаза. Но ее глаза были сухи. Качались уличные фонари на ветру. Качались ветви деревьев. По лицу девушки бродили расплывчатые тени. Он обнял ее и поцеловал. Тело девушки было покорно и безразлично, словно ее целовал чужой.

– Сегодня я опять спать не буду, – шептали холодные губы, – Зачем ты только это сказал... Зачем?!

Началось все это с того, что Остап Оглоедов решил отпраздновать свою не то медную, не то оловянную свадьбу. Ну и устроил он домашнюю пирушку, на которую пригласил всех своих друзей по радио “Свобода”.

Ради такого торжества Остап даже вытащил из сундука свой заветный фрак, символ красивой жизни. А потом весело распевал свои любимые баллады про честных жуликов.

Все было хорошо, пока динамитная Дина не перепилась. Тогда она вдруг посмотрела на Остапа и говорит:

– А кто это такой? Ведь это ж не человек, а пустое место.

– Уже наклюкалась, – мрачно сказал Остап. – Назююкалась.

Гости насторожились, зная, что предстоит очередной скандал. А Дина спокойно продолжала:

– Ведь я даже не знаю, кто он такой. Выдает себя за русского. А когда нужно было поступать на радио “Свобода”, то уверял, что он с прожидью. То, что он обрезанный, – это точно. То он жалуется, что в лагере сидел, то хвастается, что он сам

людей сажал. То брешет про баб, а потом говорит, что он и педерастией занимался, просто так, ради спорта. Ведь вся его жизнь – это сплошная ложь.

– Просто я творческий человек, и у меня повышенная фантазия, – оправдывался Остап, поправляя свой фрак. – Я ее на понта брал, а она этого не кумекает. Эх, ланца-дрица гоп-ца-ца!

Чтобы заглушить свою жену, Остап предложил спеть хором новую блатную песню. А на Дину напал дух противоречия. Она уставилась на своего мужа мутными глазами и закричала:

– Ведь это ж какой-то бывший уголовник. Ведь меня от одного его вида тошнит.

– Дина, не подрывай мой авторитет, – уговаривал Остап. – Вот же беда – как только налижется, сразу ей вся дурь в голову шибает.

Дина качалась из стороны в сторону и рассуждала:

– А ведь у меня еще два мужа есть. И не липовые, а настоящие. И дети от них.

– Заткни свою плевательницу! – взывал Остап и треснул кулаком по столу.

Но динамитная Дина не унималась и выкладывала все семейные тайны; Оказывается, ее предыдущие мужья во время войны попали за границу и теперь работали в американской пропаганде, один – на радио “Голос Америки” в Вашингтоне, а второй – на радио “Освобождение” в Мюнхене. Обе эти радиостанции были тесно связаны с американской разведкой Си-ай-эй, и по советским законам это считалось изменой родине.

Тут Остап испугался и стал уверять, что Дина просто сумасшедшая, что два ее деда были алкоголиками и повесились, а третий муж был писателем и бросился под трамвай.

– Она просто бредит, – кричал Остап. – Ведь у нее шизофрения – раздвоение личности. А у ее матери-террористки паранойя. И у всех детей то же самое. Выродки! У них у всех в голове перекося – параллакс. Потому Дина и шухерит, когда набухается. И все ее мужья не лучше!

– А ты чем лучше? – сказала Дина. Чем больше волновался Остап, тем спокойнее становилась его жена.

– Мои настоящие мужья мне теперь даже письма пишут. В Америку зовут.

– Это американские шпионы! – кричал Остап.

– Эх, вот возьму и уеду в Америку, – мечтательно вздохнула Дина.

– Да тебя, дуру, за это в дурдом засунут! – всплеснул руками Остап. – А заодно и всех твоих выродков. А потом и за меня возьмутся. И буду я там прилупать как бобик. Нет, я вижу, что из этого сумасшедшего дома нужно срываться. И как можно скорей.

Гости сидели и смущенно поглядывали на двери. Остап сделал широкий жест, призывая гостей к вниманию:

– Товарищи, будьте свидетелями – я развожусь! И немедленно. С этой минуты мы не муж и жена, а бывшие муж и жена. Так и зарегистрируйте.

– Ты никогда мне мужем и не был, – тихо сказала бывшая жена, – Ведь ты фиктивный муж. Я тебя просто так... жалела... прятала. Ведь ты всю жизнь у женщин под юбкой прячешься. Маскируешься, как оборотень. Но сам от себя не убежишь, не спрячешься.

Торжество было испорчено, и гости преждевременно разошлись. А Остап зашил на свою бывшую жену:

– Да ты соображаешь, кто такие эти гости, сослуживцы? Ведь это ж все чистокровные гады! Завистники, подхалимы, стукачи. Ведь в нашу шарашкину контору ни одного порядочного человека и не возьмут. Им всем место в тюрьме. Кроме того, они мне все завидуют. Потому что я среди них самый талантливый.

Они сидели за пустым столом, доедая и допивая остатки пиршества.

– Ведь эти сукины дети спят и видят, как бы меня угробить, – волновался бывший муж. – А ты им в руки такие козыри спускаешь. Ведь они сейчас домой прибегут – и сразу засядут катать на меня доносы.

– Ты б сам поменьше доносами занимался, – заметила бывшая жена. – Поэтому тебе везде доносы и мерещатся. На радио “Свобода” передавали новости дня.

– Знаете, наш Остап женился со страха, а теперь со страха разводится.

Остап сидел за своим столом в отделе скриптов, сосал свою бутылку с молоком и мрачно ворчал:

– Опять моя язва шебаршит. Врачи говорят, не волноваться. А как тут не волноваться? У меня в желудке сплошные кислоты и щелочи-сволочи. Эх, вредное у нас производство. Хуже свинцовых рудников.

После развода Остап снял где-то комнату и раздал всем свой новый адрес. С тех пор жизнь Остапа стала загадкой. Ищут его по новому адресу – нету. Ищут по старому адресу – тоже нету.

Тем временем Остап по-прежнему обитал у своей разведенной жены. Но теперь уже на положении любовника. Когда приходили знакомые, Остап прятался в маленьком чуланчике. Знакомые, естественно, сочувствовали покинутой жене:

– И как только вы, голубушка, с таким мерзавцем жили? Ведь это ж прохвост высшей марки. Ведь у него ж на харе написано, что это за темная личность. Рецидивист!

Бывший муж сидел, скорчившись, в своем чуланчике и старался не дышать. А бывшая жена сидела за своим мольбертом и рисовала модернистические картины, столь же непонятные и запутанные, как их жизнь.

– Ведь это ж самый настоящий ворюга, – возмущались знакомые. – Он у всех деньги занимает и не отдает – как карманник. Удивляюсь, почему это радио “Свобода” берет на службу таких проходимцев?

Слушая все это, Остап потел в своем чуланчике и тяжело сопел. А модернистическая художница, подражая Пикассо, выдавливала краски из тюбиков прямо на полотно и сосредоточенно размазывала их старым кухонным ножом.

Потом эти же самые знакомые заходили к Остапу на службу и, понизив голос, сообщали:

– Знаете, а ваша-то жена уже того...

– Чего это – того?

– Да ведь она себе уже хахалю завела.

– А откуда вы это знаете?

– Да как же... У нее в чуланчике кто-то все время сидит и сопит. И хрюкает, как свинья в хлеву.

Так бы и жил себе Остап у своей разведенной жены-любовницы, если бы не случилось одно маленькое происшествие. А началось все это, как всегда, из-за сушей чепухи, из-за старшей падчерицы по имени Таня.

Хотя имя у Тани было красивое, но зато сама она была девица на редкость неаппетитная, с торчащими наружу зубами и к тому же косая на оба глаза. Остап уверял, что у нее есть и еще какие-то внутренние дефекты. Училась она плохо, и поэтому ее перевели в школу для дефективных, откуда она вскоре сбежала и стала тем, что в Америке называется хиппи.

В СССР этих хиппи официально называли социальными паразитами и тунеядцами, а сами они называли себя демократами и борцами за свободу и права человека. И они валяли дурака точно так же, как американские хиппи. При Сталине таких людей лечили трудом в концлагерях, а теперь в порядке либерализации их считали придурками и сажали в дурдома.

Вот к этим-то советским хиппи и присоединилась косоглазая Таня. Она даже участвовала в какой-то демонстрации какого-то протеста у памятника Пушкину, где она познакомилась со знаменитой поэтессой Наталией Горбаневской. Эта модернистическая поэтесса была знаменита тем, что ругалась, как мужик, непечатными словами и печаталась в подпольном “Самиздате”. Так она попала под суд, где ее спросили, откуда у нее дети, если замужем она не была. На это поэтесса ответила таким сочным матом, что повторить его на бумаге довольно трудно.

Всезнайка Остап говорил:

– А я знаю, откуда у нее дети, пальцем деланные. Все было более или менее ничего, пока для Тани не подошло время, когда начинается то, что называется любовью. Для начала Таня завела себе дневничок, где она записывала все свои сокровенные переживания, надеясь опубликовать это когда-нибудь в “Самиздате”. Хотя Таня этот дневничок тщательно припрятывала, но мама Дина, конечно, знала все, что там написано.

И вот однажды мама узрела в этом дневничке подробное и даже залитое слезами описание, как ее дочку... изнасиловали!? И виновником этому был не кто иной, как неохристианин Серафим Аллилуев, которого недавно выпустили из дурдома, и который теперь помогал Наталии Горбаневской в делах “Самиздата”.

Изнасилование было описано с такими художественными деталями и подробностями, что динамитная Дина взорвалась и побежала жаловаться на радио “Свобода”. Жаловалась она на Остапа, который обвинялся в косвенном соучастии и сводничестве, так как он водил Серафима в их дом и пьянствовал с ним, в результате чего и произошла вся эта трагедия.

От страха Остап встал на дыбы и взвыл:

– Буза! Баланда на постном масле! Если б Серафим даже и хотел кого-нибудь изнасиловать, так он на это не способен. Ведь все ж знают, что он минетчик. Просто Таньке хочется, чтоб ее изнасиловали, – вот она и фантазирует на бумаге. Все это клевета. Требую медицинской экспертизы!

Бедную Таню поволокли к доктору и выяснили, что у нее действительно все в целости и сохранности. Чтобы обелить свою честь и репутацию, Остап по этому поводу потребовал себе даже специальную справку с подписями и печатями. И утверждал, что дефекты у Тани нужно искать не там, где искали, а в голове. Но в голову так просто не заглянешь, и этот вопрос остался невыясненным.

После такого публичного срама Таня, естественно, загрустила. Она по целым дням запиралась у себя в комнате, никуда не выходила и ни с кем не разговаривала. Просто лежала на диване и смотрела в стенку.

– Это у нее депрессии, – говорил Остап. – В точности, как у мамыши.

Потом Таня решила покончить жизнь самоубийством и наглоталась какой-то гадости, от которой она не умерла, но зато наделала страшного переполоху, чего ей, вероятно и хотелось.

– Она травится, – говорил Остап. – А живот болит у меня.

Затем произошло что-то еще более романтическое. Опять что-то на любовной почве. Но никто не знал, что именно, так как Остап клялся и божился, что он со своей бывшей женой больше не живет и ничегошеньки не видел и не слышал.

Собственно говоря, ничего такого особенного и не произошло. Ведь писатели постоянно пишут, что их героиня от любви сошла с ума. Так вот и бедная Таня. В общем, в результате всего этого ее взяли и посадили в психиатрическую больницу. В тот самый дурдом, где до этого вправляли мозги Серафиму Аллилуеву, Валерию Тарсису, Иосифу Бродскому и прочим труженикам “Самиздата”, который знающие люди называли “Сэмиздатом”.

Узнав, что его падчерицу посадили в дурдом, Остап переполошился:

– Этак еще и меня в дурдом законопатят, – заявил он, – Срывайся, пока не поздно!

И Остап спешно сбежал от своей бывшей жены-любовницы. На этот раз уже окончательно и бесповоротно. Сидя на работе, он чесал лапой живот и жаловался:

– Ох, моя язва говорит, что все это кончится плохо. И язва не обманула Остапа. Когда его падчерицу выпустили из психиатрической больницы, вскоре выяснилось, что она находится, как говорится, в интересном положении. Ну и Остапа, конечно, спрашивали:

– Так она что, в дурдоме забеременела?

– Да, видимо, нашла себе там подходящего партнера.

– Но как же ее оттуда выпустили?

– По закону, – объяснил Остап. – В декретный отпуск. В разговор вмешался Серафим Аллилуев как специалист по дурдомам:

– А знаете, какая разница между сумасшедшим и психопатом? Сумасшедший твердо знает, что дважды два – пять. А психопат подозревает, что дважды два – четыре, но все время беспокоится, почему не пять.

Узнав о предстоящем прибавлении семейства, динамитная Дина хотела было сгоряча подать в суд на психиатрическую больницу, что там недосмотрели за ее дочкой. Но Остап ее отговорил:

– Ты лучше не рыпайся. А то вас всех туда упекут. Так Остап Оглоедов стал чем-то вроде дедушки.

– Ну, Остап Остапович, как там дела-делишки? – спрашивали его.

– Плохо, – вздыхал дедушка Остап. – У Танькиного чертенка на ноге не пять пальцев, а четыре. В точности, как у Сталина. Значит, ожидай неприятностей.

– Четыре или пять? – бормотал Серафим Аллилуев. – Какая разница? Эта проблема беспокоит только психопатов. Говорят, что если у женщины что-то не в порядке, то ей нужно только выйти замуж, а еще лучше сделать ребенка, и все сразу станет в порядке. Однако в случае с Таней этот рецепт не помог.

После рождения чертенка с четырьмя пальцами у нее периодически появлялись депрессия, я она опять поговаривала о самоубийстве. Тогда мама Дина садилась с дочкой в такси и везла ее в психбольницу. Так Таня исчезала на несколько месяцев, а бабушка Дина нянчила ее четырехпалого чертенка и рассказывала знакомым, что Таня уехала на курорт.

Однако на этом дело Тани не кончилось, а только начиналось. Танины друзья из “Сэм-издата” пронюхали, что Таня опять сидит в дурдоме, и пропечатали об этом в своей неотроцкистской “Хронике” политических событий – что Таню посадили в дурдом как инакомыслящую, поскольку она не согласна с советским режимом. Да еще нарочно употребили ее фамилию по ее родному отцу – Таня Борман, зная, что кое-где это поможет.

Эту “Хронику” прочла ведьма Дока, агент Си-ай-эй в юбке, и подтолкнула своего евриканского мужа-оборотня: “Эй, смотри – ваших сажают!”

Заволновались и все евриканские корреспонденты в Москве. Если кто не знает, что это такое, то это соцмодернизм и новый советский неологизм. Так называли всех американских корреспондентов в Москве.

Сразу после этого дело бедной Тани попало в международную печать. Рядом с такими знаменитыми борцами за свободу и права человека в СССР, как академик Сахаров, Солженицын, Андрей Амальрик, Петр Якир, Павел Литвинов и даже сама Светлана Сталина. Так, сидя в дурдоме, Таня, сама того не зная, стала международной знаменитостью.

Говорят, что знаменитая поэтесса Наталия Горбаневская по этому поводу выругалась трехэтажным матом. Вероятно, от зависти к Таниной славе. А один поэт-модернист сочинил о Тане такие проникновенные стихи:

*Девушка идет по Красной площади!
Красная площадь идет по девушке!
Кто? Кого? Бей парабеллум –
По ошалелым! Вэй, вэй – бей, бей!!!
Бей парабеллум – но одурелым!
– по окоселым!
– по опупелым!
Вэй, вэй – только меня не бей.*

Вскоре Танины приятели из “Самиздата” докопались до Таниного дневника, где она описывала свое изнасилование, и отпечатали его в подпольном журнале “Феникс”, органе московского Союза молодых гениев – СМОГ. В редакционном примечании пояснялось, что это орнаментальная проза и тайнопись и что Таню в действительности изнасиловала советская власть.

Через американскую ведьму Доку Залман, в сумке дипкурьера американского посольства в Москве, Танин дневничок перекочевал в эмигрантское издательство СТН, которое работало на деньги американской разведки, и где подвизался СТН-ист и ведьмак Кока Бондарев, отец ведьмы Доки. Так Танин дневничок вышел на международную арену. Говорят, что за ним уже охотятся несколько крупных евриканских издательств, собираясь сделать из него очередной бестселлер.

Конечно, все это дошло и до ушей настоящего отца Тани, который теперь работал на радио “Голос Америки”. После этого “Голос Америки” долго проливал слезы о несчастной Тане Борман, которая боролась за свободу и права человека в СССР и которую за это посадили в сумасшедший дом. А американское радио “Освобождение” в соответствии со своим названием прямо потребовало освобождения Тани из дурдома.

В результате такой всемирной рекламы заволновался весь международный легион: все 37 процентов доктора Кинси, 50 процентов интеллигенции, 75 процентов прессы; все бесы и бесенята, все шизофреники и параноики, все ведьмы и ведьмаки, все черти и чертенята, все оборотни и лешие; все члены, кандидаты, попутчики и сочувствующие той партии, имя которой легион; все чудики и чудаки типа ХС, типа ПЛ, типа ВРЕ, типа ГЕ и так далее прочее.

Если кто не знает, что это за типы, то это советский соцмодернизм, это тоже своего рода тайнопись, орнаментальная проза и неологизмы – это просто сокращенные непечатные ругательства, которыми западные модернисты благословения Верховного суда США теперь пользуются без сокращений. Это чтобы западные модернисты не говорили, что мы, русские, отстаем от жизни и не знаем, что к чему.

Ведь когда-то великий правдоискатель Достоевский писал: “Россия еще скажет свое новое слово миру”. Ну вот мы и говорим миру это новое слово, имя которому – соцмодернизм.

В общем, поднялся из-за бедной Тани такой вой и крик на весь мир, такой гвалт, свист и улюлюканье, такое умопомрачение и затмение, что ни в сказке рассказать, ни пером описать. Ну, прямо так, словно сорвались с цепи и сатана, и антихрист, и вся подвластная им нечисть. Чистое светопреставление. Или новый антихрист родился.

Впрочем, ничего в этом особенного нет. То же самое получилось, когда Лев Толстой на старости лет написал свой маленький, но многозначительный рассказик о сумасшедших “Крейцера соната” – и прогремел на весь мир. А до того, хотя он уже давным-давно написал “Войну и мир”, весь мир его и знать не хотел. И даже Нобелевской премии не дали.

Так или иначе, но Остапу Оглюеву, который любил сравнивать себя с Львом Толстым, от Таниной славы были одни огорчения да боли в желудке.

– Так я и знал, – вздыхал дедушка Остап. – Ведь я ж говорил, что Танькин четырехпалый чертенок принесет одни неприятности. В точности, как Сталин.

Подошел какой-то юбилей радиостанции “Свобода”, и Остапа Оглюева в числе прочих сотрудников наградили никелированным подстаканником с надписью “Будьте здоровы!”. Остап поставил его на столе и пил из него молоко, которое он употреблял как противоядие против всяких неприятностей и язвы желудка.

Вскоре после этого с Остапом приключился какой-то припадок. Он лежал, распластавшись, на грязном полу и стонал:

– Ох, сердечный припадок... Ой, это профессиональная болезнь всех интеллигентных людей...

Но врачи нашли у него воспаление язвы желудка. Пока Остап отлеживался в госпитале, подстаканник с надписью “Будьте здоровы!” одиноко пылился на его столе.

Глава 16. Потерянный рай

*Женщина – это инструмент,
которым дьявол пользуется,
чтобы овладеть нашими душами.*

Святой Куприян

Однажды вечером Борис сообщил Нине неожиданную новость, что его переводят на другую работу. И к тому же за границу. Было видно, что работа в доме чудес ему надоела и он рад уехать. Оказывается, дурацкая работа в доме чудес была только тренировкой и подготовкой для какой-то другой, более важной работы.

Теперь же его отправляют в Вену. После постройки Берлинской стены центр европейского шпионажа перекочевал из Берлина в Вену. Кроме того, Вена стала теперь центром международных европейских организаций. В связи с этим там увеличивается состав советского посольства. Кстати, князь Котик Горемыкин и его жена, княгиня Лиза, тоже в Вене. До отъезда Борису оставался только один месяц.

– Давай поженимся, – сказал он, – И едем вместе. Ведь нельзя же всю жизнь только целоваться. Нина наморщила лобик:

– Да, конечно, с княгиней Лизой тебе было веселей. Ночки – как арабские сказки. А утром она приходила на работу и все это рассказывала. Со всеми подробностями. Нарочно, чтобы меня позлить.

– Ага, значит, это правда!

– Что?

– Серафим Аллилуев уверял меня тогда, что ты в меня влюблена и ревнуешь меня к Лизе. И что ты даже в подушку плакала. Но тогда я этому не верил.

– Ах, все это такое идиотство, – махнула рукой Нина. Потом она сменила гнев на милость:

– Впрочем, Лиза дает тебе самые блестящие характеристики. Говорит, что у тебя есть только один существенный минус...

– Какой?

– ...Что ты нормальный человек, загадочно усмехнулась монна Нина.

А насчет женитьбы Нина решила так:

– Знаешь что? Давай пока обручимся. Но так, чтобы никто не знал.

– А зачем это скрывать?

– Да, знаешь, у папки это... черная меланхолия. Если он узнает, его удар хватит. “Ох, опять этот старый ревнивец”, – подумал Борис.

– Только имей в виду, – погрозила пальчиком Нина, – обручимся, но... ничего больше.

Когда они пошли выбирать обручальные кольца, Борис хотел заказать простые и гладкие, но Нина запротестовала:

– Нет, нет, это слишком просто. У нас так просто не будет.

И она выбрала граненые кольца с острыми углами, слегка смаживающие на терновый венец. А обручение она решила устроить на квартире Бориса.

– Кого ты хочешь пригласить? – спросил он.

– Никого. Они только будут завидовать нашему счастью и потом сплетничать. А я про тебя уже столько слышала, что и так уши вянут.

В день этого тайного обручения Нина пришла к Борису сразу после работы и принесла жениху подарок – запонки в форме сценических масок: одна смеется, а другая плачет.

– Мне грустно потому, что весело тебе, – объяснила невеста. – Или наоборот.

Потом она порылась в сумке и вынула маленький, позеленевший от времени медальон:

– Это тоже тебе. Это, знаешь, когда дедушка брал бабушку. Он, кажется, золотой. Почисть его зубной щеткой.

Борис откупорил бутылку шампанского. Надев свои новые обручальные кольца, они расположились на диване и строили планы на будущее. Увидев на пиджаке Бориса маленький спортивный значок, Нина улыбнулась:

– А у меня тоже есть значок. – Она приложила пальчик к подбородку, – Посмотри...

С левой стороны на подбородке девушки был небольшой круглый шрам, величиной так с монету. Шрам этот, видимо, был глубоким, так как тело в этом месте опускалось, как пустое, а кожа слегка сморщилась и побелела, как после зарубцевавшегося ожога.

– Что это такое? – спросил он.

– В детстве у меня здесь было родимое пятно, – объяснила Нина. – Но слишком большое и черное. Когда мне было восемь лет, папка испугался, что это будет портить мою внешность. Ну, пошли к доктору и вырезали. Но эта штука оказалась очень глубокая. И, чтобы вырезать с корнем, пришлось резать до кости, а потом еще прижигать ляписом. Поэтому и след остался.

Борис медленно потягивал свое шампанское.

– У меня и еще одно такое пятно есть, – честно призналась Нина. – Сейчас я тебе покажу.

Она расстегнула кофточку, опустила лифчик и деловито, как на медосмотре, обнажила правую грудь. С очаровательным бесстыдством она полюбовалась сама собой и ткнула мизинчиком:

– Видишь...

Чуть пониже соска было черное родимое пятно величиной с хорошую черешню. Не слишком большое, но и не слишком маленькое. Жених протянул было руку, но невеста хлопнула его по пальцам:

– Ты что, глазам не веришь? – Она застегнула кофточку. – Товар лицом, без обмана. Это я тебе нарочно показываю, чтобы ты потом не говорил, что я от тебя что-нибудь скрывала.

Несмотря на все Нинины шалости, обручение получалось немного натянутое. Борис молчал и словно вспоминал что-то. Нина положила ему голову на плечо:

– Что это у тебя такой скучный вид? Впрочем, с княгиней Лизой тебе было, конечно, веселей. А я, дура, тогда в подушку плакала.

Она посмотрела на золотые часики, которые ей подарил Борис, и сладко зевнула,

– Ну что ж, хорошего понемножку. Поехали домой. На следующий день Борис заехал в дом злого добра, где под золотым петушком обитал красный папа Максим Руднев. В кабинете Максима было тихо и пусто. В аквариуме на письменном столе плескались глупые золотые рыбки. С легкой досадой на душе Борис, как Фома Неверный, опять полез по средневековым книгам про Бога, дьявола и нечистую силу.

Вот ученые иезуиты сообщают, что Бог – это очень просто, это просто любовь. Ладно, допустим. Но доказательство этой аксиомы иезуиты берут из обратного. Вот посмотрите, например, на ведьм и ведьмаков. Подписывая договор с дьяволом, они платят за это высшим божеским даром, даром любви. Поэтому они якобы совершенно не способны любить. Ни в прямом смысле, ни в переносном. Ни так, ни этак. Ни телом, ни душой.

Хм, и Нина судорожно жалуется, что она хочет любить, хочет, но... Словно ей что-то мешает. Щебечет, захлебываясь, про какую-то другую любовь, но... что-то скрывает и недоговаривает. Так что же? Считать Нину только поэтому ведьмой?

В справочниках по сатановедению стоит, что договор с дьяволом может быть на несколько лет или на всю жизнь и что подписывается он кровью: “Иногда, в случае тех, кто еще молоды, договор заключается на короткое время, но потом он **всегда** возобновляется”.

Сбоку приписка рукой красного папы Максима Руднева: “Это фрейдовская “девическая влюбчивость”, которая якобы совершенно безопасна”.

Итак, отец психоанализа – папа Фрейд говорит совсем не то, что средневековый папа Иннокентий Восьмой и его ученые монахи. Кому из них верить? Средневековым суевериям или современной науке?

Однако средневековые монахи не сдавались. Они утверждали, что после подписания договора с дьяволом этот хитрец старается припечатать на теле ведьм и ведунов свою специальную печать – “особенно на тех, от кого он ожидает постоянства”.

Эта печать дьявола или метка ведьмы представляет собой нечто вроде черного или красноватого родимого пятна различной формы и оттенков. Иногда в этом месте тело опускается как пустое.

Ага, вот оно – в этом месте тело опускается как пустое! Просто средневековые красотки, так же как и Нина, вырезали свои родимые пятна. Вполне естественно. А ученые монахи называли их ведьмами и отправляли на костер.

“Это потому, что монахи женщин не любят, – думал Фома Неверный. – Но я-то не монах!”

Все это самые обычные родимые пятна, пигмент на коже, у одних больше, у других меньше. Вон у комиссара Соси Гильруда не то что пятно, а весь бок черный, как у негра. Хорошо, что Сося не родился в средние века. А то поджаривался бы он на костре инквизиции.

Фома Неверный пробежал глазами по писаниям Роберта Хинка, настоятеля церкви в Аберфойле, который в 1691 году в своем трактате “Тайное содружество” писал так: “Печать дьявола у женщин ставится чаще всего в самых укромных местах – на груди или половых органах”.

“Тьфу, черт! – подумал Борис. – На груди – опять совпадение”.

Значит, с такой меткой на груди в средние века Нина тоже попала бы на костер. Хорошо, что она родилась в 20 веке, когда миром правит не папа Иннокентий Восьмой, а добрый папа Фрейд.

Быстро летит время, а особенно когда люди влюблены. Нужно было уже готовиться к отъезду, и Борис предложил Нине переговорить с родителями. Но она решила, что лучше сделает это сама.

– Приезжай завтра к нам на ужин, – сказала она. – Там мы все и обсудим.

В переулке Энтузиастов атмосфера была немножко напряженная. Милиция Ивановна накрывала стол к ужину и старалась не смотреть по сторонам. Акакий Петрович, как обычно, дремал в своем продранном зеленом кресле, зажав в кулаке баночку с пилюлями против меланхолии.

В ожидании ужина Нина поманила жениха в свою комнату. Ту самую, которая раньше запиралась от него так тщательно, словно там мастерская фальшивомонетчиков. Закрыв дверь, Нина села на кушетку, поджала под себя ноги и сразу приступила к делу:

– Я люблю тебя, Борькин, и хочу быть твоей женой. В этом нет никакого сомнения. Но перед этим нам нужно еще о многом поговорить...

– О, конечно, – согласился жених.

– Так вот... Первое... Перед тем, как жениться на мне, ты должен считаться с возможностью развода.

– Откровенно говоря, об этом я не думал.

– Так вот, подумай.

– Но почему?

– Я очень и очень требовательна к себе и моему мужу. И может быть, мы не сойдемся характерами. Теперь второе. Как ты думаешь обставить свою... или, скажем, нашу квартиру в Вене?

– Ну, это мы решим совместно.

– Хорошо. Как насчет спальни?

– О, на этот счет не беспокойся. В Вене есть прекрасные двуспальные гарнитуры.

– Вот этого-то я и боялась. Ни в коем случае! Категорически!

– Но почему?

– Это ужасно безвкусно! И старомодно, и непрактично. И вообще глупо. Кроме того, я люблю свободу.

– А как же ты хочешь?

– Сделаем в смешанном стиле. Модерн!

– То есть?

– Так, чтобы спать в отдельных комнатах. И будем ходить друг к другу в гости. То ты ко мне, то я к тебе. Как все культурные люди. Понимаешь, чтобы у нас была свобода. Во всяком случае, на первое время. А там посмотрим.

Пока Нина планировала их будущую жизнь, жених сидел рядом и любовался ею. Вот оно, так близко: высокая девичья грудь, тонкая талия, полные красивые ноги и тяжелые бедра здоровой самки. Ни много, ни мало. Как раз то, что в искусстве называется каноном. Не женщина, а богиня. Нежная шея в вырезе белой блузки и

такая холеная, почти прозрачная кожа, которую так хорошо целовать. Да, лучшего не найдешь. И все это теперь его. И он опять чувствовал себя любимцем богов.

– Теперь третье, – продолжала богиня. – Я не хочу быть просто домашней хозяйкой. Я хочу еще поучиться и поработать. Поэтому я не хотела бы сразу иметь детей. Ну, скажем, первые три года. Как насчет этого?

Любимец богов пожал плечами:

– О таких подробностях я, признаться, не думал. Обычно женщины первые хотят детей. А мне, в общем, не к спеху.

– Вот и прекрасно. Тогда подождем лучше годика четыре-пять. Ведь у большинства людей дети получаются просто потому, что они не, знают, как этого избежать. Но мы-то люди культурные.

– Хорошо, – сказал любимец богов. – Теперь у меня один вопрос. Через неделю я должен улетать. Как ты?

– Так быстро я не могу. Сначала мне нужно вылечить папку. Иначе он тут один с ума сойдет. Потом мне нужно еще разделаться с работой. Я приеду позже.

– Но тогда нам нужно зарегистрироваться.

– Зачем? Мы сделаем это в нашем посольстве в Вене. Это будет даже оригинальней. Но, имей в виду, пока мы не зарегистрируемся, и пока ты не устроишь квартиру, как полагается, жить я с тобой не буду. Ведь княгиня Лиза с мужем тоже в Вене. На первое время я остановлюсь у них.

– О-о-х, – вздохнул любимец богов. – Опять эта чертова княгиня Лиза.

Потом они стали обсуждать, как будет выглядеть их будущая квартира. Вдруг богиня встрепенулась:

– Да, самое главное чуть не забыла. Я еще хотела бы изучить другую специальность.

– Какую?

– Искусственное осеменение...

– Что-о-о?

– Что же тут такого особенного, – мягко улыбнулась богиня. – Это теперь очень модно – искусственное осеменение животных.

– Так ты что, хочешь стать зоотехником?

Нина только приоткрыла ротик, чтобы ответить, как дверь распахнулась, – и на пороге появился Акакий Петрович. Все это время он подслушивал под дверью и теперь решил, что этот разговор пора прервать.

– Нина, тебя мама зовет, – сказал он.

Выпроводив дочь, Акакий Петрович посмотрел на своего будущего зятя меланхолическими глазами и, как печальный Пьерро, просительно потянул его за рукав:

– Борис Алексаньч, и моя жена, и я сам, не говоря уже о Нине, все мы вас очень любим. Но... не забирайте от нас Нину...

– Акакий Петрович, но ведь она уже не ребенок.

– Да, но для нас она еще ребенок... Единственный ребенок... Единственное содержание жизни. У вас еще вся жизнь впереди, а нам, старикам, немного осталось.. Подождите еще годик... Только один маленький годик...

Под носом у Акакия Петровича поблескивало что-то вроде слез.

– Мне трудно вам что-нибудь обещать, – сказал Борис.

– Потом, поверьте мне, вы еще не знаете Нину... Она не такая, как другие... Вам будет с ней очень и очень трудно...

Борис молчал, а Акакий Петрович, чуть не плача, уговаривал:

– Я боюсь, что Нина будет с вами очень несчастна... И вы будете с ней только несчастны... Как бы вам это сказать... Она совсем не то, что вы видите... Она человек совсем другого типа... Она... как бы вам это сказать...

В этот момент дверь опять с треском распахнулась – и в комнату влетела Нина:

– Довольно вам тут сплетничать. Пошли ужинать! За ужином папа съел двойную порцию своих пилюль против меланхолии. Мама с папой не разговаривала и глотала аспирин. За столом царило неловкое молчание, словно в воздухе висела какая-то тайна. И весь ужин немножко смахивал на тайную вечерю.

Узнав, что Борис женится на Нине, комиссар дома чудес долго тряс ему руку:

– Ну, поздравляю! И красавица, и умница, и из хорошей семьи. – В глазах парт-Мэфистофеля светилась честная радость. – Тебе очень и очень повезло. Желаю тебе с Ниной счастья!

За день до отлета Борис заехал в дом под золотым петушком. Он хотел посоветоваться с Максимом, но тот был в отъезде. За окном свистел ветер и стучал ветками деревьев в витражи с темными ликами святых. На полках молчаливо поблескивали книги, где красный папа собирал свою мудрость, и где хранились ключи счастья и несчастья, ума и безумия, жизни и смерти. Те ключи, которые называют Богом и дьяволом.

Борис вспомнил свою первую встречу с Максимом, когда он собирался писать книгу о гомо советикус и когда они спорили о книге философа Дени де Ружмона “Роль дьявола”. Он взял с полки этот новейший справочник по сатановедению и невольно опять почувствовал себя как Фома Неверный.

“Дьявол опасен не тогда, когда он показывается и пугает нас, а только тогда, когда мы не способны увидеть его, – фантазировал философ. – Дьявол не умеет любить и не любит тех, кто любит... Там, где любовь фальсифицируется, вы узнаете его по его плодам”.

Фома Неверный перелистнул несколько страниц.

“Здесь встречаются все экстремы – ненависть и нежность, радость и печаль, мудрость и безумие, жизнь и смерть... Крайняя неустойчивость положений и суждений... Ад страсти, которая не имеет другой цели, кроме несчастья... Дьявол – это никто и ничто, которое рождает лишь ничто”.

“Ох, эти мне философы, – подумал Фома Неверный. – Вместо того чтобы сказать просто и ясно, накрутят такого, по ту сторону добра и зла, что и сам черт не разберется”. И он опять полез по книгам, где спорили папа Иннокентий Восьмой и папа Фрейд.

Кот Васька прыгнул на стол и улегся погреться под лампой. Виляя хвостом, пришла немецкая овчарка и сочувственно лизнула ему руку. Около полуночи Фома Неверный захлопнул книги и погладил собаку по голове:

– Ну что ж, Рексик, посмотрим, кто из них прав – папа Иннокентий или папа Фрейд...

Провожая Бориса в аэропорт, Нина сидела в такси и сосредоточенно крутила свое обручальное колечко.

– Когда же ты приедешь? – спросил он.

– Вот только вылечу папку, – она погладила его по руке, – и сразу приеду.

Потом она подумала немножко и шепнула:

– Если будет невтерпез, можешь мне даже изменять. Но только телом. А душа чтоб моя была. Видишь, какая я либеральная?

Когда дали сигнал на посадку и пассажиры стали выходить к самолету, Нина прижалась к Борису и протянула губы для прощального поцелуя. В глазах девушки стояли крупные чистые слезы. В первый раз за все время Нина плакала. Кругом торпливо сновали люди. На взлетной дорожке ревели моторы самолета.

– Жди меня, – шептала она сквозь слезы, – Обязательно приеду... На девяносто девять процентов...

После отъезда Бориса Руднева председателем дома чудес стал его заместитель Мушер Дундук. Если сам Мушер был человеком довольно простым, то зато его жена Диана была женщиной довольно сложной. Как говорится, дамой с фокусами.

Вся беда в том, что у Дианы был избыток энергии. До замужества, когда Диана была шансонетной певичкой, она распыляла эту энергию на сцене – бегала там в полуголом виде, махала ручками и дрыгала ножками. А после замужества от избытка энергии она устраивала сцены своему мужу. Недаром наши деды говорили, что жениться на шансонетках – это гиблое дело, будет у тебя не жизнь, а сплошной кордебалет. И вот такой-то кордебалет получился у Мушера.

Роста Диана была небольшого, но с формами хорошего гимнаста. Волосы черные и жесткие, как конская грива. Глаза темные и с такой искоркой. Кожа смуглая, как у цыганки, и с такими конопushками, словно она загорала через решето. Но, в общем, личико вполне симпатичное.

Только вот нижняя челюсть и зубы были у Дианы в точности, как у щуки. И в жизни она тоже была очень-таки зубастая и языкастая. Поэтому когда чудики из дома чудес познакомились с ее характером, то сразу прозвали ее Фуфу. И так все к этому привыкли, что потом даже и сам Мушер называл ее Фуфочкой.

Помимо длинного и острого языка Фуфу обладала довольно острым умом и какой-то вечной неудовлетворенностью. Поэтому она никогда не довольствовалась тем, что имеет, и всегда мечтала о большой карьере; Когда Мушер стал председателем дома чудес, Фуфу довольно потирала руки:

– Ну, Мушер, теперь давай делать карьеру! Ты только не будь дураком и слушай, что я тебе говорю.

Приходит Мушер с работы, а Фуфу сразу начинает:

– Смотри, Мушер, у всех начальников машины. А почему ты, Мушер, пешки ходишь? Ты что, рыжий?

Жили они в поселке Недоделкино, среди всякой богемы и неудачников, которых так и звали – недоделки из Недоделкино. Ну и Фуфу конечно, недовольна:

– Мушер, вон Жоржику, такому сукиному сыну, и дали новую квартиру. А почему тебе ничего не дают? Эх, ты, тюфяк.

Мушер был интересным мужчиной, хорошим работником и примерным семьянином. После работы он никогда нигде не задерживался и стремглав летел домой, отдавая все свое свободное время жене и дочери. А Фуфу его только пилила да пилила:

– Мушер, а когда ты купишь мне меховое манто? Какая же я жена начальника, если без манто?

Но жили они в общем довольно счастливо. До тех пор, пока не произошло одно странное происшествие. А началось все это, как обычно, из-за сущего пустяка.

Как-то вечером Мушер и Фуфу зашли в гости к Жоржику Бутырскому, чтобы посмотреть на его новую квартиру. А у Жоржика, как у тройного агента, в это время сидели его друзья из Союза молодых гениев – СМОГ и “Самиздата”. Там же крутилась американская ведьма Дока Залман, которая прикидывалась меценаткой и таскала им под юбкой наркотики, а уносила, тоже под юбкой, произведения “Самиздата”, которые потом ее отец, ведьмак Кока Бондарев, печатал в эмигрантском издательстве СТН. Ну а Жоржик за всем этим следил и доносил куда надо.

Все было хорошо, пока Фуфу не завела свою обычную волюнку, какая она хорошая и какой у нее плохой муж. Жоржик слушал-слушал, а потом и говорит:

– Хочешь, Фуфу, я тебе помогу? У меня есть целая куча моих бывших невест – всякие проститутки, алкоголички, наркоманки или нимфоманки. Я сейчас организую из них женский отдел Союза молодых гениев. И всем им мужика хочется. Давай я познакомлю с ними Мушера, и тогда ты от него отдохнешь. И он от тебя отдохнет.

Фуфу надулась и молчит. А Жоржик раскладывает на столе свой семейный альбом, напоминающий рекламу публичного дома, и говорит:

– Ну, Мушер, выбирай. Какую тебе – рыженькую или черненькую?

Почти все девочки в альбоме были голенькие, и Мушер немножко заинтересовался. А Фуфу аж позеленела от злости. Потом она вспомнила, что главная сила женщины в слезах, и как зарыдает в три ручья.

Мушер ее успокаивает:

– Фуфочка, да ведь Жоржик только пошутил. Ведь ты у меня лучше всех. И ни на кого я тебя не променяю.

Но Фуфу была не из тех, которые так быстро прощают шутки, которые им не нравятся. Как бывшая артистка эстрады, она разыграла самую настоящую истерику. По всем правилам искусства.

Собрали со стола голеньких невест и перешли на политику, а Фуфу все рыдает. Заговорили о Тарсисе и дурдомах, а Фуфу все дурит и изображает судороги. Завели радио, а Фуфу голосит громче радио. Ну прямо как кликуша-плакуша.

В конце концов, Мушеру не оставалось ничего другого, как увезти ее домой. На этом подобные истории обычно и кончаются. Но здесь история только начиналась.

Чтобы проучить Мушера, Фуфу решила притвориться, что в результате этого вечера она немножко помешалась. И начала она фантазировать такое, что это даже и повторять как-то неудобно. В общем, на следующее утро она говорит Мушеру:

– Ну и спишь же ты, Мушера, как баран. Неужели ты, ничего не слышал?

– Нет, – говорит Мушер. – А что?

И тогда Фуфу рассказывает следующую историю.

Как только Мушер захрапел, Фуфу вдруг слышит, что ее кто-то зовет. Но зовет не голосом, а мыслями. Тогда она оделась и вышла на улицу. А там ее ждет черная машина и два человека в черных масках. Но в одном из них она узнала Жоржика. В общем, привезли ее прямо на собрание женского отдела Союза молодых гениев. Все там голые, пьяные и в масках. Но Фуфу не дура и сразу узнала там всех проституток из Жоржикова альбома. И устроили они там что-то вроде шабаша ведьм или вальпургиевой ночи. Кругом горят черные свечки, а посерединке большой-большой черный крест. И кадят там кадилами из наркотиков. Прямо как черная месса.

Потом там появилась американская ведьма Дока со своим мужем-оборотнем, который тасил мешок с долларами, и знаменитая модернистическая поэтесса Наталья Горбаневская, которая приехала верхом на помеле в форме фаллоса и ругалась матом. Затем через трубу влетел хромоногий Валерий Тарсис в полосатой куртке с надписью “Палата №7”.

Все это немножко напоминало шабаш ведьм из романа Булгакова “Мастер и Маргарита”. Вокруг алтаря, где стоял черный крест, – собрались все знаменитости московского подполья и “Самиздата”. Синявский приплясывал под ручку с Даниэлем, а за ними уныло бродил какой-то замаскированный марсианин по имени Пхенц. А академик Сахаров подделывался под лорда Бертрана Рассела, ученого вождя западных хиппи, и перемигивался с неохристианином-бердяевцем Солженицыным. Верхом на бутылке прикатил Петр Якир. Затем в облаке серы прибыли потомственные революционеры Павлик Литвинов, Владимир Гершуни, Андрей Амальрик и даже сама Светлана Сталина. На многих гостях были полосатые куртки из дурдомов. Когда все были в сборе, они взялись за руки по 13 человек и танцевали хоровод вокруг черного креста.

Здесь Фуфу смущенно запнулась и потупила глаза.

– Ну а что потом? – спросил Мушер.

– Потом обычно делают свальный грех, где делают всякие запретные вещи. Но я ничего не помню. Меня привезли домой только под утро. Но, чтобы ты не думал, что это мне только приснилось, когда я вернулась, я нарочно положила ключи от квартиры сверху, на столе. Вон, посмотри!

Мушер посмотрел и видит, что ключи действительно лежат не как обычно, у него в кармане, а сверху, на столе.

Весь последующий день, пока Мушер сидел на работе, Фуфу названивала ему по телефону и сообщала дополнительные подробности ночного происшествия. А неистовый Артамон, как управделами, сидел на своем телефоне и все это подслушивал. Вскоре все сослуживцы знали, как Фуфу ездила на шабаш ведьм, и в доме чудес запахло очередным чудом.

Косоглазый Филимон утешал Мушера:

– Знаете, ваша Фуфу, конечно, притворяется. Но имейте в виду, что симулировать психические болезни любят те люди, которые того... кхм... предрасположены к этим болезням. А нормальному человеку эта идея и в голову не придет.

Филимон осторожно оглянулся по сторонам и, понизив голос, как заговорщик, завел разговор о том, что у него, мол, самого жена еврейка, что евреи – это очень хороший и интеллигентный народ, но что у них столь же много всяких психических болезней. Потом Филимон дружески подмигнул:

– А ведь ваша Фуфу, кажется, тоже того... еврейка?

– Нет, она только полуеврейка. У нее мать... того... – Мушер поиграл в воздухе пальцами. – Но Фуфу себя еврейкой не считает.

– Считает или не считает, но вы учитите, что среди полуевреев психических болезней еще вдвое больше, чем среди чистых евреев. Я, знаете, сначала учился на психиатра. Но потом эти психи мне так осточертели, что я перешел на червяков и букашек.

Колченогий Артамон, как бывший директор спецшколы для дефективных детей, тоже заинтересовался ночным происшествием:

– А скажите, Мушер, ваша дочка в какой школе учится – для нормальных или для дефективных?

– Она у меня отличница, – с гордостью сказал Мушер. – Говорят, очень талантливая.

– Ох, плохо ваше дело, – поморщился Артамон. – Одаренность, особенно для женщины, – это одна из форм дефективности. В большинстве случаев это просто мужчины в юбках.

Изо всего этого Мушер понял только то, что с Фуфу нужно обращаться с осторожностью. А чтобы он этого не забывал, Фуфу продолжала чудить. Теперь она уверяла, что она записалась в Союз молодых гениев – СМОГ, что скоро она будет печататься в “Самиздате” и что она даже подружилась с американской ведьмой Докой. В результате у нее теперь столько всяких важных дел и так мало свободы, что она решила разводиться со своим мужем.

Вскоре от слов Фуфу перешла к делу и стала подбивать других жен против мужей. Пока Мушер сидит на работе и распутывает всякие дела, Фуфу бегаёт кругом и запутывает их ещё больше. Как только в доме чудес какие-нибудь неприятности, так сразу и говорят:

– Ну, это опять Фуфу колобродит.

Приходит Мушер после работы домой. Фуфу нету. А дочка сидит одна и дуется на папу. Оказывается, мама наговорила про папу всяких гадостей, что он дурак, тюфяк и мямля. Потом мама пошла погулять. После таких прогулок Фуфу возвращалась домой только утром и объясняла, что она опять ездила на шабаш ведьм.

Но в одно прекрасное утро все эту Фуфу надоело. Смертельно надоело. Тогда она решила отравиться и проглотила целую баночку какого-то ядовитого лекарства. Чтобы вызвать рвоту и спасти ее, Мушер полез ей в рот пальцами. Фуфу прикусила ему пальцы, бросилась в ванную, схватила бритву и полоснула себя бритвой по запястью. Когда Мушер вырвал у нее бритву, она кинулась к окошку, чтобы выброситься на улицу. Мушер еле поймал ее за волосы. И все это на глазах у малолетней дочери.

Соседи, недоделки из Недоделкино, конечно, переполошились, и кто-то вызвал карету скорой помощи. И получилось так, что дочка пошла в школу, Мушер поехал на работу, а бедную Фуфу повезли в психиатрическую клинику.

Зато в доме чудес вздохнули с облегчением. Бухгалтер Саркисьян сидел и загибал пальцы:

– Серафим Аллилуев – раз. Кукарача – два. Падчерица Остапа Оглоедова – три. Фуфу – четыре. Потомок Чингисхана недовольно бормотал:

– Эх, теперь даже самоубийцам не дают жить так, как им хочется. Сразу волокут в дурдом.

Косоглазый Филимон отвел Мушера в сторону:

– Помните, что я вам говорил? Она играла, играла и так увлеклась, что немножко того... переиграла. Это в ней еврейская кровь играет.

И стали в доме чудес гадать: помешалась ли Фуфу в самом деле или просто переиграла свою роль?

Два раза в неделю верный Мушер ходил к Фуфочке на свидания и потом рассказывал:

– Там в палате тридцать женщин. И доктора говорят, что все они помешались на сексуальной почве. Я прихожу, а они сидят там полуголые и смотрят на меня так, что аж страшно становится.

– Ну а как там твоя Фуфочка?

- Она чувствует себя там, как дома. Митингует, агитирует. Говорит, что они все нормальные, а врачи устроили заговор и держат их незаконно. Но в общем жизнь там довольно веселая.

Однако скоро эта веселая жизнь закончилась довольно печально. Врачи-заговорщики прописали Фуфу шоковую терапию. Двадцать уколов. Таких уколов, от которых сумасшедшие выздоравливают, а здоровые сходят с ума. В доме чудес опять стали гадать:

– Если до этого Фуфу только притворялась сумасшедшей, то что же будет после этих уколов? Значит, она выйдет оттуда настоящей сумасшедшей?

Чудики из дома чудес и недоделки из Недоделкино принимали в судьбе Фуфу живейшее участие и спрашивали Мушера:

– Ну, как там, в дурдоме дела-делишки?

– После первого укола Фуфу начала заикаться, – рапортовал Мушер. – А ее коллеги ко мне так привыкли, что бегают при мне совсем голые и подмигивают. А у меня аж голова кружится. Чудики сочувственно качали головами:

– А куда это ей вкалывают?

– Ну, известно куда, – вздыхал Мушер. – Когда у человека голова не работает, то за это всегда задница отвечает.

Следующая сводка с фронта шоковой терапии гласила так:

– После второго укола у Фуфочки аж глаза на лоб вылезли, – говорит Мушер. – Лежит, бедненькая, а не шевелится.

– Это еще ничего, – говорил Жоржик Бутырский. – А вот я знаю уколы, от которых до потолка прыгают. Когда я был на флоте, если кто поймает триппер, так скипидар вкалывали. Это хуже динамитного патрона. После третьего укола Фуфу призналась, что она здоровая и только притворялась сумасшедшей. Но врачи-заговорщики решили наоборот, что она только притворяется здоровой. И уколы продолжались.

Председатель дома чудес ходил сам не свой и жаловался:

– Ох, после четвертого укола у бедной Фуфочки всю память отшибло. Я, говорю, тебя не знаю, и знать не хочу. А ее коллеги со мною заигрывают. Ведь ты ж, говорят, тоже псих. Мы-то тут поневоле сидим, а ты сам ходишь. Ох, прихожу я из этого дурдома и аж сам не пойму – кто я такой?

Иногда Фуфу вызванивала из дурдома в дом чудес и сообщала:

– Вы там не думайте, что я сумасшедшая. А Мушеру я еще покажу, где раки зимуют!

“Борькин, мой любимый муженек!

Как ты уехал, просто жить не хочется. Вернулась я с аэропорта – и хоть в петлю лезь!

Сегодня с тоски поехала в Березовку посмотреть те места, где мы были так счастливы. А тут, как нарочно, разразилась дикая буря – повыворачивало целые деревья, порвало электрические провода. Сейчас десять часов вечера. Электричества нет. Я зажгла свечку, легла в постель и пишу тебе. Сцена – прямо как из “Евгения Онегина”.

На дворе ужасный свист и грохот. Дом скрипит по всем швам и того и гляди обвалится на голову. Твой приятель, князь Шаховской-Сибирский, от страха спрятался

в подвал. А на чердаке завывает его сумасшедшая сестрица Зинаида Гершелевна. Представляешь себе – удовольствие!

Зачем пишу? Хочется сказать, что люблю, что скучаю и не нахожу себе места.

Вчера после работы нарочно пошла и ходила около твоего дома. Как шальная. Странное такое ощущение. Тогда можно было зайти к тебе – и быть очень счастливой. А теперь – нельзя. В общем... хочется к тебе в Вену!

Стало так грустно, что пошла в кино, чтоб рассеяться. Но там стало еще хуже. На экране какие-то сволочи целуются, любят друг друга, они счастливы. А я? С глубоким наслаждением лицезрела, как героиню к концу фильма ухлопали. Так ей и надо!

Хочется написать тебе много-много, но об этом потом. Засыпаю... Надеюсь увидеть тебя во сне!

Целую, люблю! Нина.

П. С. Остальное говорю штемпелем". Внизу стоял красный оттиск от губной помады.

“Борькин, мой самый такой-сякой разлюбимый!

Люблю, люблю, люблю, люблю, люблю!!!!

Пришла домой – и неожиданная радость – твое письмо. Я, по правде сказать, боялась, что ты писать не будешь. Спасибо, милый!

Валяюсь сейчас в кровати и хандрю. Жить не хочется, а умирать тоже жалко. Хочу в Вену! Понимаешь? Хо-ч-у-у!!!

Раньше я обожала Москву. Но теперь мне и Москва не мила. Смотреть противно – и на улицы, и на дома, и на людей. Пропадай все пропадом. Хочу к тебе!

Борькин, когда уж слишком тошно становится, начинаю себе представлять, как приеду в Вену и как у нас все будет. Я вообще циник, и поэтому даже в мечтах без крупных неприятностей не обходится. Но и так – ужасно хорошо получается. Люблю тебя! Таки да, кажется, люблю!

После твоего отъезда папка немного ожил и начинает по-немногу приходить в себя. А то он совсем было скис и питался только своими таблетками против меланхолии. Тьфу, тьфу, кабы не сглазить!

Теперь о другом. Ты пишешь, что купил для новой квартиры красный персидский ковер. Ох, нужно же додуматься до такой безвкусицы! Ты, конечно, скажешь, что я выросла в доме, где на полу не ковры, а какие-то цыганские лохмотья. Да, но зато у меня есть вкус, настоящий вкус. И я хочу что-нибудь современное, современное, современное! Выбери: или персидский ковер – или я! Умоляю, купи себе нары, стол и табуретку – и жди меня. Иначе не приеду! Или приеду, но буду жить у твоей разлюбившей французской Лизы. Помнишь, ночки – как арабские сказки? Впрочем, извиняюсь, ведь теперь это князь Горемыкин и княгиня Лиза.

А впрочем, люблю, люблю, люб...”

Вместо подписи стояли три красных штемпеля от губной помады.

“Борька, мой любимый!

Если бы ты только мог представить себе, как мне тяжело жить. Ни одной спокойной минуты. Все время думаю, думаю, думаю. Взвешиваю, взвешиваю, взвешиваю. До сумасшествия, до истерики.

Пока ты был здесь, мы все-таки об очень многом не договорили. А писать это на бумаге – это еще трудней, чем говорить.

Борькин, я хочу быть твоей женой. Х-о-ч-у-у! Но меня сводит с ума следующее. В нашем положении я должна быть совершенно откровенна. А это безумно трудно. И начинаются всякие “но”.

Я люблю тебя, но... Знаешь, бывают браки по расчету. Как, например, у твоей бывшей возлюбленной – княгини Лизы. Это своего рода “равный брак”. Наш же брак, во всяком случае с моей стороны, это брак вопреки всякому расчету. Это своего рода “неравный брак” – и такие браки держатся плохо. Но (опять это проклятое “но”) это совсем не то, что ты думаешь!

Знаешь, бывает принцесса, которая отказывает всем принцам, богачам и красавцам. Потому что у нее есть секрет. А потом появляется беглый висельник с перекосенной мордой и женится на ней. Потому что он знал этот секрет, знал, с какого конца к этой принцессе подходить.

А в нашем случае... Ох, Боря, нет более неподходящих друг к другу людей, чем мы с тобой. Может быть, именно поэтому я и люблю тебя. Но любовь это одно, а брак – другое.

Ведь я говорила тебе, что технически я девушка, но в остальном я большая бее-е. Ты знаешь меня как железобетонную деву. Но что, если та самая железобетонная дева должна, вынуждена, не может не изменять тебе? Если она даже не хочет “этого”? И боится “этого”? Что тогда??? А ведь ты сказал, что тогда ты меня пристрелишь. Из того самого пистолета, из которого твой братец пристрелил свою жену. Это значит, что у тебя дурная наследственность.

Кстати, знаешь ли ты, что такое наследственность вообще и дурная наследственность в частности?

Сказанное тобой ужаснуло меня, как признак того, что мы с тобой классово чуждый элемент. Помнишь, ты как-то шутил, что ты любимец богов. Да, ты действительно любимец богов. Но таких, как я, боги не любят. А люди называют нас ведьмами. А ты в своей машине даже амулет против ведьм повесил. И этот амулет меня так злил.

Меня особенно бесило, что этот амулет тебе подарила княгиня Лиза. И она тебя уверяла, что она сама ведьма? Да, но если она это говорит, то она глупая ведьма – и такие ведьмы не опасны. А умная ведьма тебе этого никогда не скажет – и вот эти ведьмы опасны.

Вот тут-то и возникает эта классовая проблема. Это как христианин и язычница. Как это тебе объяснить... Ох, это так трудно, прямо рука не пишет.

Ты, Боря, добрый, умный и энергичный. А я – самолюбивая и честолюбивая эгоистка. Ведь даже папка и тот часто называет меня стервой и мерзавкой. Но уж такая я, видно, уродилась. И лучше сказать это сейчас, чем разводиться с тобой потом.

Вот я хожу кругом да около, а самого главного я тебе так и не сказала. Если у той принцессы, что всем отказывала, был один секрет, то у меня дело хуже – у меня два секрета. Больших секрета. А потом еще целый легион всяких маленьких секретов.

Ох, этот проклятый классовый вопрос! Помнишь, как Магдалина соблазнила Котика, а потом повсюду звонила, что он якобы “не функционирует”? Самое размахровое хамство! А вот у княгини Лизы (помнишь ночки – как арабские сказки?) этот же самый Котик, то есть князь Горемыкин, прекрасно функционирует. И все это только потому, что они классово близкий элемент.

Ты сказал, что ты, любимец богов, любишь меня как богиню – так, что никогда не простишь мне измену. Да еще и пригрозил пистолетом. А я люблю тебя как язычница, как ведьма, полюбившая христианина, но я боюсь, что голос крови может оказаться сильнее меня. Это не совсем настоящая измена. А другой, не богине, ты простили бы даже настоящую измену. О Боже! Где выход из этого тупика?!

Зачем ты это сказал? Зачем? А у меня теперь сердце кровью обливается! Может быть, я была слишком избалована моей “первой любовью”. Но что, если эта штука повторится? Ох, эта классовая борьба – в душе человека – сводит меня с ума!

Да, кстати, последние новости. Помнишь Фуфу из дома чудес? Так вот, от этой классовой борьбы она уже сошла с ума. В полном смысле этого слова. Так, что ее посадили в психиатрическую клинику.

Говорят, что Фуфу помешалась от ревности к своему мужу. Но на самом деле она попала в дурдом потому, что они классово чуждый элемент. И такие смешанные браки кончаются плохо.

Боря, из этого классового тупика есть только один выход. Мы оба должны понять, что в тот момент, когда мы станем мужем и женой, борьба за наше счастье не кончится, а только начнется. Если ты способен на эту классовую борьбу, на этот риск, я приеду, и мы попробуем. Только, прошу тебя, отнесись к этому очень серьезно.

Прости за все гадости и глупости, которые я тебе написала, прости. Иначе ведь просто махнула бы рукой, как махала на очень многих.

Твоя очень несчастная языческая богиня.

П. С. Боже, все это не то, не то, не то! Хотела написать тебе одно, а получилось совсем другое”.

“Дорогой мой Боря, милый мой!

Если бы ты знал, какой большой радостью являются для меня твои письма. Ведь это моя единственная моральная опора.

Когда человек сходит с ума, то сначала у него появляются навязчивые идеи. Он не может вырваться из определенного круга мыслей, которые все время возвращаются. Так вот и мне иногда начинает казаться, что я схожу с ума. Весь день, с утра до вечера, меня преследует навязчивая идея – что делать? И так каждый день.

Когда ты был здесь, все было так просто. Больше ощущался настоящий момент, меньше тяготили проблемы будущего. А теперь – думаешь, думаешь, думаешь. Что-о-о делать???

То мне кажется, что я и минуту без тебя жить не могу, что для меня нет большего счастья, как лететь к тебе в Вену. То мне вдруг мерещится, что я делаю неправильную глупость, что у нас ничего не получится. В общем, мысли, как черные мухи, весь день не дают мне покоя. Жалят, язвят и кружатся над бедной моей головою!

Когда-то я была спящая красавица в моем заколдованном царстве, молоденькая ведьма, резвящаяся на болоте. А ты, любимец богов, пришел и разбудил меня своими поцелуями. Ведь ты был первым мужчиной, настоящим мужчиной, которого я целовала. Это было так хорошо. Но вот теперь я так несчастна.

Что-о-о делать? Черные мысли, как мухи, весь день не дают мне покоя. Хочешь забыть, разлюбить, а все любишь сильнее и больше... Ох, это еще хуже, чем синие мухи Тарсиса, которые довели его до дурдома.

На нашем болоте, которое называется радио “Свобода”, все по-старому. Наш поэт Серафим Аллилуев после выхода из дурдома стал дурить еще больше, но теперь в обратную сторону. Раньше он малевал черные кресты на кладбище, а теперь ходит с кусочком мела в кармане и рисует повсюду белые крестики. Потом Серафим сочинил поэму “Черный крест”, где расчихвостил американскую Статую Свободы, на которую он теперь поставил крест – черный крест. И призывает всех американских хиппи делать то же самое.

Знаешь, в подвале твоего бывшего дома чудес печатают ротаторный журнальчик “Самогон”, который подсмеивается над “Сэм-издатом”. Так вот, Серафим опубликовал там такие новинки: “Баллада о дурдомах”, “Палата №13”, “Марш 69-ников”, “Симфония С-дур для дураков и дур” и философский трактат “Бердяевские суки и сучки”, где не поставил ударения и где не поймешь, суки это или суки, сучки или сучки.

Необердяевцы из “Союза социал-христиан”, конечно, страшно обиделись, и разгорелся целый философский диспут: кто такие бердяевцы – суки и сучки или суки и сучки? А неотроцкисты из “Сэм-издата” и “Хроники” обиделись на статью Остапа Оглоедова о дурдомах “Обрезанный бунт или бунт обрезанных?”. Остап оправдывается: я ж, говорит, сам такой, обчекрыженный, потому я этим и интересуюсь.

Кстати, Остап строчит какой-то роман и нещадно списывает из твоей книги “Душа Востока”. До этого он воровал из “Василия Теркина” – у Твардовского, а теперь у тебя ворует. Ну и говорят, что в творчестве он такой же импотент, как и в жизни. Ведь брак-то у него фиктивный был, только для отвода глаз. И дети тоже – кукушкины яйца. Но рано или поздно все это кончается плохо.

Да, Серафим Аллилуев передает тебе привет и просит напомнить то, что он тебе когда-то говорил: “Было бы болото, а черти найдутся”. Вот, кажется, и все новости из нашего болота.

Но теперь это болото закрутилось для меня в каком-то ужасном круговороте. А будущее покрылось каким-то ядовитым туманом – и мне стало страшно. Боря, милый мой, что делать? Единственное, что помогает, – это твои письма. Ох, зачем только ты разбудил эту спавшую красавицу?! Зачем?!

Боря, дорогой, прости, что я пишу тебе такие сумбурные и неприятные письма. Но ведь не могу же я писать о солнце и любви, когда на душе кошки скребут. Постараюсь исправиться.

Твоя бывшая спящая красавица”.

Вместо подписи стоял отпечаток от губной помады.

“Борькин, мой любимый, мой маленький!

Знаешь, меня беспокоят твои последние письма. Я здесь схожу с ума, а тебе хоть бы хны! Ты пишешь так резонно и рассудительно, что мне становится еще хуже.

Твои письма напоминают мне доброго старого доктора Айболита. Так говорят с ребенком, у которого болит живот. Но не с женщиной, у которой трудные роды – которая рождает любовь – и никак не может разродиться. Наверно, про таких и говорят, что это как ежа против шерсти рожать.

Или, может быть, ты обиделся на мои последние письма? Боря, ведь я хотела только одного: не скрывать от тебя ничего. Так же, как и здесь, в Москве. Я всегда пыталась быть с тобой совершенно откровенной. Ведь я ж не виновата, что я пытаюсь, пытаюсь – и ничего не получается. И я никак не могу перепрыгнуть через этот проклятый классовый барьер, который разделяет нас.

Иногда меня пугает слишком спокойный тон твоих писем. Если бы ты ходил с ума, как я здесь... Если бы ты безумствовал, от любви бросил бы все и вернулся в Москву, тогда бы я поняла это – и стала б твоей. Если б ты от тоски и горя был на грани самоубийства, я б тоже поняла это – и тотчас помчалась бы спасать тебя. Но ты не делаешь ни того ни другого! И вот эту твою нежность, настойчивость – и спокойствие... этого я никак не понимаю. Поэтому я и боюсь, что мы слишком разные люди.

Боря, милый, я, кажется, не поблагодарила тебя за второй букет цветов, который ты заказал из Вены по телеграфу. А за первый букет я, кажется, поблагодарила в письме, которое не отослала. Ведь я половину писем пишу – и потом рву.

Спасибо, милый, спасибо! Я тебя так люблю, мой хороший, заботливый и внимательный. И за что только ты меня, дрянь такую, полюбил?

Иногда я смотрю на наши фотографии в Березовке, на пляже у князя Шаховского-Сибирского. Вспоминаю, как ты сделал мне тогда в полдень предложение, на той площадке под деревом. Тогда я была совершенно счастлива. Все трудности и классовые преграды не успели еще прийти в голову. Было лишь простое и ничем не затуманенное чувство счастья. Я сама не понимала, как все это получилось – в один день.

А помнишь, как мы целовались на лестнице у воды? И на песчаном мысу в темноте? Ох, Борька, до чего ж хорошо тогда было!

И потом в твоей квартире. Глянешь в окно: ночь, огни, звезды над Москвой – и тихое счастье в душе. Спасибо тебе за все, Боря! Ведь ты подарил мне настоящую любовь, которой у меня никогда не было... и не будет.

Если бы сейчас ты был здесь, я прижалась бы к тебе – и все было бы хорошо, просто и ясно. А так... Ох, Боря, когда же я наконец напишу тебе хорошее, спокойное письмо!

Фуфу все еще сидит в сумасшедшем доме. Ей уже вкатили двадцать уколов сульфазина. Видишь, до чего доводит любовь?

Любимый мой, кончаю, чтобы оставить место для штемпелей. Они тебе доскажут остальное. Люблю!

Твоя Нина". Внизу стояли три штемпеля от губной помады.

“Милый, хороший мой Боря!

Последние дни у меня было столько дел, сколько дел – совсем с ног сбилась. Уф, только сегодня наконец немножко разделалась с делами и могу сообщить тебе результаты.

Боря, прости меня, прости, любимый мой, но приехать к тебе я не могу. Только теперь, когда подошло время получать документы на выезд, я поняла, что не могу. И по многим причинам.

Во-первых, из-за папки. Если я не приеду, ты не повесишься. Но если я поеду, папка повесится, определенно повесится. Он об этом во сне бредит. Прямо как старый еврей, у которого гои уведят единственную дочь. Посмотри там, в Вене оперу Галеви “Жидовка” на эту тему.

Во-вторых, я получила повышение по службе, о котором я давно мечтала. Целый год проверяли мои анкеты – и сейчас дело решено в мою пользу.

Боря, мой маленький, мой мышоночек, если бы ты был здесь в Москве, я была бы счастлива стать твоей женой. Но бросить все и ехать к тебе в Вену – не могу!

Почему я называю тебя “маленький”, когда ты на голову выше меня? И этот “мышоночек” может раздавить меня, как медведь. Почему? Сама не пойму.

Боря, прости меня! Поверь, что я люблю тебя так, как я только умею любить. А если я сейчас отказываюсь ехать, то, может быть, я вообще не способна на настоящую любовь.

И скажу тебе, любимец богов, по секрету еще одно: благодари Бога, что я не стала твоей женой! Ведь я же говорила тебе, что я ведьма. И я испортила бы тебе всю жизнь. И всю жизнь ты бы не понимал, что это такое.

Тебе еще очень и очень повезло, что все это кончилось так, а не иначе. А так осталось только воспоминание о большой и чистой любви. Во всяком случае у меня.

Ох, чуть не забыла. В твоём последнем письме, в самом конце, ты написал что-то непонятное: “Да, папа Иннокентий оказался прав!” Чей это папа? Кого-нибудь из наших знакомых? Что он там про меня насплетничал?

Помни, что я тебя любила так, как умею. А большего нам, ведьмам, не дано.

Нина.

П. С. При случае поблагодари княгиню Лизу за ее амулет против ведьм. Может быть, он тебе действительно помог”.

К последующему письму Нины был приложен официальный бланк 13-го отдела КГБ, где генерал-профессор Калинин сообщал следующее:

“Дорогой Борис Александрович!

Извините, что я вмешалась в Вашу личную жизнь. Но я являюсь руководителем спецпроекта “Чертополох”, куда входит радио “Свобода” и, таким образом, Нина Миллер. Кроме того, наш красный папа поручил мне быть Вашим ангелом-хранителем.

Сообщаю Вам те два секрета, тот классовый барьер, который наша принцесса Нина Миллер никак не могла перепрыгнуть.

Первый секрет. Она строила из себя советскую дворянку. А на самом деле она не дворянка, а лесбиянка. И эта “техническая девушка” лесбиянит уже с 16-летнего возраста.

Второй секрет. Ее отец всю жизнь тщательно скрывает, что он еврей-выкрест. Поэтому и его дочери приходится скрывать, что она полуеврейка.

Зная эти секреты, вы поймете и всю остальную “тайнопись” в ее письмах. Может быть, это пригодится Вам для Вашей книги об идеальных советских людях нового типа – гомо советикус.

Теперь о деле. Ученические годы Вильгельма Мейстера окончились, и в ближайшее время Вас отзывают в Москву для прохождения курса в нашем Институте высшей социологии – НИИ-13.

Вспомните слова из “Золотого осла” Апулея, что для достижения настоящей мудрости сначала нужно побывать в ослиной шкуре. Перед отъездом из Вены рекомендую Вам послушать оперу Галеви “Жидовка”.

Искренне Ваш И. В. Калинин.

Профессор высшей социологии генерал-лейтенант госбезопасности”.

Так закончился роман инженера человеческих душ Бориса Руднева, который охотился за советской девушкой нового типа – гомо советикус.

Глава 17. Чистилище

*Лучше чем любовь, деньги, славу – дайте мне правду.
Вы познаете правду – и эта правда сведет вас с ума.*

Генри Тора Олдос Хаксли

В доме чудес, где помещался “Профсоюз святых и грешников”, произошло очередное чудо. Но чудо это такое щекотливое, что щекотливым людям это, может быть, лучше и не читать. А людям суеверным на всякий случай не мешает перекреститься и плюнуть через левое плечо.

Может быть, не стоило бы всего этого и рассказывать. Но и не рассказать тоже как-то жалко. Иначе будет существенный пробел в истории психологической войны. И не добавить здесь некоторые детали, так сказать, технику этой психвойны, было бы даже как-то нечестно по отношению к человечеству.

Очередной шухер в доме чудес начался, как обычно, из-за совершенного пустяка, из-за бутылки армянского коньяку.

В кругах агитпропа пошли слухи, что дом чудес скоро демонтируют и ликвидируют. В результате комиссар дома чудес Сося Гильруд так расстроился, что с горя напился. Раньше он всегда был очень осторожен с алкоголем. И вот с непривычки с ним получилась маленькая оказия.

Выпивали они на конспиративной квартире вдвоем с Мушером и выпили целую бутылку армянского коньяку. Но в Коране говорится, что в каждой капле вина сидит шайтан. И в данном случае так оно и получилось.

Когда бутылка кончилась, Сося задремал на диване. А Мушер решил, что пора ехать домой. Он встал и начал заправлять скользкую капроновую рубашку, которая выбилась у него из штанов. И для удобства Мушер расстегнул штаны.

Но в этот момент с комиссаром дома чудес произошло нечто странное – словно в него вселился шайтан. Сося встал, как сомнамбула, сделал несколько шагов и затем вдруг повалился перед Мушером на колени. Глаза у Соси были закрыты, а рот широко открыт. И он сложил обе руки перед собой так, словно он просит подаяния или милостыни.

Говорят, что когда-то дикари, которые бегали без штанов, поклонялись штанам белых колонизаторов, думая, что вся их сила в штанах. Так вот и Сося стоял на коленях и молился на Мушеровы штаны.

В условиях социалистического реализма все это, конечно, вещь довольно необычайная. Но поскольку нас, русских, упрекают, что мы отстаем от жизни, то вот мы и переходим к соцмодернизму. Чтобы не отставать от “неохристианина” Солженицына, который в своем “Одном дне” так и пишет: “...а тебе хрен в рот...” (см. оригинал: Новый мир. 1962. №11).

Ведь когда-то великий правдоискатель Достоевский сказал, что Россия еще скажет миру свое новое слово. И имя этому слову – соцмодернизм. Ведь без этого не поймешь, что творится в нашем грешном мире.

Так или иначе, но бедному Мушеру все это было очень неприятно. В голове шумит армянский коньяк, а Сося выкидывает какие-то армянские шутки. В общем, за-

правил Мушер свою рубашку и, невзирая на Сосины молитвы, безжалостно задержал молнию на штанах.

Как только алтарь закрылся, Сося открыл глаза, закрыл рот, встал с колен и смущенно пробормотал:

– Ох, я, кажется, немножко ошибся... Я думал, что это князь Горемыкин...

Потом Сося повалился на диван и заснул. А Мушер поехал домой.

На другое утро Мушер сначала подумал, что все это ему только приснилось. Но потом он не удержался и рассказал это как анекдот своей жене. А Фуфочка, которую недавно выпустили из дурдома, ему и говорит:

– Ох, ты ж, Мушер, и дурак! Неужели ты этого не знаешь?

Говорят, что женщины в интимных вопросах обычно опытнее мужчин. Так вот и Фуфу. С улыбкой превосходства сообщает она Мушеру, что большинство педерастов натягивает друг дружку вовсе не в зад, а в рот. И все это означает, что чародей Сося просто педераст – и с пьяных глаз перепутал Мушера с князем Горемыкиным.

После этого Мушер попал в затруднительное положение. Дело в том, что по советским законам категорически запрещается, чтобы педерасты работали в таких местах, как дом чудес, которые связаны со всякими хитрыми органами. А если Мушер это знает и молчит, то он как бы соучастник преступления.

Поэтому Мушер решил поговорить на эту тему в доме чудес. Начал он с потомка Чингисхана и для интимности запер дверь на ключ. Но потомок Чингисхана вел себя очень странно: он сразу чего-то испугался и кинулся к двери.

Когда-то от одного имени Чингисхана дрожали целые народы. Огнем и мечом прошел он от Тихого океана до Дуная, и его империя была больше всякой Римской империи. Теперь же потомок этого Чингисхана царапался ногтями в запертую дверь и истерически взвизгивал:

– Почему меня заперли? Я ничего не знаю... Тогда Мушер поговорил с Филимоном. Тот перекошил свои косоглазые глаза еще больше и посоветовал:

– Послушайте, Мушер, не разыгрывайте из себя сенатора Маккарти. Знаете, это вредно для здоровья...

Следующим номером был добрейший Адам Абрамович с радио “Свобода”. Но добрейший Адам вдруг страшно рассердился. От волнения он вспотел так, что у него задымилась лысина.

– Вы клеветаете на честных людей! – кричал Адам. – Вас в тюрьму посадить надо!

Все получалось, как в армянском анекдоте, – все наоборот. А дома Фуфу только усмехалась:

– Эх, Мушер, какой же ты глупый! Ведь это ж все одна шайка. Видишь, какие они солидарные – настоящие солидаристы. Один за всех – и все за одного!

Когда очередь дошла до колченогого Артамона, оказалось, что он недаром был директором спецшколы для дефективных детей. Он сразу взбесился. Его седой чуб поднялся дыбом, как петушиный гребень, водянистые глазки налились кровью, а изо рта у него, как у дракона, исходило зловонье. Казалось, что сейчас он кинется и начнет кусаться.

Мушер приоткрыл ящик стола. Там лежала черная самопишущая ручка, оставшаяся от Бориса Руднева.

Брызгая слюной, Артамон угрожающе шипел:

– Сенатору Маккарти устроили похороны с цветами и музыкой... Смотрите, что-бы и с вами так не получилось...

– Посмотрим, – сказал председатель дома чудес.

Он взял черную ручку и нажал кнопку. Раздался выстрел, как из пистолета. И специалист по дефективным детям исчез в облаке белого дыма.

Затем чудики из дома чудес лицезрели новое чудо. Колченогий Артамон вылетел из комнаты Мушера с таким шумом и дымом, как межпланетная ракета. До этого от Артамона только другие люди плакали. Теперь же он сам плакал. Но как?! Слезы из него текли, капали, струились – из глаз, из носа, изо рта, изо всех складок его морщинистой физиономии, и, как потом уверял Жоржик Бутырский, даже из ушей.

Пошатываясь и держась за стенку, Артамон бежал по коридору так, словно его окунали головой в горчицу, а потом намазали под хвостом скипидаром. Он кашлял, чихал, сморкался, отплевывался, икал, чесался, ругался. И плакал, плакал, плакал. Плакал такими горячими слезами, каких в доме чудес еще никто никогда не выдывал.

Цыганский барон Люся Шелапутин стоял и качал головой:

– Ох, психологическая война принимает новые формы.

Затем события в доме чудес стали развиваться с кибернетической быстротой. А виновата во всем этом была Фуфу. Она раззвонила всю эту историю в Неделкино, а неделки из Неделкино разнесли это по всей Москве.

Если когда-то синица не могла поджечь океан, то теперь Фуфу, как зажигалка, подожгла общественное болото. И сплетни заходили, как ночные огоньки на болоте. Нашлись умники, которые пустили шептуна, что весь иностранный отдел агитпропа – это, мол, не что иное, как модернизированная постановка “Бесов” Достоевского. Поскольку, мол, дом чудес и радио “Свобода” – это инструменты психологической войны, то есть идеологической диверсии, подрыва и разложения, то для этого там и подобрали людей с соответствующей психикой – тех самых психов, которых Достоевский окрестил бесами.

За эту идею ухватились всякие полуинтеллигенты и давай фантазировать. Ага, говорят, запрягли, значит, этих бесов в машину пропаганды. Раньше, значит, нечислтая сила летала верхом на помеле, а теперь ее запускают в эфир по радио.

И поднялась вокруг агитпропа настоящая свистопляска.

От всего этого бедный Сося Гильруд так разнервничался, что забаррикадировался на своей конспиративной квартире и сносился с домом чудес только по телефону, а когда выходил на улицу, то надевал черные очки. Потом он заявил, что болен от переутомления, и слег в госпиталь.

Затем в агитпропе началась эпидемия каких-то загадочных болезней. Начальник агитпропа вдруг стал жаловаться на печеночные камни. А за его спиной шептали:

– Это у него Сося в печенках застрял...

А бедный Сося долежался в постели до того, что у него получились пролежни. Теперь он уже действительно не мог встать с постели, лежал задом вверх и стонал, что его отравили какими-то специальными ядами.

У начальника радио “Свобода”, добрейшего Адама Абрамовича, вдруг появилась мания преследования. Он стал непрерывно менять квартиры, скрывая свой адрес и телефон даже от ближайших сотрудников. Потом у него так разыгрался геморрой, что его нужно было оперировать. А Адам брыкался и кричал:

– Я знаю, меня хотят зарезать на операционном столе!

Колченогий Артамон подал заявку, чтобы у него в кабинете приделали железную дверь и специальную электрическую сигнализацию для защиты от покушений. От всяких треволнений у него обострилась язва желудка, и он лечил ее водкой. Потом он в пьяном виде свалился с лестницы, разбил себе физиономию и уверял, что на него напали и хотели убить.

Видя, что все кругом болеют, косоглазый Филимон божился, что это новый разговор врачей-отравителей. А у Остапа Оглоедова от страха началась медвежья болезнь, и он тоже жаловался, что его отравили.

А тут еще пошли слухи, что скоро будут какие-то серьезные пертурбации и что радио “Свобода” тоже ликвидируют. Радиокорреспондент Остап Оглоедов держался за живот и стонал:

– А куда ж я пойду? Ведь я ж инвалид психологической войны. Эх, хоть бы пенсию дали...

Помимо лекций в Институте черной профессуры – НИИ-13 профессор темных дел Малинин давал Борису Рудневу также еще и частные уроки.

– Борис Алексанч, у иезуитов, например, даже в США есть свои иезуитские колледжи. И высшее образование иезуита в общей сложности занимает 13 лет. Многие этого не выдерживают и бросают. А мы с вами должны познать Бога и дьявола за значительно более короткий срок.

В качестве практического примера возьмем ваш дом чудес. Вы были там несколько лет президентом. Вы хорошо знаете всех этих чудиков. Но многого вы там не видели. Вот теперь мы и посмотрим то, чего вы не видели. Как говорится в Евангелии: имеющие очи – да видят!

Я уже говорил вам, что дом чудес – это своего рода оружие психологической войны, которая ведется при помощи всяких психов и психопатов. Однако психические болезни тесно связаны с половыми извращениями. Это же вам скажет и доктор Фрейд. Но с Фрейдом нужно обращаться осторожно: он всегда на стороне своих пациентов-легионеров и очень много врет и путает. Например, если вы заговорите с фрейдистами о дегенерации, то у них начнутся судороги и истерика. Поэтому Фрейда запрещает в принципе не только католическая церковь, но и коммунистическая партия.

Чтобы понять проблему дегенерации, состоящей из половых извращений и психических болезней, лучше представить себе дело так: сначала природа или, если хотите, Бог посылает данным людям предупреждение в форме половых извращений – прекратите размножение данного рода. А если эти легионеры не слушаются Бога, то тогда в последующих поколениях начинаются психические болезни. Ну и еще некоторые физические деформации организма. Теперь проанализируем эту проблему, сделаем вашему дому чудес маленький психоанализ. – Генерал-профессор вынул из шкафа несколько папок и положил их перед Борисом. Это были личные дела чудиков из дома чудес. И дела эти начинались издалека.

На первом месте шел комиссар дома чудес Сосий Исаевич Гильруд. Когда-то его отец Исай Моисеевич издавал в Прибалтике леводемократическую газету, где поддерживал “февралистов”, то есть дело Керенского. Будучи гуманистом и меценатом, он окружил себя либеральными писателями и поэтами. Но в действительности весь этот либерализм заключался в том, что это была шайка гомосексуалистов, своего рода тайное общество. Любимым миньоном, то есть возлюбленным, Сосино-го отца был – когда-то в молодости – женоподобный потомок Чингисхана. В этой же шайке крутился и колченогий Артамон. А теперь сын потомка Чингисхана, цыганский

барон Люся Шелапутин, был не только шофером, но и миньоном у колченогого Артамона.

– Видите, как эти делишки делаются, заметил генерал-профессор.

Парт-Мефистофель Сося Гильруд, связанной между белой и черной магией агитпропа, работал на конспиративной квартире со своим секретарем. Котиком Горемыкиным. Но оказывается, что основная конспирация заключалась в том, что у них там был конспиративный романчик. Одни крутят это со своей секретаршей, а другие предпочитают секретаря.

– Говорят, что от этих-то секретов и произошло слово секретарь, – усмехнулся генерал-профессор.

В свое время колченогий Артамон был директором школы для дефективных детей. Но, оказывается, он и сам был немножко дефективным – и судился за растление малолетних.

Косоглазый Филимон когда-то дружил с первым мужем своей жены. Но оказывается, что эти два мужа употребляли друг дружку. А жена служила им только для маскировки.

Тройной агент Жоржик Бутырский славился своими амурными похождениями. Но в действительности у него комплекс донжуана, то есть не что иное, как латентная, или подавленная, гомосексуальность. Просто двуполоая сучка – 33 процента доктора Кинси. По совместительству Жоржик служил миньоном у Соси Гильруда. Потому-то Сося и заботился о Жоржике как приемный отец.

Бухгалтер дома чудес, финансовый гений Акоп Саркисян, хотя и был женат на русской, но занимался с ней всякими армянскими штуками, которые называются двойник и тройник. В результате этих шуток его сын родился косоглазый и страдает эпилепсией.

Черная социология была наукой чрезвычайно запутанной. Те сумасшедшие, настоящие сумасшедшие, которые окончательно приземлились в сумасшедших домах, – это просто жертвы нашей цивилизации, жертвы прогресса. А честные открытые педерасты – это просто последняя станция прогресса. Но вся беда, все зло – в промежуточных стадиях этого процесса. Вот там-то и происходит борьба между Богом и дьяволом – в душе человека. И комбинаций там больше, чем волос на голове.

В результате этой борьбы отец Соси Гильруда перебежал от антихриста к Христу, то есть vykрестился. Но потом его потянуло назад, и он решил схитрить – женился на караимке, то есть из еврейских староверов Моисеева завета. Но Бога не обманешь – и его сын Сося получился таким же гомо, как и его отец. Да еще и с огромным черным пятном на боку, что когда-то называли печатью дьявола. Кроме того, у Соси так называемая жировая дегенерация, потому он и жирный, как баба. Поэтому-то в народе и говорят, что хороший кочет – всегда худой.

Правда, Сося был гомо так называемого активного типа, то есть который натягивает других мужчин, своего рода сверхмужчина, юберменш. За эту активность дьявол дегенерации наградил его комплексом власти, сделал его типичным комиссаром. Но этот комиссар делает все в темноте, сзади или наоборот. Потому-то Сося так изворотлив, двуличен и лжив. А это уже одна из форм шизофрении, расщепление личности, где человек сам не замечает, где правда и где ложь. Кроме того, Сося типичный неврастеник и истерик. Потому-то он так осторожен с алкоголем, иначе ослабевают тормозящие моменты, и вся пакость выскакивает из души наружу. Так, как это частенько получается у колченогого Артамона.

– Хм, но каким образом все эти люди женаты? – удивился Борис, листая личные дела.

– А вы присмотритесь поближе, – посоветовал генерал-профессор. – Все это браки не простые, а специальные. Нужно только найти соответствующую женщину – из французских анекдотов. А таких тоже легион. Вот вы этих легионеров не видите, а они друг дружку прекрасно видят.

Смотрите, у Соси жена больная. И болезнь у нее не где-нибудь, а в голове. Детей у Соси нет. И у Артамона детей тоже нет. И у Филимона опять бездетный брак. А у кого из них дети есть, то эти дети, как правило, дефективные. Такие, что лучше их не иметь.

Столь же просто объяснялись загадки и всех остальных чудиков из дома чудес. Потомок Чингисхана был гомо пассивного типа, то есть своего рода подмужчина, или унтер-менш. Кроме того, он мазохист и импотент. Отсюда и его вечные стишки про несчастную любовь, и его излюбленные разговорчики про самоубийство. Потому он всегда такой грязный и невымытый. Просто старый битник, или, как говорят теперь, хиппи.

Маленькая техническая деталь. Большинство людей думает, что гомо употребляют друг друга в зад. Но в действительности большинство этих легионеров натягивают друг дружку не в зад, а в рот, что в медицине называется фелляцио. Оттого-то и произошли такие, казалось бы, бессмысленные ругательства, как х-сосы и в рот - еные. В наше современное время это не мешает знать также и нормальным людям, чтобы не попасть впросак.

Например, когда потомок Чингисхана состарился и уже не соблазнял других гомо, у него появилась дурная привычка. Он выпивал с кем-нибудь и подсыпал своему собутыльнику в стакан снотворное. Когда человек засыпал, злосчастный поэт сосал у него своим беззубым ртом. В большинстве случаев это сходило незамеченным. На следующее утро пострадавший чувствовал, что в штанах у него какой-то беспорядок, но что это такое – не понимал. Но иногда пострадавший понимал, что выпивал с х-сосом, и тогда старого поэта изрядно колотили.

Вот вам и поэт – певец любви! О, эти серые глаза меня пленили...

Не лучше была и бывшая жена, седьмая жена потомка Чингисхана, – Ирина Забубенная, баронесса-поэтесса, которая тоже писала стихи про чистую любовь. В молодости Ирина немножко лесбиянила. Она была гомо активного типа, то есть мужик-баба. Потому-то она и курит, и пьет, как мужик. За это дьявол дегенерации наградил ее еще нимфоманией, как говорят в народе, бешенством матки, и садистскими наклонностями. В своем “пассивном” муже эта “активистка” нашла то, что ей нужно: он сосал у мужчин и лизал у женщин. По рецепту папы Фрейда о ротовом эротизме.

После такого эрзац-кофе ведьма Ирина устраивала свальный грех с целой кучей любовников, которые пикировали на нее в порядке живой очереди. А злополучный муж-оборотень смотрел на все это, плакал счастливыми мазохистскими слезами и экспромтом писал стишки про несчастную любовь.

Вот от такой-то собачьей свадьбы и родился их проблематичный сын – цыганский барон Люся Шелапутин, тоже пассивный гомо, мазохист и импотент. Потому-то садист Артамон взял мазохиста Люсю к себе в шоферы, чтобы издеваться над ним при каждом удобном случае, отчего оба получают большое удовольствие, иногда вплоть до оргазма.

Маленькая техническая деталь. Странная родословная цыганского барона Люси Шелапутина – это вовсе не случайность, а своего рода закономерность. Этим методом деторождения, от чужого дяди, дегенеративные родители пользуются совершенно сознательно и довольно часто, чтобы понизить шансы дьявола дегенерации на 50 процентов. С точки зрения семантического анализа от этих-то фокусов и ро-

дилось такое, казалось бы, бессмысленное выражение: “На чужом х... в рай по-пасть”. И пустили его в обиход сами легионеры. Но обмануть Бога не так-то просто. И поэтому цыганский барон Люся Шелапутин попал не в рай, а в тот же самый ад, в котором варились его родители. Поэтому-то он уже несколько раз пытался покончить жизнь самоубийством. Комплекс саморазрушения.

Так говорили папки 13-го отдела КГБ. И теперь Борис Руднев, советский Фома Неверный, сам видел, что все это правда. Вот они бесы 13-го отдела, которых красный папа Максим Руднев посадил на цепь и заставил служить советской власти.

У флегматичного Филимона в душе сидит бес суккуб, который превращает мужчин в женщин, бес пассивной педерастии. Потому-то Филимон и подсказал футуристу Маяковскому такую рекламу сосок Главрезины: “Лучше сосок в мире нет – готов сосать до старости лет!” Вот от этого-то футуризма Маяковский и застрелился.

Кроме того, у Филимона комплекс кастрации. Потому-то он, когда перепьется, то лезет к мужчинам целоваться, а потом футболит объект своей любви коленом между ног, за что его много раз били по морде. Потому-то Филимон и косоглазый.

– Бог шельму метит, – пояснил профессор темных дел Малинин. – Смотрите, и тот приятель, по фамилии Гречко, у которого Филимон выменял свою жену, тоже косо-сой. Сын Акопа Саркисьяна тоже косо-сой. У Остапа Оглоедова падчерица ко-са-я. А у вашей, извините, принцессы Нины фон Миллер кузина ко-са-я. Потому и говорят: дур-ной глаз, который наводит на людей порчу, то есть несчастье.

Это типичные дегенеративные признаки. Артамон – колченогий, хромой и мас-кирует это ортопедической обувью. У вашей, извините, богини Нины фон Миллер не только косоглазая кузина, но мать этой кузины еще кривобокая и хро-мая от рожде-ния.

– Нина говорила, что она упала, когда была ребенком.

– Так они все врут. Потому и говорят, что дьявол дегенерации – это лжец и отец лжи. А кузина эта, по-видимому, пальцем деланная, так как мужа там нет – и не было. Вероятно, поэтому Нина и завела с вами разговор про искусственное осеменение. Чтобы проверить, знаете вы эти фокусы или нет.

Обратите внимание, что у Соси Гильруда на боку огромное черное пятно, что в доброе старое время называлось печатью дьявола. А у вашей бывшей богини Ни-ны подобная печать на подбородке – метка ведьмы, правда немножко вырезанная. И на теле у нее еще несколько таких печатей.

Бывший любимец богов листал личное дело своей бывшей богини и хмурился. Когда-то Нина щебетала: “Изо всех невозможно-возможных возможностей – ты всех невозможней – и всех милей!” Этой тайной любовью была французская Лиза. А их любовным гнездышком была дамская уборная на радио “Свобода”, где они занимались, тем, что называется взаимным онанизмом. Любовь на скорую руку.

Чего уж там стесняться в наше современное время, где даже и любовь тоже мо-дернизируется. Ведь теперь в американских школах ввели новый предмет – сексу-альное обучение, где детей учат, что все виды секса, включая куннилингус и фелла-цио, то есть лизание и сосание, – это совершенно нормальное явление. То, что раньше называлось французской любовью, теперь стало американской любовью.

Молоденькие ведьмы Нина и Лиза имели еще одно гнездышко – в переулке Эн-тузиастов. Потому-то Нинина комната и замыкалась так тщательно, словно там ма-стерская фальшивомонетчиков. Там делали фальшивую любовь – куннилингус. Ведьмы ложились валетом, лизали друг у дружки так, что пена летела ключьями, и счастливо облизывались.

В качестве иллюстраций к делу Нины была приложена серия фотографий, снятых секретной камерой. Это чтобы ведьмы потом не отказывались, что они ведьмы. Советская инквизиция шутить не любит. Ведь по букве закона за это полагается тюрьма.

Мало кто знает, что в большинстве стран, включая также и США, где в школах обучают куннилингусу и фелляцию, одновременно существуют законы, по которым то, что называется французской любовью, минетом, куннилингусом или фелляцией, то есть ротовым эротизмом Фрейда, официально считается преступлением против природы – и за это полагается тюрьма. Вся загвоздка только в том, что тюрем не хватает.

Когда-то Нина весело щebetала, что технически она еще девушка, а вообще же она большая бе-е-е, то есть блядь. Тогда это казалось пикантной шуткой. Но Нина говорила правду. Она лесбиянила напрапалуу уже с 16-летнего возраста, направо и налево, а технически оставалась девой. А вот и список ее любовников, вернее, любовниц. И список этот был довольно длинный.

Помимо французской Лизы в этом списке была капитальная Капиталина, которую октябрили этим именем в честь “Капитала” Карла Маркса, секретарша чародея Соси. Хотя своими капитальными формами она обещала все блага рая, но в ней сидел бес нимфомании, и она грешила не только с мужчинами и женщинами, но и даже с собаками.

Следующей по списку шла подруга Капиталины – блудница Магдалина, секретарша Адама Баламута, с которой монна Нина когда-то рисовала рубенсовских женщин. Говорят, что художники частенько крутят амуры со своими голенькими моделями. Так вот и Нина с Магдалиной.

Список Нининых любовниц был такой длинный, что Борис смотрел на него даже с некоторой завистью.

Вот тебе и монна Нина! Спящая красавица... Агитпроповская мадонна... Потому-то на мусорной куче агитпропа ее и называли белладонной – красавка, бешеная вишня, сонная одурь..., Белла-донна, прекрасная дама, о которой люди постарше говорят детям: “Не троньте эту дрянь – плакать будете!”

Бывший любимец богов захлопнул личное дело своей бывшей богини и почувствовал такую усталость как иезуит после 13 лет обучения.

– Ничего, – утешал его профессор Малинин. – Если вы хотите невесту из хорошей семьи, то из них 50 процентов такие.

Над Москвой медленно ползали годы, и психологическая война принимала новые формы. На смену спецпроектам “Чертополох” и “Профсоюз святых и грешников” приходили новые спецпроекты – “Голем” и “Агасфер”, разработанные в мозговом тресте профессора Максима Руднева. Теоретической работой занимался Научно-исследовательский институт – НИИ-13, а практической работой 13-й отдел КГБ.

По сообщениям западной прессы, в Москве бурно развивалось демократическое движение за свободу и права человека в форме диссидентов, несогласников и инакомыслящих, которые весело накручивают “Самиздат”. Одновременно западная пресса возмущалась, что советская тайная полиция – КГБ называет этих инакомыслящих и несогласников просто шизофрениками и параноиками и сажает этих бедных демократов в дурдома. И никто ничего не понимал. Кто тут прав – и кто виноват?

А виноваты во всем этом были марксистская диалектика и ленинизм. Да еще спецпроект “Голем”. Но чтобы разобраться в этом деле о дурдомах, сначала нужно

сделать маленький исторический экскурс и посмотреть на все это в исторической перспективе.

Началось все это с того, что в начале 50-х годов дядя Сэм поручил лучшему мозговому тресту Америки – Гарвардскому университету – выработать планы психологической войны против СССР. В результате родился Гарвардский проект, где главную роль играл профессор Натан Лейтес и еще целый кагал сионских мудрецов с длинными марксистскими бородами и хромавших на левую ногу.

Эти сионские мудрецы мудрили-мудрили, шептали кабалистические формулы из Маркса и Фрейда, и наконец намудрили, что психвойна должна базироваться на ленинизме, то есть на комплексе Ленина, точнее, на комплексе латентной педерастии товарища Ленина (см. “Новое русское слово” от 23.IX.1958 г. и немецкий журнал “Дёр монат”, орган америк. военной админ. в Берлине, №107, август 1957 г., статья главн. ред. Мельвина Ласки “Письмо из Оксфорда”, стр.19.). В общем, типичная фрейдовская кабалистика.

Вслед за Гарвардским проектом появился некий Американский комитет по освобождению России от большевиков при помощи троцкистов и меньшевиков и затем целый комбинат психвойны в Нью-Йорке и Мюнхене: радио “Освобождение”, радио “Голос Америки”, радио “Свободная Европа” и прочие пропагандные лавочки. За всем этим маячила американская разведка Си-ай-эй в Вашингтоне.

Пока сионские мудрецы из Гарвардского проекта заглядывали под хвост товарищу Ленину, в Москве тоже не дремали. Советские мудрецы из мозгового треста профессора Максима Руднева прекрасно знали, что такое “комплекс Ленина”. Ведь папеле Фрейд говорит, что латентная гомосексуальность, то есть французская любовь типа ХС или ПЛ, это основная причина большинства психических болезней. И фрейдисты считают, что гомосексуальность – это первоисточник агрессивности и любой агрессии, начиная от простой драки между мужем и женой и вплоть до всемирных войн и революций.

С точки зрения 13-го отдела КГБ все это выглядело так. Если американцы базируют свой комбинат психвойны на “комплексе Ленина”, то это означает, что они насадили там всяких ленинцев с “комплексом Ленина”, то есть всяких дегенератиков типа ХС или типа ПЛ, чтобы они через радио и печать мучили своих советских братьев с “комплексом Ленина”, тоже типа ХС или ПЛ, то есть шизофреников и параноиков, садистов и мазохистов, и подбивали их на бунт против советской власти. В общем, инсценировка “Бесов” Достоевского в постановке американской разведки.

О’кей! Согласно марксистской диалектике, по закону о единстве и борьбе противоположностей, советские мудрецы из мозгового треста профессора Руднева ответили на Гарвардский проект санитарным кордоном в форме спецпроекта “Чертополох”, где московское радио “Свобода” переругивалось в эфире с мюнхенским радио “Освобождение” и “Голосом Америки”. А чудики из дома чудес и недоделки из Недоделкино помогали этому на бумаге.

Весь этот “Чертополох” исходил из того же ленинского принципа, что и Гарвардский проект. Дело в том, что сионские мудрецы были совершенно правы – в теории. А на практике всё это было нейтрализовано спецпроектом “Чертополох”. По принципу клин клином вышибают.

Тогда американская разведка опять обратилась за советом к сионским мудрецам. Мудрили они, мудрили и намудрили операцию “Черный крест”, которая должна была оперировать в Москве под маской демократического движения за свободу и права человека. Как полагается в такой кабалистике, поскольку у товарища сатаны два крыла, то и у “Черного креста” тоже было два крыла: слева неотроцкисты со сво-

ей перманентной революцией, то есть анархисты и нигилисты, маскирующиеся под демократов, а справа неосатанисты-бердяевцы, маскирующиеся под неохристиан.

Операция “Черный крест” опять базировалась на ленинизме, то есть на комплексе латентной педерастии товарища Ленина, где палеле Фрейд говорит, что это просто психи типа ХС или ПЛ, то есть х-сосы и п-лизы. А такие были, есть и будут. Потому-то и говорят, что Ленин умер, но дело его живет. Потому-то товарищ Сталин, лучший ученик товарища Ленина, во время Великой Чистки и перестрелял всех этих ленинцев, как бешеных собак. Ведь он сам был “таким” – и все это знал.

Пока сионские мудрецы оперировали со своим “Черным крестом”, советские мудрецы пустили в ход спецпроект “Голем”.

Кто сейчас знает, что такое Голем? Это даже и не все евреи знают. Но это хорошо знали в мозговом тресте профессора Руднева.

Ведь до революции в России было около 7 миллионов евреев. Потом произошла революция, где главную роль играли евреи, якобы борющиеся за свои права. А после революции, где евреи не только получили все права, но и гораздо больше, спустя 50 лет, по официальной переписи населения 1970 года в СССР осталось только около 2 миллионов евреев. Кто же съел эти исчезнувшие 5 миллионов? Голем! А оставшиеся евреи теперь вопят на весь мир – и бегут из СССР, который они сами же и породили. Но кто их там преследует? Тот же Голем!

Есть такая еврейская легенда, что в средние века один мудрый раввин, по имени Иуда Леви, из Праги, вылепил из глины слугу по имени Голем. Затем мудрый раввин Леви при помощи кабалы вдохнул в Голема душу и поручил ему защищать еврейский народ. Но в результате всей этой кабалы Голем вдруг начал лупить самих же евреев.

Таким Големом оказалась и советская власть, которую породили евреи. И с сионскими мудрецами из американской разведки получилась та же история, как с мудрым раввином Иудой Леви из средневековой Праги.

В результате операции “Черный крест”, базирующейся в соответствии с Гарвардским проектом на комплексе латентной полупедерастии – полуеврея Ленина, в первую очередь записывали советские евреи. Просто потому, что у евреев по еврейской же статистике профессора Ломброзо психических болезней в 6 раз больше, чем у других народов.

В ответ на “Черный крест” заработал спецпроект “Голем”, то есть спецпсихбольницы – СПб, психушки и дур-дома, куда сажали психов с “комплексом Ленина”. Но в большинстве случаев это были евреи, люди в смешанных браках с евреями или продукты этих браков – полуевреи, и так далее. В общем, такие байстрючата, как Ленин, Керенский, Гитлер и Гиммлер.

А чтобы не было воплей об антисемитизме, руководил этими дурдомами полковник КГБ и профессор Лунц, сам еврей. Юридическую сторону дурдомов оформлял старший советник юстиции при генпрокуроре СССР Давид Львович Голинов, тоже еврей. Вот оно и получалось: та самая аллегория – Голем.

Вслед за спецпроектом “Голем” и дурдомами потихоньку заработал спецпроект “Агасфер”. В средневековых легендах Агасфером называли еврея, который подгонял Иисуса Христа, когда он нес крест на Голгофу. В наказание за это Агасфер был осужден вечно бродить по всему миру, вплоть до второго пришествия Христа. Агасфер – это Вечный Жид, символизирующий блуждание евреев по миру.

А спецпроект “Агасфер” заключался в том, что дурдомщиков стали высылать за границу. В большинстве случаев это были опять-таки евреи, люди в смешанных браках с евреями или продукты этих браков – полуевреи, и так далее. Одним из первых

сплавили за границу заслуженного борца за свободу Валерия Тарсиса, хромоного автора “Палаты №7”, который упорно отказывался от своих еврейских родителей и твердил, что он потомок Аристотеля.

Однако спецпроект “Агасфер” был делом довольно щекотливым. Если начать высылать за границу тысячи, тысячи и тысячи евреев, да еще из дурдомов, то еврикская и еврипейская пресса сразу поднимут гвалт, что это-де новая форма антисемитизма, что это опять погром, что это нацизм, фашизм, геноцид и так далее. Поэтому мозговой трест профессора Руднева решил действовать по формуле дьявола, который делает все в темноте, сзади и наоборот. Ну и нажали на соответствующие кнопки.

Философ Кьеркегор уверяет, что в наше время дьявол поселился в печатной краске. И западная пресса заводится, как граммофон. Нужно только знать, где у этого граммофона ручка. В качестве такой граммофонной ручки 13-й отдел КГБ покрутил за хвост дьявола, князя мира сего, имя которому легион, и который лжец и отец лжи. Потому-то пресса и такая лживая.

Философ-чертоискатель Бердяев, которого легионеры называют лучшим русским философом 20 века, любит болтать о союзе сатаны и антихриста. Пользуясь формулой Бердяева, 13-й отдел КГБ подергал за хвост и антихриста – и стал нашептывать ему на ухо всякие фигли-мигли, обещая: ему великую империю от Нила до Евфрата. При помощи советских евреев, которые рвутся в бой за великий Израиль и которым страшно хочется работать в кибуцах. Вы только попросите немножко – и мы их охотно выпустим.

И вдруг произошло чудо. Вдруг мировая пресса, как по команде, подняла дикий гвалт, требуя, чтобы советских евреев выпускали из СССР в Израиль. Пока евреи сидели в Кремле и стреляли друг дружку, советская власть была хорошая. А когда кремлевские евреи друг дружку перестреляли, а их сыновей стали садить в дурдома, да еще впрыскивать им в одно место сульфазин и аминазин, советская власть сразу стала плохая. Поэтому советским евреям теперь живется хуже, чем в египетском плену. И все они спят и видят, как бы это эмигрировать в Израиль.

В общем, поднялся в мировой прессе такой гвалт, такой писк и визг, такое светопрестваление, словно сорвались с цепи и сатана, и антихрист, и вся подвластная им нечисть. Словно во всем мире нет других хлопот и забот, как бедные советские евреи. Видно, правы были и Кьеркегор, и Бердяев.

Вся эта свистопляска была как раз тем, что и требовалось мозговому тресту профессора Руднева для спецпроекта “Агасфер”. Раз вы сами просите, то теперь вы уже не скажете, что это антисемитизм. А за этим криком и шумом мы под шумок сплавим вам всех наших дурдомщиков из дурдомов, в первую очередь тех ленинцев, на которых так рассчитывал гарвардский профессор Натан Лейтес и прочие сионские мудрецы из американской разведки.

Вы опять, как в 1917 году, хотели насыпать России ленинских вшей за шиворот. Но теперь мы еще посмотрим, кто от этих вшей в конечном итоге будет чесаться. Намудрили вы там операцию “Черный крест”, так, мы этот черный крест повесим на вашу же собственную шею.

Профессора из НИИ-13 и генералы из 13-го отдела КГБ смотрели на это дело так. За марксизм, ленинизм и революцию, за 50 лет существования советской власти Россия заплатила 50 миллионов человеческих жизней – за роды нового общества. А мы – тайная государственная полиция новой молодой России. И с этими новыми ленинцами, которым опять хочется крови, мы разделяемся по-марксистски. По всем правилам диалектики.

И машина 13-го отдела КГБ заработала полным ходом. Тихо раскрылись ворота спецпсихбольниц, психушек или дурдомов. По спецпроекту “Голем” новых ленинцев садили в дурдома, где им вправляли мозги при помощи сульфазина и аминазина. А если это не помогало, по спецпроекту “Агасфер” этих дурдомщиков, как по конвейеру, высылали за границу. Так бунт обрезанных превратился в обрезанный бунт.

На всех документах, связанных со спецпроектами “Голем” и “Агасфер”, стоял гриф “Особо секретно”. Но самыми лучшими хранителями этих секретов были сатана и антихрист, которые не любят выдавать свои тайны. В лучшем случае вы увидите от них только хвост да рожки – вроде Гарвардского проекта.

Еще долгие годы историки и писатели, фантазеры и щелкоперы, журналисты и прочие бумагомаратели будут ломать себе голову – и морочить голову другим людям, пытаясь анализировать и синтезировать загадку советских дурдомов и “3-й эмиграции” из СССР. Это будет вам такой “Троянский конь”, такой новый “Трест”, что... И у хитрецов из всяких хитрых органов во всех странах мира будет еще много хлопот. Хитрили они хитрили – и сами себя перехитрили.

Когда у вас в тылу помимо собственных психов запишуют еще 300 тысяч советских психов, тогда вы сами увидите, что Ленин умер, но дело его живет.

Глава 18. За грехи отцов

*Согрешили мы с отцами нашими,
совершили беззаконие, соделали неправду...
И приносили сыновей своих
и дочерей своих в жертву бесам.*

Шал. 105:6 и 37

Когда Борис Руднев закончил Институт высшей социологии – НИИ-13, ему предстояло назначение на новую работу. И тогда у него произошел со старшим братом довольно неприятный разговор.

– Так, – сказал Борис. – Теперь давай разберем все по порядку. Прежде всего, каким образом я попал в этот проклятый дом чудес?

– Чистая случайность, – сказал маршал госбезопасности. К разговору присоединился архиепископ Питирим, по совместительству генерал-полковник 13-го отдела КГБ.

– А может быть, это и закономерность. Ведь тогда Борис Алексаныч собирался писать книгу о советских людях нового типа – гомо советикус. Вот Господь Бог и решил показать ему настоящих гомо советикус.

– Так или иначе, но я на этом деле обжегся, – мрачно сказал Борис. – И довольно больно. Я полюбил женщину и думал, что это богиня. Но эта богиня оказалась не женщиной, а черт знает чем...

– Ничего, – утешал его архиепископ Питирим. – Но зато теперь вы знаете, что вы держали в своих руках царицу Атлантиды – Пьера Бенуа, жрицу луны Саламбо – Флобера и царицу Тамару – Лермонтова. Кроме того, эта Нина вас действительно любила. Только поймите ее психодинамику: поскольку она гомо советикус активно-го типа, то она любила вас, как мужчина мужчину.

– Черт бы побрал эту любовь! – чертыхнулся бывший любимец богов. – А мой парт-Мефистофель, который разыгрывал из себя моего лучшего друга... Этот гад так усердно тряс мне руку и желал с Ниной счастья, прекрасно зная, что там может быть только несчастье...

Максим сочувственно покачал головой:

– Н-да, с этим Сосей ошибался не только ты, но и опытейшие СС-овские генералы. Будучи гомо советикус активного типа, он инстинктивно чарует мужчин, как другой мужчина женщин. Настоящий чародей. Но теперь ты знаешь психодинамику людей этого типа: сначала он за тобой подсознательно ухаживал, а потом, не имея взаимности, стал ненавидеть. Кабале унд либе! Кстати, подобные взаимоотношения были у Наполеона и его хромого черта Талейрана.

– Борис Алексаныч, – мягко сказал архиепископ Питирим, – высшая социология – это трудная наука. Но ваши годы в доме чудес, а затем в НИИ-13 – это лучшая школа для руководящих работников.

– Да, да, ученические годы Вильгельма Мейстера, – ворчал Борис. – Знаем мы это: чтобы докопаться до настоящей мудрости, сначала нужно побывать в ослиной шкуре. Но теперь я скажу вам мою психодинамику: мне все это осточертело! И я не хочу больше работать в этой области.

– Вот и прекрасно! – воскликнул архиепископ. – Тех, кто хочет у нас работать, таких мы принципиально не берем. Во всяком случае, на руководящие должности мы, как правило, берем только тех, кто не хочет. Иначе к нам налезет всякая пакость с комплексом власти.

– Нет, нет, с меня довольно. После вашей высшей социологии я с удовольствием уехал бы куда-нибудь подальше от цивилизации. Куда-нибудь к чертовой матери, на тропический остров. К дикарям.

Маршал и архиепископ переглянулись.

– Прекрасная идея! – сказал архиепископ. – А что бы вы там делали?

– Ничего, – сказал бывший любимец богов. – Лежал бы на пляже под пальмами, пил ром и лапал островитянок.

– Замечательно! – улыбнулся архиепископ. – У нас есть для вас подходящий остров.

– А что там делать?

– Лежать под пальмами, пить ром и лапать островитянок. Ну и иногда будете нашептывать вождю островитян кое-что на ухо.

– А где это?

– Один из самых очаровательных тропических островов в мире – Куба. Там вы отдохнете лучше, чем в Крыму.

Официально в Советском Союзе для дипломатов существуют звания советников 1-го и 2-го класса. Но потом, в порядке классово-борьбы, ввели еще один высший ранг – тайного советника, нечто вроде красного гехеймрата. Обычно эти гехеймраты держались в тени, но другие дипломаты знали, что слово гехеймрата – закон.

Через несколько дней Борис Руднев – с документами на имя сеньора Руднеро – вылетел на Кубу в качестве советского эмиссара и красного гехеймрата при революционном правительстве Фиделя Кастро.

Когда на Кубе начиналось революционное движение, американский госдепартамент оказывал революционеру Кастро полную моральную поддержку. В Америке производили сбор средств в пользу Кастро. В американской печати Кастро превозносили как демократа и либерала, борющегося за извечные идеалы свободы, равенства и братства.

Но потом получился маленький бламаж. Когда дело было сделано – и сделано на американские денежки – либерал и демократ Кастро вдруг перекинулся на советскую сторону.

Американцы, как говорится по-американски, бились головой о потолок. Эксперты госдепартамента вдруг обнаружили, что Кастро безнадежный мегаломаньяк, что у него мания величия, что он вечный бунтарь, безудержный болтун, психопат, истерик и одержимый. Вдруг проснулись психоаналитики и принялись анализировать, что Кастро комплексная личность, что у него комплекс смерти и самоуничтожения, что он эмоционально незрелый, беспринципный и нетерпимый индивидуалист. В общем, что-то вроде “комплекса Ленина”.

Революционное правительство Кастро немножко напоминало семейный пикник. Младший брат премьера Кастро, Рауль, стал военным министром Кубы, а жена Рауля командовала милицией и собственноручно расстреливала контрреволюционеров. А в США про Рауля с женой писали такие вещи, что их и повторять как-то неприлично.

Но чтобы нас, русских, не обвиняли, что мы отстаем от Америки, так уж и быть, скажем. С точки зрения социалистического модернизма.

Так вот, в американской прессе писали, что Рауль Кастро не только военный министр, но и заядлый педераст с волосами до плеч. А его жена не только начальница милиции, но и известная лесбиянка. Кроме того, у этой лесбиянки-милиционки очень характерная девичья фамилия – Вильма Эспин и она немножко полукровка, знаете, полуполька. В общем, типичный союз сатаны и антихриста.

А про премьера Фиделя Кастро в американской прессе писали, что власть досталась ему довольно дорого, что в борьбе за власть диктатор Батиста его однажды поймал и кастрировал. Впрочем, в американской прессе также писали, что во время венгерского восстания 1956 года коммунистический князек Венгрии Матиас Ракоши-Коган в борьбе за власть, так же как и Батиста, просто кастрировал своего соперника и следующего комкнязя Яноша Кадара. Видимо, князьки мира сего прекрасно знают, где гнездится комплекс власти, который частенько и приводит к власти.

Потом на Кубе начались странные вещи. Главным помощником Фиделя Кастро был Че Геварра, троцкист, перманентный революционер и, как полагается, педераст. Чтобы избавиться от перманентной революции, Фидель послал этого педрика разжигать революции в Южной Америке, где его вскоре благополучно убили.

А затем на Кубе началась настоящая чистка. И чистка эта была довольно странная. К большому неудовольствию госдепартамента и американской прессы, на Кубе вдруг стали открывать специальные концлагеря для гомосексуалистов, в первую очередь для студентов, где в свое время и зародилось-то революционное движение Кастро.

Все это, конечно, очень просто. Просто Кастро на собственном опыте знал, откуда нужно ожидать следующей попытки захвата власти, любой революции и мятежа. И все это согласно каверзному марксистскому закону о единстве и борьбе противоположностей.

В таких условиях советскому геheimerу синьору Руднеро очень пригодились познания высшей социологии из НИИ-13 и практический опыт из дома чудес. Большую часть времени он валялся на пляже под пальмами, а по вечерам пил ром и развлекался с островитянками. Да иногда еще нашептывал вождю островитян кое-что на ухо.

Вскоре синьор Руднеро прислал в Москву фотографию, вырезанную из американского журнала. Там было изображено правительство Кастро, все с бородами, как у хиппи, и с сигарами в зубах. А позади стоит синьор Руднеро, тоже с гаванской сигарой в зубах. Советский тайный советник дружески подмигивает американскому фоторепортеру и за спиной правительства Кастро показывает дяде Сэму растопыренные два пальца, чертовы рожки, тайный знак, которым когда-то пользовались сатанисты, а потом Черчилль, Рузвельт и многие американские президенты.

Глядя на это фото, аналитики госдепартамента чертыхались:

– Гад дэм! Видно, недаром говорят, что в Риме сидит папа римский, где-то притаился антипапа, а в Москве сидит красный папа.

Пока братья Кастро хозяйничали на Кубе, а братья Кеннеди хозяйничали в Америке, советский эмиссар на Кубе писал своему брату: “Амиго, после революсьон здесь стало так противно, что даже и я подумываю об эмиграсьон. Нет ли там како-нибудь другого острова? Только чтоб подальше от цивилизации...”

Американскую ведьму-шिक्षу Доку Бондареву-Залман арестовали в тот момент, когда она передавала Жоржику Бутырскому довольно необычайную контрабанду.

Это был целый чемодан неких деликатных инструментов, которыми ведьмы пользуются для того, чтобы превращаться в мужчин.

В Америке это вещь совершенно обычная. В Нью-Йорке, на Тайме-сквере, рядом с газетой “Нью-Йорк тайме”, существуют десятки магазинчиков, где в витринах выставлена самая невероятная порнография. Вперемежку с портретами американских президентов.

А внутри этих магазинчиков можно купить последние новинки американской науки и техники: резиновые потцы и шмоки, то есть половые члены. Большие и маленькие, белые и черные, обрезанные и необрезанные, на любой вкус и цвет. Этими инструментами пользуются всякие секс-перверты, сексуальные извращенцы, легионеры, в том числе и лесбиянки, секс-либералки и прочие борцы за свободу женщины от угнетения ее мужчинами.

В этом отношении советская промышленность явно отставала от американской. И в порядке операции “Черный крест” ведьма Дока передала Жоржику целый чемодан этих новейших инструментов психвойны. Для поддержки штанов советских диссидентов из “Лиги прав человека”, из Союза молодых гениев – СМОГ и ихнего “Самиздата”. Чтобы эти неотроцкисты, необердяевцы и прочие неодакаденты могли испробовать все преимущества американской науки и техники.

После ареста в 13-м отделе ведьме Доке вежливо показали ее личное дело, где она была зафотографирована во всех видах ее ведьмачьей любви: как она весело лесбиянит с советской ведьмой Ниной фон Миллер, затем с Фуфочкой из дома чудес. Затем всякие хитроумные армянские шутки – двойник и тройник, где ведьму Доку с трех сторон употребляют Жоржик Бутырский, Остап Оглоедов и Серафим Аллилуев. Тут были даже старые семейные фотографии, где ведьма Дока в молодости занимается всякими французскими грешками со своим собственным отцом, ведьмаком Кокой.

Затем жене американского дипломата миссис Доке Бондаревой-Залман вежливо предложили следующую дилемму. Если мы пустим эту коллекцию в ход, то через месяц это фото появится в порнографических журналах, которые продаются на Тайме-сквере и по всему миру – миллионными тиражами. Затем мы нажмем на другие кнопки – и в прессе появится сенсация, что это фото не какой-то проститутки, а жены американского дипломата. И тогда вашего мужа выгонят из госдепартамента, а вас и вашего отца – из Си-ай-эй.

Это будет гражданская смерть. А ведь у вас пятеро детей. Хотя они, вероятно, и пальцем деланные, но все-таки ваши... Но мы люди добрые, и мы предлагаем нам еще другой выход из этого положения – вы будете нашим агентом. Выбирайте...

Так ведьме Доке сделали 69. На жаргоне 13-го отдела это означало перевернуть агента Си-ай-эй в агента КГБ.

Из-за чемоданчика с резиновыми потцами устроили маленький дипломатический скандалчик, и шикса Дока спешно выехала из СССР. Вместе со своим еврикским мужем-оборотнем, которого перевели на работу в Бонн.

Если кто интересуется подробностями, то спросите у отца ведьмы Доки, ведьмака Коки, старого СТН-иста, который любит устраивать собрания и давать интервью о диссидентах и успехах СТН-истского движения в СССР. И посмотрите, как у этого гуманиста глаза вдруг засверкают бешеной сатанинской злобой.

Хотя ведьму Доку выпустили, но зато Жоржика Бутырского арестовали всерьез – как американского агента. Потом Жоржика, как тройного агента, потихоньку обменяли на трех засыпавшихся советских агентов, которые сидели в американских тюрьмах.

Жоржика выбросили за границу вместе с его капитальной женой Капиталиной, просто как человеческую пададь. Теперь приемный сын чародея Соси со скучающим видом блуждает по Мюнхену, где свалка всяких агентов. И Жоржик, как всегда, пьяненький. Чтобы заработать на шнапс, он торгует мелкими сведениями для разведок или своими воспоминаниями о советской жизни для американского радио “Освобождение”.

Говорят, что Жоржик даже помогал составлять порнографическую книжку “Московские ночи”. Так или иначе, бродит Жоржик по Мюнхену и напевает:

Ох, вы, ночи, московские ночи...

Иногда Жоржик по старой привычке лазит и по карманам. За кружку пива он найдет вам проститутку. Иногда он торгует и своей женой Капиталиной. А если найдется любитель, то гомо советикус Жоржик торгует и самим собой – и задом, и передом. Но, откровенно говоря, для этого Жоржик уже немножко староват, и заработки у него плохи.

Да еще плохо то, что у Жоржика теперь регулярные запои, и методичные немцы время от времени замыкают его в специальную лечебницу. Потом Жоржик ходит и жалуется, что честных алкоголиков почему-то сажают вместе с душевнобольными.

– Эх, весь мир – бардак! – вздыхает Жоржик. – А все люди – бляди!

Так закончил свою карьеру гомо советикус Жорес Бутырский, фамилия берет свое начало от Бутырской тюрьмы, где в музее криминологии еще и посейчас хранится череп папы Бутырского с маленькой дырочкой в затылке.

И все-то это за грехи отцов...

В том тихом особняке в Алешинном переулке, где когда-то обитали веселые чудики из дома чудес, теперь помещается посольство одной из новых африканских демократий. А чудики куда-то исчезли.

Хотя некоторые старожилы и уверяют, что новые жильцы съели старых, но это, конечно, не так. Спецпроект “Профсоюз святых и грешников”, а с ним и дом чудес просто ликвидировали. Или, вернее, экспортировали.

Вслед за этим заработал спецпроект “Агасфер”, и бесов агитпропа стали потихоньку, как по конвейеру, сплавлять за границу. Просто перестановка фигурок на шахматной доске психологической войны.

Подобного рода экспорт в Советском Союзе дело не новое. В 1922 году Ленин повысылал за границу около 300 наиболее активных представителей всех революционных партий, которые помогали ему делать революцию. При ближайшем рассмотрении почти все они во главе с философом-чертоискателем Бердяевым оказались членами всяких бесовских тайных обществ, то есть теми самыми бесами, которых описывал Достоевский.

Когда американцы планировали свою психвойну, они обратились за советами к специалистам – к тем самым бесам, которых повысылал Ленин. В результате вся американская психвойна была организована по тем же самым принципам, что и бесы агитпропа.

Поэтому людей, экспортируемых по спецпроекту “Агасфер”, на Западе встретят как любезных братьев. А что будет дальше – это мы еще посмотрим.

Дом чудес демонтировали потихоньку и в индивидуальном порядке. И первым же на конвейер “Агасфера” попал косоглазый Филимон. А виноват во всем этом был финансовый гений Саркисьян.

Для побочного заработка Саркисьян организовал некое акционерное общество и привлек к этому делу Филимона и его жену Фимочку. Акционеры покупали вязаль-

ную шерсть, отдавали ее вязать, а готовый продукт – свитеры и кофточки – продавали с большой прибылью на черном рынке. Весь фокус-покус заключался в том, что самое дорогое в этом продукте – трудоемкая ручная работа – не стоила акционерам ни копейки.

И весь этот фокус-покус был до гениальности прост. В акционерное общество завербовали несколько заведующих сумасшедшими домами, и вязальной работой занимались пациенты этих сумасшедших домов – под предлогом трудовой терапии. Сумасшедшим скучно – и они с удовольствием сидят и вяжут. А акционеры продают товар – и зарабатывают сумасшедшие деньги. Разве это не гениально?

Покупателям особенно нравилось, что рисунки на этих товарах сильно напоминали творчество западных художников-модернистов, которых как раз показывали в Москве на американской выставке современного искусства.

Говорят, что это акционерное общество заработало около 4 миллионов рублей. Но потом один из акционеров, доктор-психиатр, не зная, куда девать свои сумасшедшие деньги, предложил Филимону, чтобы тот продал ему свою жену Фимочку. Филимон с удовольствием согласился и продал Фимочку за 3000 рублей.

Однако, пожив с Фимочкой неделю, психиатр передумал и говорит Филимону: бери свою Фимочку и гони назад деньги. А Филимон говорит: чтобы я взял назад Фимочку – гони еще три тысячи! Тогда Фимочка обиделась и заявила куда надо, что ею спекулируют. Ну а потом выяснилось и все остальное.

В результате погорело все акционерное общество. Был суд, и об этом даже писали в советских газетах. Но у большинства подсудимых фамилии оказались еврейские, Шахерман, Ройфман и так далее, и еврикская пресса подняла невероятный гвалт, что это, мол, типичный советский антисемитизм (см. “Новое русское слово” от 27.X.1963 г. 532). А виноват-то во всем этом был армянин Саркисян. Наверное, потому и говорят, что один армянин десять евреев обманет.

Так или иначе, поскольку Фимочка была немножко еврейка, и чтобы не было воплей об антисемитизме, после суда Филимону и Фимочке предложили на выбор: 5 лет Сибири – или эмиграция в Израиль. Так, нежданно-негаданно, они попали на конвейер спецпроекта “Агасфер”. Им быстренько шлепнули израильскую визу и выслали в Вену, которая служила своего рода пересыльным пунктом. Заодно приклепили израильскую визу армянину Саркисяну с его русской женой и косоглазым сыном-эпилептиком.

Вместо Израйля Саркисян вскоре очутился в Америке, в Бруклине. Там он наконец осуществил свою мечту и открыл бойкую торговлю кошерными пирожками – из собачьих консервов. Говорят, что сделал хорошие деньги.

А косоглазый гой Филимон вместо Израйля оказался в Мюнхене, где он работал в американском институте по изучению СССР. Потом он состарился, вышел на пенсию и жалуется, что пенсия маленькая, даже на пиво не хватает. Бедная же Фимочка на старости лет пошла на работу и стучит на машинке на американском радио “Освобождение” в Мюнхене.

Это было как раз то, что и требовалось 13-му отделу КГБ. Когда понадобится, у нас везде сидят свои люди, проверенные легионеры, за которыми есть всякие грешки, о которых люди не любят говорить.

Когда в 13-м отделе разбирали дело Сося Исаевича Гильруда, против комиссара дома чудес говорили два пункта. Во-первых, дом чудес создали для того, чтобы он разлагал других, а получилось так, что он сам разложился. И виноват в этом был в основном Сося, который делал все шиворот-навыворот. Но уж такова особенность всех настоящих легионеров.

Во-вторых, у чародея Соси появились признаки острого психического расстройства – паранойяльная шизофрения, мозговой разжиж. Говоря академически, такие психопаты всегда будут источником неприятностей там, где они живут.

Но у Соси был и один плюс. Поскольку его отец еврей-выкрест, а мать караимка, из евреев-староверов Моисеева завета, то по крови Сося чистокровный еврей. А поскольку мировое еврейство подняло кампанию, чтобы советских евреев выпускали в Израиль, и даже бросает бомбы, то... Хорошо, мы пойдем вам навстречу.

В общем, партджентльмена Сосю пустили по конвейеру спецпроекта “Агасфер”. У него отобрали партбилет, приклепнули ему израильскую визу и вместе с женой-шикой Линдой и маман отправили в Вену.

Однако Сося был не такой дурак, чтобы собирать апельсины в кибуцах. И недаром этот спецпроект назывался “Агасфер”, то есть “Вечный Жид”. В Вене Сося первым делом записался в ту тайную партию, которая на Западе играет почти такую же роль, как в СССР компартия.

В результате спустя некоторое время Сося уже сидел и облизывался в американской разведке Си-ай-эй в Вашингтоне в качестве представителя 3-й советской эмиграции (эмиграция – это еврейская миграция. 533) специалиста по советским делам. Правда, иногда Сосю доят и его старые хозяева.

У мистера Соси вид безупречного джентльмена. И даже подчеркнута оксфордский акцент. У него честнейшие глаза и манеры слегка усталого бизнесмена. Если вы ткнете в него пальцем, то тело у него как желе бланманже. А если вы захотите убедиться, что это никто иной, а именно чародей Сося, то задержите у него рубашку. Тогда вы увидите у него на левом боку огромное пятно. Даже и не пятно, а весь бока черный. То самое, что в темные века называлось печатью дьявола. И дьявол недаром припечатал ему эту печать на левом боку: ведь на советском жаргоне педерастов так и называют – левый мальчик. Теперь это, конечно, просто так – пигментация.

Однако в тайных обществах гуманистов-сатанистов эту печать дьявола даже и в наше время оценили по заслугам, и вскоре тайобщик Сося получил повышение по службе. Он стал закулисным руководителем “Международного братства писателей”, которое работало на деньги Сн-ай-эй и издавало книги советских писателей-диссидентов.

Ах да, что такой тайобщик. Это новый советский неологизм. Знаете, соцмодернизм. Раньше были подпольщики, а теперь – тайобщики. Просто люди, у которых есть что скрывать.

А насчет диссидентов... Так это ж просто декаденты. В лучшем случае импотенты. Почитайте-ка рассказ “Пхенц” диссидента Андрея Синявского, он же Абрам Терц. Пхе-е...

У мистера Соси очаровательная жена-шикса, и никому не придет в голову, что эта бесплодная смоковница служит только для камуфляжа. И у Соси мамеле – настоящая караимская гранд-дама. Правда, несмотря на столь аристократическую маму, некоторые сослуживцы уже называют его сукиным сыном. Но, откровенно говоря, любая разведка – это грязное дело, и лишний сукин сын там не минус, а плюс.

Плохо только то, что Сосе подошло то время, когда у женщин начинается климактерический период и появляется склонность к полноте. А поскольку у Соси гормоны были не совсем мужские, то и у него начался климактерический период, и он страшно разжирел. Если раньше он походил на раскормленного вундеркинда, а потом на толстозадую римскую матрону, то теперь он превратился в типичного американского миллионера, каким его изображают на советских карикатурах.

Сося купил себе на распродаже за 9 долларов и 99 центов патентованный бандаж-брюходержатель и с завистью рассматривал в журналах фотографии настоящих миллионеров, которые как назло все были такие худые, как советские колхозники.

Сося был большущий любитель поесть и выпить, а теперь врачи приписали ему бескалорийную диету. И вот, живя в американском раю, где можно было б наконец поесть в свое удовольствие, бедный Сося питался всякими химическими препаратами, глотал голодные слюны и задыхался от собственного жира. Ему запретили даже кока-колу.

Так бывший гомо советикус Сося-Агасфер превратился в гомо американус. И бывший комиссар дома чудес опять комиссарит – в темноте, сзади и наоборот.

Когда царь Никита гостил в Вашингтоне, он хвастался, что американская разведка на 30 процентов работает для СССР. Царь Никита умер, но дело его живет.

Жаль только, что в связи с переходным периодом у Соси-Агасфера начались климактерические психозы. Днем он ходил к психоаналитику, а по ночам его мучили всякие кошмары. То его, как Пхенца, преследуют всякие глупые женщины. То его дразнят всякие бесенята в форме голеньких мальчиков. А потом начинаются головные боли.

С точки зрения психоанализа Сосю просто мучит его нечистая совесть. Хотя сам-то он не так уж и виноват. Ведь все это, как говорится, за грехи отцов. Впрочем, и матерей тоже.

Конечно, многие отцы и матери, всякие там Муси, Дуси и Пуси, с этим не соглашались и скажут, что в наше просвещенное время писателям бумагомарателям не полагается заниматься религиозной демагогией, то лучше б было раскрыть Сосину душу поглубже и поискать там что-нибудь хорошее.

Хорошо... Вот в результате всего этого – за грехи отцов – Сося и решил, что детей ему лучше не делать. Это было, пожалуй, самое хорошее побуждение в душе Соси.

Если вы хотите проверить какого-нибудь человека на легионизацию, то самым лучшим способом является проверка семейного дерева. Ибо, как сказано в Писании, виноград не растет на терновнике, и плоды узнаются по дереву.

В связи с ликвидацией “Профсоюза святых и грешников” в 13-м отделе разбирали личное дело управделами дома чудес Артамона Артамоновича Брешко-Брешковского. И картина получилась такая.

Дед по отцу был алкоголиком и умер от белой горячки. Дед по матери был поэтом и повесился. Бабушка по отцу умерла в сумасшедшем доме, а бабушка по матери – в монастыре. Отец был тайобщиком и революционером-февралистом, а мать – просто психопаткой.

Один дядя был эпилептиком, а второй – наркоманом. Одна тетка была знаменитой революционеркой, а вторая – просто клеptomанкой. Один брат был эсером-террористом и после революции был расстрелян в ЧК. Второй брат был большевиком и работал в ЧК, а потом был расстрелян в НКВД. Один племянник был коммунистом-спартаковцем и погиб в гитлеровском концлагере, второй племянник был троцкистом и погиб в советском концлагере, а третий племянник был убит во время гражданской войны в Испании, в отряде анархистов-синдикалистов.

Все они, казалось бы, боролись за свободу. Но результаты этого были довольно печальные. Это была та странная свобода, которую чертоискатель Бердяев называет трагической свободой. То самое ничто, которое ничтожит.

Кстати, жена Артамона, Раечка, была его троюродной сестрой. И семейное древо у Раечки было несколько не хуже, чем у Артамона. Потому-то они благоразумно воздерживались от потомства.

Все свою жизнь колченогий Артамон кормился около Гильруда-отца, а затем около Гильруда-сына. По классификации 13-го отдела он был типичным шабес-гоем, то есть гоем, который прислуживает евреям. А по философии Бердяева – это союз сатаны и антихриста.

Исходя из этого, шабес-гой Артамона вместе с Раечкой тоже пустили по конвейеру спецпроекта “Агасфер”. После того как раскрылась тайна дома чудес, Артамон захиховал так, что его нужно было садить в психбольницу. Поэтому ему предложили на выбор: или мы засунем тебя в дурдом – или выметайся из СССР. Затем Артамон и Раечке приклепнули израильскую визу и отправили в Вену. Ведь теперь там центр международных еврейских организаций. И дальше вы там сами разберетесь.

Вскоре Артамон очутился в Мюнхене, который служил своего рода плацдармом американской психвойны против СССР. А тут, как говорится, не имей сто рублей, а имей сто друзей. При помощи чародея Соси, который теперь служил вedomом по советским делам в американской разведке в Вашингтоне, шабес-гой Артамон стал редактором солидного журнала “Мосты”, который как бы перекидывал мосты между Западом и Востоком.

Издавались эти “Мосты” на деньги какого-то доброго американского дядюшки, но все воробушки на крышах Мюнхена чирикали, что это Си-ай-эй. Да еще поговаривали, что это “Мосты” без перил и по ним лучше не ходить. Этот журнал имел специальную декадентскую начинку и служил для переманивания на Запад легионеров из числа советских туристов или служащих советских учреждений за границей (теперь такую же роль играет журнал “КАНТинент”. 537). Потому-то редактором там и посадили бывшего директора спецшколы для дефективных детей.

Американские психвойки были страшно рады, что в лице Артамона они получили старого и проверенного психа. Не нужно тратить время и доллары на специальные Роршах-тесты, на тесты с чернильными пятнами и на тесты проверки ротового эротизма.

Попав из СССР на Запад, Артамон сразу же развернулся вовсю. Он с головой окунулся в общественно-политическую работу и вскоре организовал русское зарубежное временное правительство, где сам Артамон был президентом и премьер-министром, а его жена Раечка делала все остальное.

Плохо было только то, что по соседству существовали еще два подобных правительства. Однако Артамон и здесь не растерялся. Вскоре в подвале у Артамона взорвалась бомба, и об этом писали во всех газетах, даже в “Новом русском слове”. И всем было ясно, что если на Артамона покушаются, то, значит, с ним считаются, значит, он настоящий глава настоящего правительства. Так правительство Артамона получило дипломатический статус.

Правда, два других правительства из зависти уверяли, что бомбы подложил под себя сам Артамон. И весь вопрос только в том, кто ему эту бомбу дал: американская разведка, советская разведка или он ее сам смастерил?

К сожалению, Артамон забыл предупредить об этом покушении свою Раечку. Самого-то президента дома не было, а бедная Раечка от взрыва так перепугалась, что ее разбил паралич – и Артамон лишился половины своего правительства.

В 13-м отделе его теперь называют Артамон Агасферович. И Артамон Агасферович не унывает. Он включился также в церковную жизнь, создал какой-то православный комитет бердяевского толка и печатает воззвания, где громко требует, чтобы евреев выпускали из СССР в Израиль.

Артамон Агасферович сообщает, что у него есть еще целая куча христианских идей. И просит для их осуществления деньги. Конечно, деньги ему дает Си-ай-эй, а попрошайничает он только для маскировки.

Вот потому-то царь Никита и хвастался, что Си-ай-эй на 30 процентов работает для СССР.

Когда в 13-м отделе разбирали дело гомо советикуса Серафима Аллилуева, поэта-неодекадента и псевдохристианина-бердяевца, то поступили по совету знаменитого древнегреческого философа Платона, который в своей книге “Государство” для построения идеального коммунистического общества ставил такое неперенное условие – изгнать всех поэтов за границы этого государства.

Сначала Серафим попал под спецпроект “Голем” и посидел в дурдоме. Но это не помогло, и он опять строчил свои мазохистские стихи, где сваливал свои собственные грешки на окружающий мир.

Вместо того чтобы честно признаться, что он просто импотент и минетчик, Серафим скулил в стихах, как разбитая душа поэта отражается в кривом зеркале окружающей действительности. Или наоборот, как кривая душа поэта отражается в каком-то болоте. Эти стихи очень нравились его союзникам из Союза молодых гениев – СМОГ, и потом их печатали в “Самиздате”, который знающие люди называли “Сэм-издатом”.

В конце концов, поскольку Серафим Аллилуев был полуевреем, то есть по-еврейски мемзером, и полугомосексуалистом, его тоже пустили по конвейеру спецпроекта “Агасфер”. Вместе с его разведенной женой-шиксой, которая была на десять лет старше его, и с дефективной дочкой, которая пошла в точности в своего папашу.

Хотя все они выехали по израильской визе, и хотя в душе мемзер Серафим был тайным сионистом, но только один Иегова знает, почему они очутились не в Израиле, а в Америке. Первое, что Серафим сделал в Америке, – это обругал в стихах Статую Свободы. А второе – взял себе литературный псевдоним Иван Десягин.

Недаром говорят, что Америка – страна чудес, где все наоборот. Хотя в СССР Серафим Аллилуев сидел в дурдоме, в США он, то есть Иван Десягин, стал профессором и теперь преподает русский язык и литературу в П-м университете. Секрет этого американского успеха очень прост. Нужно просто делать все наоборот: расхваливать ненормальных писателей-декадентов и ругать нормальных писателей. Тогда сразу прослышишь умным человеком.

В своих стихах мемзер Иван Десягин скулил про идеалы. А в жизни он делал пакости. Его дочка выросла и была явно ненормальная. А Иван, чтобы казаться нормальным, женился во второй раз и сделал второго ребенка.

Впрочем, чего уж там придирайтесь к бедному Ивану. Ведь великий гуманист граф Лев Толстой тоже был в таком положении – и наделал 13 детей.

Потом Иван Десягин сочинил пессимистическую поэму “Полюс”, где он опять жалуется на мировую скорбь и уверяет, что ему хочется стать пингвином. Зачем? Чтобы сесть голым задом на Северный полюс. Литературные критики уверяют, что за этим есть какой-то многозначительный тайный смысл, какая-то ледяная загадка.

А приятели Ивана уверяют, что загадка эта очень проста, что у Ивана просто опять разыгрался старый гемморрой, который жжется и который лечат прикладыванием льда. А другие уверяют, что это у Ивана разыгрались старые страсти, которые он охлаждает при помощи льда. Вот после этого и разберись в тайнах поэтического творчества.

Потому и говорят, что все люди разные. А особенно поэты. А если бы они были одинаковые, то жизнь была бы такая скучная, что бедным писателям-бумагомарателям не было бы о чем и писать.

Когда-то Чингисхан вторгся в Россию на лошадях. И последний потомок этого Чингисхана уезжал из России тоже на лошадях. В том самом полуобгорелом цыганском фургоне, который принадлежал его проблематичному сыну, цыганскому барону Люсе Шелапутину, который в действительности был не только мемзером, но еще и байстрюком (байстрюк по-еврейски – внебрачный ребенок. 539).

Ехали они в Израиль по израильской визе, по конвейеру спецпроскта “Агасфер”, то есть “Вечный Жид”. Цыганский барон категорически отказался расставаться со своим цыганским фургоном. Так они в нем и поехали.

Сам цыганский барон сидел на козлах и правил лошадьми. А рядом с ним восседала его мать – бывшая седьмая жена потомка Чингисхана и бывшая баронесса Розенберг, а теперь поэтесса Ирина Забубенная. Она курила сигарку из махорки и мрачно сплевывала по сторонам.

Они ехали и проклинали международных сионистов, которые хотят загнать их в Израиль, чтобы собирать там апельсины в кибуцах. Больше всех ругалась Ирина Забубенная, которая упорно отказывалась, что она бывшая еврейка.

Когда-то Чингисхан прошел огнем и мечом от Тихого океана до Дуная, и его империя была больше великой Римской империи. От одного имени Чингисхана дрожали целые народы. После Чингисхана по России, тоже огнем и мечом, прошли орды Тамерлана.

Теперь же в цыганском фургоне из России выметался гомо советикус Лука Перфильевич Тимуров, жалкий старикашка, в жилах которого были перемешаны последние остатки кровей Чингисхана и Тамерлана. Выродившийся обломок этой былой империи завоевала бывшая еврейка Ирина Забубенная.

Ничего особенного в этом, конечно, нет. Ведь нечто подобное получилось также и с английской империей. Ведь бывший английский король Эдуард Восьмой, герцог Виндзорский, тоже женился на еврейке Валлис Ворфилд-Симпсон и ради нее якобы даже отказался от престола. По этому же пути пошел румынский король по имени Карол со своей мадам Лупеску и даже сам заграничный претендент на престол Романовых. И даже сумасшедший император Нерон был женат на еврейке Поппее. Словно у евреек под юбкой есть какая-то тайна, этакий цимес.

Так, в цыганском фургоне, потомок Чингисхана доехал до границы своей бывшей империи, аж до самого Дуная, и раскинул свой табор на окраине Мюнхена. И вскоре все они нашли себе работу на радио “Освобождение” в Мюнхене, которое освобождало Россию от большевиков при помощи троцкистов и меньшевиков и где охотно брали свеженьких гомо советикус, диссидентов-декадентов и прочих представителей 3-й эмиграции из СССР, мемзеров и даже байстрюков.

Баронесса-поэтесса Ирина Забубенная привезла с собой из СССР все свои манускрипты в надежде, что на Западе она станет такой же знаменитой, как Пастернак и Солженицын. Но не тут-то было. Никто ее не печатал, и ей пришлось издавать свои книжки за свои же собственные деньги. Ирина торговала своими книжками, которые никто не покупал, и ругалась:

– Теперь я понимаю, почему Пастернакович и Сол Жепицкер (после того как Солженицын стал проповедовать расчленение России и переселение русских “кроликов” за Урал, то есть пошел по стопам гитлеровского идеолога Альфреда Розенберга, будем называть его так, как он есть: не Солженицын, а полоумный полуеврей Сол Женицкер, мемзер) так смертельно боялись, что их выбросят за границу. Эти шмоки нужны, только пока они там, – для операции “Черный крест”. А тут с этими

шмоками будет то же самое, что и со мной, – живой труп. Ведь даже такие орлы, как Бунин и Куприн, в эмиграции не могли прожить на свою писанину. Потому-то Эренбург и Алексей Толстой и вернулись назад.

Цыганский барон-мемзер Люся Шелапутин наконец женился. Не на принцессе долларов, а на официантке из соседней пивнушки. Но вскоре жена его почему-то бросила. Он женился второй раз – и опять та же история.

Затем бедный цыганский барон попал в больницу. Ирина Забубенная говорила, что у него была операция двенадцатиперстной кишки, то есть какие-то неполадки с заднего хода. А другие говорили, что мемзер Люся опять отравился, но на этот раз всерьез. Так или иначе, бедный цыганский барон умер.

После смерти своего проблематичного сына потомок Чингисхана поселился в том цыганском фургоне, который достался ему в наследство от Люси. В качестве компаньона он нашел себе какую-то приبلудную дворняжку. Такую же бездомную, как он сам.

Так доживает свой век последний кровный отпрыск Чингисхана. Того самого Чингисхана, от одного имени которого когда-то дрожали целые народы. А соседи думают, что в цыганском фургоне приютился какой-то юродивый.

Иногда по вечерам сквозь доски старого фургона доносится приглушенное бормотание:

– Отче наш, иже еси на небесех, да святится Имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя яко на небеси, и на земли... Господи, за мои грехи Ты забрал на небо бедного Люсю, а меня оставил мучиться здесь. Прости мне, грешному, мои прегрешения. Избави меня от лукавого и дай мне умереть спокойно... Остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим...

Потомок Чингисхана бьет земные поклоны и размашисто крестится:

– Яко Твое есть царство, и сила, и слава Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Глава 19. Когда просыпаются мертвые

Что вы ищете живого между мертвыми?

Лука. 24:5

В домике по переулку Энтузиастов №22, что при игре в очко означает перебор и где жили Миллеры, однажды появилась милиция с обыском. Все чин чином – с понятыми и свидетелями. Руководил обыском капитан КГБ, вежливый, в роговых очках и со значками медицинской службы на погонах.

Обыск начали в комнате Нины и конфисковали там только одну вещь: красивую продолговатую коробочку с замочком и надписью: “Made in USA”. Это был подарок от американской ведьмы Доки Бондаревой, с которой Нина одно время дружила.

Когда капитан КГБ открыл эту коробочку, понятые и свидетели только ахнули. И потом среди соседней еще долго шушукались, что за чудо нашли у очаровательной девушки Нины, которую все считали образцом благовоспитанности. В коробочке лежал один из секретных инструментиков психологической войны, которым ведьмы пользуются, чтобы превращаться в мужчин. Это был огромный, твердый, розовый резиновый потц со специальной упряжью, чтобы ведьмы могли пристегивать его вокруг бедер.

Через несколько дней Нину Миллер вызвали в Главное управление КГБ на Лубянке. Там ее встретил тот же капитан КГБ, на погонах которого поблескивали змейки, обвившиеся вокруг чаши с ядом. Капитан улыбнулся и сказал:

– Меня зовут Сафаров. Санитарно-политическая служба КГБ. Так вот, Ниночка... Поскольку вы лесбиянка с садистскими наклонностями, то есть ведьма, то в доброе старое время, при Сталине, мы таких ведьм загоняли в Сибирь, в концлагеря. Но теперь у нас гнилой либерализм. Поэтому, поскольку ваш отец еврей, то все ваше ведьмачье хозяйство высылается в Израиль. В порядке санитарно-политической профилактики.

Доктор взял со стола папку:

– Чтобы не было всяких фиглей-миглей и шахер-махеров, вот вам ваше личное дело. А теперь пройдите в соседнюю комнату и ознакомьтесь с этим делом.

В современной авангардной литературе есть так называемые антироманы и антигерои. Нечто вроде такого антиромана представляло из себя и личное дело Нины фон Миллер. В папке были фотокопии документов, протоколы допросов свидетелей, медицинские формуляры. Сверху лежала родословная Нины, составленная на основании этих материалов.

Мама Милиция Ивановна любила рассказывать, что их бабушка Ираида Федоровна когда-то была богатой помещицей, ходила в лес по грибы да по малину, вечерами дворовые девки пели да плясали хороводы, бабушка попивала чай из самовара, а галантные кавалеры целовали ей ручку. Все как в красивом романе.

Но в папке, как в антиромане, было совсем другое.

Бабушка Ираида Федоровна до революции была не помещицей, а содержательницей публичного дома, бандершей. Вокруг нее пели да плясали проститутки, бабушка хлестала водку, а воры да сутенеры целовали ей ручку.

Дальше шли технические детали. Бабушка была родом из семьи, принадлежавшей к секте молокан. А название этой секты берет свое начало вовсе не от слова “молоко”, как думают некоторые, а от греческого слова “malakoi”, которое, со слов самого апостола Павла, означает гомосексуальность.

Мама рассказывала, что ее отец был из духовного сословия. А в папке, как в антиромане, стояло: исключен из духовного сословия за связь с сектой голиков-адамитов. Через этих голиков дедушка-расстрига познакомился с бабушкой-бандершей и стал ее мужем и компаньоном в публичном доме. У дедушки была болезненная потребность наблюдать то, что делает его голая клиентура. В медицине это называется эсгибиционизм и войеризм.

Несмотря на такое обилие соблазнов, у бабушки была полная гарантия, что дедушка ей не изменяет. Просто потому, что сам-то он был импотентом, и ему не оставалось ничего другого, как подсматривать то, что делают другие. Кстати, все дети бабушки были не от дедушки, а от пьяных клиентов.

Итак, мама Милиция Ивановна была сделана по формуле – на чужом х... в рай проехать. Но Бога не обманешь, и мама выросла лесбиянкой. Активного, то есть мужского типа. Поэтому она и ведет себя как милиционер. Поэтому ее и называют не Милица, а Милиция Ивановна.

Дедушка по отцу был из евреев-выкрестов, купил себе поместье и таким образом стал помещиком и дворянином. Выдавал себя за немца – Миллер. От рождения хромал на левую ногу. Невротик, эксцентрик, игрок и спекулянт. Интересовался психиатрией Ломброзо. Сочувствовал народникам-террористам, а потом – скопцам и толстовцам. Часть завещания оставил сионистам, а другую часть – коммунистам.

Бабушка по отцу была из правоверной еврейской семьи, но убежала из дома и стала суфражисткой, то есть борцом за эмансипацию женщины. Курила, пила, наркоманила и лесбиянила. Страдала психическими расстройствами, писала футуристические стихи, интересовалась теософией мадам Блаватской и антропософией еврея Штейнера.

От таких дедушки и бабушки папа Миллер родился хорошеньким, как херувимчик. Но в его душе сидел бес суккуб, который превращает мужчин в женщин. Папа Миллер был гомо пассивного типа, то есть по виду мужчиной, а в душе женщиной. Поэтому-то он такой пассивный, ленивый и вечно сонный.

В семье Миллеров все было наоборот. Обычно говорят о красоте жены. А здесь папа как теософский херувимчик, а мама как жаба. Обычно муж старше жены. А здесь жена на десять лет старше мужа. Обычно муж выбирает себе жену. А здесь “активная” старая жаба женила на себе “пассивного” молоденького херувимчика. И потом всю жизнь попрекала его, что он такой дохлый, что он импотент, педераст и минетчик. Хотя она и сама была несколько не лучше. Потому бедного папу и прозвали Гоняло Мученик.

Сбоку приписка красным карандашом: “Потому и говорят, что дьявол делает все наоборот”.

Почерк показался Нине знакомым. Ей даже почудилось, что это почерк Бориса Руднева.

Затем шли всякие мелочи из семейной жизни Миллеров. И все в стиле антиромана. В монну Нину влюбился соседский мальчик пятнадцати лет и такой же хорошенький, как ее папа в молодости. Этот мальчик был подрастающим минетчиком и мазохистом, он душой чувствовал, что Нина его дополняющая половина, и безумно страдал за ней. А Нина над ним только насмехалась.*

Зато в этого мальчика столь же безумно влюбился престарелый папа Миллер. А Нина уверяла всех, что ее папа втрескался в блудницу Магдалину, с которой Нина рисовала рубенсовских женщин и одновременно крутила лесбийский романчик. Но маму, конечно, не обманешь, и из-за этого получился семейный скандалчик. Мама на старости лет приревновала папу к глупому мальчику, а бедный папа заболел черной меланхолией и глотал всякие таблетки.

Внизу примечание красным карандашом: “Положение более безвыходное, чем в романе Сартра “Без выхода”. Характерно, как в семье повторяется тот же самый цикл – как карма”.

И опять почерк показался Нине до странности знакомым.

Затем шли всякие данные о странной дружбе между семейством Миллеров и семейством князя Шаховского. Как в молодости Милица Ивановна была близка, очень близка с княжной Зинаидой Гершелевной Шаховской. Кукушкины яйца князя Шаховского: кисейная барышня и криптоеврейка, лесбиянка и садистка, зачитывавшаяся романами Чарской, воспитанница института благородных девиц, которая пошла работать в ЧК и стреляла там людей, а потом попала в Сибирь и стала княжной Сибирской. А теперь просто полусумасшедшая старая дура, живущая на чердаке в Березовке.

Пока мама Миллер лесбиянила с княжной Шаховской, папа Миллер педерастил с колченогим князем Шаховским. Тоже криптоеврей. Этот вундеркинд с трудом окончил школу для дефективных, потом выдавал себя за героя Перекопа, пока не попал в Сибирь и стал князем Сибирским. Вот этот французский четырехугольник очень легко маскировался просто дружбой между двумя семьями. Правда, все это было в молодости. А теперь князь Шаховский-Сибирский просто колченогий старый придурок.

Внизу приписка красным карандашом: “Вот цена того успеха, который обещает князь мира сего, имя которому легион, и который есть лжец и отец лжи”.

В папке лежала также серия фотографий, снятых секретной камерой, где Нина была сфотографирована со всеми своими лесбийскими подругами в самых интимных позах. Тут и Лиза Шварц-Чернова, теперь княгиня Горемыкина-Оболенская. И Фуфочка из дома чудес. И даже блудница Магдалина. А позы такие, что похлеще, чем в самых лучших порнографических журналах.

Когда Нина закончила листать свой антироман, она чувствовала себя так, словно ее раздели догола. На папке стоял штампель “13-й отдел КГБ”. И она понимала, что возражать и сопротивляться бесполезно: в 13-м отделе, который занимается санитарно-политической профилактикой, ее раздают как тифозную вошь.

Затем ее отправили на медицинскую комиссию, где ее действительно раздели догола. Врачи в белых халатах, из-под которых выглядывала форма КГБ, делали пробу крови, пробу эпидермиса кожи, каковым путем теперь проверяют на гомосексуальность, и еще целую кучу проб и анализов, включая и подробнейший гинекологический осмотр. Потом ее фотографировали анфас и в профиль, как для криминального альбома, и даже сняли отпечатки пальцев.

После всех этих процедур ведьму Нину посадили в лифт и отвезли на верхний этаж. Большая комната, где до самого потолка идут панели из какого-то редкого дерева. Вместо обычных портретов вождей по стенам висят картины древних храмов майя и ацтеков, ритуальные маски индейцев, чучела диких животных. Полки с книгами и мягкие кожаные кресла. Комната походила на уютный кабинет профессора антропологии.

А за большим письменным столом человек в генеральской форме КГБ. Когда Нина посмотрела в лицо генерала, ей показалось, как в тумане, что он похож на Бо-

риса Руднева. Но это был совсем другой человек. Форменная серо-голубая рубашка с черным галстуком. Вокруг рта залегли тяжелые складки. На плечах генеральские погоны со скрещенными топориками техслужбы КГБ. А на столе личное дело Нины. И холодное отвращение в глазах.

– Что ты стоишь, как соляной столб? – сказал генерал. – Садись.

Не ожидая ничего хорошего, Нина осторожно присела в кресло. Генерал постукал карандашом по папке с ее личным делом:

– Итак, ведьму Нину поймали с поличным. И высылают за границу. А я человек сентиментальный. Вот я и решил попрощаться.

– Борис, ведь я говорила тебе, что я большая дрянь. Но всего этого, – она кивнула на серую папку, – этого я и сама не знала...

– Итак, Нине фон Миллер не нравится ее родословная? Но я могу это переменить. Как прощальный подарок.

– Ты переменишь мне документы?

– Нет, дело немножко сложнее. – Генерал играл пальцами по столу. – Когда-то ты рекомендовала мне послушать оперу Галеви “Жидовка”. Ты помнишь, в чем там дело?

– Да, немножко... У какого-то средневекового графа цыгане украли ребенка. Потом, когда граф уже состарился, ему говорят, что местный раввин знает, где его ребенок. Но раввин молчит. Тогда граф приказывает инквизиции арестовать единственную и любимую дочь раввина. Но раввин молчит. Тогда эту дочь сжигают на костре. Граф говорит: “Ну а теперь ты скажешь, где мой ребенок?” Раввин показывает на догорающий костер и говорит: “Вот она – твоя дочь!”

– Да, поскольку Галеви сам еврей, то он это дело знает. А дело это заключается в том, что евреи, будучи самым дегенеративным народом на земле, частенько берут приемных детей – и потом выдают их за своих. И эта опера “Жидовка” навела меня на мысль...

Генерал сидел и задумчиво листал личное дело Нины.

– Одна сестра твоей матери, Агнесса Ивановна, родилась калекой с искривленным позвоночником. Замужем не была. Ребенок сделан путем непорочного зачатия, но дочка Катя, твоя кузина, родилась косоглазая. Вторая сестра твоей матери, Диана Ивановна, замужем, но брак бездетный. А твоя мать вышла замуж за беглого еврея-выкреста. У твоего отца-еврея есть еще брат, который женат, но брак бездетный. Характерная картина засыхающего семейного дерева.

Нина судорожно сдвинула брови. Генерал откинулся в кресле, закурил трубку и тяжело вздохнул.

– Чтобы выправить твою родословную, мне придется воскресить мертвых. Помнишь кукушкины яйца князя Шаховского? Ведь и в этой семье тоже один из вариантов оперы “Жидовка”. Но дело вот в чем: ты говорила, что у колченого князя Шаховского-Сибирского когда-то был романчик с женой одного офицера НКВД. Когда офицер это узнал, то жену он застрелил, а этого хромого идиотика и его сестрицу Зинаиду Гершелевну загнал в Сибирь. Помнишь?

– Да...

– Гак вот, недавно я допросил эту Зинаиду Гершелевну. Как я и ожидал, роман с женой офицера был не у князя Сибирского, а у его сестрицы, которая тогда была генералом НКВД. Лесбийский роман. Но когда я нажал на Зинаиду Генриховну, то я узнал еще кое-что. Скажи, ты единственный ребенок у твоих родителей?

– Да...

– Так вот... Сначала у твоей матери было двое мертворожденных детей. А третий был монголоидным идиотом, который тоже вскоре умер.

Нина отвернулась и смотрела в окно. Там ярко светило солнце и откуда-то издали доносились гудки автомобилей.

– Тогда твои родители решили взять приемного ребенка. Поскольку детские дома тогда входили в юрисдикцию НКВД, то они обратились за содействием к Зинаиде Герше-левне. А Зиночка просто взяла и отдала им ребенка убитой жены того самого офицера.

В голосе генерала звучали усталость и горечь. Нина настороженно повернула голову:

– Так, значит, я приемный ребенок?

– Да... Этот ребенок жил у родителей жены в Березовке. Но они не любили этого ребенка, так как считали его отца убийцей их дочери. Поэтому они охотно отдали ребенка Зиночке, а отцу сказали, что он умер от воспаления легких. Работая в НКВД, Зиночка замела все следы – свидетельство о смерти, похороны и так далее... А теперь она мне во всем этом призналась.

Нина недоверчиво подняла брови:

– Значит, ты знаешь, кто мой отец?

– К сожалению, знаю.

– Кто он?

– Хм... Твой отец – мой родной брат.

Нине показалось, что чучело черепахи, которое висело на стене, вдруг ожило и зашевелилось. А ритуальные маски индейских жрецов как-то странно улыбаются. И рядом кто-то говорит:

– Это означает, что ты моя родная племянница. А я – твой родной дядя. Это означает, что я был влюблен в мою племянницу, что я целовал мою родную племянницу, что я чуть не женился на собственной племяннице. Ведь это кровосмешение. Как у Гитлера с Гели Раубаль. Но какой черт впутал меня в это грязное дело?

Генерал тяжело поднялся из-за стола и шагнул из угла в угол.

– Борис, но ведь Зиночка сумасшедшая. Может быть, она ошиблась?

– О, не-ет. У нас есть такие средства, что не только сумасшедшие, но и мертвые заговорят. И говорят правду. Я проверил – и все это, к сожалению, так.

Нина сидела и рассматривала своего нового дядю, который угрюмо шагнул по комнате. Ведь он действительно воскресил мертвых. И было видно, что он заплатил за это частью своей собственной души.

– Борис, а где он сейчас – мой отец?

– В точности, как в опере “Жидовка”. Твой отец – советский граф, красный кардинал. Он очень любил твою мать. А она испортила ему всю жизнь. Красный кардинал знал, что получится из тебя. Он любил тебя, но известие о твоей смерти было для него выходом из горького тупика. То, что ты жива, – для него только лишнее горе. И не будем бередить старые раны. Так что... забудь о нем.

– А почему он застрелил мою мать?

– Твоя мать, Ольга, была очень красивая двуполовая ехидна. За спиной мужа она крутила лесбийский роман с Зиночкой, княжной Шаховской и генералом НКВД. Но потом Ольга стала изменять и княжне. Говорят, что она спуталась с женой самого

Сталина (см. книгу “Мемуары” Максима Литвинова с предисловием профессора истории Е. Карра и генерала Беделла Смита, американского посла в Москве и затем начальника американской разведки Си-ай-эй. Изд. Морроу, Нью-Йорк, стр.169-170). Тогда у княжны разыгралась психованная еврейская кровь – и она застрелила Ольгу из пистолета ее мужа. И обставила это так, как самоубийство. Но потом все это выяснилось. Вот за это-то Зиночку и загнали в Сибирь.

Затем Нина узнала, что от перестановки слагаемых сумма не меняется. Ее мать, Ольга, выдавала себя за полуеврейку, только по матери. Но в действительности ее отец был таким же беглым евреем-выкrestом, как папа Миллер, и так же скрывал это. В результате и так и этак по крови она, Нина, является полуеврейкой. Потому-то криптоеврейка Зиночка передала полуеврейского ребенка в полуеврейскую семью.

– Генеалогия почти такая же, как у товарища Ленина, – кисло сказал дядя-генерал. – Помесь сатаны и антихриста. Он щелкнул зажигалкой и швырнул ее на стол.

– Твой отец был нормальным человеком. А твоя дурная наследственность идет от твоей еврейской матери. К сожалению, гнилая кровь, как яд, сильнее здоровой крови.

– Борис, – тихо сказала Нина. – Но ведь я любила тебя... почти по-настоящему.

– Да, почти... Любовь садистки – это вещь довольно специфическая. Как кошка с мышью. Потому ты все время и твердила: “мой маленький”, “мой мышоночек”. И твои поцелуи – ведь твои глаза загорались только тогда, когда у меня из губ текла кровь. Поцелуи с привкусом крови. В медицине это называется вампиризмом. И эту дрянь я любил как богиню! И считал себя любимцем богов!

Бывший любимец богов печально покачал головой:

– Я охотился за идеальной советской девушкой нового типа – гомо советикус. И что же мне черт послал? Гомосексуалистку! Лесбиянку!

Бывший охотник за гомо советикус смотрел на Нину хинным взглядом и словно разговаривал сам с собой:

– Н-да, высокая девичья грудь, тонкая талия и тяжелые бедра здоровой самки. И такая чистая, как у ребенка кожа. Которую так приятно целовать. А на самом деле – это белладонна. Красавка. Бешеная вишня. Сонная одурь. Та самая, о которой говорят: не троньте эту пакость – плакать будете.

Он выбил пепел из трубки в большую бронзовую пепельницу:

– Но чтобы понять все эти премудрости, сначала нужно побывать в ослиной шкуре.

Затем генерал госбезопасности вспомнил что-то и поморщился, как от зубной боли.

– А ведь я держал тебя на своих руках, когда ты была еще грудным ребенком... Кормил тебя из бутылочки... Играл с тобой ваульки-ваульки... Вытирал твои первые детские слезы... Потом ты умерла, и по тебе даже отслужили панихиду... Чтобы спасти твою грешную душу...

Он остановился посередине комнаты и закинул руки за спину.

– Теперь я оживил тебя. Но ты живой труп. И в твоих жилах трупный яд. Я высылаю тебя из страны. Даю тебе путевку в новую жизнь. Я нарочно показал тебе родословную – и одну, и другую. Чтобы ты знала, чем это кончается, когда люди делают гешефты с дьяволом.

Генерал оперся руками о стол, и на его погонах блеснули скрещенные топоры советской инквизиции.

– Запомни только одно, ведьма Нина. Если когда-нибудь тебе придут в голову какие-нибудь глупые мысли. Имей в виду, что с нами шутки плохи. Мы умеем не только оживлять мертвых, но и наоборот. Первый раз я держал тебя в руках как ребенка. Второй раз – как женщину. Но третий раз в мои руки не попадайся. А руки у нас длинные. И помни – слово мое крепко.

Машина 13-го отдела КГБ работала быстро. Тот же капитан в роговых очках и со змейками на погонах вручил Нине заграничный паспорт с израильской визой, потом полез в стол:

– Я еще должен вернуть вам вашу собственность. Распишитесь в получении.

И он протянул Нине злосчастную продолговатую коробочку с замочком и надписью “Made in USA”. Это был тот самый секретный инструмент психологической войны, при помощи которого ведьмы превращаются в мужчин.

Вскоре теремок по переулку Энтузиастов, №22, что при игре в очко означает перебор, опустел. И случайные прохожие даже не знают, что когда-то здесь жила спящая красавица Нина Миллер, идеальная советская девушка нового типа, которая оказалась ведьмой.

Судьбу остальных чудиков из дома чудес, недоделков из Недоделкино и прочих бесов агитпропа можно было бы, конечно, и не описывать. Но тогда будет пробел в сатановедении. Ведь дьявол дегенерации, ангел смерти – это медленная смерть, растягивающаяся на несколько поколений.

И чтобы понять эту путаную штуку, нужно посмотреть на всю жизнь данного легионера. А еще лучше – целой группы легионеров. Так как они, подобно микробам, всегда собираются в группы или цепочки. Как бледная спирохета у сифилиса. А поскольку это штука наследственная, то нужно еще покопаться в их дедушках и бабушках, внуках и правнучках.

Только тогда вы получите ключи познания к тем проблемам добра и зла, счастья и несчастья, ума и безумия, жизни и смерти, которые испокон веков называют Богом и дьяволом. Только тогда вы узнаете, где правда – и где кривда.

Если кто подумает, что по спецпроекту “Агасфер” 13-й отдел КГБ засылал на Запад своих агентов, тот глубоко ошибается. В большинстве случаев никаких инструкций эти агасферы не получали. Но без дела они сидеть не будут. Весь фокус в том, что они будут делать. Безо всяких инструкций эти легионеры-кинсианцы, в которых заложены комплексы разрушения и саморазрушения, будут гадить, путать, портить и разрушать все, за что бы они ни взялись.

Потому-то философы и говорят, что дьявол – это первый антихрист и нигилист, что это Никто и Ничто, но это Ничто ничтожит. И все это прекрасно знали в мозговом тресте профессора Руднева, который посадил этого дьявола на цепь и заставил его служить советской власти.

Трупный яд декаденции – и революции – пришел в Россию с Запада. А теперь 13-й отдел КГБ просто бросал этих дохлых кошек соседу через забор. Долг платежом красен.

Французскую Лизу и Котика, то есть князя и княгиню Горемыкиных, тоже пустили по конвейеру спецпроекта “Агасфер”. Их выслали просто потому, что оба они были гомо советикус. Ведь на Западе спорят о гомо советикус. Ну вот и прекрасно, пусть сами посмотрят, что это такое.

Кроме того, княгиня Лиза официально считается полуеврейкой, мемзерихой. А евриканская и еврипейская пресса с пеной у рта кричат, чтобы советских евреев вы-

пускали в Израиль. В результате князю и княгине Горемыкиным прилепнули израильскую визу и отправили в путь-дорогу.

Однако княгине Лизе вовсе не хотелось собирать апельсины в кибуцах. А князю Горемыкину еще меньше хотелось воевать за великий Израиль от Нила до Евфрата. Поэтому вместо Израиля они вскоре очутились в другой земле обетованной – Америке. Потому-то этот спецпроект и назывался “Агасфер”, то есть “Вечный Жид”.

В Америке князь Горемыкин честно признался, что его профессия – это “три буквы”, знаете, всякие хитрые органы. А княгиня Лиза заявила, что она, как новейший представитель 3-й эмиграции, хотела бы работать на “Голосе Америки”, чтобы помогать советским диссидентам в их борьбе за свободу и права человека.

Как полагается в таких случаях, американские хитрые органы устроили им психологическую проверку с помощью Роршах-тестов, где посредством чернильных пятен, анкет с незаконченными предложениями, интимных интервью на сексуальные темы и прочих хитростей выясняют эдипов или матерный комплекс, фрейдовский-ротовой эротизм, анальный или заднепроходной эротизм, как говорят, армянские шутки и прочие щекотливые комплексы, необходимые для научного психоанализа данной личности.

Князь и княгиня Горемыкины знали все эти армянские шутки гораздо лучше экзаменаторов и выдержали экзамен с таким успехом, что американские хитрецы из хитрых органов запрыгали от радости. Первоклассные психи! Да еще советские, да еще свеженькие! И новых агасферов сразу же включили в систему американской психвойны.

Князя Горемыкина взяли на работу в Си-ай-эй, где легионеры играют такую же роль, как в СССР компартия. Замаскировавшись как переводчик госдепартамента, он разъезжал с советскими делегациями, которые приезжали в США в порядке обмена научными силами. Его задачей было вынюхивать из состава советских делегаций таких же легионеров, как он сам, и сообщать результаты в Си-ай-эй. А попутно и в 13-й отдел КГБ.

Тем временем княгиня Лиза стучала на пишущей машинке на радио “Голос Америки” в Вашингтоне и уверяла всех, что она не просто машинистка, а советская писательница-диссидентка.

Потом французская Лиза забеременела. Уже на следующий день она трезвонила об этом, как о событии мирового значения, и даже пыталась включить эту новость в программу радиопередач “Голоса Америки”. А князь Горемыкин от этого известия морщился и корчился так, словно у него родовые схватки.

В темные времена бывало, что крестьянки рожали за работой в поле, прямо на меже. Зато княгиня Горемыкина рожала по всем правилам американской науки и техники. За два месяца до родов она уже слегла в госпиталь. По обеим сторонам постели висели какие-то сосуды с трубочками. Эти трубочки Лизе повставляли во все те места, которыми она грешила и даже не грешила. И два месяца по этим сосудам и трубочкам, как на химическом заводе, циркулировали всякие жидкости.

В некоторых странах, когда рождает королева, по закону – чтобы не подменили наследника – при родах присутствует целая куча свидетелей. Княгиня Горемыкина рожала своего ребенка почти как королева. В качестве свидетелей собрали целую кучу студентов-медиков. Чтобы они посмотрели, как не нужно рожать.

В темные времена французская Лиза и ее ребенок просто сыграли б в ящик. Но на данном этапе науки и техники новорожденного включили в сложную систему сосудов и трубочек и еще два месяца качали всякие химикалии. В результате восторжествовал прогресс науки, и в мире прибавилось еще одним легионером.

Выйдя из госпиталя, мемзериха Лиза устроила пышные крестины. Священник читал молитвы, где просил Господа Бога изгнать из новорожденной души дьявола, бесов и всякую нечисть. А княгиня Горемыкина стояла рядом с видом победительницы.

Потом Лиза начала уверять, что у нее не ребенок, а настоящий вундеркинд. И действительно, с ее сыном творились чудеса. Когда другие дети начинают ходить, вундеркинд все еще ползал. Когда обычные дети начинают говорить, вундеркинд только мычал. Кроме того, вундеркинд упорно путал свой ночной горшок с тарелкой для еды.

Французская Лиза смотрела на все это с трепетанием в душе. Будучи ведьмой, она знала тайный смысл народной поговорки: “Почему тебе в жизни так везет? Ты что, в детстве г... ел?” Ведь такие вещи частенько встречаются у будущих гениев. Ведь нечто подобное было в детстве даже у гениального товарища Ленина.

Но по мере того как вундеркинд подрастал, ведьма Лиза немножко притихла. Дело в том, что подобные явления встречаются у гениев – или кретинов. В пропорции: один гений – на сто тысяч кретинов. И ведьме Лизе становилось ясно, что в этой потере она вытянула не гения, а что-то другое.

Потому-то знаменитый диссидент-дурдомщик Валерий Тарсис и уверяет, что на дне души каждого гения сидит кретин. Да, но это вовсе не означает, что каждый кретин – это гений.

Ведьма Лиза прекрасно знала, что детей ей лучше не иметь. Но она вовсе не хотела оставаться бездетной старой девой. Фу, чтобы люди потом пальцами показывали? И она решила сделать ребенка любой ценой. И вот, как в насмешку, ее желание исполнилось с избытком: она получила вечного ребенка, какого-то умственно отсталого, инфантильного, с матерным комплексом, который всю жизнь будет держаться за мамину юбку.

Конечно, многие легионеры, у которых совесть такая же нечистая, как у ведьмы Лизы, станут уверять, что все это совсем не так. Скажут, что это просто случайность, слепая генетическая комбинация, аминокислоты, влияние радиоактивности, атомных экспериментов и прочие абстрактные факторы.

Так или иначе, ведьма Лиза думала, что она перехитрила. всех – и Бога, и дьявола. А получилось немножко иначе. Не помогли ни американская наука и техника, ни фальшивое крещение с молитвами. Оказывается, что Господа Бога. перехитрить не так-то просто.

Чтобы быть объективным, нужно заметить, что к делу производства кретинов князь Горемыкин был совершенно непричастен. Княгиня Лиза сделала все сама. Чтобы понизить шансы легионизации, она делала ребенка не от мужа-легионера, а, так сказать, модернистским способом – искусственным путем.

Конечно, Лиза не обращалась за советом к средневековым алхимикам, которые когда-то пытались сделать человека из реторты или гомункулуса. В современных культурных странах эта проблема разрешена в форме искусственного осеменения. А в менее культурных странах по этому поводу говорят: пальцем деланный. Обычно это говорят, когда видят такого гомункулуса, какой получился у ведьмы Лизы.

Княгиня Лиза делала ребенка от чужого дяди. Хотела, как говорится, на чужом х... в рай проехать. Но получилось немножко не по плану.

Если кто думает, что, сделав одного гомункулуса, Лиза на этом успокоилась, тот глубоко ошибается. Ведь Лиза была немножко еврейкой. И недаром говорят, что евреи находят выход из любого положения. Поэтому, когда Лиза убедилась, что первый ребенок явно дефективный, она опять забеременела.

А когда подошло время рожать, она поехала в Западную Германию. И вскоре у нее появилась прелестная новорожденная дочка.

– Смотрите! – сияла Лиза. – Такая белокурая. В точности, как я! И роды были такие легкие...

На этот раз роды были действительно легкие. Лиза просто повыбрасывала из-под платья всякие тряпки, с помощью которых она имитировала беременность, а потом отправилась в приют святой Катерины, где монашки заботились о подкидышах, и взяла себе там приемного ребенка. Конечно, княгиня Горемыкина никогда не признается, что ее белокурая дочка – это ребенок безвестной немецкой прислуги.

В семье Лизы Абрамовны Черновой-Шварц это была своего рода семейная традиция, и мэмзериха Лиза просто пошла по стопам своей матери. В свое время Лизу тоже делали пальцем – и результаты получились плохие. А если вы поспрашиваете у знакомых, то вам скажут, что у Лизы есть еще младшая сестра – приемный ребенок, очень хороший человек и не такая стерва, как Лиза.

Но тут возникает маленький талмудический вопрос: если отец Лизы еврей, а мать гойка, шикса, и если Лизу делали пальцем, то какая же она еврейка?

Вот потому-то в случае смешанных браков между евреями и гоями мудрые раввины, прекрасно зная все эти фигли-мигли, признают евреем только ребенка еврейской матери, но не еврейского отца. Сионские мудрецы знают, что такие смешанные браки обычно, в большинстве случаев, это браки не простые, а специальные. И если мать гойка, шикса, то тут нужно держать ухо востро. Правда, такие ведьмы, как Лиза, даже и раввинов обманут.

Вот вам и княгиня Горемыкина. Но ничего в этом особенного нет. По этому же пути пошли многие представители старого столбового дворянства царской России, многие испанские гранды и английские лорды, румынский король по имени Карол и даже претендент на престол Романовых. А потом бедных евреев обвиняют, что они занимаются всякими фиглями-миглями.

Почему ведьма Лиза поехала за своим приемным ребенком не куда-нибудь, а в Западную Германию? Да очень просто. Ведьма Лиза ведала, что после того, как байстрюк Гитлер почистил Германию в области чистоты расы, да еще уничтожил душевнобольных, гомосексуалистов, дефективных и всяких помешанных, каким он был сам, теперь там меньше шансов, что и приемный ребеночек может оказаться с подвохом.

Лиза ненавидела немцев всеми фибрами своей еврейской души. А за ребенком поехала не куда-нибудь, а именно в Германию. По первому закону марксистской диалектики – о единстве и борьбе противоположностей.

Теперь князь и княгиня Горемыкины живут в маленьком домике недалеко от Вашингтона. Если вы человек ординарный и попадете в этот экстраординарный дом, то не забывайте, что здесь все наоборот.

Княгиня набросится на вас как изголодавшаяся проститутка. Но не попадайтесь на эту удочку. Она вас использует, но вы ее – никогда. Лучше посматривайте, чтобы эта ведьма не испортила вашу жену.

Зато вместо княгини Горемыкиной вы довольно легко можете соблазнить ее мужа. Так что не смотрите на князя слишком пристально. Иначе он подумает, что вы им интересуетесь, и закокетничает, как красная девица. И ни в коем случае не расстегивайте при нем штаны. Иначе, чего доброго, князь упадет перед вами на колени.

Ведь в душе князя Горемыкина сидит бес суккуб, который превращает мужчин в женщин. А в душе ведьмы Лизы сидит бес инкуб, который превращает женщин в

мужчин. Таким образом, они вполне гармоничная пара, знаете, муж-баба и жена-мужик.

Только не вздумайте говорить на эту щекотливую тему с ведьмой Лизой. Иначе она подсыплет вам в коктейль какую-нибудь гадость, вроде наркотика ЛСД. А потом, когда вы начнете бредить, она скажет: “Смотрите! Видите, ведь это ж сумасшедший!” Она эти фокусы уже несколько раз проделывала. И тут важно знать, что делать.

Тогда нужно взять и хорошенько двинуть княгине по зубам. Но учитывайте, что хотя на вид она и довольно молодая, но все зубы у нее вставные. Поскольку она ведьма, то у нее гнилая кровь, и уже в возрасте 20 лет ей пришлось повырывать все зубы, из-под которых сочился гной, и вставить искусственные челюсти. Поэтому-то, на вид, у нее такие хорошие и ровные зубки. Но когда будете бить ее по этим зубам, то смотрите, чтобы она их не проглотила.

Впрочем, если вы человек ординарный, то в дом княгини Горемыкиной вы вряд ли попадете. Как правило, там собираются люди более или менее экстраординарные, которые не любят, чтобы посторонние совали свой нос в их сложную жизнь.

Да и вообще лучше не заглядывать по ту сторону добра и зла. А то увидите там такое, что тошно будет. Лучше плюньте, перекреститесь и пройдите мимо.

Гомо советикуса Остапа Оглоедова, сына Остапа Бендера, пустили по конвейеру спецпроекта “Агасфер” вместе со всем его многочисленным семейством.

В чемоданчике у Остапа лежал его заветный фрак. Это чтобы на Западе не подумали, что он быдло. А в карманчике фрака хранилась справочка из концлагеря, что он сидел там за педерастию. Остап слышал, что на Западе это играет такую же роль, как в СССР партбилет.

Его жена, динамитная Дина, ехала со своими тремя детьми от трех предшествующих мужей. Ее старшего сына, вора-рецидивиста, выпустили прямо из тюрьмы. Средняя дочка, косоглазая Таня, ехала со своим четырехлетним чертенком, которого она зачала в сумасшедшем доме. Младшая дочь Маша, которую все почему-то называли Мишкой, раньше походила на медвежонка, а теперь смахивала на медведя. Раньше она дралась с мальчишками, а теперь увлекалась боксом и везла с собой боксерские перчатки. А теща-террористка тащила корзину со своими нервными кошками, которые были такими же психопатами, как их хозяева, и все время мяукали.

Хотя все они выехали по израильской визе, но только один Иегова знает, почему они очутились не в Израиле, а в Нью-Йорке.

Как свеженький представитель 3-й эмиграции из СССР, байстрюк Остап сразу же получил работу по специальности в отделе скриптов на радио “Освобождение”, которое занималось освобождением России от большевиков при помощи троцкистов и меньшевиков. Заправлял этим радио некий американский комитет, который знающие люди называли евриканским комитетом. А в американской прессе писали, что вся эта лавочка финансируется американской разведкой Си-ай-эй.

Надо сказать, что американская психвойна была построена по тем же научным принципам, по которым работали в Научно-исследовательском институте – НИИ-13 и в 13-м отделе КГБ. Вся разница была только в том, что советской психвойной командовали профессора-психиатры в форме КГБ, а американской психвойной заправляли сами психи. Ведь когда начальник Си-ай-эй Аллен Даллес сидел и заправлял психвойной, его сын сидел в сумасшедшем доме. А в Библии по этому поводу говорится: узнаете их – по плодам их. И в 13-м отделе КГБ это прекрасно знали. А также знали, что каков поп, таков и приход.

Чтобы понять все загадки психвойны, нужно напомнить следующее. Ведь фрейдисты недаром говорят, что гомосексуальность и связанные с нею садизм и мазохизм, комплексы разрушения и саморазрушения, то есть убийства и самоубийства, – это первопричина любой агрессивности и агрессии, начиная от самой обычной драчки мужа с женой и кончая всемирными революциями и войнами. А ведь психвойна – это тоже война. И без гомосексуальности тут просто не обойдешься.

Потому-то Гарвардский проект, лучший мозговой трест Америки, которым управлял хитроумный еврей Натан Лейтес, и базировал всю американскую психвойну на комплексе латентной полупедерастии полувеврея Ленина, что является основной причиной большинства психических болезней.

Таким образом, работа дедушки Остапа на радио “Освобождение” очень похожа на его похождения на радио “Свобода”. Больше всего Остап любит выступать по радио как боевой советский полковник. Иногда этот гомо советикус так входит в свою роль, что стучит себя кулаком в грудь и вопит на гомо американус: “Мы – советские офицеры!”

Иногда этот радиополковник фигурирует в американских журналах как заслуженный советский диссидент, бежавший “из концлагеря. Иногда – как советский атомный ученый, ближайший сотрудник академика Сахарова-Сахаревича. А по вечерам Остап, обложившись несколькими другими книгами, лихорадочно перекачивает оттуда свою книгу. И жалуется, что Сол Женицкер украл у него Нобелевскую премию.

Динамитная Дина печально качает головой:

– То, что Остап брешет, – это еще полбеда. Вся беда в том, что он своей же брехне и верит. Это уже расщепление личности – шизофрения.

– Это у вас у всех в голове перекося, – огрызается Остап. – По-научному это будет параллакс!

Всезнайка Остап уверяет, что все его коллеги на радио “Освобождение” в писсуаре тщательно прикрывают ладошками свои обрезы – новейшее оружие американской псих-войны.

– А я им свой советский обрез показываю, – говорит радиополковник Остап Остапович Оглоедов. – Ведь здесь это как партбилет.

Пожив в стране чудес Америке, Остап кое-чему подучился. В американском комитете были два больших босса, два бывших дипломата, которых почему-то повыгоняли из госдепартамента во времена Маккарти. А потом один из этих дипломатов, когда ему было уже около 60 лет, вдруг взял и женился на 20-летней дочери второго.

– Знаете, что это значит? – говорил всезнайка Остап. – Это значит, что в молодости эти дипломаты натягивали друг-другу – и спереди и сзади. Но мы эти фокусы тоже знаем.

Потом дедушка Остап видит, что по этому же пути пошел и начальник “Голоса Америки”, который знающие люди называли “Голосом Атлантиды”. Этот старый троцкист, когда ему пошло на 60, тоже женился на 20-летней девочке. И Остап даже был у него кумом.

– Он этот трюк уже третий раз откалывает, – ворчал кум Остап. – А как это делается, можно прочесть в его книжке “Плач троцкиста”. Брак фиктивный, а дети дефективные.

После этого дедушка Остап задумался. Ему уже 55 лет, а его жена еще старше его, совсем старуха. Ведь он женился на ней только, чтобы замаскироваться. Но те-

перь все эти дети, хотя и чужие, повыврастали, и сразу видно, что они все ненормальные. Нужно перемаскироваться.

– Что я, рыжий? – сказал Остап, почесывая свои рыжие патлы, – Нет, начинаем новую жизнь! Буду как Сол Женицкер!

Вскоре после этого дедушка Остап развелся со своей старухой и тоже женился на 20-летней девочке, которая работала вместе с ним в американском комитете, где крестным отцом был комплекс латентной педерастии товарища Ленина.

Чтобы понять все эти фокусы, нужно только знать статистику доктора Кинси – 37 процентов, где только 4 процента честных открытых гомо, а 33 процента и туды и сюды. А среди интеллигентных людей таких кинсианцев будет уже больше 50 процентов. Потому-то знаменитый писатель Рабле, умный монах, уже в 16 веке, задолго до Кинси, писал, что одна половина мира не знает, как живет другая половина.

Теоретически этим кинсианцам лучше не вступать в брак, во всяком случае с нормальными людьми, и еще лучше не иметь детей. Но практически им хочется казаться нормальными, быть такими, как все. И вот тогда-то начинается то, что называется грехами. А в результате этих грехов получают сумасшедшие дома и тюрьмы, войны и революции, газовые камеры и концлагеря.

Нормальным людям все это и в голову не приходит. А кинсианцы занимаются своими грехами, и никто из них в этом, конечно, не признается. Так вот и старый педераст Остап просто женился на 20-летней минетнице из французских анекдотов, что означает латентную, или подавленную, гомосексуальность, те самые 33 процента доктора Кинси.

А нормальные люди, которые имеют глаза и ничего этого не видят, глядя на молоденькую жену Остапа, искренне ему завидовали:

– Эх, сразу видно, что настоящий мужчина! Сверхмужчина...

Новая жена Остапа была не только молоденькая, но и из очень хорошей семьи, из старого родового дворянства. А дедушка Остап был еврейским подкидышем, байстрюком. Но это тоже обычное явление. Ведь по этому пути пошел даже заграничный претендент на престол Романовых.

Вот потому-то она и погибла, бедная Российская Империя. Так вот и румынский король по имени Карол женился на еврейке мадам Лупеску. А вслед за этим погибло его королевство. Потому и говорят, что дохлая рыба с головы воняет. Вот вам и вся суть чистого марксизма. Ведь Карл Маркс все эти фигли-мигли прекрасно знал и сам тоже женился на баронессе.

С точки зрения чистого марксизма нужно смотреть не на марксистский “Капитал”, а на генетический капитал данной семьи, класса или народа. Только тогда вы поймете, что творится в нашем грешном мире.

Вскоре дедушка Остап, на старости лет, стал гордым папашей, и у него появилось двое деток. Но вряд ли Остапова жена такая дура, чтобы делать детей от Остапа. Ведь детей можно делать и пальцем, заказав семя у доктора или проститутки. Кстати, многие американские доктора мало чем отличаются от проституток: такие же дорогие и такие же бессовестные.

Кроме того, в случае таких браков детей можно делать еще так: на чужом х... в рай проехать. Ведь это не просто ругательство, а своего рода шифровка, тайнопись, орнаментальная проза. И все эти шифровки пустили в обиход сами легионеры-кинсианцы, исходя из собственного житейского опыта.

Так или иначе, Остаповым байстрючатам довольно легко предсказать их будущее. Для этого нужно только оглянуться на первую жену Остапа, динамитную Дину, и ее веселенькое семейство. Выбод там довольно богатый.

Оба деда динамитной Дины были алкоголиками, и оба повесились. Третий муж Дины был писателем и бросился под трамвай. Обе сестры Дины были чудачками и старыми девами: одна чудачка, в конце концов, попала в сумасшедший дом, а вторая чудачка была медсестрой и работала в сумасшедшем доме.

Старший сын Дины, вор-рецидивист, просто сменил советские тюрьмы на американские тюрьмы. Средняя дочка, косоглазая Таня, вместо советского дурдома теперь время от времени сидит в американском дурдоме. А бабушка Дина нянчит ее ребенка, четырехпалого чертенка, которого Таня зачала в дурдоме, и, подражая Пикассо, мазюкает модернистические картины, такие же запутанные, как их жизнь. В этом-то и весь смысл этого модернизма.

Отец косоглазой Тани был марсианином и работал на “Голосе Атлантиды”, извините, на “Голосе Америки”. Потом его разбил странный полупаралич: у него отнялась правая половина тела, в том числе правая рука и пол-языка. А суеверные люди говорят, что это его Господь Бог наказал, чтобы он не писал ложь и не говорил ложь по радио.

Младшая дочка Дины, Мишка, отец которой бросился под трамвай, сначала казалась нормальной, она даже вышла замуж и сделала ребенка. Но потом она спуталась с хиппи и наркотиками и сбежала из дома с какими-то неграми. А бабушка Дина нянчит ее ребенка и преспокойно мазюкает свои модернистические картины.

Видите, чем кончается весь этот модернизм. Потому-то царь Никита в свое время и орал, что это не модернизм, а г... собачье и что это не модернисты, а гомосексуалисты.

Остапову тещу-террористку Варвару Цезаревну Тыркову (просьба не путать с революционеркой А. Тырковой-Борман-Вильямс), которая в молодости была революционеркой и бегала с бомбами под юбкой, на старости лет разбомбил паралич. Лежит она в постели и делает под себя. Кроме того, она сошла с ума на сексуальной почве и непрерывно ругается непечатными словами. Словно ее черти за язык дергают.

Люди смотрят на семью Дины и говорят: “Господи Боже, и за что им такое наказание?”

А все-то это за грехи отцов. И матерей тоже. Те самые грехи, которые в упрощенной форме сформулированы в непечатных ругательствах. Потому-то черти и дергают сумасшедшую тещу за язык, как пономарь за колокол.

Это только небольшая часть того ассортимента, который дьявол дегенерации имеет для Остаповых байстрючат. Но ничего этого вы так просто не увидите. Наоборот, вы увидите сверхмужчину Остапа с молоденькой женой и милыми детками. Потому-то философы и говорят, что у дьявола масса алиби и инкогнито.

Философы говорят, что дьявол склонен к экстремам. Потому-то первая жена Остапа походила на его мамашу, а вторая жена годилась ему в дочери. И еще философы говорят, что дьявол любит прятаться за самые лучшие человеческие качества. Потому-то дедушка Остап на старости лет и спрятался за спину такой молоденькой жены.

Но это видят далеко не все. Потому-то в Евангелии и говорится, что имеющие глаза – и не видят. Но все это прекрасно видели в 13-м отделе КГБ, где Остапу на прощание сказали:

– Смотрите, 13-й отдел шутить не любит...

Многим читателям будет, наверное, жалко расставаться с таким интересным человеком, как сын Остапа Бендера. Тогда нужно просто пойти на радио “Освобождение” в Нью-Йорке и спросить там Остапа Остаповича.

Глава 20. Вторая жизнь

*Очень часто сын становится
обнаженной тайной отца.*

Фридрих Ницше

Генерал госбезопасности Борис Руднев, тайный государственный советник СССР, или, как теперь говорят, геheimer, сидел в своем служебном кабинете и листал папки с личными делами Миши Гейма-Данилова, бывшего собутыльника Васьки Сталина, и Женьки Южного, бывшего личного поваренка Васьки Сталина, которые когда-то работали в доме чудес.

Миша Гейм-Данилов, полуеврей, человек приятной наружности, который сильно заикался и у которого судорожно дергался рот. Дело мемзера Миши было тесно связано с делом любимого сына Сталина – Василия. И над этим делом поработало несколько лучших следователей и аналитиков 13-го отдела. В числе этих аналитиков-консультантов был и гроссмейстер Зарем Волков, человек-компьютер и шахматный чемпион по игре вслепую.

Под штемпелем “13-й отдел – Совершенно секретно” в папке был подробнейший анализ не только Миши Гейма-Данилова и его собутыльника Василия Сталина, но и всей семьи Сталина. И там было следующее:

1. “Семья Сталина-Джугашвили происходит от горских евреев Кавказа”. (См. книгу Ивана Крылова “Моя карьера в советском Генштабе”, Париж, 1951, как это цитируется в парижском журнале “Новый Прометей” за май 1951).

2. “Отец Като, то есть матери Сталина-Джугашвили, был евреем-старьевщиком в горах Кутаиси”. (См. книгу И. Рагуза “Жизнь Сталина”, стр.14, изд. Файард, Париж, 1938).

3. В книге “Мемуары” Максима Литвинова (Финкельштейн) сообщается, что вторая жена Сталина, Надежда Аллилуева, была лесбиянкой и покончила самоубийством на почве лесбийской любви к еврейке Зое Мосиной, которую Сталин загнал в Сибирь. В “Мемуарах” Литвинова этой лесбо-еврейке Зое Мосиной посвящается больше места, чем Рузвельту и всем остальным государственным деятелям, с которыми Литвинов встречался. (См. книгу “Мемуары” Максима Литвинова, стр.169-170, изд. Морроу, Нью-Йорк, 1953, с предисловием английского профессора истории Эдварда Карра и введением генерала Беделла Смита, американского посла в Москве и затем начальника американской разведки Си-ай-эй).

Эта информация повторяется в книге профессора Бертрама Вольфа “Странные коммунисты, которых я знал” (стр.216-217), Нью-Йорк, 1965. Бертрам Вольф, еврей-троцкист, был начальником отдела идеологических советников в госдепартаменте и “Голосе Америки”, получил ученую степень почетного доктора советоведения, научный сотрудник Гуверовского института по изучению войны, революции и мира при Станфордском университете в Калифорнии, где и написана данная книга. Научным сотрудником Гуверовского института является также профессор Александр Даллин, еврей, сын известного меньшевика, б. сотрудник Гарвардского проекта (см. дело Г-69), которым руководил профессор Натан Лейтес и который базировался на “комплексе латентной педерастии товарища Ленина”. На книге профессора Вольфа “Странные коммунисты, которых я знал” стоит такое посвящение: “Лю-

бовно посвящается самым странным из них". О Гуверовском институте по изучению войны, революции и мира можно сказать одно: посадили козлов охранять капусту.

4. Принципиальным источником информации для предыдущих пунктов 1, 2 и 3 является бывший советский дипломат Г. З. Беседовский, еврей, из левых эсеров, сбежавший из советского посольства в Париже в 1929 году. В своей книге "На путях к Термидору", том 2, Париж, 1931, Беседовский пишет, что его отец и несколько двоюродных братьев и сестер покончили самоубийством на почве психических болезней, что сам он болен тяжелой формой наследственной неврастении, что его жена и сын тоже душевнобольные (стр.106, 116, 120, 276 и 278).

Очень характерно, что именно Беседовский, сам еврей и потомственный психопат, говорит об еврейском происхождении семьи Сталина, и что жена Сталина, Надежда Аллилуева, была лесбиянкой и лесбиянила с лесбоеврейкой Зоей Мосиной. Такие вещи знают именно такие люди.

5. Известный американский ведун по советским делам Исаак Дон Левин, еврей, считает, что в молодости Сталин в дополнение к своей революционной работе, во-первых, был шпиком царской охраны и, во-вторых, занимался педерастией. (См. книгу Исаака Дон Левина "Великий секрет Сталина", стр.40, изд. Ковард-Маккан, Нью-Йорк, 1956).

Генерал госбезопасности Руднев сидел и листал дело дальше. Следом специалисты 13-го отдела давали экстракт из показаний дочери Сталина от Надежды Аллилуевой, Светланы Сталиной-Аллилуевой, которые она, сбежав в Америку, опубликовала в своих книгах "20 писем к другу" и "Только один год".

Если такие люди, как Сталин и Аллилуева, женятся, то дети у них, как правило, получают ненормальные, дефективные, и эти дефекты прячутся в голове и в штанах. Потому-то Ленин и Гитлер предпочли остаться бездетными. А Светлана Сталина сообщала о своей семье следующее.

Старший сын Сталина от первого брака – Яков. Первый брак Якова вскоре окончился разводом, дочь от этого брака вскоре умерла, а Яков в результате этого пытался покончить самоубийством. По этому поводу папа Сталин с досадой сказал, что этот дурак даже застрелиться не умеет. Второй раз Яков женился на еврейке Юлии. В конце концов Яков покончил самоубийством в немецком концлагере.

Второй сын Сталина от второго брака на Надежде Аллилуевой – Василий. Был женат на полужеврейке, дочери Молотова и мадам Жемчужиной-Перлеман. Тяжелый психопат и алкоголик. Умер в результате самоотравления алкоголем, тоже своего рода самоубийство, комплекс саморазрушения.

Любимая дочь Сталина – Светлана. Ее первой любовью был еврей Люся Каплер. Но папа Сталин усмотрел в этом сионский заговор и загнал этого женишка в Сибирь. Позже Светлана вышла замуж на еврея Григория Морозова, отец которого был крупным работником НКВД. Затем развод. Следующий брак – и опять развод. Судя по своим собственным описаниям, Светлана была совершенной психопаткой, страдала депрессиями и носилась с мыслью о самоубийстве, всю жизнь находилась под наблюдением психиатров, отличалась какой-то необычной сексуальностью.

В возрасте 40 лет Светлана влюбляется в 57-летнего индуса Сингха, человека женатого, неразведенного и умирающего, сына богатого раджи – и профессионального коммуниста, который был женат на австрийской еврейке. И даже у индуса – опять еврейка! Так, словно у евреек под юбкой какая-то тайна, этаким цимис.

Когда Сингх умер, Светлана засунула креммированный прах своего возлюбленного в сумку и носилась с этой сумкой по Москве как дура с писаной торбой. Но она оказалась вовсе не такая дура: под предлогом похорон Сингха она поехала с этой торбой в Индию – и сбежала из СССР, побросав в Москве всех своих мужей и детей.

Все это сообщала сама Светлана. А аналитики 13-го отдела принимались анализировать. Почему это всех трех детей Сталина в браках так неудержимо тянет к евреям? Ведь евреи чуждаются гоев – и гои отвечают им тем же самым, А тут вдруг наоборот! Почему? Обычно это получается у людей, которые знают, что со стороны отца или матери в их жилах уже есть примесь еврейской крови. Вот в браках их и тянет назад к евреям – голос крови.

На папу Сталина уже есть данные, что он был еврейско-грузинской полукровкой, мемзером. Потому-то, как пишет в своих мемуарах Светлана, Сталин “не любил грузин и называл их дураками”. Конечно, ведь грузины для него – это гои. Ну а как же насчет мамы?

О своей матери, Надежде Аллилуевой, Светлана пишет, что она была “очень смешанной национальности”, что мать Надежды была полунемкой и четвертьгрузинкой, а прабабка Надежды по отцу была цыганка.

Но каждый опытный еврей, вроде Беседовского, в таких условиях скажет: “Знаем мы эти фигли-мигли. Вероятнее всего мать Надежды была немецкой полуеврейкой и грузинской четвертьеврейкой, а ее прабабка по отцу была не цыганка, а просто еврейка. То есть, если все сложить, то мать на $3/4$ еврейка, отец на $1/4$ еврей, а продукт этого сложного брака Надежда – $3/4 + 1/4 = 1$ – получается как бы чистокровной еврейкой. Папа Сталин был еврейским мемзером. И жену он себе такую же подыскал – тоже мемзериху. В результате если подсчитать, то у детей Сталина в жилах еврейской крови больше, чем какой другой. Вот потому-то всех трех детей Сталина в браках так загадочно тянет к евреям”.

Затем Светлана довольно подробно описывает семью своей матери Надежды Аллилуевой: отец Сергей Аллилуев, псих и профессиональный революционер, его жена Ольга, тоже психопатка, и их дети – Федор, Анна, Павел и Надежда, вторая и любимая жена Сталина.

Федор Аллилуев сошел с ума во время гражданской войны. Светлана пишет о своем дяде так: “Неопрятный, неаккуратно вшивший за столом – типичное поведение душевнобольного”.

Анна Аллилуева, тетка Светланы, тоже была душевнобольной, страдала шизофренией, была замужем за Станиславом Реденсом, начальником московского НКВД, которого расстреляли во время Великой Чистки. А тете Анне папа Сталин дал 10 лет Сибири, где она окончательно сошла с ума.

Павел Аллилуев, второй дядя Светланы, умер во время Великой Чистки, как говорится, при невыясненных обстоятельствах. Его вдова Евгения затем вышла замуж за еврея. Но в 1948 году Евгению и ее мужа-еврея арестовали. Оказывается, папа Сталин выяснил “невыясненные обстоятельства” и дал Евгении 10 лет за... отравление ее первого мужа – Павла Аллилуева! Ну и семейка! Чистый сумасшедший дом!

Затем идет Надежда Аллилуева, любимая жена Сталина и мать Светланы. Психопатка, которая покончила самоубийством на почве якобы лесбийской любви к лесбоекврейке Зое Мосиной, которую папа Сталин загнал в Сибирь. Заодно папа Сталин загнал в Сибирь и обоих родителей своей любимой жены. Итак, папа Сталин уничтожил под корень все семейство своей любимой жены.

Светлана Сталина-Аллилуева описывает также семью первой, нелюбимой жены Сталина, Екатерины Сванидзе, которая умерла в молодости. У этой Екатерины был брат Александр, женатый на еврейке Марии Анисимовне Корона, из испанских евреев. В 1937 году обоих арестовали. Александр Сванидзе был расстрелян в 1942 году, а его еврейская жена умерла в ссылке. Сестра Александра Сванидзе, Марико,

тоже была арестована и погибла в тюрьме. Брат еврейки Марии Корона тоже был ликвидирован в 1937 году.

Итак, Сталин уничтожил под самый корень также и всю семью своей первой жены, от которой у него был нелюбимый сын Яков, такой дурак, что даже застрелиться не умел.

У Александра Сванидзе и его еврейской жены Корона был сын-мемзер Джоник, то есть Иван Александрович Сванидзе, который страдал наследственной неврастенией. Он тоже был в ссылке, как РВН – родственник врагов народа, но как-то выжил. “Нервы его... часто не выдерживают, – пишет Светлана. – Для близких он трудный, тяжелый человек”. А папа Сталин таких просто уничтожал. Ведь он сам был таким же дегенератом, как вся его семейка, и все это прекрасно знал.

Тайный государственный советник СССР, гехеймрат и генерал госбезопасности Борис Руднев устало откинулся в кресле и закурил свою трубку. Вот он в действии, первый закон марксизма – о единстве и борьбе противоположностей как двигателей исторического процесса. Ведь коммунист Карл Маркс просто перефразировал старую формулу средневековых сатанистов – “В дьяволе – бог!” Сознавали ли это родичи Сталина, когда их тащили в подвалы НКВД и пускали им пулю в затылок? По приказу того же Сталина.

Но этот же самый процесс происходил во всероссийском масштабе. Истеричный полуеврей Керенский открыл двери маниакальному полуеврею Ленину. Затем Ленин сожрал Керенского. По полуеврею Ленину стреляла полусумасшедшая еврейка Дора Каплан. А потом объявили красный террор и расстреливали русских заложников. Начальника петроградского ЧК еврея-садиста Урицкого застрелил еврей-мазохист Каннегиссер. А потом опять объявили красный террор и расстреливали белых заложников. Убийством еврея-нигилиста Троцкого в Мексике руководил еврей-чекист Леонид Этанген, которого потом тоже загнали в Сибирь.

– До Сталина в России было около 7 миллионов евреев. А после Сталина в СССР осталось только около 2 миллионов евреев? Да евреи, дорвавшись до власти, в борьбе за эту власть просто-напросто перестреляли друг дружку. Точно так же, как еврейский мемзер Сталин перестрелял или загнал в Сибирь всех своих еврейских родичей.

В этом-то и философская суть древней еврейской легенды о Големе, которого мудрый раввин Иуда Леви из Прага создал для защиты евреев, но который потом почему-то поворачивается против самих же евреев.

Говорят, что сатана обещает власть, славу и богатство, но частенько расплачивается разбитыми черепками. А чертоискатель Бердяев, женившись на еврейке, все время бормочет о союзе сатаны и антихриста. Да, вот потому-то товарищ антихрист частенько оказывается у разбитого корыта.

Так говорит диалектическое христианство, которое нужно знать, чтобы понять, что творится в мире, чтобы быть тайным государственным советником новой молодой России.

Генерал Руднев листал дальше показания Светланы Сталиной-Аллилуевой. Ближайшими подругами ее матери Надежды Аллилуевой были: жена наркоминдела Молотова – еврейка Полина Молотова-Перлеман, жена наркома А. А. Андреева – еврейка Дора Моисеевна Хазан, еврейка Мария Каганович и жена наркома Ворошилова – тоже еврейка Екатерина Давидовна. Это не считая лесбоекс-еврейки Зои Мосиной, из-за которой жена Сталина якобы покончила самоубийством.

Затем Светлана пишет о своих ближайших подругах: полукровка Берта, отцом которой был американский негр-коммунист, а мать – еврейка. Следующая подруга Марина замужем за евреем Натаном и отсидела 17 лет в Сибири, куда ее загнал па-

па Сталин. Потом Марта Лазаревна, Фанни Невская и так далее прочее в том же духе. Все это евреи или люди в смешанных браках с евреями или продукты этих браков, мемзеры и так далее.

Но теперь, после дома чудес, бывший Фома Неверный, а теперь генерал госбезопасности Борис Руднев уже знал, что это такое. Ему вспомнилась очаровательная Нина фон Миллер, которая выдавала себя за дворянку. А оказалась не дворянка, а лесбиянка. А как тщательно Нина скрывала, что она полуеврейка-мемзериха. И ее лучшая подружка Лиза Чернова: изо всех невозможно-возможных возможностей – ты всех невозможней – и всех милей! Тоже полуеврейка и полулесбиянка, двуполая. А как хорошо все это маскировалось! Ведь он знал их годами – и ничего этого не видел.

Генерал нахмурился, вспоминая эти годы, которые он провел в ослиной шкуре... Ученические годы Вильгельма Мейстера... А перед его глазами маршировали чудики из дома чудес и недоделки из Недоделкино. Парт-Мефистофель Сося, коммиссар дома чудес, помесь еврея-выкреста и мамы-караимки, который вместо своей жены употреблял своего секретаря Котика и своего приемного сына Жоржика...

...Немножко еврейка Фимочка, у которой было два косоглазых мужа, которые натягивали друг дружку... Бывшая еврейка Ирина Забубенная, седьмая жена потомка Чингисхана, баронесса-поэтесса, которая делала своего сына, цыганского барона, не от мужа, а от целой кучи хахалей...

...Еврейский байстрюк Остап Остапович, сын Остапа Бендера, который женился на вдове с тремя детьми от трех предшествующих мужей... Полуеврейка и полусумасшедшая Диана-Фуфочка – и ее бедный муж, добряк Мушер... Полуеврей Кукарача, грешный святой, жена которого делает детей при помощи соседей...

Впрочем, ничего особенного в этом нет, ведь все это уже есть в Библии, в Старом завете, например, история Иакова, Рахили и Лии (Бытие, гл. 30). Знаменитый царь Давид по Библии был педерастом и натягивал царевича Ионафана (Вторая книга Царств, 1:26). А сын педрика Давида, мудрый царь Соломон, был полукровкой от матери-хоттеянки Вирсавии.

“Что такое евреи? – думал генерал советской инквизиции. – Ведь большинство из них – это просто помесь дегенератов из всех тех стран, где евреи болтались четыре тысячи лет... Безродные космополиты... Марсиане... Там, где есть миллион евреев, рядом будет миллион этих марсиан. А из этих марсиан получают такие мемзеры, как Керенский, Ленин и Сталин. А с другой стороны, и такие мемзеры, как Гитлер, Гиммлер, Гейдрих и Адольф Эйхман. Как те марсиане, которые пытаются захватить мир. Евреи взвалили себе на плечи грехи всего мира, а потом жалуются на антисемитизм.

А хваленая еврейская интеллигентность? Да ведь это просто ворованные гены. Гены, наворованные при помощи смешанных браков с дегенеративной интеллигенцией из окружающей среды. Ведь евреи это, собственно, арабское племя. Почему же тогда еврейская интеллигенция в России физически более походит не на арабов, а на русских, во Франции – на французов, а в Америке – на американцев? А на кого больше похож Альберт Эйнштейн – на араба или на немца? Почему?”

Видите, какие странные и тайные вещи нужно знать, чтобы быть гехеймратом, тайным государственным советником новой России. Той молодой России, о которой великий провидец Достоевский говорил, что после кровавой купели революции она сама спасется и весь мир спасет, да еще и скажет старому миру свое новое слово.

Тем временем гехеймрат Борис Руднев смотрел на лежащую перед ним папку с делом Миши Гейма-Данилова, который когда-то был личным собутыльником Васьки Сталина, а потом служил в доме чудес в качестве исторического экспоната. По-

луеврей, человек приятной наружности, заика, у которого все время судорожно дергается рот, словно он что-то сосет и силится проглотить, но не может. Ведь каждого грешника наказывают так, как он грешит.

“Знаем, что вы там друг у дружки сосете, – подумал гехеймрат. – Ох, беда с этими детьми великих людей. Впрочем, не только Сталин, но и Иван Грозный тоже был такой: “И тут же, гордясь своею красой, с девичьей улыбкой, со змеиной душой, любимец звонит Иоаннов, отверженный Богом Басманов”. Но и Александр Македонский был тоже не лучше, и Цезарь, и Ганнибал, и Ричард Львиное Сердце, и Фридрих Великий, и Наполеон... Вот он, князь мира сего, имя которому легион...”

Генерал госбезопасности СССР закрыл дело бывшего собутыльника Васьки Сталина и поставил на папке большой красный штемпель “Агасфер”.

Потом генерал взял дело второго собутыльника Васьки Сталина, Женьки Южного. Рыжий типчик, который когда-то был у сына Сталина личным поваренком, а затем работал в доме чудес, где днем он варил обеды, а по ночам самогон. Когда этот поваренок перепивался, он лез к мужчинам целоваться, да так – взасос и с языком, – что его за это несколько раз били по морде.

Но вот уже несколько лет, как Женька Южный женился на пожилой вдове с восьмью детьми, чтобы прокормить эту ораву, работает чернорабочим и очень гордится своей большой семьей. Дети его очень любят, вдова тоже, а Женька иногда варит свой самогон – и тоже вполне счастлив. У этого простого мужичка здравого смысла оказалось больше, чем у многих интеллигентов.

Чтобы замолить свои грехи, не обязательно бить себе лоб в церкви или в монастыре. К Господу Богу есть и другие пути. Для бедной вдовы и восьми сирот Женька Южный оказался лучшим отцом, чем их родной отец. Забавно, что Женька рыжий, а у Сталина мамаша рыжая и дочка тоже рыжая. Но людей судят не за то, какими они родились, а по их делам.

Генерал советской инквизиции закрыл дело второго собутыльника Васьки Сталина и поставил на папке синий штемпель “Дело прекращено – сдать в архив”. Потом он взял ручку и приписал: “А насчет самогона его не беспокоить. Кто из нас без греха?” Так бывший грешник Женька Южный попал в категорию праведников.

Заработали колесики 13-го отдела, и Мишка Гейм-Данилов очутился на конвейере спецпроекта “Агасфер”. Поехал он на родину предков, в Израиль, но только один Агасфер знает, почему он застрял в Вене. Там он вскоре женился на китайке, то есть на еврейке из Китая, которая почему-то немножко смахивала на китайку. Затем у них появилась прелестная косоглазая дочурка. После этого богатые американские дядюшки, которые были бездетными, простили Мише, что он не еврей, а только полуеврей, и помогли ему открыть в Вене маленький мануфактурный магазинчик. Сидит мемзер Миша за кассой и вздыхает:

– Вы не д-д-думайте, что я к-к-капиталист. Я когда-то с самим Васькой Сталиным в-в-водку п-п-пил...

А второй собутыльник Васьки Сталина строит социализм в СССР, растит там здоровеньких ребятишек, попивает свой самогон и хвастается, что у него на этот самогон есть патент, какая-то специальная охранная грамота. Да такая грамота, что участковый милиционер ему даже честь отдает.

В западной прессе писали, что в СССР изобрели какое-то тайное квантовое оружие, основанное на каких-то совершенно новых принципах. Специалисты уверяли, что это квантовое оружие такое страшное, что о нем даже страшно говорить. Что-то вроде лучей смерти.

Откровенно говоря, хотя оружие это было и тайное, но ничего особенно нового там не было. И Запад уже давно применял это оружие против России. Потому западные специалисты и помалкивали. Нового в этом было только то, что теперь маршал госбезопасности СССР Максим Руднев повернул это оружие против Запада.

Квантовое оружие не было лучами смерти. Однако вместо снарядов там употребляли живые трупы. Просто перекачивали трупный яд дегенерации с Востока на Запад.

В порядке такого квантового оружия следующим номером на Запад зафугасили павшего троцкистского ангела Адама Абрамовича Баламута и его жену Еву, бесплодную смоквоницу. Тех самых Баламутов, которые баламутили людей по радио “Свобода”.

Долгие годы Адам и Ева чирикали по радио, какая у них райская жизнь в СССР. А теперь им даже спасибо не сказали – и пустили по конвейеру спецпроекта “Агасфер”. Правда, Адаму бесплатно вырезали социалистический геморрой, который он нажил себе на радио “Свобода”.

Адаму и Еве выдали их старые американские паспорта, которые хранились в 13-м отделе КГБ, приклепнули туда новую израильскую визу и отправили их в Израиль.

Но почему-то Адам и Ева оказались не в Израиле, а в Америке. Видно, недаром этот спецпроект назывался “Агасфер”, то есть “Вечный Жид”. И, видно, недаром говорят, что сионист – это еврей, который вымогает деньги у второго еврея, чтобы загнать третьего еврея в Израиль.

Так или иначе, Адам и Ева Баламут опять стали евриканцами. Когда-то они были красненькие. А теперь они были старые и седые. Но от этого они не поумнели. И вскоре бывший троцкист Адам Абрамович уже работал на антисоветской радиостанции “Освобождение”, где трогательно объединились жертвы марксизма и маккартизма, и где крестным отцом был Гарвардский проект, базировавшийся на комплексе латентной полупедерастии полувеврея Ленина.

А люди смотрели на все это и качали головами:

– Ох, опять этот Баламут людей баламутит. Он не может жить без перманентной революции. Ведь это не троцкист, а анархист.

– Не анархист, а антихрист, – говорили другие.

Вместе с возрастом у радиомессии Адама прогрессировала и его мания преследования. И вскоре он даже Еву стал подозревать, что она хочет его отравить. Но это вполне естественно: ведь мессианизм, то есть мания величия, это родная сестра мании преследования.

Вслед за павшим ангелом Адамом на конвейер “Агасфера” попал и его архангел – политсоветник Давид Чумкин. Поскольку в Израиле требуется квалифицированная рабочая сила, Чумкину-большевику выдали его старую справку из сибирского лагеря, что он дослужился там до каменщика 5-го разряда. А его отцу, Чумкину-меньшевику, выдали справку каменщика 4-го разряда.

В Москве оба они были заядлыми сионистами. Но таких сионистов в Сион, то есть в Израиль, палкой не загонишь. Поэтому, вместо того чтобы строить Израиль, эти каменщики очутились в Нью-Йорке, где их как советских диссидентов моментально пристроили на радио “Освобождение”. Работа знакомая – просто мутить всяких психов, которым всегда не хватает свободы.

Вскоре у Давида-большевика появились буржуазные замашки. Он решил заняться спортом и кататься на лошади по Центральному парку. Но этому мешало од-

но маленькое обстоятельство. У Давида, так же как и у Адама, был геморрой. Одни говорили, что это от сидячей работы. А другие говорили, что это за грехи молодости.

Чего уж там стесняться в наше грешное время. Ведь даже сам библейский царь Давид в молодости занимался педерастией. Посмотрите в Библию, Вторая книга Царств, 1:26.

Так или иначе, Давид Чумкин решил вырезать свой геморрой и лег на операцию. Сделали ему первый укол наркоза – не действует. Сделали второй – он заснул и больше не проснулся. Врачи поставили диагноз, что у него была какая-то редкостная форма аллергии, какая-то гнилая кровь. В общем, Давид-большевик очоурился.

А его отец, Моисей-меньшевик, старый бундист и бомбист, которого на старости лет разбомбил паралич, катался в кресле с колесиками по Бродвею и кричал, что его сына нарочно притравили, что это заговор врачей-отравителей, и что он это дело так не оставит, и что он будет судиться с дядей Сэмом.

Представляете, какой был бы вой и визг на весь мир, если бы это произошло в Москве? Как это было в случае диссидента Галанкова. Вот потому-то этих психов и сплавляли подальше.

Когда падший ангел Адам Баламут узнал, что его возлюбленного архангела Давида отравили доктора, он загрустил так же, как библейский царь Давид при известии о смерти своего возлюбленного Ионафана, любовь которого, как говорит Библия, была куда слаще, чем любовь женщины. И от всего этого бедный Адам так расстроился, что взял и сам отравился.

Адам сделал так же, как знаменитый миллионер Савва Морозов, который финансировал Ленина. Классический пример комплекса саморазрушения. Потом, опасаясь, что он сойдет с ума раньше, чем Ленин перестреляет всех миллионеров, Савва Морозов взял и сам застрелился – 13-го числа.

И добрейший Адам тоже покончил свои счета с жизнью 13-го числа. Это любят делать всякие дегене... извиняюсь, легионеры. Как тайный знак для своих собратьев.

В “Новом слове” появились траурные объявления, где радио “Освобождение” печально сообщало, что вечный диссидент Адам Баламут, видный представитель 3-й эмиграции из СССР, спорел на работе от переутомления в борьбе за свободу и права человека.

А виноваты во всем этом были сионские мудрецы из Гарвардского проекта, которые базировали американскую псих-воину на комплексе латентной полупедерастии полуеврея Ленина. Но это прекрасно знали и советские мудрецы из мозгового треста профессора Руднева и 13-го отдела КГБ.

Ведь фрейдисты недаром говорят, что гомосексуальность, частенько связанная с садизмом и мазохизмом, из чего получают комплексы разрушения и саморазрушения, – это корень всякой агрессии и агрессивности, начиная от самой простой драчки мужа с женой и кончая всемирными войнами и революциями.

Вот такими-то перманентными революционерами были ангелоподобный добряк-мазохист Адам и его архангел-садист Давид. Как говорил чертоискатель Бердяев: доброе зло и злое добро. Видите, как все это просто?

У блудницы Магдалины, секретарши Адама Баламута, лицо было как у ангела, а фигура – как у знатной колхозницы. Но, кроме того, у нее была еще железная воля. Поэтому она решила изменить себе фигуру и для похудения принялась пить укус. И пила его целыми ведрами.

В результате она действительно переменялась. Стала худая, как доска. Руки и ноги как палки. А лицо такое бледное и прозрачное, как будто она загорала при луне. Получилась какая-то астральная красавица – вроде Аэлиты.

Но за эту модернизацию бедная Магдалина заплатила испорченным желудком. Она была вечно голодная и постоянно искала чего бы поесть. Но как только она ела, ее моментально выворачивало наизнанку, и она опять щелкала зубами от голода.

Как раз в это время специалисты 13-го отдела, занимавшиеся санитарно-политической профилактикой, дошли до Магдалины и задумались. Ведь теперь она идеальная красавица американского типа. Ростом больше шести футов и тощая, как модель с Пятой авеню. Да еще лесбиянка и нимфоманка. Такими Аэлитами на ветер не бросаются.

Поэтому Магдалину решили женить и стали подыскивать ей подходящего женишка. Прежде всего, ее включили в список можно-герлс КГБ. Этим можно-герлс подсовывали всяким иностранным слухачам, нюхачам и стукачам. А особенно тем операторам, которые оперировали в Москве с операцией “Черный крест”.

Это были, как правило, гомо американус-евриканус, всякие шмоки из американской разведки, которые маскировались под журналистов и вынюхивали в Москве всяких гомо советикус, таких же шмоков, как они сами. Но особенно они интересовались самосадами.

Но это не табак-самосад. Это люди, которые сами себя садят. Куда садят? Ну, туда, где сидят, – в тюрьмы и концлагеря. С точки зрения психологии – это мазохисты с фрейдовскими комплексами вины и саморазрушения, своего рода коллекционеры несчастий. А причиной этому является обычно гомосексуальность пассивного, то есть женского, типа. Это такие гомо советикус, как потомок Чингисхана и его проблематичный сын – цыганский барон Люся Шелапутин.

К сожалению, мазохизм частенько бывает компонентом. святости, и тогда трудно разобрать, где грешный святой и где святой грешник, где доброе зло и где злое добро. Потому-то философы и говорят, что дьявол любит прятаться за самые лучшие проявления человеческого духа, доводя их до абсурда, до экстремы. Потому-то в писании и написано, что дьявол любит изображать из себя ангела света.

Для примера возьмем дело поэта-диссидентика Есенина-Вольпина. С точки зрения операторов “Черного креста”. Архивы говорят, что его отец, знаменитый поэт Сергей Есенин, призывавший “молиться Богу матерщиной”, помимо пьянства немножко педерастил с крестьянским поэтом Клюевым. Потом Есенин покончил самоубийством, а Клюева подмели во время Великой Чистки. Но между пьянством и педерастией Есенин сделал какой-то еврейке байстрючонка. В результате получился полужид еврей Есенин-Вольпин, который пошел по стопам папы и пишет такие стихи: “И я до смерти напьюсь – и застрелюсь”.

Операторы “Черного креста” довольно потирают руки и зачисляют такого психа с комплексом саморазрушения в категорию самосадов. Затем они начинают его обрабатывать так, чтобы он психовал побольше, называя это борьбой за свободу и права человека в СССР. А когда этого полушмока и самосада сажают в дурдом, американские шмоки поднимают в прессе вой на весь мир. Потому-то психологическую войну и называют войной психов.

Для операторов “Черного креста” таким же самосадам был и знаменитый писатель и нобелевский диссидент Солженицын. Ведь его отец был евреем-выкрестом и покончил самоубийством, когда Солженицын был еще в утробе своей матери-шкисы. А это симптом очень характерный. Ведь у лучшего американского писателя и нобелевского лауреата Хемингуэя отец тоже покончил самоубийством. Сам Хемингуэй немножко сидел в дурдоме, то есть в психбольнице, а потом тоже покончил самоубийством. И даже его сестра Урсула тоже покончила самоубийством. Дело в том, что эти штучки передаются по наследству как генетический капитал, как судьба, как карма.

В концлагерь мемзер Солженицын попал за то, что в 1945 году послал по военной почте письмо с критикой мемзера Сталина. Но тогда на каждом конверте стоял штампель “Проверено военной цензурой”. Чтобы в таких условиях послать такое письмо, нужно быть самосадам, заключают операторы “Черного креста” и включают Солженицына в список самасадов.

Первая жена Солженицына полуеврейка, а вторая чистокровная еврейка. А это значит, что в душе он из “наших”, безродный космополит, марсианин. Значит, ищи манию величия и ее сестру – манию преследования – и играй на этом, как на пианино. Так из Солженицына сделали агента американской психвойны и вопили в международной прессе, что он солнце жизни, соль земли, совесть русского народа и даже душа человечества.

А операторы из “Черного креста” называли его Сол Женицкер. Сол – это обычное сокращение имени Соломон. А Женицкер – это женилка, шмок, потц. Это чтобы он не забывал, что он только полукровка, мемзер. Кроме того, поскольку он не от еврейской мамы, а от гойки, шиксы, то вообще нет никакой гарантии, кто он такой.

Чтобы лучше следить за этими операторами, 13-й отдел окружал их специальными можно-герлс. Как правило, эти операторы были членами тайных обществ, где сатана снюхивается с антихристом. А поскольку товарищ сатана прячется в голове и в штанах человека, то у всех этих операторов в голове и штанах был маленький беспорядок. Потому и можно-герлс для них были не простые, а специальные, мастерами на все случаи жизни. В общем, такие ведьмы, лесбиянки и нимфоманки, как блудница Магдалина.

Иногда этим можно-герлс даже разрешали выходить замуж за своих поднадзорных и уезжать за границу. Тогда они попадали в категорию “русских жен”, о которых в 13-м отделе всегда говорили с двусмысленной усмешкой.

Вот по этому-то конвейеру и пустили блудницу Магдалину. Ей поручили обработать Сола Фишера, оператора “Черного креста”, который обрабатывал Сола Женицкера. Это был евриканец и агент Си-ай-эй, который маскировался под корреспондента.

Мистер Фишер – старый холостяк, маленький, сухонький и серенький, как мышка, – встречался со своими контрагентами-диссидентами главным образом на катке, как будто случайно. Но кататься на коньках он не умел и все время падал. А Магдалина ехала следом за ним, брала его за шиворот, встряхивала, как кошка мышонка, и ставила на ноги. Такой активный подход очень понравился Фишеру, который в душе был гомо пассивного типа. Вскоре он так влюбился в мужиковатую Магдалину, что они поженились. Так охотник за советскими самосадами сам стал самосадам и посадил себя на цепь 13-го отдела КГБ.

Вскоре самосада Фишера объявили персоной нон грата, то есть нежелательным элементом, и выставили за границу. А вместе с ним и его жену, шиксу Магдалину. Так, сама того не зная, Магдалина попала на конвейер спецпроекта “Агасфер” по категории “русских жен”.

Если вы присмотритесь к этим женам чуточку повнимательнее, то вы увидите, что все это “жены” в кавычках: браки фиктивные, а жены дефективные. Но и мужья тоже не лучше. Знаете, по формуле муж-баба и жена-мужик.

Все криминалисты знают, что среди собак-ищеек у сучек нюх гораздо лучше, чем у кобелей. Исходя из этого, американская разведка, как правило, подбирала своих московских агентов – нюхачей, слухачей и стукачей – тоже из сучек, то есть гомо женского или пассивного типа. А 13-й отдел, чтобы сбить этих сучек со следа, науськивал на них своих женщин-кобелей. Таких, как нимфоманка Магдалина.

Если кто интересуется похождениями блудницы Магдалины более подробно, то об этом можно почитать в нью-йоркском “Новом журнале”, где доживают свой век

эсеры, троцкисты, бундисты и прочие бомбисты. Теперь шикса Магдалина печатает там свои мемуары под псевдонимом Жар-Птица.

Но больше всего жару эта Жар-Птица дает своему бедному мужу-самосаду, изменяя ему направо и налево, спереди и сзади, и с мужчинами и с женщинами, со всеми кому только не лень. Однако, говорят, что ее муж святой человек и не обращает на это ни малейшего внимания. Вот и разбери там, где грешный святой и где святая грешница, где доброе зло Си-ай-эй и где злое добро КГБ.

Тут не то что черт, но даже и сам Бердяев запутается. Тот самый чертоискатель Бердяев, изобретатель доброго зла и злого добра, который выпутывался из любого положения и который даже уверял, что сталинские концлагеря – это, дескать, свобода нового типа.

Иногда блудница Магдалина читает свои мемуары на эмигрантских литературных собраниях. Вы узнаете эту Жар-Птицу по тому, как у нее все время судорожно дергается рот. Это одно из последствий ротового эротизма Фрейда. Ведь грешников наказывают так, как они грешат. Потому и говорится, что Бог шельму метит.

А ежели кто думает, что Бога нет, то пойдете и посмотрите на грешницу Магдалину. Посмотрите, как ее черти корежат. Между прочим, точно так же черти корежили и чертоискателя Бердяева-Бердичевского (говорят, что фамилия Бердяева берет свое начало от г. Бердичева). Да так, что у него аж язык изо рта вываливался. Это чтобы он не болтал, что сталинские концлагеря – это-де свобода нового типа.

Евриканская и еврейская пресса торжествующе трубили, что под давлением мирового общественного мнения, как любила величать себя эта же пресса, Советский Союз теперь выпускает советских евреев в Израиль по 30 000 человек в год. Всего за последние годы из СССР эмигрировало по израильской визе более 100 000 евреев. Ожидается, что в Израиль выедет до 300 000 советских евреев.

В общем, еврейский Давид поставил советского Голиафа на колени.

Тем временем в мозговом тресте профессора Максима Руднева и в 13-м отделе КГБ внимательно следили за западной прессой, чтобы проверить реакцию на спецпроект “Агасфер”, так как дело это было довольно щекотливое.

Откровенно говоря, изобретателем этого спецпроекта был еврейский профессор Цезарь Ломброзо, знаменитый психиатр и отец научной криминологии, который всю свою жизнь посвятил изучению взаимосвязи между умом и безумием. В своей нашумевшей книге “Гениальность и помешательство” профессор Ломброзо писал: “Именно среди евреев встречается больше образованных и талантливых людей, но и сумасшедших среди евреев в 4-6 раз больше, чем среди окружающих людей. В Германии евреев-сумасшедших было в 8 раз больше, чем среди немцев”.

В мозговом тресте профессора Руднева взялись за карандаши и стали подсчитывать. Если взять у профессора Ломброзо среднее арифметическое, то это будет в 6 раз больше. Если по американской статистике в США 18,5 процента населения душевнобольные, то сколько же это будет у евреев?.. $18,5\% \times 6 = 111\%$.

Хм-хм, больше 100 процентов. Итак, если верить еврейскому профессору Ломброзо, то все евреи более или менее ненормальные. Вот и распутывай тут, кто из них умный, кто полоумный и кто безумный! Вот тебе и божий народ! Или чертов народ?! Или черто-божий народ?!

Все знают, что Альберт Эйнштейн гениальный человек. Но очень мало кто знает, что его сын-мемзер Эдуард сидел в сумасшедшем доме. И это уравнение между умом и безумием не решит даже и сам гениальный Эйнштейн.

Однако психические болезни – это только половина проблемы, вторая половина. А первая половина – это половые извращения. Но лучше не пробуйте считать это у евреев. Иначе получится 37% доктора Кинси $\times 6 = 222\%$! Вэй-вэй-вэй

– 222 процента секс-первертов! Всемирный рекорд!

Специалисты советской инквизиции анализировали это дело так. Из 37 процентов доктора Кинси только 4 процента

– это полные, открытые и честные гомо, а остальные 33 процента – это и нашим и вашим, и туды и сюды, как бы двуполые.

Если применить эти демократические пропорции к евреям, то получится, что у евреев $4\% \times 6 = 24\%$ полных, открытых и честных гомо. А остальные $33\% \times 6 = 198\%$ будут и нашим и вашим, и туды и сюды, как бы двуполые.

Но ведь больше 100 процентов здесь быть не может. Как же так? Мозговики из мозгового треста профессора Руднева обмозговали эту проблему очень просто – по марксистскому закону о переходе количества в качество. Так при сжатии газа получается жидкость. А если сжать эти 222 процента до 100 процентов, то эти проценты будут вдвое сильней, а бесы, прячущиеся за этими процентами, будут вдвое злей. Как те бесы, джинны, которых загнали в бутылку.

Итак, знаменитый сионский мудрец профессор Ломброзо говорит, что среди евреев много образованных и талантливых людей – и, как результат дальнейшего анализа, 111 процентов психических болезней, то есть психопатов. Кроме того, получается, что 24 процента евреев – это честные гомо, а все остальные – теоретически – и нашим и вашим, как бы двуполые. Сами евреи решали эту проблему очень просто – они просто объявили себя “избранным народом”!

Ничего особенного в этом, конечно, нет. Подобная картина была в свое время в Содоме и Гоморре. Нечто подобное было также в Древней Иудее, в Древней Греции и Риме во времена распада. Потому они и развалились. А евреи расплозились по всему миру и разваливают другие государства. Точнее, пока умные евреи что-то строят, полоумные и безумные все это разваливают. Потому-то евреев периодически отовсюду и гонят.

Вот на этом-то коварном законе о взаимосвязи между умом и безумием базировался спецпроект “Агасфер”. По сути дела, это было замаскированное изгнание евреев из СССР. Но изгнание не полное, а частичное и селективное: хороших умных евреев мы оставим себе, а плохих евреев, полоумных и безумных, мы отправим воевать за великий Израиль от Нила до Евфрата или собирать апельсины в кибуцах.

Так мы разгрузим наши психиатрические клиники, психушки и дурдома. А сколько из них действительно поедет в “землю обетованную” и сколько опять расплозется по всему миру – это уже другой вопрос. Так или иначе, это будет везде и всюду иродова завкаска, дрожжи анархии, нигилизма и революции.

Специалисты 13-го отдела КГБ, занимавшиеся спецпроектом “Агасфер”, подшивали вырезки из западной прессы в специальную папку и посмеивались. Вот американский журнал “Тайм” от 19 июля 1972 года на странице 28 с восторгом сообщает о замечательнейшем советском поэте Иосифе Бродском, который юродствовал под неохристианина, совмещал в своих стихах Христа и матерщину, и которому сначала вправляли мозги в дурдоме, а потом выслали по израильской визе. Но вместо Израиля он почему-то очутился в Америке.

“Тайм” пишет: “Высылка Бродского является загадкой. Советские власти иногда “предлагают” покинуть Россию евреям и неевреям, которых они считают источником неприятностей. Но Бродского, который является евреем... просто вызвали в советскую тайную полицию и сказали, что он должен покинуть России или “дело будет хуже”.

“Они просто вытурили меня из своей страны”, – заявил Бродский корреспонденту “Тайма”.

На вырезке стояла приписка: “Бродский такой же рыжий, как Сол Женицкер. А еще Петр Великий в свое время издал рескрипт, что косым и рыжим запрещается свидетельствовать в суде – понеже Бог шельму метит”.

Вслед за Бродским “Тайм” пел дифирамбы храброму демократу-диссиденту Есенину-Вольпину, который тоже сидел в дурдоме. Подражая своему знаменитому отцу-самоубийце, этот полуеврей и полупоэт в своих виршах вопил: “И я до смерти напьюсь – и застрелюсь!” Вот в 13-м отделе и решили, что если уж этому мемзеру так хочется стреляться, то пусть себе стреляется за границей. Чтобы потом не поднимали хай, что это, мол, советская власть виновата.

Хотя этого бедного самосада вытурили по израильской визе, но напрасно Иегова ждал его в Израиле. Почему-то и он очутился не в Израиле, а в Америке.

Ну а поелику Бог любит троицу, то дадим для полноты картины еще одного дурдомщика, которого княгиня пресса, подруга князя мира сего, выдавала за святого.

Таким любимчиком западной прессы был религиозный художник-модернист Юрий Титов. Юродствуя под Иисуса Христа, этот экс-дурдомщик отпустил себе длинные волосы и бороду, как хиппи, а потом малевал самого себя распятым на кресте, то на фоне горящего Кремля, то на фоне горящих небоскребов Нью-Йорка. Так, словно его черти поджаривают. Или, еще проще, он вставлял свою физиономию в рамку для картин – и позировал фотографам.

В свое время, побывав на выставке этих модернистов в Манеже, царь Никита плевался и орал, что это не живопись, а г... собачье и что это не художники, а педерасты – и пусть они катятся ко всем чертям за границу.

Так или иначе, псевдохристианин Титов сначала посидел в дурдоме, а потом его вытурили за границу. Хотя выехал он все по той же злосчастной израильской визе, но почему-то застрял в Париже. А затем получился маленький конфуз.

Взрослая дочь Титова, вместо того чтобы радоваться западной свободе и демократии, да еще в прекрасном Париже, вдруг сделала попытку самоубийства – и в результате ее засунули в дурдом. И дурдом не советский, а французский, демократический. Однако об этом всезнайка пресса почему-то скромно помалкивала. Но, представляете себе, какой был бы хай и вой на весь мир, если бы это случилось в Москве? (Пока набиралась эта книга, не только его дочь, но и сам Титов опять очутился в дурдоме в Париже, а его жена Е.Строева повесилась в прекрасном Париже).

Некоторые строгие литературные критики, вроде Коряковича и Завалюхина, могут сказать, что не полагается, мол, включать в романчики живых людей.

Да, но, видите ли, теперь мы переходим от соцреализма к соцмодернизму. Модернисты в живописи любят лепить на свои картины всякую пакость: битые бутылки, обрывки газет, старые тряпки и прочий мусор. А мы, соцмодернисты, делаем теперь то же самое в литературе. Ведь и нам, нормальным людям, тоже иногда хочется повалять дурака.

Кстати, знаете, откуда произошло выражение “валять дурака”? Раньше, в доброе старое время, дураков действительно валяли – в дегте и перьях, – а потом носили напоказ по улицам. Зато в наше грешное время из придурков и дурдомщиков делают гениев. А все остальные люди остаются в дураках.

Поэтому бедному замороченному читателю нужно дать конкретные примеры. По-марксистски. Диалектически и материалистически. Иначе читатель никогда не поверит всей этой чертовщине про сатану и антихриста, да еще про Голема и Агасфера.

А ведь все это есть. Только не все это видят.

Глава 21. Обезьяна Господа Бога

Россия еще скажет свое новое слово миру.

Ф.М.Достоевский

Есть такая книга “Овод”, написанная ведьмой Войнич. И там описывается, как у одного кардинала был сын, плод греха, который стал революционером. Кардинал провожает сына на расстрел, а потом сходит с ума.

“А у красного кардинала Максима Руднева дочка Нина оказалась ведьмой, – думал генерал советской инквизиции Борис Руднев, подписывая приказ о высылке своей племянницы за границу. – Да, ничто не ново под луной”.

Хотя семейство Нины фон Миллер выслали из СССР по израильской визе, но вместо Израиля они, как и большинство им подобных, почему-то очутились в Америке. Ох, видно, недаром этот спецпроект назывался “Агасфер”, то есть “Вечный Жид”.

В стране чудес Америке папа Миллер, старый ведьмак, первым делом записался в ту тайную партию, которая на Западе играет почти такую же роль, как в СССР компартия. В СССР бывало, что набитый дурак, если он партиец, то получал хорошую работу. Так вот и папа Миллер, как партиец, тоже получил хорошую работу. Бывший московский Гоняло Мученик, который скрывал свою безграмотность за умышленно неразборчивым почерком, вдруг стал преподавателем русского языка в военно-морской академии в Аннаполисе около Вашингтона, где куются высшие командные кадры американского флота.

Своими сонными глазами старый ведьмак Акакий Петрович видел все дефекты будущих адмиралов гораздо лучше, чем американское адмиралтейство. А что видел Акакий Петрович, то знал и 13-й отдел КГБ, где на прощание ему погрозили пальцем и сказали:

– Смотрите, 13-й отдел шутить не любит...

С годами старый выродец Акакий Петрович стал еще хуже и благороднее, старая ведьма Милиция Ивановна – еще толще и похабнее, а молоденькая ведьма Нина – еще милее и соблазнительнее.

Затем бывший гомо совьетикус Акакий Петрович стал монархистом. Надо признать, что Гоняло Мученик выглядел как настоящий столбовой дворянин: аккуратно подстриженные седые усики, пробор на голове, честные усталые глаза с поволокой и во всех движениях легкая флегма. В общем, белая кость и голубая кровь. И вскоре его даже избрали генеральным секретарем Высшего монархического совета.

На своих собраниях монархисты, честные 70-летние поручики, усердно проклинали евреев, которые погубили российскую монархию. И бедные поручики не знали, что их генеральный секретарь, уважаемый Акакий Петрович, по крови чистокровный еврей, что он тщательно скрывал.

Впрочем, ничего в этом удивительного нет. Ведь говорят же, что даже и сам зарубежный претендент на престол Романовых тоже породнился с евреями. Сначала он записался в какие-то кабалистические тайные общества, где сатана снюхивается с антихристом, а потом женился на полуеврейке и полукняжне, из рода бывших

грузинских царей. С тех пор этот Романович живет на деньги первого мужа своей жены, из тех самых еврейских банкиров, которые финансировали русскую революцию.

И еще писали, что заграничный претендент на престол Романовых является своим главой советской тайной полиции Берии, который был немножко полувреем Берманом, и который женился на второй сестре из рода полуцарей, полукнязей и полувреев. Такая путаница с этими мемзерами, что и сам черт не разберется.

А потом бедных евреев безвинно обвиняют, что они занимаются всякими фиглями-миглями и шахер-махерами и лезут к власти и спереди и сзади, и справа и слева. Да евреи просто подбирают падалицу с гнилых деревьев, гниль, падаль. Просто евреи недаром болтались по белу свету четыре тысячи лет и кое-чему научились.

В таких условиях крипто-еврей Акакий Петрович был вполне подходящим генсеком Высшего монархического совета. Он честно писал верноподданнические послания своей царице, зная, что она тоже “из наших”, а царь – так это просто шабесгой.

Если смотреть на мир сквозь призму соцмодернизма, то в мире столько странных вещей, что аж голова кружится.

Старая ведьма Милиция Ивановна не отставала от своего мужа-оборотня и вскоре стала членом благотворительного литературного фонда, якобы для помощи бедным литераторам, где деньги собирали со всех, а раздавали только “своим”, то есть партийцам, братцам и сестрицам. Ловкость рук – и никакого мошенничества. А по воскресеньям ведьма и оборотень идут в церковь и усердно крестятся.

Но и церковь эта тоже не простая, а специальная – автокефальная. Служит там автокефальный владыка Феофан, который на досуге пишет стихи под двусмысленным псевдонимом Феофан Странный. Пытаясь разгадать этот странный псевдоним, одни прихожане называют его архиепископом Сан-Французским, а другие Сан-Хренцузским. Одни говорят, что он бывший князь Жох-Жоховский, а другие говорят, что он бывший еврей.

Неизвестно, что будет с ним на том свете, но на этом свете автокефальный архиепископ Феофан Сан-Хренцузский явно преуспевает. Он даже печатается в “Новом слове” и иногда выступает по “Голосу Америки”.

В Америке гомо советикус Нина фон Миллер выдавала себя за русскую дворянку. И мало кто знал, что она не дворянка, а лесбиянка. Когда в обществе иногда заходил вопрос о лесбиянстве, Нина делала наивные глазки:

– А что это такое? Лиссабонки? Я даже и такого слова не знаю...

Вскоре по рекомендации других лиссабонок ведьма Нина устроилась на работу на радио “Голос Америки”, где уже работала ее возлюбленная французская Лиза, теперь княгиня Горемыкина. Знаете, ворон к ворону летит, ворон ворону кричит.

Ведь если в старину ведьмы летали верхом на помеле, то в наше современное время их запускают в эфир по радио. Вот ведьму Нину и взяли как новейшую представительницу 3-й эмиграции из СССР, чтобы мутить по радио советских диссидентов, смелых борцов за свободу нечистой силы в СССР

Говорят, что Эф-би-ай строго проверяет кандидатов, поступающих на “Голос Америки”, и тратит на каждого 5000 долларов. Да, проверяют. Только не так, как вы думаете. Проверяют, чтобы на “Голос Америки” случайно не попал нормальный человек. Тот же самый партийный подход, как в СССР, только все немножко наоборот.

Поэтому некоторые знающие люди называют “Голос Америки” “Голосом Атлантиды”, очень культурной и прекрасной страны, которая якобы потонула во время всемирного потопы – в наказание за какие-то богомерзкие грехи и тайные пороки.

Так или иначе, хотя ведьма Нина откладывала замужество как можно дальше, но оставлять в старых девах ей вовсе не хотелось. Фу, чтобы люди потом пальцем показывали? Вот с этого-то, с гордыни, и начинаются все грехи. Потому-то и говорят, что первый смертных грех, грех сатаны, – это гордыня.

Если бы это касалось только ведьмы Нины, то это, конечно, чепуха. Но, если верить американской статистике доктора Кинси, в таком же, более или менее, положении, как ведьма Нина, находится 37 процентов населения США. Если уравнивать женщин в правах с мужчинами, чего требуют обычно всякие лиссабонки, то получается, что каждая третья невеста в США – это яблочко более или менее отравленное. Но никто из них в этом, конечно, не признается.

Поэтому женишкам, если они сами нормальные, не мешает знать следующее. Из 37 процентов дочерей Евы с отравленным яблочком только 4 процента честные открытые лиссабонки. Дай им черт здоровья. Из остающихся 33 процентов некоторые подчиняются законам природы или, если хотите, Господу Богу – и воздерживаются от дальнейшего производства плевел. Дай им Бог здоровья. Но многие, ох как многие, идут по тому же пути гордыни, как ведьма Нина.

Обдумав все свои возможности, ведьма Нина решила пойти по стопам своей приемной матери, старой ведьмы Милиции Ивановны. Поскольку Нина была гомо активного типа, она сама выбрала себе жениха и сама сделала ему предложение. Это был двуполый оборотень пассивного типа, какие сосут у мужчин и лижут у женщин. Просто минетчик из французских анекдотов. А таких тоже легион. Хотя это и эрзац-кофе, но... Можно закрыть глаза и думать, что это не мужчина, а женщина.

Потому-то великий правдоискатель Достоевский, который прекрасно знал все эти фигли-мигли, говорил, что настоящая правда всегда неправдоподобна.

Потому-то философы и говорят, что правда о дьяволе – это такая грязная вещь, что одна капля ее мутит жизнь так же, как капля воды мутит стакан абсента. Но от этого можно опьянеть. А некоторых даже будет и поташнивать.

Однако в наше грешное время нужно знать эту грешную правду. Ведь над нами нависла атомная война, которая, если верить Апокалипсису, нужна только для того, чтобы уничтожить грешную 1/3 населения, те самые 37 процентов доктора Кинси. Но при этом погибают не только грешники, но и много праведников. А зачем нам, нормальным людям, отвечать за грехи всяких ведьм и ведьмаков, в которых сидят бесы садизма и мазохизма, фрейдовские комплексы разрушения и саморазрушения, убийства и самоубийства?

Ведьма Нина обмозговала свой брак довольно основательно. Хотя она и тщательно скрывала, что она полуеврейка, мемзерша, но ей не хотелось, чтобы ее муж когда-нибудь узнал это и обзывал ее чертовой жидовкой. Поэтому она выискивала себе жениха тоже из полуевреев-мемзеров. Его мать была еврейка, которая вышла замуж за американца, сделала ребенка, сразу же развелась и потом 18 лет тянула с мужа алименты. Это тоже один из трюков, которым частенько пользуются ведьмы. И ни в каком суде вы ничего не докажете. В результате фамилия у Нининого жениха была американская, Марвин Кларк, все шито-крыто.

Чтобы евреи не обижались, можно сказать, что ведьма Нина и ее жених-оборотень только думали, что они полуевреи. А на самом деле... Ведь их предки занимались теми же самыми фиглями-миглями, то есть мешались с вырожденками из окружающей среды, из поколения в поколение. И потому это просто помесь дегенератов из всех стран, где евреи болтались четыре тысячи лет. Просто безродные космополиты. Марсиане. Как в рассказе мемзера Синявского “Пхенц”.

Но если пойти по этому пути, то окажется, что многие евреи тоже только думают, что они евреи. Ведь многие полуевреи и четвертьевреи потом частенько возвра-

щажются в лоно предков и мешаются в браках с чистыми евреями, как это получилось у всех трех детей Сталина. В результате получается перманентная помесь де-генератов изо всех стран, где евреи болтались четыре тысячи лет. Таким образом, бедные евреи как бы взвалили на свои плечи грехи всего мира.

Поскольку марсианка Нина выдавала себя за русскую дворянку, а ее приемный папелю был монархистом, то свадьбу они устроили по старому русскому обычаю – на Красную горку...

Обычай этот идет издалека. Когда-то, в дохристианской Руси, Красной горкой назывался праздник весны, возрождения природы и всего живого. Снег начинал таять на холмах. И вот тогда славяне собирались на одном из таких освободившихся от снега холмов – на Красной горке – и славили бога любви Леля, плясали и пели: “Ой, люлюшки-люли, разлюли да разлюли...”

Когда на Руси появилось христианство, то вместо Красной горки христиане стали праздновать другой праздник возрождения жизни – праздник Воскресения Христова – Пасху. Но некоторые по-прежнему предпочитали праздновать Красную горку, которая немножко изменилась, и стала смахивать на древнеримские сатурналии и вакханалии. Там было все – вплоть до ротового эротизма Фрейда.

Когда христиане посмотрели, что это за люди и чем они там занимаются, то по простоте душевной прозвали их язычниками, то есть минетчиками. Это отразилось и в семантике: из латыни пришло слово “язычник” – “pagan”, которое превратилось в украинском языке – “ПОГАНЭЦЬ”, откуда родилось русское слово “поганый”, то есть “гадкий”.

В процессе становления христианства языческую Красную горку оттеснили на неделю назад, и для христиан она стала Антипасхой, или Фоминым воскресеньем, – днем поминовения мертвых. В этот день православные шли на кладбища и по древнему обычаю клали на могилы родных и близких пасхальные угощения – крашенные яички и куличики.

А упрямые язычники, которых теперь уже называли ведьмами и ведьмаками, продолжали праздновать Красную горку как праздник плодородия и нарочно устраивали в этот день свои свадьбы. Там, где христиане видели смерть, язычники видели жизнь. Хотя в писании и сказано: не ищи духа живаго среди мертвых. Как это делает марсианин и педрик Пастернак в своем “Докторе Живаго”. Тут тебе никакие доктора не помогут.

Кстати, по-английски Фомино воскресенье называют воскресеньем Квазимоды. Вот потому-то лонгистер Виктор Гюго в “Соборе Парижской богородицы” и назвал своего героя-урода не как-нибудь, а Квазимодо.

Но такие тонкости теперь знают даже не все богословы. Зато это хорошо знают богословы советской инквизиции из 13-го отдела КГБ. Дело в том, что некоторые ведьмы и ведьмаки и по сей день любят свою Красную горку.

Потому-то ведьма Нина фон Миллер решила венчаться на Красную горку. Она не только выбрала Фомино воскресенье, но и церковь святого Фомы, один из автофекальных: приходов протестантского толка, где служил сам автофекальный архиепископ Феофан Сан-Хренцуский, про которого одни говорили, что он бывший князь Жох-Жоховский, а другие говорили, что он бывший еврей.

Нина венчалась, а папа с мамой пели в хоре. Старая шикса Милиция Ивановна зычно затягивала глубоким баритоном, а старый оборотень-выкрест Акакий Петрович подпевал ей тоненьким фальцетом:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа... венчается раб Божий Марвин рабе Божией Нине... Господи Боже наш, славою и честью венчай их...

Мало кто знает, что скрывается за фасадом этого фиктивного брака. Иногда раб Божий Марвин жалуется своим приятелям, гомо американус, что его жена слишком самовлюбленна, что у нее нарциссизм. Она танцует голая перед большим зеркалом в спальне и делает любовь со своим собственным отражением. Трется о зеркало и страстно шепчет:

Изо всех невозможно-возможных возможностей – Ты всех невозможней – и всех милей!..

Иногда Нина меняет любовников. Она просто берет и надевает на себя маску гориллы (иллюстрацию подобной любви вы найдете в книге Климова “Дело №69” на стр.28. Изд.). Подобные резиновые маски продаются в специальном магазине для всяких шутников и чудаков. Потом Нина берет длинный кухонный нож и вытанцовывает перед зеркалом всякие модернистические танцы. Смотрит на гориллу в зеркале, одной рукой размахивает ножом, а другой рукой страстно ласкает свои собственные груди и прочую аппаратуру любви. А остальное дополняет воображением.

Когда-то царица Атлантиды замораживала своих любовников и для коллекции ставила их в специальные шкафы – как в музее. И у Нины тоже припрятана целая коллекция любовников. Маска вампира с мертвенно-бледным лицом и окровавленными губами. Маска людоеда с оскаленными зубами. Маска массового убийцы с таким лицом, словно он только что сошел с виселицы. Есть там еще рожи свинячьи, собачьи, козлячьи и так далее.

Только не подумайте, что Нина сумасшедшая. Просто на данном историческом этапе у ведьмы Нины нет возможности развернуться по-настоящему, как когда-то развернулась в ЧК-ГПУ-НКВД генерал Зинаида Гершелевна Шаховская, кукушкины яйца князя Шаховского, тоже ведьма и марсианка, слава о которой увековечена на известной картине “Женщины – героини революции”. Поэтому ведьме Нине приходится заменять настоящие дела невинной игрой фантазии.

Если кто-нибудь в Вашингтоне захочет посмотреть на ведьму Нину, то пойдите на “Голос Атлантиды”. Только имейте в виду, что там таких ведьм много. Если вы хотите убедиться, что это ведьма Нина, посмотрите ей на подбородок. Там с левой стороны будет белое пятно омертвевшей кожи величиной со сливу, и тело там проваливается, как пустое. Это след от вырезанного черного родимого пятна, которое когда-то называли печатью дьявола.

Но если вы будете задавать Нине какие-нибудь щекотливые вопросы, то эта милая дама станет вам страшно хамить. Как настоящая ведьма. И тут надо знать, что делать. Ведь в ней сидит бес инкуб, который превращает женщин в мужчин. И, по сути дела, это не женщина, а мужчина. И нечего тут церемониться.

Можно спокойно обругать ее всеми непечатными ругательствами. И посмотрите, как эта ведьма будет корчиться. Ведь она делает буквально все то, что говорится в этих ругательствах. То, что даже собаки не делают. А если она кинется на вас с кулаками, то просто дайте этому гермафродиту в зубы – как мужчина мужчине.

И-да, вот потому-то философы и говорят, что дьявол – это обезьяна Господа Бога, которая обезьянничает и подражает Господу Богу, но... все получается наоборот.

Со временем ведьма Нина обзавелась не только мужем, но и детками. Если вы теперь встретите Нину в Вашингтоне, то увидите счастливую мать с целым выводком гомо евриканус. Но как она их делала и что из них получится – это знает только обезьяна Господа Бога, товарищ сатана.

Чтобы замаскироваться и казаться нормальной, ведьма Нина выпросила у дьявола маленькую отсрочку – до полового созревания детей, когда появляются половые заблуждения и связанные с этим психозы, всякие там бесы и бесенята, которые

портят человеку жизнь. Тогда детки будут тщательно скрывать это от своих родителей. А родители, столь же тщательно, будут скрывать это же самое от своих деток.

Нина позаботилась также и о карьере своего мужа-оборотня. Теперь она хвастается, что ее Марвин скоро будет работать в конгрессе. И действительно, по вечерам мемзер Марвин бродит вокруг конгресса – с подкрашенными глазами и слегка припудренный.

Конечно, и ведьмак-монархист Акакий Петрович со своими будущими адмиралами, и ведьма Нина со своим мужем-оборотнем, и подрастающие гомо евриканыс – все они на спецучете 13-го отдела КГБ. И ничего особенного в этом нет. Ведь этим занимались и занимаются все разведки мира.

Так закончилась печальная история вокресшей дочери красного папы Максима Руднева, который был женат на ведьме. Печальная история о маленькой девочке, по которой когда-то справляли панихиду, чтобы спасти ее душу. Хотя она и воскресла из мертвых, но оказалась живым трупом.

Санитарно-политическая профилактика дошла и до недоделков из Недоделкино, которые работали в доме чудес в качестве “Профсоюза святых и грешников”. На очереди был карикатурист Варфоломей Яковлевич Кукарача, который уверял, что он не только святой, но даже и великомученик, страстотерпец.

Варфоломей по-прежнему пьянствовал и устраивал варфоломеевские ночи. Потом он куда-то исчезал, а его дети поясняли:

– Папочку опять в дурдом засунули.

Поскольку Варфоломей был полуевреем, мемзером, его тоже пустили по конвейеру спецпроекта “Арасфер”. Прямо с конвейера спецпроекта “Голем”, то есть из дурдома, из отделения для хронических алкоголиков, его отвезли куда надо и прилепнули ему израильскую визу. Вместе с его русской женой-шиксой Манечкой, дочерью красного генерала, которого расстреляли во время Великой Чистки.

Вместе с ними в Израиль поехали их трое детей. Старший сын, приемный ребенок, родителей которого нацисты расстреляли в Бабьем Яру. И еще двое детей, которые, как две капли воды, походили на белобрысого, голубоглазого и курносого Степку, который жил по соседству и помогал Манечке в семейных делах. Курносый Степка трогательно провожал их всех на вокзале и на прощание даже расплакался.

Хотя поехали они все в Израиль, на родину предков, но только один Иегова знает, почему они очутились не в Израиле, а в Западной Германии. Теперь грешный святой Варфоломей работает на американской радиостанции “Освобождение” в Мюнхене. Он фигурирует как представитель советских диссидентов, которых безвинно сажают в дурдома. Но иногда Варфоломей куда-то исчезает.

– Теперь папочку немцы в дурдом засунули, – говорит Манечка. – Знаете, психбольница в Хааре.

Втайне Варфоломей надеялся, что его приемный сын станет каким-нибудь знаменитым человеком. Ну, таким, как Иван Ребров, знаменитый певец-завывало, который, говорят, из румынских евреев. Но когда приемный сын вырос, он стал честным рабочим-водопроводчиком. А Варфоломей сокрушенно качал головой:

– У такого талантливого отца, как я, – и такой непутевый сын. Хотя он и еврей, но это какой-то ненормальный еврей. Рабочий! И даже водку не пьет! И за что мне такое наказание?

Хотя Манечка делала двух других детей при помощи соседа Степки, но и на них, даже в третьем поколении, сказалось проклятие патриарха Тихона. Или, может быть, проклятие в крови их деда, красного генерала, которого расстреляли во время Великой Чистки.

Так или иначе, когда эти дети выросли, то дочка занялась наркоманией и пошла в проститутки, а сын стал пьяницей и воришкой. Из них получились немецкие хиппи, босяки и бродяги. Правда, оба они немножко ненормальные, вроде двуполые, как говорится, ни Богу свечка, ни черту кочерга.

А Манечка печально разводит руками:

– Такие хорошие родители, а дети такие ублюдки! И за что нам такое наказание?

Некоторые скептики могут сказать: “А где же тут настоящие святые? – Дело в том, что настоящих святых в жизни всегда меньше, чем грешников. Потому и говорится, что наш мир погряз в грехах, что мир во зле лежит. А, кроме того, о настоящих святых сплетничать не полагается.

Но для примера возьмем гроссмейстера Зарема Волкова, человека-компьютера и шахматного чемпиона по игре вслепую. Зарем спокойно живет в Москве, вернее, в Неводелкино. Играет себе в шахматы, двигает королями и королевами. По совместительству он работает консультантом у архиепископа Питирима, в 13-м отделе КГБ, где тоже двигают королями и королевами, президентами и премьер-министрами.

Однажды архиепископ Питирим, по совместительству генерал госбезопасности, предложил своему консультанту-аналитику переехать из Неводелкино в Переделкино, где когда-то жил легионер Борис Пастернак. Но Зарем отказался, говоря, что среди недоделков из Неводелкино, среди неудачников и отверженных, он чувствует себя лучше. Ну разве это не святой человек?

По вечерам Зарем иногда ходит на собрания своих катакомбных христиан, где они обсуждают проблемы спасения мира от сатаны и антихриста. Жениться он не собирается, и поэтому совесть у него совершенно чиста. Чтобы обрести душевный покой и чтобы уйти в монастырь, не обязательно нужен монастырь с колокольной. В монастырь можно уйти и так, как Зарем. Вот вам и настоящий святой.

Так Зарем Волков не оправдал надежд своих родителей, которые когда-то октябрили его этим именем – Зарем – в честь зари революции мира.

Мушера Дундука, зампреда дома чудес, и его жену Диану, то есть Фуфочку, отправили в Израиль. Хотя сам Мушер был человек, как будто, совершенно нормальный, просто гой, но его жена Фуфочка была полуеврейка, полулесбиянка и полусумасшедшая. Это своего рода неравный брак между нормальным и ненормальным человеком, комбинация довольно редкая. В случае таких смешанных браков с примесью еврейской крови обычно обе стороны состоят из легионеров, и тогда получается своего рода равный брак.

Так или иначе, Фуфочка уже сидела раз в дурдоме. А если она попадет туда во второй раз, то больше она оттуда не выйдет. Такая же история была с ее старшей сестрой, которая жила в Западной Германии и вот уже 12 лет сидела в сумасшедшем доме.

Кроме того, у Фуфочки подрастает дочка, которая, вполне возможно, пойдет по стопам своей матери. Ведь профессор Ломброзо говорит, что, по мнению большинства ученых, ПОМЕШАТЕЛЬСТВО В 90 СЛУЧАЯХ ИЗ 100 ЭТО РЕЗУЛЬТАТ НАСЛЕДСТВЕННОСТИ. Зачем держать таких людей? Лучше отправить их в Израиль и сидеть на этом политический капитал. Чтобы международные сионисты не вопили, что бедных евреев не пускают домой, на родину предков.

Ну вот мемзершу Фуфочку и отправили домой. А потом обычная история. Поехали они в Израиль, а приехали в Америку. Там они очутились на ферме толстовского фонда. Когда-то эта ферма принадлежала богатой американке-гуманистке,

которая содержала здесь колонию для дефективных детей, включая, вероятно, и своих собственных. Потом американская гуманистка подарила эту ферму дочери великого графа-гуманиста Льва Толстого, которого сам товарищ Ленин называет зеркалом русской революции. В своих юношеских дневниках гуманист Толстой честно признавался в педерастии (см. дневник Толстого от 29 ноября 1851 года), на склоне лет, слегка помешавшись, он проповедовал безбрачие и бездетность, а сам, как нарочно, делал все наоборот – и наделал 13 детей.

Вот этот-то тринадцатый отпрыск Толстого и заправлял теперь толстовской фермой. Помогала ей энергичная еврейка-компаньонка с совиными глазами, про которую говорили, судя по ее манерам, что она бывшая чекистка. Эти старушки были такие гуманные, что нянчились и цацкались даже с дочкой Сталина, когда та сбежала в Америку. Цацкались с ней так, ну прямо как с любезной сестрицей во сатане и во антихристе. Вот и разбери там, где грешные святые и где святые грешники.

Так или иначе, теперь толстовская ферма служила убежищем для дезертиров из Израиля – таких, как гой Мушер и мемзерша Фуфочка. За все эти добрые дела толстовский фонд получал благодарственные чеки от какой-то странной организации, которая так и называлась – “Святые и грешники”, и о чем даже писалось в Новом русском слове” (см. НРС от 4 марта 1958 г., отдел “Хроника”).

Обо всем этом, Может быть, не стоило бы и вспоминать, если бы гуманист Толстой не был зеркалом русской революции, и если бы его дочка-гуманистка не цацкалась так с дочкой Сталина. Ведь в газетах пишут, что этот гуманизм стоил русскому народу 50 миллионов человеческих жизней. И тогда стоит посмотреть на это зеркало более внимательно.

После толстовской фермы след Мушера потерялся. Говорят, что Мушер Дундук, бывший магистр либеральных наук, бывший майор армии Его Величества и бывший зампред дома чудес, пошел работать маляром и красит дома. Фуфочка, вероятно, сидит в сумасшедшем доме. А дочка? Поищите ее где-нибудь среди миллионов американских хиппи.

Случайность? Влияние среды? О нет, мать Дианы-Фуфочки уже предвидела все это, когда давала своей дочери такое специфическое имя – Диана. А обжегся на этом бедный Мушер. Пострадал за чужие грехи. А может быть, это его Бог наказал за то, что он бросил свою первую жену.

С американской ведьмой Докой Бондаревой-Залман получилась такая нехорошая история, что это даже и рассказывать не хочется. Но все это было в газетах. Почти все.

После того как шиксу Доку и ее евриканского мужа-оборотня вытурили из СССР, как и большинство засыпавшихся агентов Си-ай-эй, они в конце концов приземлились в Вашингтоне. Жили они в маленьком двухэтажном домике в окрестностях Вашингтона. Как полагается в хороших семьях, на верхнем этаже жил отец ведьмы Доки, старый ведьмак Кока со своей женой-ведьмой, которая дома его всегда ругала и пилила, а на людях для маскировки вдруг начинала ласкаться и прижиматься, как нежная голубка.

Теперь шабес-гой Кока был главой американского отдела эмигрантской организации “Союз трудового народа”, или сокращенно СТН. Правда, для людей посвященных это СТН расшифровывалось несколько иначе: это было просто сокращение от слова “СаТаНа”. Откровенно говоря, это было просто тайное общество дегенератов, секс-первертс, из которых половина душевнобольные и которых в средние века просто жгли как ведьм и ведьмаков.

Но америкавская разведка Си-ай-эй прекрасно знала, что все настоящие революционеры – Ленин и Керенский, Сталин и Гитлер, и даже Жоржик Вашингтон – бы-

ли людьми именно такого типа. Тот же комплекс власти, что у негритянских колдунов и сибирских шаманов. Кроме того, чего уж греха таить, ведь на Западе эти тайные общества играют почти такую же роль, как в СССР компартия. Потому-то Си-ай-эй и финансировало этих СТН-истов, которые через печать и радио всячески превозносили советских диссидентов, а особенно “русского националиста” Сола Женицкера, мемзера, который проповедовал расчленение России и бредил о войне с Китаем, где Россия будет вообще уничтожена.

Нобелевский диссидент Сол Женицкер, которого называют почвенником, в своем “Одном дне” пишет так: “...а тебе хрен в рот... да на фуя... Будешь залупаться, говорит, пропадешь... хуб хрен... шакал, подсосался... залупается, ум выставляет..” Пользуясь почвенным языком почвенника Сола Женицкера, его приятели СТН-исты держались друг за дружку, как м-вошки за мокрую м-ду. Поэтому они называли себя еще солидаристами.

Верховным жрецом этих солидаристов-СТН-истов был честный открытый педераст. Днем он планировал революцию в СССР. А по ночам вместе с шайкой мальчишек-педерастов, гонимый неудержимым психозом, он занимался самыми обычными грабежами. Но такие грешки молодости были и у маршала Сталина, и у маршала Пилсудского, и даже у премьер-министра Кастро.

Чтобы подвести под себя теоретическую базу, солидаристы-СТН-исты провозгласили якобы свою собственную революционную теорию – молекулярную теорию, где действовали некие таинственные молекулы из пяти человек, этикие “пятерки”. Конечно, солидаристы помалкивали, что эту новейшую молекулярную теорию с “пятерками” они просто-напросто украли из “Бесов” Достоевского. Загляните-ка в московское издание “Бесов” 1957 года, страница 709. Вот вам и “Союз трудового народа”. Потому-то философы и говорят, что дьявол-это пятая колонна всех веков и родов.

Старый СТН-ист и ведьмак Кока помимо всего прочего еще разъезжал по лагерям бойскаутов и делал там патриотические доклады о советских диссидентах. Путно он вынюхивал среди подростков подрастающих дегенератиков, которых сначала можно употреблять, а потом ковать из них кадры будущих СТН-истов.

В общем, ведьмак Кока был вполне доволен самим собой и своей жизнью. Но философы говорят, что дьявол частенько расплачивается со своими слугами не золотом, а разбитыми черепками. Так вот оно и получилось.

Больше всего ведьмак Кока любил свою старшую внучку Симу, которой уже исполнилось 13 лет. Училась она в очень хорошей частной школе, куда ее отвозили и привозили на автомобиле.

Но однажды Сима из школы не вернулась. Говорили, что она поехала кататься вокруг школы на велосипеде, и потом ее никто не видел.

Когда настала ночь, а Сима все еще не возвращалась, родители позвонили в полицию. Дали тревогу, создали отряд добровольцев и обыскали все окрестности. Но ничего не нашли.

На следующий день ведьмак Кока взял свою собачку и. пошел искать сам. Школа стояла на пригорке, а от нее шла дорога мимо маленького леса. И в этом леску Кока нашел свою любимую внучку. Сима была привязана к дереву. Но она была голая, все тело ее было покрыто запекшейся кровью, а голова свисала вниз.

“Сима! – крикнул ведьмак Кока. – Симочка!” – и стал трясти ее. Но тело девочки было уже холодное.

Потом полиция подсчитала на теле Симы 28 ножевых ран. Очередная работа какому-то сексуального маньяка-садиста. Обычная американская история, о которых пишут в газетах чуть не каждый день.

Но ведьмак Кока и здесь остался верен принципам СТН-истов. Сын одного из их вождей после двух неудачных браков покончил самоубийством. Но СТН-исты, чтобы сделать политический капитал, уверяли, что это-де работа советских агентов. И Кока тоже заявил репортерам, что, поскольку он борется за права диссидентов в СССР, то Симу убили агенты КГБ.

Однако спустя несколько дней полиция поймала убийцу. И сразу же в газетах появились все подробности. Убийцей был мужчина в возрасте 24 лет, по имени Бобби Фостер, и по профессии каменщик. Уже в возрасте 15 лет Бобби убил молотком своих дедушку и бабушку. За это его подержали немножко в сумасшедшем доме, а потом отпустили на поруки, чтобы он жил со своей матерью. Спустя некоторое время Бобби уюкошил свою мать и ее подругу и для верности даже отрезал им головы. Его опять подержали в сумасшедшем доме – и опять выпустили.

Теперь же выяснилось, что за это время Бобби убил еще 17 человек, в большинстве молодых студентов. Оказывается, он какой-то несбалансированный гомосексуалист с садистскими наклонностями, но очень сложного и редкого типа. Со-вокуплялся он и с женщинами, и с мужчинами, и с животными. Но полное удовлетворение он получал только во время убийства.

Помимо того, что Бобби занимался преимущественно ротовым эротизмом, он был еще немножко каннибалом-людоедом и в качестве деликатесов вырезал у своих жертв половые органы и груди. На правой руке у него была татуировка “Рожден для ада”.

Затем начинался американский гуманизм. Как обычно, американская пресса с величайшим наслаждением размазывала на своих страницах все детали убийства. Пресса нисколько не возмущалась убийством, а занимала как бы нейтральную позицию. И, как это ни странно, пресса больше сочувствовала сумасшедшему маньяку, чем тем, кого он убил.

Все это шабес-гой Кока прекрасно знал. Но раньше это касалось других. А теперь это касалось его самого. И он поднял крик:

– Почему этого дегенерата не посадили сразу же на электрический стул? Почему его два раза выпустили из сумасшедшего дома? Ведь это ж не гуманизм, а сатанизм!

А дальше пошло еще хуже. Каменщик Бобби вовсе не отрицал убийства Симы, но заявил, что Сима его сама задела и как бы соблазнила. И тут всякие психоаналитики, адвокаты дьявола, стали строить злоумные догадки, что раз Симе 13 лет, то это опасный возраст, когда просыпается секс. А раз она в 13 лет сама задела мужчину, то это значит, что она Лолита. Но тут нужно учитывать, что лолитчики и их Лолиты – это, как правило, минетчики; что означает латентную гомосексуальность, где рядом частенько копошатся комплексы разрушения и саморазрушения. А раз так, то, с точки зрения Фрейда, Симой руководил подсознательно комплекс саморазрушения. В общем, Сима сама же и виновата, что ее убили.

А некоторые адвокаты дьявола пошли еще дальше. Они злоумничали, что, поскольку Бобби сумасшедший, то, может быть, он все это просто выдумал и сам на себя клеветает. А поскольку убитую Симу нашел Кока, то, может быть, он ее сам и убил.

Почитав все это, старый СТН-ист Кока взбесился. Раньше он молился на свободную американскую прессу и с помощью московских диссидентов агитировал за такую же свободу печати в СССР. Теперь же он бегал по дому и истерически кричал:

– И это называется свободная пресса?! Кому эта свобода? Убийцам! Выродкам! Развели здесь такую преступность, как нигде в мире! Это не демократия, а сатанократия!

Раньше демократ Кока усердно боролся с нацизмом и сталинизмом. А теперь он злобно визжал:

– Чертова демократия! Дегенерация! Вам бы Сталина сюда! Вместе с Гитлером! Они бы тут вам сразу порядочек навели!

Кокина жена, старая ведьма, от горя вдруг ударилась в мистицизм и шепчет:

– Кока, ведь этот проклятый Бобби по профессии каменщик... А ведь ты тоже... Может быть, это тебе сигнал с небес? Перст Божий...

Отец бедной Симы, мемзер Джерри Залман, был типичным евриканским либералом, хромавшим на левую ногу. Теперь же этот либерал скрежетал зубами:

– Почему верховный суд отменил смертную казнь? Этих судей нужно поставить раком – и расстрелять. Больное общество?! Им сюда нужно Карла Маркса и Троцкого – сразу вылетчат!

Шикса Дока, бывший московский агент Си-ай-эй, плакала и кричала:

– Я в Москве была в большей безопасности, чем здесь, в Вашингтоне. Ведь это ж страна сумасшедших! Ведь в Америке преступность в семь раз больше, чем в Европе! Здесь уже на улицу выйти нельзя! Ужас! Смертоубийство!

Бедную маленькую Симу отпевали в церкви святого Фомы, где ведьма Дока когда-то венчалась. И церковь была битком набита ведьмами, которые все знали друг дружку. Тут была и ведьма Нина фон Миллер, бывшая дочь красного папы Максима Руднева, а теперь безродная космополитка Нина Кларк, со своим мужем-оборотнем. Тут была и ведьма Лиза Чернова-Шварц, бывшая безродная космополитка, а теперь княгиня Горемыкина-Оболенская, тоже с мужем-оборотнем. И еще целая куча всяких ведьм и ведьмаков, чертей и чертовок, оборотней и леших, мемзеров и шикс, шабес-гоев и просто гоев.

Отпевал сам владыка Феофан, автофекальный архиепископ Сан-Французский, бывший князь Жох-Жоховский и тайный марсианин, который тоже был ведьмаком и только маскировался под архиепископа. Ведьмак-архиепископ дымил кадиллом, а ведьмы горько плакали и усердно крестились.

У всех этих ведьм подрастали дети. И все они знали, что из этих деточек еще может получиться такое чудовище, как массовый убийца Бобби. Или может случиться такая нехорошая история, как с бедной маленькой Симой.

Хотя все эти ведьмы и крестились, но кому они молились: Господу Богу – или дьяволу, который только обезьянничает Господа Бога?

Бывший инструктор агитпропа Борис Руднев, который думал, что он инженер человеческих душ, так и не написал свою книгу об идеальных советских людях нового типа – гомо советикус. Жизнь или, если хотите, Господь Бог дали советскому Фоме Неверному суровый урок.

Побывав в ослиной шкуре президента дома чудес, Борис Руднев, как обещал колдун Апулей, приобрел настоящую мудрость. Потом с помощью ведьмы Нины, взлетев на крыльях, как любимец богов, он заглянул по ту сторону добра и зла и увидел там то древо познания добра и зла, которое знают только ведьмы да ведьмаки, которые платят за это высшим божеским даром – даром любви.

А любимец богов заплатил за это своей богиней, которая превратилась в ведьму. Так, горьким и тяжелым путем, он получил ключи познания добра и зла, счастья

и несчастья, ума и безумия, жизни и смерти. Но ключи эти – ключи отравленные, – и они отравляют душу человека.

Вместо идеальных гомо советикус Фома Неверный узрел библейский нечестно-гомосексуалистов всех сортов и оттенков: открытых и скрытых, честных и нечестных, полных и частичных, латентных и подавленных, активных, как чародей Сося, и пассивных, как его миньон князь Горемыкин. Всех тех, кого мучат бесы инкуб и суккуб, которые превращают мужчин в женщин и женщин в мужчин. В общем, 37 процентов доктора Кинси.

Вместо железобетонных советских людей нового типа инженер человеческих душ увидел потаенный легион доктора Фрейда: легион невротиков и психотиков, псишков и психопатов, в душе которых копошатся всякие фрейдовские бесы и бесенята. Обманчивые бесы шизофрении и паранойи, как у байстрюка Остапа Оглоедова и его семейства. Напористые бесы садизма, как у неистового шабес-гоя Артамона, или хилые бесы мазохизма, как у флегматичного гоя Филимона. Каверзные бесы мужской импотенции, как у злосчастного цыганского барона-мемзера, или женской холодности, как у ведьмы-мемзерши Нины. Веселенькие бесенята сатириазиса, как у Жоржика Бутырского, или нимфомании, как у поэтессы Ирины Забубенной. А за всем этим прячутся комплексные бесы разрушения и саморазрушения, убийства и самоубийства, которые портят жизнь человеку, начиная от самой простой ссоры между мужем и женой и кончая всемирными войнами и революциями.

Вместо веселых чудиков из дома чудес и недоделков из Недоделкино Фома Неверный узрел помимо спецпроекта настоящий профсоюз грешных святых и святых грешников. А за этим профсоюзом притаился еще один профсоюз – тайный союз сатаны и антихриста, которые, таки да, не только существуют, но даже и женятся. И даже плодятся. Только плоды эти всегда плохие.

Так, с помощью чар ведьмы Нины, член Союза советских писателей Борис Руднев на практике познал то, что в литературе испокон веков называется дьяволом, имя которому легион: это князь мира сего и князь тьмы, который делает все в темноте, сзади и наоборот; это ангел смерти и враг рода человеческого, который не может любить и не любит тех, кто любит; который есть начало всех споров и раздоров, экстремист, анархист и нигилист, корень всех пороков и преступлений – и уголовных, и политических; который есть лжец и отец лжи и который теперь поселился в печатной краске; который любит принимать вид ангела света, и который теперь маскируется под гуманиста и либерала, под демократа и диссидента, под несогласника или инакомыслящего; и который есть пятая колонна всех веков и народов. В общем, тот самый дьявол, который частенько обещает карьеру, славу и богатство, но обычно приносит горе и несчастье.

Так или иначе, но в результате всего этого у Бориса Руднева началась такая быстрая карьера, словно и он тоже подписал контракт с дьяволом.

Если на Западе высшее образование иезуита занимает 13 лет, то в 13-м отделе КГБ и в Научно-исследовательском институте – НИИ-13, где ковали новую советскую инквизицию, это делали немножко быстрее. НИИ-13 теперь заменял бывший Институт красной профессуры и иногда по ассоциации его называли Институтом черной профессуры. Там читали высшую социологию, которую некоторые остряки называли черной социологией, а конспекты лекций окрестили “Протоколами советских мудрецов”.

Получив окончательную шлифовку в НИИ-13, вместо своей книги о гомо советикус Борис Руднев написал некую ученую диссертацию, где составил специальную хитроумную таблицу. Нечто вроде Периодической системы Менделеева.

Но это была не таблица химических элементов, а таблица человеческих элементов, всяких бесов и бесенят, которые водятся в душе человека и создают специальные типы людей, которыми интересуется КГБ. И эта таблица Руднева оказалась столь же полезна для КГБ, как таблица Менделеева для химиков. Все разложено, как на полочках. Нужно только протянуть руку – и сразу найдешь то, что нужно.

Так Борис Руднев стал тайным государственным советником, гехеймратом и генералом 13-го отдела КГБ. Там закалялась сталь новой советской инквизиции. Ведь знаменитый философ-ведун Бердяев-Бердичевский уверяет, что в России теперь новое средневековье. Ну а раз средневековье, то уж без инквизиции тут никак не обойдешься.

Говорят, что у генерал-инквизитора Бориса Руднева теперь глаза как у Вия: как посмотрит на человека, так и видит все насквозь и даже глубже. А другие говорят, что генерал Руднев вообще не любит смотреть на людей, а предпочитает смотреть в их личные дела, которые куда надежней, чем люди.

Философы говорят, что дьявол – это антитеза Бога, что это обезьяна Господа Бога. А с точки зрения диалектического материализма дьявол – это просто комплексная социальная болезнь, вырождение, дегенерация, половые извращения и душевные болезни, то есть медленная смерть, растягивающаяся на несколько поколений.

Но если Бог есть антитеза этой болезни, то что же такое Бог? С точки зрения диалектического христианства получается, что Бог – это просто здоровый человеческий дух, здоровая душа и разум. **БОГ – ЭТО ПРОСТО ТО, ЧТО НАЗЫВАЕТСЯ НОРМАЛЬНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, КОТОРЫЙ СПОСОБЕН ЖИТЬ И ЛЮБИТЬ ПО-НАСТОЯЩЕМУ, ПО-БОЖЕСКИ.**

Но если Бог – это просто душа нормального человека, а дьявол – душа больная, то... Ведь только ради этого и произошла революция: чтобы обновилось подгнившее общество, чтобы ушли больные – и на смену им пришли здоровые. Потому-то великий правдоискатель Достоевский и писал в своих “Бесах”, что Россия переболеет тяжелой болезнью революции, а потом все эти бесы, вся эта нечисть исчезнет, и тогда Россия, молодая и здоровая, опять усядется у ног Христа – и весь мир будет смотреть с изумлением.

Но если Бог – это просто нормальные люди, то ведь это же и есть те самые идеальные советские люди нового типа, те гомо совьетикус, которых Борис Руднев когда-то так тщетно искал. И нашел, как очки – на собственном носу.

Умные люди говорят, что нужно найти Бога в себе, в собственном сердце. Так вот и бывший Фома Неверный, к своему величайшему изумлению, обнаружил Бога... в самом себе! Так, диалектическим путем, Борис Руднев стал диалектическим христианином.

И даже немножко воинствующим христианином. Когда-то крестоносцы размахивали мечами, а генерал-инквизитор Руднев теперь размахивал штемпелями “Голем” и “Агасфер” и гнал в дурдома или за границу ту самую нечисть, ту скверну, тех самых бесов, о которых писал Достоевский.

Кроме того, Достоевский еще говорил, что Россия сама спасется – и весь мир спасет. И что Россия еще скажет миру свое новое слово. Ну вот мы это новое слово и говорим. Но кто и когда это услышит?

Пока что Запад, разинув рот, слушает нобелевского мемзера Сола Женицкера, который в своем “Одном дне” на весь мир вопит: “...а тебе хрен в рот...” Вот за это самое – хрен в рот – и дают Нобелевские премии в наше грешное время.

Поэтому когда генерал-инквизитор Руднев допрашивал всяких диссидентов, неогласников или инакомыслящих, то есть новых керенских, лениных и троцких, он, как доктор Фрейд, первым делом прозаически спрашивал:

– Ты что – в ротик берешь или даешь? Ты что – сосешь или лижешь?

Чего уж там стесняться в наше грешное время. Ведь все мы теперь под атомной бомбой ходим. А миром, как говорил Лев Толстой, управляют сумасшедшие. Хуже всего то, что это такие сумасшедшие, полусумасшедшие, которых вы сразу не увидите. Например, Керенский и Ленин, Сталин и Гитлер, да и сам Толстой. Вы увидите это только задним числом, когда дело уже сделано.

Поскольку генерал Руднев числился членом Союза советских писателей, со временем его опять потянуло к литературе – знаете, руки чешутся, – и он написал ученый трактат “Дьявол в литературе”. За этот ученый труд, где он развил теорию социомодернизма, ему присвоили ученую степень доктора высшей социологии и назначили профессором в Научно-исследовательском институте – НИИ-13.

Теперь генерал-профессор Руднев читает в НИИ-13 лекции по теории литературы, например философию Кьеркегора насчет того, как дьявол поселился в печатной краске. А в области практической работы генерал-доктор Руднев решает, кто из братцев-писателей якшается с нечистым, с сатаной или антихристом, кто из этих инженеров человеческих душ на самом деле является отравителем человеческих душ, кого из них следует засунуть в дурдом и кого лучше выбросить за границу. Как дурдомщика-хромоножку Тарсиса-Тарсисмана с его синими мухами в голове. Синие мухи – трупные мухи. И они разносят трупный яд.

При этом профессор Руднев с грустью вспоминал своего покойного отца, Царство ему Небесное. Старик Руднев, доктор-гинеколог, если ему в чай попадала муха, вынимая ее ложечкой, выносил на балкон и делал мухе искусственное дыхание. Дул на муху до тех пор, пока она не улетала. Это был человек, который буквально мухи не обидит.

Вспоминая это, генерал-инквизитор думал: “Эх, и у меня дурная наследственность – излишняя доброта. Ведь Сталин всех этих синих мух просто стрелял или гнал в концлагеря”.

За такую гуманность и либерализм, за особые заслуги в области советской литературы профессора Руднева даже избирали почетным членом Союза советских писателей.

Так, вкусив от библейского древа познания добра и зла, познав Бога и дьявола, генерал-профессор Борис Руднев, тайный государственный советник СССР, попал в тот мозговой трест, в тот синклит советских мудрецов, где на самом верху сидит красный папа Максим Руднев.

Ничего такого особенного в этом, конечно, нет. Ведь подобная история была в Америке с братьями Кеннеди, на Кубе – с братьями Кастро, а в Москве так получилось с братьями Рудневыми. Ничто не ново под луной.

Потому и говорят, что в Риме сидит папа римский, где-то за золотым тельцом, притаился антипапа, а в Москве, за красным тронном, позади советских вождей, сидит красный папа. И недаром поговаривают, что и на Западе тоже есть какие-то такие-этакие тайные советнички, которые нашептывают что-то на ушко президентам, и премьер-министрам, и прочим князьям мира сего. И там тоже частенько папахивают не только сатаной, но даже и антихристом.

Так закончилась необычайная история Бориса Руднева, бывшего советского Фомы Неверного, который думал, что он знает все и вся. А на самом деле, хотя он имел глаза и уши, он не видел и не слышал половины того, что происходит кругом.

Вот потому-то благодаря своему неверию и попал Фома Неверный в ослиную шкуру.

А ежели кто в Господа Бога не верует, то смотрите, чтобы и с вами так не приключилось, чтобы и вам не пришлось побывать в ослиной шкуре.

Вот потому-то я, советский раб Божий, да забудется имя мое, в назидание другим, чтобы, как христианин, помочь своему ближнему, с грустью и печалью в душе и записал кровью сердца эту необычайную, но правдивую историю. Потому, видно, умные люди и говорят, что настоящая правда всегда неправдоподобна.

Но вы увидите, что это настоящая правда, по тому, как вся нечистая сила будет от этой правды корежиться и шарахаться, как черт от ладана. И тогда вы увидите, что **ИМЯ ИМ – ЛЕГИОН**. Аминь.

1-й вариант: 1955-1958 гг.

2-й вариант: 1962-1965 гг.

3-й (настоящий) вариант: авг. 1972 г. – авг. 1974 г. Нью-Йорк.

Послесловие к роману Г.П.Климова “Имя мое Легион” издательство “Славия”, Нью-Йорк 1975 г.

*Горе тем, которые зло называют добром
и добро злом, тьму почитают светом
и свет тьмою*

Исаия 5:20

Чертова карусель

Послесловие профессора социальной психологии Вудхейвенского университета д-ра Б. В. Сахарова

Чтобы лучше понять те щекотливые проблемы, те табу, о которых обычно молчат, но которые очень откровенно показаны в “Легионе” Климова, посмотрим на все это в исторической перспективе.

В середине 1960-х годов на Западе началась какая-то странная эпидемия. И пошла вся эта зараза из Америки, из самой богатой и, казалось бы, самой нормальной страны в мире. По всей Америке вдруг вспыхнули дикие студенческие и негритянские бунты, типичный союз гнилой интеллигенции и социальных низов. Судя по фотографиям в прессе, эти бунтари состояли из каких-то человекоподобных патлатиков с длинными, до плеч, волосами, где трудно отличить мужчин от женщин. Искажённые злобой лица, яростно разинутые вопящие рты, судорожно сжатые кулаки. Эти морлоки бесновались вокруг горящих университетов и истерически визжали: “Револю-ю-юция!”

Одновременно всю Америку захлестнула грязная волна невероятной порнографии и наркотиков. Резко увеличилась статистика убийств, изнасилований и грабежей. А Верховный Суд США словно тоже сошел с ума и поспешно раскручивал все гайки законов, отменив смертную казнь и всячески поощряя преступность, анархию и нигилизм. Прямо какая-то чертова карусель.

По улицам маршировали демонстрации педерастов и лесбиянок с флагами и плакатами – и тоже требовали себе свободы. По всей Америке в наркологическом дыму блуждали миллионы и миллионы длинноволосых грязных и немножко зависевших социальных отбросов по имени хиппи. В результате бедный дядя Сэм стал похож на почтенного, но завшивевшего джентльмена.

Американская пресса с величайшим удовольствием размазывала всю эту грязь на своих страницах и беспомощно бормотала о “больном обществе”. Но что это за болезнь – молчок, тайна, табу. Постепенно эта болезнь перекинулась из Америки в Европу, а затем и в СССР – в форме так называемых “диссидентов”, несогласников и инакомыслящих. **ПО СУТИ ДЕЛА, СОВЕТСКИЕ ДИССИДЕНТЫ – ЭТО ТАЖЕ САМАЯ ПАКОСТЬ, КОТОРАЯ БЕСНУЕТСЯ И НА ЗАПАДЕ И НА ВОСТОКЕ.**

Но в чем же дело? Что это за болезнь?

Заметьте, что беснуется, в основном молодежь, студенты. Со времени окончания 2-й Мировой войны прошло 20 лет, выросло новое поколение. Среди них новые миллионы легионеров из легиона доктора Кинси, в том числе новые когорты садистов, мазохистов и садомазохистов, в которых сидят фрейдовские бесы разрушения

и саморазрушения, убийства и самоубийства. Обычно это находит свой выход в войнах и революциях. Подошло время для 3-й мировой войны, а ее все нет и нет. Вот этот легион и беснуется по всему миру и вопит “Револю-ю-ция!” А в авангарде этого легиона, как правило, беснуются евреи.

Проверим историю советской “диссиденции” при помощи того отравленного ключа, который дает гарвардский мудрец Натан Лейтес, базировавший всю американскую псих-войну на комплексе латентной педерастии мемзера Ленина. Напомним, что по Фрейдю это является корнем большинства психических болезней.

Началась эта “диссиденция” в литературе, и первым апостолом этих “диссидентов” был Пастернак со своим “Доктором Живаго”. На Западе ему за это дали Нобелевскую премию, а глава Союза советских писателей Сурков обозвал Пастернака педерастом и алкоголиком.

Хм, странно... Сразу же получается по формуле профессора Натана Лейтеса!? А ведь Пастернак – это предтеча всех остальных “диссидентов”.

Откровенно говоря, мне совершеннейше наплевать педрик Пастернак или нет, если бы, как писатель, он писал нормальные вещи. Но его писанина – это замаскированная тайнопись легионеров. Это не “Доктор Живаго”, а “Доктор Мертвяго”, типичный выродок из 37% доктора Кинси, который “любит” – и губит несколько жен, предварительно наделав им кучу байстрючат. Будучи доктором, вместо того чтобы лечить людей, этот доктор “Мертвяго” пишет самовлюбленные стишки, а потом становится бездомным бродягой. Да ведь это просто старый хиппи.

Попутно Пастернак проповедует перманентную революцию. Довольно симпатичная революция 1905 года, где симпатичные еврейчики немножко постреливают из пистолетов. И революция 1917 года тоже не плохая. Плохо только то, что потом бяка-мемзер Сталин гонит всех этих революционеров в концлагеря. И тогда нужно еще одну революцию. В общем, перманентная революция, где дегенератики, садисты и мазохисты, весело стреляют друг в дружку. Но зачем это нормальным людям? Не проще ли засунуть всех этих перманентных революционеров в дурдома?

Кстати недавно в газетах писали, что в Италии при загадочных обстоятельствах погиб некто Фелтринелли. Это был миллионер, и левый коммунист, который тащил мешок с динамитом, чтобы взорвать пилоны линии электропередачи, и этим помешать конгрессу итальянской компартии в Милане. И этот придурок, миллионер – и коммунист (!?), да еще левый коммунист, то есть анархо-коммунист, троцкист, взорвался на собственном динамите.

Но этот Фелтринелли – это тот самый издатель, который в 1957 году вывез манускрипт “Доктора Живаго” из Москвы и издал в Италии, заварив, таким образом, всю кашу вокруг Пастернака. И тут напрашивается логический вопрос: почему за педрика Пастернака с его “Доктором Мертвягой” ухватился не кто иной, как полусумашедший бомбист Фелтринелли?

Теперь о Нобелевских премиях. Если кто по статистике д-ра Кинси 37% населения США, то есть каждый третий человек, более или менее знакомы с гомосексом... Если среди интеллигенции таких кинсианцев будет уже более 50%, то есть каждый 2-й человек, а среди литераторов их уже 75%, то есть большинство... Хорошо, так сколько же этих кинсианцев будет среди таких интеллигентных людей, как члены Нобелевского комитета по литературе? Похоже на то, что они всегда там в большинстве. Да еще нужно учитывать то, что эти легионеры всегда очень солидарны. Вот они и присуждают Нобелевские премии в первую очередь своим собратьям. Вот поэтому частенько и получается, что Нобелевские премии дают не за литературу, а за дегенерацию в литературе.

А теперь посмотрим более внимательно на следующего нобелевского диссидента – мемзера Солженицына, о котором нам уже все уши прожужжали, что он солнце жизни, соль земли русской, совесть русского народа, душа человечества и прямо-таки второй мессия. Ни дать, ни взять второй Иисус Христос, если верить международной прессе. Но это же повторяет как попугай, и большая часть нашей эмигрантской прессы.

Сразу после выкидыша из СССР Солженицын, соль земли русской, в своем “Письме к вождям СССР” оглашает на весь мир свое “политическое кредо” и программу спасения русского народа в следующем порядке:

1. Полное и безоговорочное расчленение России до границ РСФСР. Операция куда более радикальная, чем об этом мечтают самые оголтелые сепаратисты из “Американского комитета” и Радио “Свобода”, сепаратисты-бандеровцы, стецьковцы-паписты, казакйцы, и иже с ними. За это Солженицын моментально получил благословенную телеграмму от галичанско-униатского вождя Льва Добрянского.

2. После тотального расчленения России Солженицын, соль земли русской, рекомендует всем русским переселиться в Северо-восточную Сибирь. Заметьте, не в Юго-восточную, а в СЕВЕРО-восточную, то есть... в район концлагерей! Когда сам Солженицын там сидел, то ему там очень не понравилось. А теперь он хочет загнать туда всех русских!? Ведь Сол Женицкер пошел по стопам гитлеровского идеолога Альфреда Розенбегра.

3. Затем Солженицын, солнце жизни, с патологическим ханжеством злоумствует о неизбежной войне с Китаем, где погибнет как минимум 60 миллионов русских, которых Солженицын, чтобы помочь китайцам, предварительно переселил в Сибирь. После этого русский народ – по Солженицыну – практически перестанет существовать на нашей планете.

Что это – бред сумасшедшего? Да, но полоумный полуеврей Солженицын, второй мессия, в точности повторяет то, о чем мечтают теоретики-геополитики Госдепартамента, вроде еврея Киссингера, в своем журнале “Форин Аффэйрс”. В эту же дудку дует и еврейский полукровка-мемзер Амальрик в своей брошюре “Доживет ли СССР до 1984-го года?” Об этом же бредит и еврейский дурдомщик Тарсис в своей “Палате номер 7” При этом мне вспоминаются граммофонные пластинки, где на этикетке перед граммофоном сидит и твякает собачка, а внизу фабричное клеймо “Голос моего хозяина”.

Прочитав такое письмо, вожди СССР могут подумать: “А не проще ли загнать в Сибирь всех полусумасшедших евреев и полуевреев, вроде Тарсиса, Амальрика и Солженицына?” Вот, в результате, Амальрика загнали в Сибирь, а Тарсиса и Солженицына выгнали за границу.

Знаменитый еврейский профессор Ломброзо в своей книге “Гениальность и помешательство” пишет: “Нелепый парадокс – душевнобольные лишь в редких случаях обнаруживают то полное расстройство умственных способностей, которое приписывает им толпа, наоборот, самый недуг вызывает у них необычайную живость ума”. Поэтому, наверно. И говорят, что один дурак десяти умным голову заморочит.

Чтобы разобраться в этом, представим себе дело так. Душевные болезни тесно связаны и прямо пропорциональны половым извращениям. На каждого одного честного открытого гомосексуалиста (4% для доктора Кинси) приходится около 10 (33% для доктора Кинси) всяких других гомо, нечестных секс-первертов, которые в этом никогда не признаются. Подобным же образом на каждого одного честного сумасшедшего, который честно сидит в сумасшедшем доме, приходится 10 всяких нечестных легионеров, полусумасшедших, помешанных и психопатов, которые обычно в этом тоже не признаются.

Тот же доктор Ломброзо говорит, что именно среди евреев встречается больше образованных и талантливых людей, но и сумасшедших среди евреев в среднем в 6 раз больше, чем у других людей. А практика показывает, что эта каверзная закономерность еще больше возрастает в случае смешанных браков – полуевреев-мемзеров и так далее. Вот и разбери, кто из них умный, кто полоумный, а кто безумный. Получается такая чертова карусель, что разобраться в ней довольно трудно.

И вот, странная вещь, среди жертв советских дурдомов, среди диссидентов, несогласников и “инакомыслящих” кишмя кишит именно этим элементом – почти все это евреи, люди в смешанных браках с евреями, или продукты этих браков, полуеврей-мемзеры и так далее.

Профессор Ломброзо пишет, что для душевнобольных в литературе характерна склонность к придумыванию новых слов, непонятных для других, что объясняется якобы оригинальностью.

А теперь я приведу вам конкретный пример из такой литературы: “Разблуживаются мозги..., Я нахахалился... Положение перепрокинутости... Баб обохачивал... Надмевало презрение... С метелкой шушкался... Мельтешить... Вычуивали глаза... Выложиться до инезмоги... Подходней приходили чем раньше... Отволгнув от боя..., Мелких околичностей”.

Ну, как, читатель, не разблуживаются ли у вас мозги от такого обнахаливания? Но если у вас надмеет презрение к этому обохачиванию околичностей и вам до инезмоги зашушкается взять и плюнуть, то будьте осторожны – иначе попадете в нобелевского лауреата.

А как вам нравится такой словесных шурум-бурум: “На невидимом немом натяге сочувственной общественной пленки”? Только не подумайте, что это бред дурдомщика. Нет, это из “Нобелевской лекции” новоиспеченного нобелевского лауреата, в разбляженных мозгах которого мельтешат законы физики о капиллярном натяжении пленок.

Ох, скажут, Боже мой, так за что же дают Нобелевские премии? А как же, есть за что. Ну, вот например: “А хрен тебе в рот... да на фуя... хуб хрен... залупается, ум выставляет”. Вот за это самое – хрен в рот Солженицыну, которого мы здесь цитируем, и дали Нобелевскую премию. Ведь и Пастернаку тоже дали за тоже самое.

Но в чем же заслуга Солженицына, если вокруг него такой визг на весь мир? Его основная заслуга в том, что под этот вой и гвалт он, как Моисей номер 2 выводит евреев из СССР.

В своем первом телевизионном интервью на западе в июле 1974 года Солженицын заявил, что хорошие евреи – это те, которые едут из СССР в Израиль, а те, которые выезжают из СССР, но в Израиль не едут – это плохие евреи. Однако, сам Солженицын по рождению полуеврей, по-еврейски мемзер. Его первая жена полуеврейка, мемзериха, а вторая жена полная еврейка. Это значит, что в душе он чувствует себя не русским, а евреем. По еврейским законам его дети, или вернее дети его жены, считаются евреями. Так почему же сам мемзер Солженицын не едет в Израиль? По его собственным словам, получается, что он плохой еврей. Как тот анекдотический еврей-сионист, который вымогает деньги у второго еврея, чтобы загнать третьего еврея в Израиль.

Солженицын маскируется под русского “националиста”, но... проповедует тотальное расчленение России. Он маскируется под “неохристианина” бердяевского толка, но по сути дела это ничто иное как неосатанизм. А, в общем, этот мемзер Сол Женицкер – полупомешанный полуеврей, криптоеврей, который маскируется под русского, чтобы говорить нерусские вещи.

Поэтому в дальнейшем, чтобы Солженицын не морочил нам голову, будем называть его так, как он есть – Сол Женицкер.

После “Письма вождям” Сол Женицкер накатал очередную ханжескую статью-истеричку “Жить не по лжи”. Как говорила жена Остапа Оглоеда: “То, что Остап брешет, это полбеды. Вся беда в том, что он своей брехне же и верит. Это – уже раздвоение личности и шизофрения.

В определенной мере Сол Женицкер – это Остап Оглоеда, сын Остапа Бендера в международном масштабе. “Видимо потому-то Остап Оглоеда под конец и восклицает: “Буду как Сол Женицкер”

Именно поэтому мы и анализируем здесь Сола Женицкера так подробно. Ведь сейчас это самая крупная фигура на шахматной доске псих-войны, которую специалисты называют войной психов. И одновременно это живая и самая яркая иллюстрация к роману “Имя мое Легион”.

Нормальный человек Сол Женицкер – или нет? Наилучший ответ на это дает его литературный язык, характеризующийся словесными выкрутасами, якобы “неологизмами”. Одни называют это заумью, а другие придурью, свойственной людям с дурной наследственностью (неологизм – дурнаследы!). Литературные критики называют это дурнаследство (видите – опять неологизм) орнаментальной прозой, а психиатры считают, что эти “орнаменты” – это просто мозговой разжиж у дурнаследов, расщепление личности, шизофрения (параллак!) и так далее прочее.

Родственник Сола Женицкера, знаменитый еврейский психиатр Ломброзо по этому поводу замечает: “Сумасшедшие в сумасшедших домах часто выдумывают несуществующий язык, азбуку, письменность”. Вот по этому-то пути и идет мемзер Сол Женицкер со своей заумной придурью.

В своей книге “Гениальность и помешательство” профессор Ломброзо пишет: “Иногда настоящие помешанные отличаются таким выдающимся умом и часто такой необычайной энергией, что это невольно заставляет приравнять их, по крайней мере временно к гениальным личностям”.

Так или иначе, все легионеры-дуроплясы будут продолжать свою свистопляску вокруг Сола Женицкера и его свиты из дурнаследов, дурдомщиков, и прочих “инакомыслящих”. Исходя из обратного, вы действительно увидите, что **ИМЯ ИМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО – ЛЕГИОН.**

Итак, основная роль Сола Женицкера заключается в том, что он, как Моисей номер 2, выводит евреев из СССР. Судя по американской прессе, сделано это было так: Известный советский журналист-еврей Виктор Луи, по совместительству выполнявший всякие щекотливые миссии КГБ, бегал в Белый Дом и шушукался там с Генри Киссингером. Затем специалист КГБ Виктор Луи полетел в Израиль, и шушукался там с Гольдой Меир. Наобещал им массовый исход советских евреев в Израиль, потом пустили в ход Сола Женицкера и его дурноплясов.

Но какие результаты этого? Выпускают из СССР по принципу: хороших евреев мы оставим себе, пусть поработают на тех марксистских пирамидах, которые они сами же и выдумали. А плохих евреев мы выгоним за границу. Но даже и эти выпущенные евреи прут не в Израиль, а в Америку.

Итак, Израиль вряд ли выиграет. Америка проигрывает. А выгадает ото всего этого только СССР.

Но что же тогда получается? В конечном итоге получается, что мемзер Сол Женицкер работает на пользу КГБ! Как этот Крысиный Король, который, играя на дудочке, выводит крыс из города и топит их в речке. И Сол Женицкер оказывается в положении агента КГБ. Поэтому его и вытурили из СССР с таким комфортом: со всеми

чадами и домочадцами, с тещей и даже с письменным столом. Кстати, о том, что Сол Женицкер может играть роль провокатора, в свое время писал в “Новом русском слове” профессор Ейльского университета Н. Ульянов.

А в 13-ом Отделе КГБ только посмеиваются.

У дьявола вырождения всяких фокусов больше, чем ходов в шахматах. За грехи отцов... За грехи матерей... Но иногда приходится расплачиваться и за грехи тещи.

Например, один мой знакомый, человек совершенно нормальный, вдруг очутился... с приемным ребенком!? И отец русский, а ребенок – арабченок!? Прямо как в арабских сказках про 1001 ночь!

Жена у этого моего знакомого человек очень хороший, прямо святая жена. У нее только один маленький дефект – не может рожать. Но почему жена не может рожать? Да потому что теща, Евгений Пална, хотя и простая украинская колхозница, но всю жизнь занималась армянскими шутками. А за ее грехи расплачивается ее дочь. А муж попал в положение без вины виноватого.

Поэтому посмотрим подробнее, что же это за армянские шутки. С точки зрения Фрейда. В обиходе легионеров это называется двойник и тройник. Двойник – это когда армянин-любовник, то есть хахаль натягивает эту тещу, чертову Евгень Палну, и спереди и сзади : в зад – и в рот, в зад – и в рот. А тройник – это когда еще и делают детей.

Вот потому-то дочка тещи, святая жена, и не может иметь детей – и берет себе приемного ребеночка, да еще арабченка. А ее муж, человек совершенно нормальный, оказывается в положении приемного папы. За грехи тещи...

У этой тещи есть еще две дочки. Но это такая пакость, что о них даже старшая дочь, святая жена предпочитает умалкивать. Чем больше грешила теща, тем больше это отражалось на ее детях. И эта теща еще ходит в церковь, креститься, молиться.

И здесь возникает богословский вопрос: кто же в этой комбинации святой – святая жена, которая наградила мужа арабченком? – или ее муж, который должен все это терпеть?

Конечно, ничего особенного в этом нет. Просто чертова теща Евгений Пална – это старая минетчица, 33% доктора Кинси. Теоретически каждая третья теща более или менее такая. Но от таких тещ, как от ведьм, исходит невидимое зло.

Вот потому-то за эти армянские шутки в СССР дают 7 лет тюрьмы. Чтобы другим неповадно было. Эх, хороший был бы рассказ “Святая жена” или “За грехи тещи”. Прямо как арабская сказка.

Когда появился роман Климова “Князь мира сего”, некоторые литературные критики писали: “А почему Климов назвал это романом? Ведь это же сущая правда!” Там это объяснялось, в основном, яркостью литературного изложения.

Но вот с романом “Имя мое легион” дело обстоит несколько иначе. Здесь почти все герои-легионеры списаны с жизни, тютелька в тютельку. Да иначе и нельзя – ведь такого из пальца не высосешь. Чтобы написать все это, сначала нужно самому покрутиться в этой чертовой карусели.

Напомню, что в 1949-50 годах Климов работал в Мюнхене в Гарвардском проекте, который базировался на комплексе латентной полупедерастии полувеврея Ленина, и который был крестным отцом всей дальнейшей американской псих-войны.

То были цветочки. А теперь мы имеем ягодки – в форме советских диссидентов и 3-й эмиграции.

Затем, в 1951-55 годах, Климов был председателем Центрального Объединения Послевоенных Эмигрантов из СССР (ЦОПЭ) и главным редактором их журналов “Свобода” и “Антикоммунист” (последний на немецком языке). Практически Климов был руководителем одного из засекреченных спецпроектов американской психвойны. Подобную роль сегодня играет масонская ИМКА-Пресс, которая печатает Сола Женицкера, и журнал “КАНТинент”.

А рядом с ЦОПЭ были “Американский комитет” и радио “Освобождение”, мюнхенский отдел “Голоса Америки” и НТС (или СТН). Все воробушки на крышах Мюнхена чирикали, что за всем этим стоит американская разведка Си-Ай-Вэй.

Позже, в 1958-59 годах, Климов работал – в качестве консультанта – также в Корнельском проекте в Нью-Йорке, где тоже занимались всякими хитрыми психологическими исследованиями, связанными с Венгерским восстанием 1956 года.

Но как же изо всех всего этого получился роман “Имя мое легион”? Говорят, что в точности по басне дедушки Крылова: “Навозну кучу разрывая, Петух нашел Жемчужное Зерно”. Рациональное зерно.

После того, как Климов написал свои “Крылья холопа”, некоторые серьезные люди говорили ему: “Григорий Петрович, у вас есть искра Божия – пишите вторую книгу!” Поэтому, приехав в США в 1955 году, он решил начать новую жизнь с того, что написать новую книгу.

Творческий замысел? Ну, вот советская пропаганда пишет об идеальных советских людях нового типа. А западные спецы называют это гомо советикус.

Но для писателей-бумагомарателей есть один неумолимый закон: если хочешь, чтобы твоя книга жила, действующих лиц нужно списывать с жизни. Поэтому Климову волей-неволей приходилось списывать своих героев из окружающей среды. А этой средой было ЦОПЭ, радио “Освобождение”, радио “Голос Америки” и НТС СТН, где гарвардские мудрецы подобрали, казалось бы, идеальных советских людей, самоотверженно борющихся за свободу матушки-России.

Чтобы герои романа жили по настоящему, нужно заглянуть им в душу. Присмотреться к ним более внимательно, чем мы это делаем в обыденной жизни. Но как только Климов стал присматриваться к своим героям, то начались всякие странности.

Бывало, что художники рисовали Мадонну с модели, которая в реальной жизни была проституткой. Так вот и Климов. Сидит он и пишет свой романчик об идеальных людях нового типа – гомо советикус. И в то же время видит, что все его модели – это гомосексуалисты всех сортов и оттенков, садисты и мазохисты, шизофреники и параноики, да еще с густой примесью сатаны и антихриста. В точности по рецептам чертоискателя Бердяева. Слово кто-то их специально подобрал. Что за чертовщина?

Но свет, как говорится, не без добрых людей. И эти добрые люди написали в “Новом Русском Слове”, что Гарвардский проект, которым руководил Натан Лейтес, базировался в основном на “комплексе латентной гомосексуальности Ленина” Более подробно об этом писалось в немецком журнале “Дер Монат” (за август 1957, стр. 19), который был официальным органом Американской Военной Администрации в Германии. Об этом писал сам главный редактор этого журнала Мельвин Ласки, из левых евреев, тоже один из берлинских приятелей Климова. Об этом писал и зам. глав. ред. НРС Юрий Сречинский.

Прочитав все это, Климов сложил теорию с практикой – и получилась разгадка всей этой загадки. Все дело в том, что на этом Гарвардском проекте, то есть на комплексе латентной педерастии Ленина, базировалась вся американская психологическая война, то есть война психов. Через спец-радио и спец-печать, где насадили спец-мальчиков и спец-девочек, американская пропаганда будоражит советских психов и подбивает их на бунт. А 13-й отдел КГБ, прекрасно зная все это, преспокойно садит этих психов в дурдома.

Надо сказать, что “Легион” – это не только серьезная литература, но и серьезная многолетняя научно-исследовательская работа. Поэтому “Легион” так насыщен историческим и фактическим материалом, что создает впечатление реальности, от которой кружится голова. А некоторых будет даже подташнивать.

Вокруг “Легиона” много всяких загадок. Например, в “Легионе” Климов описывает некий 13-й Отдел КГБ. Казалось бы фантазия, романчик.

Но вот в журнале “Америкен Опиниен” за февраль 1971 года (стр.34-35) сообщается, что Комитет по делам внутренней безопасности американского Сената провел специальное следствие о работе советского КГБ и выпустил документальный отчет, датированный 26 марта 1965 года, где в довершение всего прочего фигурирует также и... 13-й Отдел КГБ! Мы думали, что таинственный 13-й Отдел существует только в фантазии Климова, а теперь американский Сенат официально признает существование 13-го Отдела! Что за чертовщина!?

В качестве свидетеля перед Сенатским Комитетом выступал под присягой бывший подполковник советской разведки Петр Дерябин, который перебежал в Америку и здесь выпустил книгу “Тайный Мир”. В этой книге, вышедшей в Нью-Йорке в 1959 году, Дерябин подробнее перечисляет структуру КГБ – из 12-ти Отделов. Но 13-го Отдела там нет. Почему же 6 лет спустя, выступая перед Сенатским Комитетом в 1965 году, Дерябин вдруг вспомнил про 13-й Отдел КГБ? Опять какая-то загадка!?

Чтобы разрешить эту загадку, я нажал кнопку, вызвал своих агентов и поручил им выяснить это дело. Агенты возвращаются и докладывают: “Так это ж чистый анекдот!”

Оказывается, когда Климов писал свой “Легион”, в числе прочих материалов он просмотрел и книгу Дерябина, где очень аккуратно перечислены все 12 Отделов КГБ, включая и их функции. Опираясь на эту фактическую информацию, Климов добавил свой таинственный 13-й отдел, который “настолько засекречен, что о нем не знают даже работники остальных 12-ти Отделов”.

Климов писал свой “Легион” так же, как ученые-палеонтологи по нескольким найденным косточкам реконструируют весь облик вымершего птеродактиля. Но в конечном итоге этот роман оказался настолько насыщен щекотливым фактическим материалом, что наши эмигрантские редакторы печатать его боялись, но на всякий случай сообщали об этом во всякие хитрые органы, от которых они нередко получали субсидии. Так “Легион” со своим 13-м отделом блуждал по белу свету долгие годы.

Между тем, в западной прессе стали мелькать сообщения, что английская, немецкая и американская разведки совместными усилиями охотятся за каким-то “таинственным 13-м отделом советской тайной полиции”. В этих сообщениях приводилось даже имя начальника этого таинственного 13-го Отдела. Но вся соль в том, что это было слегка искаженное имя начальника 13-го отдела... из романа Климова “Имя мое Легион”. Это имя слегка исказилось при блужданиях “Легиона” между эмигрантскими редакциями и всякими хитрыми органами, и при переводах на иностранные языки.

В конце концов, американская разведка Си-Ай-Эй вызвала Дерябина, который живет в Вашингтоне, и взяла его за бока: “Ты что же это дружок, написал про 12 Отделов КГБ, а про 13-й отдел промолчал? А ну, вспомни, признавайся!”

Затем Дерябина вызвали на допрос в Комитете по делам внутренней безопасности американского Сената, где он “вспомнил” и признался в существовании 13-го Отдела КГБ. Так 13-й Отдел из романа Климова получил официальное признание в американском Сенате!

В литературоведении есть такой специфический термин – литературная мистификация. Например, в свое время Проспер Мериме написал цикл “Песни западных славян”, говоря, что это переводы с фольклора. А на самом деле он высосал их из пальца. Но эти песни были настолько хороши, что на эту мистификацию попался даже наш Пушкин, который перевел этот цикл с французского на русский, вовсе не подозревая, что это лишь фантазия Мериме.

Вот так же получилось и с американским Сенатом, который официально призвал 13-й отдел КГБ, который родился... под пером Климова.

Вот я открываю “Новое Русское Слово” от 4.6.1970, где огромный подвал под названием “Советские документы – о специальных психиатрических больницах”. Пишет это советский генерал псих-войны П.Г. Григоренко, который сам несколько раз сидел в этих богоугодных заведениях, которые он называет дурдомами. Итак, автор довольно авторитетный и сведения, так сказать из первоисточника.

Генерал-дурдомщик пишет следующее: “...я сам неоднократно видел заведующего отделением, где я проходил экспертизу, проф. Лунц, приходящим на работу в форме полковника КГБ и других врачей этого института”.

Батюшки-светы, так ведь это же в точности Институт НИИ-13 из “Легиона”, где орудут профессора в белых халатах, из под которых, как хвост у черта, выглядывает форма КГБ!?

В следующем номере НРС (от 6.6.1970) генерал-дурдомщик Григоренко сообщает новые подробности с фронта псих-войны: “Освидетельствование производилось так: Не болели ли ваши родители?.. Вы единственный сын в семье?.. Не стремились ли быть вожаком?..”

То есть психиатры проверяют семейное дерево, прощупывают насчет дегенерации, и ищут больной “комплекс власти”, тот самый “комплекс Ленина”, на котором базировался Гарвардский проект.

В своих сводках с фронта псих-войны псих-генерал Григоренко точно указывает, что в СССР гарвардских “ленинцев” стали сажать в дурдома, начиная с 12 марта 1964 года. А изобретатель 13-го отдела Климов начал печатать свои теории и концепции гораздо раньше – уже в 1958 году. Правда, потом НТС-овские “Грани” опомнились, что подливают тот сук, на котором сами же и сидят, – и перестали печатать опасные для них писания Климова.

Исходя из всего этого, вполне возможно, что КГБ так же воспользовались рецептурой из его “Князь мира сего”, как в свое время Сталин пользовался рецептурой “Князя” Макиавелли. Ничего особенного в этом нет. Ведь одним из отцов научной криминологии был писатель Конан Дойл со своим Шерлоком Холмсом и его дедуктивным методом.

Некоторые легионеры уверяют, что если Григоренко генерал, то это значит, что он не псих. Ничего это не значит. Американцы, когда надо, не только генерала, но даже целого военного министра – Форрестала – в сумасшедший дом засунули.

Когда начальник Си-Ай-Эй Аллен Даллес сидел в Вашингтоне и командовал псих-войной, его родной сын преспокойно сидел в сумасшедшем доме. А профессор

Ломброзо по этому поводу говорит, что “по мнению большинства ученых, **ПОМЕШАТЕЛЬСТВО В 90 СЛУЧАЯХ ИЗ 100 – ЭТО РЕЗУЛЬТАТ НАСЛЕДСТВЕННОСТИ**”.

Но не будем придираться к папе Даллесу. Когда президент Кеннеди сидел в Белом Доме и игрался с атомной войной, его сестра Розмари уже 20 лет сидела в желтом доме. А теперь нас утешают, что следующим кандидатом в президенты будет Тедди Кеннеди. Поэтому некоторые пессимисты говорят, что Белый Дом пора переписать в желтый цвет.

Когда-то в “Крыльях холопа” Климов писал о себе, как о сталинском волченке, который, вырвавшись на свободу, задрал голову к звездам и поет свою волчью песню. Теперь же, в “Князе мира сего” и “Имя мое легион”, это песнь седого матерого волка. И песнь эта такая, что многие ее испугались.

Наши легионеры в литературе, в большинстве левенькие, шарахнулись от “Князя” и “Легиона”, как нечистая сила от крестного знамения. Поэтому, неожиданно-негаданно, Климов вдруг очутился на правом фланге литературы. Если раньше о правых говорили, как о белых зубрах, то теперь на смену им пришел красный зубр. Но даже и белые зубры боятся повторить то, что пишет Климов. Это не говоря о кантовщиках, что кантуются в “КАНтиненте”. Но почему это такая паника? А вот почему:

Философ Кьеркегор, отец философии экзистенциализма, то есть декаденции в литературе, пишет, что в наше время дьявол дегенерации поселился в печатной краске. А Кьеркегор – горбун, гомосексуалист и довольно честный еврей из выкрестов – это дело знал довольно хорошо, на собственном опыте.

Известный английский писатель Чарлз Сноу, крупный ученый-физик, лорд, пэр и член британского парламента, величина покруней нашего академика-диссидента Сахарова-Сахаревича, говорит о своих собратьях по перу, что “9 искателей из 10 – политически порочны”, и что, не оказывая писатели столь дурного влияния на политическую жизнь народов, “мир, пожалуй, не знал бы Аушвица”.

Ученый и честный лорд Чарлз Сноу только уточняет то самое, что говорит философ-педрик Кьеркегор. В 13-ом Отделе считают, что 75% литераторов – это кинсианцы. Надо сказать, что это все еще очень либерально. А вот лорд Сноу, подсчитал, что “9 из 10”, то есть 90%.

Княгиня пресса, подруга князя мира сего, очень не любит, когда этого князя дергают за хвост. Поэтому вполне естественно, что о книгах Климова в нашей прессе будет свробовое молчание – или лживая ругань. Легионеры похитрей будут отмалчиваться. А легионеры поглупей будут врать и ругаться – вот по этому самому вы их и узнаете.

Хорошим примером последнего является рецензия на книгу Климова “Дело №69” (см. “Новое Русское Слово” от 20.4.1975) поэта Валерия Перелешина (псевдоним), который частенько пописывает в НРС под своей настоящей фамилией Салатко-Петрище, Валерий Францевич. Но этот поэт, неудавшийся монах и расстриженный священник, потом сидел год в тюрьме – за педерастию! – на о. Самар на Филиппинах (поймали в бане с китайчонком!) И потом за это самое за педерастию! – бедный поэт был депортирован в США и теперь работает в Рио-де-Жанейро, о котором когда-то мечтал Остап Бендер. Уж вы меня извините, Валерий Хренцевич, но 13-й Отдел шутить не любит.

По этому же пути озлобленной лжи о книгах Климова пошел в парижской “Русской Мысли” (от 8.2.1973) некий рецензент, спрятавшийся за сокращением “...Ский”. Но из 13-го Отдела сообщают, что это шмок-февралист С. Рафальский, который тоже частенько печатается в НРС. Х-м, почему это февралист С. Рафальский вдруг проявляет такое странное родство душ с педриком Перелешиним?

Редактором “Русской Мысли” является бесплодная шмоковница Зинаида Шаховская-Аховская. Но из 13-го Отдела сообщают, что в молодости эта мадамочка почему-то печаталась под мужским (!) псевдонимом Жак Круазе!? Х-м... Вот таким-то путем и получают эти “9 из 10”.

Поэтому напомним то, что писала о Климове и его “Крыльях Хлопа” международная пресса до того, как он нарушил табу, насчет сатаны и антихриста:

Правящий Бургомистр Западного Берлина профессор Ройтер (полуеврей) в предисловии к немецкому изданию книги пишет: “Все те, кому дорого будущее Запада, должны были бы изучать очень богатый опыт и наблюдения Климова... Чрезвычайная сила воли и подлинная любовь к правде”.

Нью-йоркский издатель этой книги Прагер (еврей) пишет на суперобложке: “Автора... считают наиболее блестящим и наилучше информированным среди русских, которые ушли на Запад. Помимо того, что он наблюдатель, обладающий поразительной пронизательностью, и блестящий писатель огромной творческой и описательной силы”.

Это крупнейшее в США политическое издательство, которое субсидируется из Вашингтона. Поэтому некоторые пронизательные наблюдатели считают, что в данном случае, голос издательства – это голос правительства США.

“Книга Климова уникальна и заслуживает внимания всех... Наши дипломаты, планировщики нашей психологической войны, наши профессора и люди нашей прессы (и даже комментаторы) могут поучиться многому из этой саги советского человека... Климов, хотя и инженер по профессии, является превосходным писателем, у которого проза переходит в поэзию” (“Америка”, главный католический журнал США, 31.10.1953).

“Григорий Климов, человек, обладающий способностью читать мысли других людей... Лучшие мозги среди послевоенных эмигрантов” (“Сатурдэй Ивнинг Пост”, США, 6.6.1953).

Надо сказать, что все эти блестящие отзывы – и на столь высоком уровне – еще в большей мере относятся к роману “Имя мое Легион”. Но... от “Легиона” в испуге шарахнулась вся наша зарубежная пресса. И то же самое с иностранными издательствами. Почему? Да потому что нарушено табу насчет сатаны и антихриста, которые не любят, когда их дергают за хвост.

Некоторым будет интересна дальнейшая судьба героев “Легиона”. Ну, например, возьмем чародея Сося Гирульда. после того, как он был комиссаром у Климова, этот чародей, как всегда за кулисами, руководил издательством ЦОПЭ, где выходил толстый альманах “Мосты”, предназначавшийся для подброски путешествующим за границей советским туристам, артистам и кагэбистам.

Пример литературы из “Мостов”: “...людоед у джентльмена неприличное отгрыз” (“Мосты” 1. стр.207). Видите, в полном соответствии с воплем Сола Женицкера “А хрен тебе в рот”.

В “Новом русском слове” от 24.5.1959 С. Рафальский назвал пропаганду, подобную “Мостам”, просто “эксcrementами больной обезьяны”. Это та самая обезьяна Господа бога, которую называют дьяволом. Затем, говоря о русском народе, С. Рафальский пишет: “...он здоров, молод. Какой смысл вливать в его жилы трупный яд...?” Рафальский понял, что “Мосты” – это специальное препарированное ядовитое творчество дегенератов – трупный яд рода человеческого. Теперь место “Мостов” занял журнал “КАНТинент”.

Затем Мюнхенское ЦОПЭ закрылось, а чародей Сося Гирульд перекочевал в Вашингтон, где он подобным же образом был закулисным комиссаром в издатель-

стве “Международное Литературное Содружество”, которое, как обычно, финансировалось из неизвестных источников, то есть хитрыми органами Си-Ай-Эй.

В “Поднятой целине” Шолохова есть эпизод, как цыгане взяли старую полудухлую кобылу, вставили ей в зад камышинку и давай всем табором надувать эту клячу воздухом. Надули, заткнули ей зад кочерыжкой от кукурузы – и продали ее деду Щукарю как молодого арабского жеребца.

Подобным образом чародей Гирульд и его собратья по труду, прохв. Глеб Струве и Борис Филлипов-Филлистинский, надували дохлую кобылу декаденции, то есть дегенерации в литературе, выдавая это за “запрещенные произведения советских писателей”.

Потом и эта лавочка закрылась, а соответствующие фонды Си-Ай-Эй передали парижской ИМКЕ, которая уже давно считается масонским предприятием. Одновременно Бердяевской ИМКЕ передали Сола Женицера, который до этого печатался в НТС-СТН. Таким образом чародей Сося Гирульд, бывший комиссар Климова при ЦОПЭ, теперь сидит комиссаром за спиной Сола Женицера при ИМКЕ.

Кстати, всю 2-ю Мировую войну еврей Сося Гирульд преспокойно работал в отделе пропаганды Гитлеровского СД, то есть Гестапо, а теперь, столь же успешно процветает в Си-Ай-Эй. Типчик довольно скользкий. Но Сося всегда маскируется под чужими именами, и чтобы узнать его, нужно задрать у него рубашку: тогда вы увидите у него на левом боку огромное черное пятно – печать дьявола. Печать довольно солидная – величиной с самовар.

Вы думали, что это шуточки – про печать дьявола? Не-е-ет, 13-й Отдел шутить не любит.

Бердяевскую ИМКУ называют масонской. Сам Бердяев-Бердичевский был женат на еврейке. Сол Женицер – полуеврей, мемзер. А комиссар Сося Гирульд – еврей. Вот потому-то и говорят, что **МАСОНСТВО – ВСЕГДА ЖИДО-МАСОНСТВО**. Сам Бердяев называл это союзом сатаны и антихриста. А ведь Бердяева называют лучшим русским философом 20-го века, и евреи очень любят Бердяева.

А Климов просто идет по стопам Бердяева и ставит точки над “i”. Чего уж там стесняться в наше грешное время, когда над нами повисла атомная бомба. Ведь все это прекрасно знают. Все “хитрые органы” – и советские, и американские. Не знают этого только нормальные люди, на деньги которых (налоги) и от имени которых все это делается.

Подобная же история и с другими героями “Легиона”. Климов просто заставил их прогуляться в Москву (кого интересует роман из эмигрантской жизни?), а потом честно вернул их на свои места – На Радио “Свобода”, Радио “Голос Америки”, НТС-СТН и т. д. Ничего особенного в этом нет. Ведь когда Достоевский писал свой роман “Бесы”, то пописывал всех этих бесов из жизни. Ну, вот и Климов списал всю свою нечисть, ведьм и ведьмаков, чудиков и чудаков, оборотней и недоделок, шикс и мемзеров, шабес-гоев и просто гоев, тоже из жизни. Нужно только знать арифметику доктор Кинси: 37% – 50% – 75%.

“Дом Чудес”, который описывает Климов, это явление типичное. Такими “доми чудес” являются все пропагандные лавочки западной псих-войны, где крестным отцом является Гарвардский проект со своим комплексом латентной полупедерастии полуеврея-мемзера Ленина. Например, таким “домом чудес” было и наше “Чеховское издательство”, которым управляла марксистская шикса Вера Александрова (хромоножка!), жена известного меньшевика Соломона Шварца, каковую парочку вытурили из СССР в 1922 году вместе с чертоискателем Бердяевым. Это были предтечи наших теперешних диссидентов-дурдомщиков.

Теперь из отдела спецпроектов “Американского комитета” отпочковался еще один “дом чудес” – издательство Бедфорд, которое знающие люди называют “Фак-Форд”. Это модный американский неологизм. Командует этим домом чудес “Фак-Форд” какая-то еврейка, а вице-президентом там некая полукровка-мемзериха с носом, как паяльник, которая настолько глупа, что в русских кругах ее называют Дуся-Дурочка. Зато мемзериха Дуся-Дурочка, как вице-президент, как важная персона, летает в Лондон, Париж и Рим и обрабатывает там новоприбывших советских диссидентов-дурдомщиков. Скажи мне, кто твой друг – и я скажу, кто ты.

Из этого же комбината псих-войны отпочковался и еще один “дом чудес” – издательство имени Герцена, о котором знающие люди говорят – не Герцена, а Херцена. Это издательство Херцена тоже служит для поддержки штанов советских дурдомщиков, дурнаследов и дурноплясов.

Не нашли для опасения матушки России ничего лучшего, чем полукровку-мемзера Герцена, который (согласно комплексу мемзера Ленина) натягивал спереди и сзади своего дружка Огарева, а потом, сидя в Лондоне, печатал во время Крымской войны воззвания, где призывал героических защитников Севастополя переходить на сторону врага. Хер цена таким спасителям России – и бывшим и теперешним!

Потому философы и говорят, что дьявол дегенерации опасен только тогда, когда вы его не видите. А когда вы его увидите, он становится смешным и жалким. Ведь при ближайшем рассмотрении это просто кодро дегенератиков, выродков, х-сосов и п-лизов.

Потому-то философы и говорят, что дьявол – это самое насмешливое, язвительное и ироническое существо на свете. Но сам он очень щекотлив и терпеть не может иронии и насмешек. Давайте попробуем и пощечочем этого дьявола.

Ну, вот например, Американская псих-война, базированная на “комплексе Ленина”, началась в 1949 году, и весь этот комбинат псих-войны, судя по газетам, стоил американскому налогоплательщику больше 50 миллионов долларов в год. За истекшие 25 лет это составляет больше миллиарда долларов. В результате при помощи “комплекса Ленина”, замутили головы нескольким десяткам “ленинцев”, которых в СССР сначала садили в дурдома, а потом выбрасывали за границу.

И мне хочется задать изобретателю “комплекса Ленина”, гарвардскому мудрецу профессору Натану Лейтесу следующий логический вопрос: во сколько миллионов долларов американским налогоплательщикам (в том числе и мне) каждый советский “ленинец”, обладающий комплексом латентной педерастии Ленина, то есть, говоря по-русски, просто х-сос или п-лиз, которого в конечном итоге выбросили на нашу голову???

Видите, как все это весело, если смотреть на мир сквозь призму соцмодернизма! Гарвардский мудрец Натан Лейтес, как некогда мудрый раввин Леви, лепил нового Голема. Но похоже на то, что дьявол и здесь заплатил профессору Натану Лейтесу разбитыми черепками.

* * *

Если бы в 1943 году Климова не призвали в армию из аспирантуры Московского Энергетического Института, то сегодня он, по всей вероятности, был бы доктором технических наук и профессором электротехники.

Вместо этого Климов стал сегодня профессором сатановедения, доктором черной социологии, создателем НИИ-13, который теперь заменяет институт красной профессуры, идеологом диалектического христианства и изобретателем советской святейшей инквизиции – 13-го отдела КГБ. А вместо набившего всем оскомину социализма, Климов изобрел веселенький соцмодернизм.

Говорят, что все большие открытия начинаются с чепухи. Так Ньютон якобы открыл закон всемирного тяготения, когда он всхрапнул под яблоней, и ему на голову свалилось яблоко. Так вот и с Климовым. Однажды, когда он был президентом дома чудес ЦОПЭ, вечером он выпивал с князем Горемыкиным, секретарем чародея Гирульда, который был у него комиссаром от Си-Ай-Эй. И случайно Климов, чтобы заправить рубашку, расстегнул штаны. А князь Горемыкин, немножко перепившись, вдруг упал на колени и просит пососать. Что пососать? Ну, читатель уж, вероятно, достаточно хорошо знает черную социологию. Так что не будем повторяться.

Климов безжалостно задернул молнию на штанах. А князь Горемыкин вежливо извинился, что с пьяных глаз перепутал Климова со своим мишьоном – чародеем Гирульдом. Согласно американским законам, запрещающих держать педриков в разведке, Климов порекомендовал куда надо, чтобы комиссара Гирульда убрали. Вот с этого-то у Климова и начались “политические” расхождения с ЦОПЭ (которое потом называли Центральное Объединение ПЭдерастов им. Гирульда), с Си-Ай-Эй, НТС-СТН и большей частью нашей прессы. А шмок Гирульд, бывший комиссар Климова, сегодня функционирует в качестве комиссара при масонской ИМКЕ и Соле Женицкере.

Все это конечно чепуха. Но вот из этой-то чепухи и родилось все остальное: “Князь мира сего”, “Имя мое Легион”, черная социология, диалектическое христианство, соцмодернизм (некоторые произносят СОСмодернизм), 13-й Отдел КГБ, спецпроект “Голем”, то есть дурдома, и спецпроект “Агасфер”, то есть 3-я эмиграция из СССР.

Так Климов стал профессором сатановедения. В точности как говорил пророк Иеремия: “И если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста” (Иерем 15:19).

Правда, чтобы быть объективным, нужно признать, что всему этому немножко помогла и ведьма Нина “фон” Миллер, тоже мемзериха, которая теперь, наделав кучу бесенят, опять отстукивает трели на машинке в “Голосе Атлантиды” в Вашингтоне. Вы найдете ее там по вырезанной печати дьявола на подбородке. Муж у нее тоже мемзер. И детки мемзерчата.

А папеле Миллер, бывший Гоняло-Мученик, по прежнему маскируется под монархиста и усердно печатается в “Новом Русском Слове”. Он даже был заводилой в создании “Конгресса Русских Американцев” (вернее, евриканцев), который служит, в основном, для поддержки штанов советских дурдомщиков, дурнаследов, дуруплясов – и 3-й эмиграции из СССР.

Некоторых читателей “Легиона” может заинтересовать такой вопрос: “Ну, а как же насчет таких героев, как кукушкины яйца князя Шаховского: знаменитая чекистка княжна Шаховская-Сибирская и ее прославленный братец, колченогий князь Шаховский-Сибирский?” Где они? Может быть, тоже кантуются в КАНТиненте?”

Но здесь такая чертовщина, что этому трудно поверить. Сначала Климов это выдумал, просто фантазия писателя-бумагомарателя. Но потом оказалось... что это правда! И Климов оказался в положении вещего колдуна. Говорят, что даже сам профессор сатановедения Климов так удивился, что перекрестился и плюнул через левое плечо.

Дело было так. Профессор Ломброзо говорит, что все настоящие испанские гранды давным-давно выродились, дегенерировались. То же самое относится и к старой родовой аристократии всех стран: английским лордам, французским маркизам или русским столбовым дворянам от Рюриковичей. Вот Климов и взял наугад имя одного из таких Рюриковичей – князей Шаховских. Так появились кукушкины яйца князя Шаховского.

Когда “Легион” был закончен, один из агентов 13-го Отдела (то есть один из читателей Климова), ничего не зная о кукушкиных яйцах князя Шаховского, присылает

Климову интересный фотостат. Просто так, для коллекции. Это фотостат из сухой технической книги “Факты и подвиги в воздухе” Френсиса Масона. И там такой интересный факт: “Первая русская женщина-военный летчик (и, вероятно, первая в мире) – княжна Евгения Михайловна Шаховская. Получив диплом летчика в Иоганнестале, Германия, 16 августа 1911 года, княжна Шаховская в начале 1-й Мировой войны подала прошение царю, чтобы служить военным летчиком. В ноябре 1914 года она была назначена в 1-й военно-воздушный дивизион в качестве летчика-наблюдателя”.

Все это очень хорошо. Но внизу страницы такое примечание: “Княжна Шаховская пережила не только войну, но и революцию. После этого она даже служила в Чека в Киеве в должности ГЛАВНОГО ПАЛАЧА – необычайное занятие для молодой дамы знатного происхождения”.

Княжна Шаховская – ГЛАВНЫЙ ПАЛАЧ киевского Чека! А теперь напомним, что делалось в то время в Киевском Чека. Вот выдержка из книги известного историка С.П. Мельгунова “Красный террор в России”. “Весь цементный пол большого гаража (камера смерти киевского Чека) был залит кровью. Кровь уже не текла, а застыла слоем в несколько вершков: это была ужасная смесь крови, мозгов, осколков черепов, обрывков волос, и других человеческих останков. Все стены, изрешеченные тысячами пуль, были забрызганы кровью и облеплены ошметками мозгов и черепов”.

“... У некоторых трупов были взрезаны животы, у других – отрублены конечности, некоторые были буквально изрублены на куски. У некоторых трупов были выколота глаза, а голова, лицо, шея и грудь были покрыты глубокими ранами... У некоторых были отрезаны языки”.

Вот она – сатанинская работа ГЛАВНОГО ПАЛАЧА киевского Чека княжны Евгении Михайловны Шаховской! Но у нас в эмиграции процветают ее родичи: князь Шаховской – автокефальный архиепископ Иоанн Сан-Францисский (теперь член редколлегии журнала “КАНТинент”) и его любезная сестрица – и бесплодная шмоковница – княжна Зинаида Алексеевна Шаховская, она же Жак (?) Круазе, редактор парижской газеты “Русская Мысль”, которая тоже кантуется в журнале “КАНТинент”, где сообщается, что “Россия – сука!” Но тогда это означает, что это... сукины дети?!

Интересно, что было бы, если бы эти братец и сестрица Шаховские в свое время попали бы в лапы их родственницы – ГЛАВНОГО ПАЛАЧА киевского Чека? Порубила бы их на куски, как других людей, или устроила бы им визу за границу?

И еще интересно, что могут сказать о своей родственнице Иоанн Сан-Францисский и редактор “Русской Мысли”? Кто это – их тетушка? Кузина? Или... или... это кукушкины яйца князя Шаховского? Или они предпочтут молчать, несмотря на то, что к их услугам имеется “КАНТинент” и “Русская Мысль”?

Пока же любезные братец и сестрица Иоанн и Зинаида Шаховские всячески восхваляют советских диссидентов, большинство из которых – явные дегенераты. Такие же выродки, как и их родственница из киевского Чека. Видите, как работает эта чертова карусель? Главный редактор “КАНТинента” В. Максимов уже в возрасте 16 лет был официально признан “невменяемым”, то есть сумасшедшим!

Философы уверяют, что дьявол – это самое саркастическое и ироническое существо на свете. Прямо как Чарли Чаплин. Но кроме того, дьявол еще и страшный путаник. И вот вам пример. Некоторым может показаться, что писания Климова пахивают антисемитизмом. А теперь посмотрим, так это или нет.

Ведь все сотрудники и коллеги профессора сатановедения Климова – это сплошь крупные еврейские ученые. Знаменитый еврейский профессор Ломброзо – отец научной дегенерологии и криминологии. Еще более знаменитый еврейский доктор Фрейд – изобретатель психоанализа и ротового эротизма. Отец философии экзистенциализма, то есть дегенерации в философии и литературе, философ Кьер-

кегор – тоже из евреев. А в области декаденции в литературе советником Климова является известный еврейский доктор Нордау-Зюдфельд, который после Теодора Герцля был вождем сионизма номер 2. Гарвардский мудрец Натан Лейтес, коллега Климова по Гарвардскому проекту и изобретатель “комплекса Ленина” тоже еврей. Тут же и знаменитый шабес-гой Бердяев-Бердичевский, дофилософствовавший до того, что сталинские концлагеря – это де свобода нового типа.

В таком окружении Климов сидит прямо как председатель совета сионских мудрецов. И он их всех только анализирует, систематизирует и дополняет. Делает, так сказать, конструктивные выводы.

О том, что еврей Пастернак педрик, Климов узнал из еврейского “Русского Слова”. И тайну Гарвардского проекта тоже из НРС. То что Сталин, по-видимому, грузинский полуеврей-полумемзер, открыто пишет известный еврей Беседовский, что Климов подробно анализирует в главе “Вторая Жизнь”. Кстати, редактор НРС А Седых-Цвибак пишет, что в 1974 году 37% всех эмигрировавших из СССР в Израиль евреев – грузинские евреи. Про еврейскую кровь у мемзера Ленина и Берия-Бермана, У Гитлера и Гимmlера, у Гейдриха и т. д. пишут, как правило, вовсе не антисемиты, а сами же евреи, причем серьезные евреи (смотри “Библиографию” в конце книги). А профессор сатановедения Климов все это только систематизирует. Нужно только иметь аналитический ум – голову, как компьютер.

Какой же тут может быть антисемитизм? Еврейский антисемитизм? Скорее можно допустить, что Климов, как председатель совета сионских мудрецов, делает выводы, полезные для сионистов: что единственный для евреев выход из исторического тупика – это ехать в Израиль.

Но это еще не все. поскольку евреи, в принципе, это помесь из всех тех стран, где евреи болтались четыре тысячи лет и, в результате стали безродными космополитами, марсианами, то, чтобы опять стать настоящими евреями, семитами, им нужно не только поехать в Израиль, но еще и жениться на семитках, то есть на арабках. А не заниматься такими фигеле-мигеле, как Сол Женицкер. Вот тогда-то, когда евреи станут настоящими семитами, тогда и прекратится всякий антисемитизм.

Итак, логически получается, что Климов вовсе не антисемит, а как раз наоборот – председатель совета сионских мудрецов и сам почти сионист. Почти как тот Мессия, которого евреи ждут, чтобы он вернул их в Израиль. Правда, некоторые люди, прочитав про НИИ-13, считают, что Климов по совместительству также и председатель союза советских мудрецов. Вот потому-то философы и говорят, что дьявол не только большой комик, но и страшный путаник.

О спецпроекте “Агасфер” и 3-й эмиграции из СССР. Что это – эмиграция, или замаскированное и селективное изгнание евреев из СССР? Вспомним, как в середине 60-х годов евреи устроили в Польше очередную “диссиденцию”, в основном среди студентов университетов и в прессе. Тогда, хотя князь Польши Гомулка был женат на еврейке (президент Охоб тоже!), всех евреев посылмали с руководящих постов и выставили из Польши за границу. Затем, тихо и без шума, почти все евреи выехали из Польши за границу. Как анекдот, даже еврейская жена Гомулки развелась со своим мужем и тоже эмигрировала за границу. Сегодня в Польше, где когда-то был наибольший процент евреев в мире, осталось только 17 тысяч евреев, то есть практически ноль.

Тот же процесс прошел и в других странах коммунистической Восточной Европы. А теперь это же потихонечку делают и в СССР: частично и селективно, хороших евреев мы пока оставим себе, а плохих выбросим за границу. Чем черт не шутит, может быть, вскоре и еврейская жена Брежнева тоже, как жена Гомулки, разведется со своим мужем и присоединится к “3-ей эмиграции”, к Светлане Сталиной-Аллилуе-

вой, Павлу Литвинову-Финкельштейну и прочим перманентным революционерам. В общем, чертова карусель.

Кстати, о том, что жена Брежнева еврейка, пишут опять-таки вовсе не антисемиты, а сами семиты – “Канадские еврейские новости” от 13 ноября 1964 года. Одновременно евреи галдят об антисемитизме в СССР.

Заканчивая, мне хочется подчеркнуть самое существенное в книге “Имя мое Легион”. Помните, что **ИМЯ ИМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО – ЛЕГИОН!** И особенно нужно помнить об этом легионе при вступлении в брак. Если вы молодой человек (конечно, если вы нормальный) и ищете идеальную невесту (конечно интеллигентную барышню из хорошей семьи), то помните, что добрая половина ваших потенциальных невест – это кинсианки, марсианки, и так далее, которые не принесут вам ничего, кроме горя и несчастья.

Это невидимая причина большинства несчастных браков, мучительных разводов, дефективных детей и загадочных болезней в семье, где вы до самой смерти не разберетесь, отчего это и почему. А потом оказывается, что ваша теща – самая настоящая ведьма. А ваша жена – грешная святая или святая грешница. **В ЭТОМ ТО И ЗАКЛЮЧАЕТСЯ НАСТОЯЩИЙ “ГРЕХ ЕВЫ”.**

Это легион доктора Кинси (37% – 50% – 75%). Это легион с дурной наследственностью (неологизм – дурнаследы) и нечистой совестью (старологизм – нечисть), которые в этом никогда не признаются. Как же их узнать? Почитайте “Легион” еще разок – более внимательно. А потом давайте его читать вашим друзьям, знакомым и невестам (или женихам) – и смотрите за реакцией. Только держите глаза и уши открытыми, а рот закрытым. Иначе переругаетесь с доброй половиной ваших знакомых.

Так вы узнаете всех людей с нечистой совестью в вашем окружении. Так “Легион” будет охранять вас от нечистой силы, как магический талисман. От порчи и дурного глаза. От злой жены. От тещи-ведьмы. от дурных друзей. и от многого другого.

При помощи “Легиона” вы приобретете настоящую мудрость, даже не побывав в ослиной шкуре. Вы будете видеть людей насквозь, и даже глубже. Одно только в этом плохо – иногда вам будет немножко тошно глядеть на окружающий мир. Зато вы поймете, что жизнь – это вечная борьба между Богом и Дьяволом. только Господь Бог высоко – на небе, а дьявол на земле – между нами.

Поэтому ходите – и оглядывайтесь. И учитывайте, что грань между Богом и дьяволом – это величина не биологическая – а духовная. Тогда вы увидите не только грешников, но и праведников, и даже самых настоящих святых. и тогда, с Божьей помощью, вам будет легче жить на свете.

Если кто заметит, что в “Легионе” есть повторения, то это вполне естественно. Ведь Климов не просто пишет, но еще и учит – высшей социологии и диалектическому христианству. А повторение – мать учения. Ведь и Евангелия тоже повторяются четыре раза. И уже две тысячи лет. А люди все равно грешат...

Вот в этом-то и заключается основная цель “Легиона” – открыть людям глаза на то, чего они не видят. Чтобы они не ходили по жизни вслепую.

*Профессор социальной психологии
Вудхейвенского университета
д-р Б. В. Сахарова.*

3 октября 1975 г.